

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
EUROPIAN HERITAGE FOUNDATION

STUDIES
IN MEDIEVAL AND EARLY
AND MODERN SOCIAL HISTORY
AND CULTURE

Published since 1996

Volume 11

Edited by *G. E. Lebedeva*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФОНД «ЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ

Издаётся с 1996 года

Выпуск 11
Межвузовский сборник

Под редакцией *Г. Е. Лебедевой*

S.-Petersburg
2014

Санкт-Петербург
2014

УДК 94(100):008
ББК 63.3(0)4/41
П78

Редакция сборника: Г. Е. Лебедева (отв. редактор),
А. Ю. Прокопьев, С. Е. Федоров, В. А. Якубский,
Е. А. Мехамадиев (отв. секретарь)

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета

П78 Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 11. — СПб., 2014. — 232 с.

В оформлении обложки использованы репродукции:
«Фердинанд II» — император Фердинанд II с карликом
(Йозеф Хайнц Старший, 1564–1609, Музей истории и искусства, Вена);
Курфюрст Август I Саксонский
(Лукас Кранах Младший, 1515–1586, Музей истории и искусства, Вена)

УДК 94(430).03; ББК 63.3(0)4 (4Гем)

А. Ю. Прокопьев

КАК СОХРАНИТЬ ЕДИНСТВО? О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ВЕК РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА

Аугсбургский мир 1555 г. не только положил конец острой фазе противостояния религиозно-сословных партий, но и позволил восстановить базовые структуры управления Империей. Кажется справедливым рассматривать акты 1555 г. именно реставрацией — конечно же, с корректировками — земского мира 1495 г., провозглашенного Максимилианом на Вормском рейхстаге. За исключением блока религиозных вопросов, прочие аспекты соответствовали общему духу имперской организации в той форме, в какой она сложилась в первой половине XVI в. Но более того, даже Вестфальские статьи 1648 г., обычно считающиеся рубежом не только немецкой, но и общеевропейской истории, выглядели в своей немецкой части (Оsnабрюкский пакт) лишь измененными положениями 1555 г. Впервые на это обратили внимание представители школы Фолькера Пресса, главным образом Георг Шмидт¹. Аксель Готтхард вообще решительно отрицает какие-либо признаки революционного скачка в переустройстве 1648 г. Представление о рождении так называемого «территориального суверенитета» и как следствие — распада всей имперской организации на молекулы «почти самостоятельных государств» все больше кажется натяжкой историков-государственников двух минувших столетий. Императоры сохранили права высших суверенов, была восстановлена работа общеимперских учреждений, вновь была воспроизведена двухярусная модель «корона — сословия», дожившая вплоть до наполеоновских войн².

¹ Schmidt G. 1) Der Westfälische Frieden — eine neue Ordnung für das Alte Reich? // Wendemarken in der deutschen Verfassungsgeschichte/ Hrsg. von R. Mußgnug. Berlin, 1993. S. 45–83; 2) Geschichte des alten Reiches. Staat und Nation 1495–1806. München, 1999. S. 180–186; 3) Der Westfälische Frieden — eine neue Ordnung für das Alte Reich? // Wendemarken in der deutschen Verfassungsgeschichte/ Hrsg. von R. Mußgnug. Berlin, 1993. S. 45–83.

² Gotthard A. Das Alte Reich 1495–1806. Darmstadt, 2006. S. 96–107, особ.: S. 106–107.
© А. Ю. Прокопьев, 2014

Значит ли, что у кризиса рубежа XVI–XVII в. не было иной альтернативы, кроме как разрешиться в уже сложившихся имперских структурах? Значит ли, что у враждебных религиозных партий отсутствовали программы «внеимперского» преодоления противоречий? Кропотливые изыскания последних лет дают скорее утвердительный ответ. Конфессионализация, становление новых Церквей и новых религиозно-культурных обществ, казалось бы, взламывавших внутреннее единство, отнюдь не отрицали ценности системы, вековых опорных пунктов. И лютеранская доктрина, и вытекавшее из неё то, что мы бы сегодня назвали «политической этикой», и даже учение немецких кальвинистов при всем, какказалось тогда, сектантском радикализме, не ставили под сомнение основы Империи.

С момента победы последователей Кальвина в Пфальце, через Аугсбургский рейхстаг 1566 г., фактически легализовавший новое учение, вплоть до начала XVII в. мы видим постоянные попытки приспособиться к имперским структурам. И даже Иоганн Альтузий, главный теоретик власти в лагере реформатов не пожелал развить свою ветхозаветную модель до программы переворота, разрушавшего семью имперских сословий. Немецкий кальвинизм был обречен существовать в Империи, принимая общие правила игры³. Отсутствие альтернативы было доказано будущим: как только Пфальц в 1619 г. захотел выйти за пределы системы, немедленно последовал удар, стоивший Фридриху V изгнанием, потери богемской короны и крушением лидерства Пфальца на западе Германии.

В свою очередь лютеранская ортодоксия изначально принимала священство Империи данностью, не позволявшей даже мечтать о перевороте, в лучшем случае дозволяя дискутировать о будущем торжестве Евангелия на высотах трона, о грядущей «протестантской Империи», когда большинство князей окажется в лоне истиной веры и изберет себе властителя-единоверца. Политико-правовая доктрина лютеранства постоянно выступала с позиций лояльности престолу⁴. ТERRITORIALНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОРТОДОКСИИ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВЕСЬМА ХАРАКТЕРНОЙ В ЭТОЙ СВЯЗИ. Сложившись как антитеза умеренному Меланхтону в эрнестинских землях Тюрингии с центром в Йене, она не могла ужиться с тамошними властителями. Эрнестинские князья, наследники курфюрста Иоганна Фридриха Великодушного мечтали о реванше и пересмотре итогов Шмалькальденской войны 1546–1547 гг. Ортодоксы не хотели долго поддерживать «ревизионистов» имперской системы. Усиление их позиций в землях Саксонского курфюршества, стоявшего на почве строгой верности пре-

³ Koch E. Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig, 2000. S. 281–282.

⁴ См.: Duchhardt H. Protestantisches Kaisertum und Altes Reich. Wiesbaden, 1977.

столу, выглядело вполне логичным, особенно после 1574 г., когда первым крупным гонениям подверглись сторонники реформатов в Дрездене⁵. Основание ландграфом Людвигом V Гессен-Дармштадским нового университета в Гиссене в 1605 г. стало воистину символичным актом. В разгар нового кризиса, на пороге полного раз渲а рейхстага, является высшая школа, светочи которой будут яростно доказывать не только завещанную нерушимость Империи, но и её монархический фундамент. Готфрид Антоний и его ученик Дитрих Райнкинд стали лучшими представителями лютеранского «имперского патриотизма» в области правоведения⁶.

Бессмысленно отрицать и важность восстановленных в 1555 г. учреждений. Камеральный суд и судебные округа с их громоздким аппаратом и очень сложным механизмом работы внушали надежду на стабильное будущее и до конца века справлялись со своими задачами. Особенно большое значение приобрел рейхстаг в годы правления Максимилиана II: четыре созыва за 12 лет царствования. Всего же за 50 лет от подписания Аугсбургского мира и до 1608 г. рейхстаги собирались 12 раз. Больше половины — 7 созывов приходилось на правление императоров «эпохи мира» — Фердинанда I и Максимилиана II. Консолидация сословий позволяла приступить к обсуждению самого широкого круга проблем, включая проекты создания общеимперской армии, как, например, на рейхстаге в Шпайре в 1570 г. Укреплялись и совещательные инстанции при особых Габсбургов. Появление Тайного придворного совета, организация имперской надворной канцелярии и развитие сложного аппарата управления в наследственных землях создавали задел, пригодившийся в годы Тридцатилетней войны⁷.

⁵ Koch E. 1) Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig, 2000. S. 214–215; 2) Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Im Auftrag der Arbeitsgemeinschaft für Sächsische Kirchengeschichte anlässlich ihres 125-jährigen Bestehens / Hrsg. von H. Junghans. Leipzig, 2005. S. 191–218.

⁶ Общий взгляд на развитие университетской культуры в конфессиональной Германии см.: Schindling A. 1) Schulen und Universitäten im 16. und 17. Jahrhundert. Zehn Thesen zu Bildungsexpansion, Laienbildung und Konfessionalisierung nach der Reformation // Ecclesia militans. Studien zur Konzilien- und Reformationsgeschichte / Hrsg. von W. Brandmüller, H. Immekötter, E. Iserloh. Bd 2. Würzburg, 1988. S. 561–570; 2) Deutsche Universitäten in der Neuzeit: Eine Einführung in ihre Erforschung mit Würdigung der Arbeiten von Peter Baumgart // Universität Würzburg und Wissenschaft in der Neuzeit. Beiträge zur Bildungsgeschichte. Gewidmet P. Baumgart anlässlich seines 65. Geburtstages/Hrsg. von P. Herde, A. Schindling. Würzburg, 1998. S. 15–35. Специально по гиссенскому университету: Schindling A. Universität Gießen als Typus einer Hochschulgründung // Academia Gissensis. Beiträge zur älteren Gießener Universitätsgeschichte / Hrsg. von P. Moraw, V. Press. Marburg, 1982. S. 83–113.

⁷ Общая характеристика с указанием литературы: Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб., 2008. С. 86–96.

Но то были явления самые зримые, заметные для современного историка, привыкшего описывать прошлое языком «государственных институтов» и права, отделяющего духовную составляющую от светской «политико-правовой». Умиротворение Империи, наступившее после 1555 г. едва ли состоялось бы, однако, без основополагающей солидарности всех участников компромисса. Эффективность управленческих структур была предопределена лояльностью к ним сословий, готовностью принять. Именно поэтому Аугсбургский рейхстаг 1555 г. имел важность как коллективное волеизъявление имперских чинов по адресу династии. На нем заявили о себе силы гораздо более давние, нежели восстановленные правительственные и судебные инстанции. Речь идет в первую очередь о сообществе князей, восседавших на первых двух скамьях рейхстага. Как и в позднем средневековье, так и теперь корона была обречена все время иметь дело с верхушкой сословной ассамблеи, с лидерами, чьи семьи давно утвердились в обширных княжествах. Не случайно поворот в сторону переоценки конфессиональной эпохи среди немецких историков последовал в результате «открытия» позднесредневекового наследия в самой Империи. За ширмой политических штампов разглядели старые социальные связи и воззрения⁸.

Саксонские Веттиновы давно уже занимали место главных партнеров престола на имперской арене. Парадокс, но родина Реформации, первая отпавшая от Старой Церкви, оказалась в числе главных опорных точек мирной системы 1555 г. Именно дрезденские курфюрсты, свято хранившие евангелическую веру в своих землях, будут самыми решительными поборниками соглашения с католической династией на всех важнейших отрезках между 1555 г. и началом Тридцатилетней войны.

Как не покажется тривиальным, но схема Петера Морава, поделившего все имперские регионы на т.н. «близкие к Империи» (т. е. к доменам императора) и удаленные от неё, оказывается весьма верной в отношении Саксонии. Чем ближе к имперскому ядру, тем сильнее ощущалось влияние короны, и тем сильнее становилась тенденция к взаимовыгодному компромиссу. Так, например, обстояло дело со Швабией, пестрый феодальный мир которой был всегда тесно связан с Габсбургами. Образование Швабского союза в 1488 г. и герцогская инвеститура графа Бюргембергского Эбергарда Бородатого на Вормском рейхстаге 1495 г. открывали канал для мощнейшего влияния императора. Восшествие Фердинанда на престол Богемии в 1526 г. превращало саксонское курфюршество в ближайшего

⁸ Press V. Das römisch-deutsches Reich — ein politisches System in verfassungs- und sozielgeschichtliches Fragestellung // Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze / Hrsg. von J. Kunsch. Berlin, 1998. S. 18–66.

соседа Габсбургов. Но для Веттинов связь с престолом через географию возникла много раньше возвышения самих Габсбургов. Уже последний Люксембург сильно нуждался в поддержке майссенских маркграфов. Пытаясь вернуть контроль над мягкой Богемией, Сигизмунд даровал в 1423 г. курфюршеское достоинство именно Веттинам в лице маркграфа Фридриха Воинственного, единственного своего надежного союзника, сковывавшего на севере агрессию гуситов. Курфюршеские регалии уже обязывали быть в кругу интересов короны⁹.

Век религиозного раскола, как не парадоксально, лишь последовательно расширит сферу общих региональных интересов. Решающим рубежом стал 1547 г., когда катастрофа в Шмалькальденской войне лишит курфюрста Иоганна Фридриха Великодушного его регалий. Они вместе с правами на герцогство Саксен-Виттенберг — т.е. на собственно курфюршеские земли — были переданы герцогу Морицу из Альбертинской ветви Веттинов, владельцу Майссенской Марки. Побежденные родственники вынуждены были замкнуться в своих западных тюрингских владениях. Берега Эльбы с Дрезденом, Майссеном и Виттенбергом, Рудные Горы, тянущиеся вдоль богемских владений Габсбургов, отныне принадлежали наследникам Морица. Близость имперским доменам стала константой региональной истории. Интересы лютеранских курфюрстов постоянно вращались вокруг сопредельных областей, подконтрольных Габсбургам — Лаузица и Силезии. В этих землях уже давно укоренилось учение Лютера, они обладали многочисленными евангелическими общинами. Участие дрезденских курфюрстов как патронов св. Евангелия в судьбах единоверцев выглядело вполне закономерным. Но религиозная конфронтация никогда не перевешивала согласия с имперской короной. Кульминацией стали события Тридцатилетней войны, когда курфюрст Иоганн Георг I с одобрения короны в 1620–1621 гг. оккупировал земли Лаузица и западной Силезии для защиты от чешских кальвинистов, а в 1635 г. согласно Пражскому миру добился в сущности присоединения маркграфств Верхний и Нижний Лаузиц к наследственным землям¹⁰. Фердинанд II пошел на эти уступки, явно дорожа своим главным союзником в борьбе

⁹ Обзор истории Веттинов и их владений в XIV–XV вв.: Rogge J. Die Wettiner. Aufstieg einer Dynastie im Mittelalter. Stuttgart, 2005. S. 93–184; Groß R. Die Wettiner. Stuttgart, 2007. S. 47–90; Dohrn — van Rossum G. Die Markgrafen von Meissen im 14. Jahrhundert 1291–1423 // Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige. 1089–1918/ Hrsg. von F.-L. Kroll. München, 2007. S. 25–38; Bünz E. Die Kurfürsten von Sachsen bis zur Leipziger Teilung 1423–1485 // Ibid. S. 39–54; о курфюршеской инвеституре 1423: Broesigke I. von. Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meissen und Kurfürst von Sachsen. Düsseldorf, 1938.

¹⁰ Подробнейший обзор политических комбинаций дан в исследовании Ф. Мюллера: Müller F. Kursachsen und der Böhmisches Aufstand 1618–1622. Münster, 1997.

со шведами. Историки XIX в. лишь вскользь касались этих очевидных выигрышей, закрепленных Вестфальским миром: впереди им всегда виделось роковое для Дрездена возвышение Пруссии. Но в середине XVII в. еще мало что говорило в пользу крутого подъема Гогенцоллернов. Иоганн Георг Саксонский мог с полным правом гордиться полученным выигрышем. С тех пор владения дрезденских курфюрстов обрели свои законченные контуры, став настоящим прикрытием для Габсбургов с севера. Саксонский фланг не раз будет выручать императоров позже, в XVIII в., особенно в ходе Семилетней войны¹¹.

В западном секторе общие интересы охватывали центральнонемецкие земли — Франконию и Тюрингию. Весьма показательным здесь стала роль франконского фактора в событиях 1553 г. Мятеж франконского Гогенцоллерна Альбрехта Алкивиада Бранденбург-Кульмбахского, напавшего на земли местных епископов и позже намеривавшегося пробиться на север, дабы зажечь смуту в землях Вельфов, ставила под угрозу не только мир в самой Империи, но и фогтландское пограничье Саксонии. Характерно, что ответный удар последовал от двух главных союзников в борьбе с княжеской вольницей: от Морица и короля Фердинанда. Младший брат императора Карла давно уже был заинтересован в стабильности на границах своего австро-богемского наследства. Для него вопрос пребывания Габсбургов «в Империи» всегда подразумевал конкретные цели, связанные с региональной конъюнктурой. Союз с лютеранским Дрезденом выглядел потому вполне естественным. Именно он лег в основу будущего мира 1555 г. Разгром мятежного маркграфа, оплаченный жизнью саксонского курфюрста в июле 1553, восстанавливал спокойствие в Центральной Германии. На деле был продемонстрирован инструмент защиты земского мира, а в истории альбертинских Веттинов вновь после 1547 г. — тесное партнерство с престолом¹². Показательно, что самые искренние соболезнования по случаю гибели курфюрста последовали именно от Габсбургов¹³.

¹¹ Groß R. Geschichte Sachsens. Leipzig, 2001. S. 150–155.

¹² Литература, посвященная событиям 1552–1553, Морицу и Фердинанду весьма обширна. Укажем лишь на новые исследования: Kohler A. Ferdinand I. 1503–1564. Fürst, König und Kaiser. München, 2003. S. 225–237; Herrmann J. Moritz von Sachsen (1521–1553) Landes-, Reichs- und Friedensfürst. Beucha, 2003; Moritz von Sachsen: ein Reformationsfürst zwischen Territorium und Reich/ Hrsg. von K. Blaschke. Leipzig, 2007; Важнейшим источником является последний том опубликованной корреспонденции Морица Саксонского: Politische Korrespondenz des Herzogs und Kurfürsten Moritz von Sachsen/ Bearb. Von J. Herrmann, G. Wartenberg, Chr. Winter. Bd 6. 2.Mai 1552 — 11. Juli 1553. Berlin, 2006.

¹³ Winter Chr. Kondolenzschreiben auf den Tod des Kurfürsten Moritz von Sachsen // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart, 2007. S. 104.

Вторично франко-тюрингский регион оказался в орбите внимания Дрездена в начале 60-х гг. Восстание франконского рыцаря Вильгельма фон Грумбаха грозило опрокинуть хрупкое равновесие в регионе и спровоцировать большую смуту, особенно после того, как Грумбах нашел поддержку у тюрингских Эрнестинов в лице герцога Иоганна Фридриха Младшего. Общие интересы вновь соединили усилия короны и дрезденских Веттинов. Именно курфюрст Август был уполномочен Максимилианом II стать во главе карательных имперских сил и именно Август в сущности за свой счет финансировал всю операцию по блокаде и взятию Готы. Пленение и казнь в 1567 г. Грумбаха и канцлера Брюка, пожизненное заточение в Вене несчастного Иоганна Фридриха означало в сущности и окончательное решение «тюринго-франконского» вопроса: до конца Империи больше отсюда не исходило угрозы для Дрездена и Габсбургов. Символичным было распределение карательных функций: если титулованный Эрнестин достался царственному венценосцу, то чины помладше, включая изменников из среды саксонских вассалов подлежали расправе самого Августа. Грумбах и Брюк были колесованы в самой Готе, Эвальд фон Карловиц, пойманный позже как ленник курфюрста закончил свои дни на эшафоте в Дрездене. Курфюрст окончательно закрепил за собой земли Фогтланда и часть отторгнутых у Эрнестинов округов в Тюрингии¹⁴.

Общность региональных интересов перекрывалась подчеркнутой лояльностью собственно престолу. Помнили об исторических корнях самих Альбертинов, восходивших к энергичному правлению Альбрехта Мужественного, правой руки императора Максимилиана I во всех его крупных военных начинаниях, к его сыну герцогу Георгу Бородатому, всегда подчеркнуто корректно соблюдавшего интересы короны. Помнили о курфюршеской инвеституре старшего брата Августа Морица в 1547 г. Именно она, как новая точка отсчета, легла в историческую память последующих поколений Веттинов: дрезденские курфюрсты всегда с благодарностью и теплом будут отзываться о благодеянии короны. Спустя сто лет Иоганн Георг I в своем завещании 1652 г. призывал сыновей хранить верность императору, памятуя о даровании предкам курфюршеских прав¹⁵.

¹⁴ Schirmer U. Sachsen und die Reichspolitik // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. S. 234–235; Press V. Wilhelm von Grumbach und die deutsche Adelskriege der 1560er Jahre // Press V. Adel im Alten Reich. Gesammelte Vorträge und Aufsätze / Hrsg. von F. Brendle, A. Schindling. Tübingen, 1998. S. 383–421; Основополагающим исследованием, насыщенным важными фрагментами источников, остается все еще труд Ф. Ортлоффа: Ortloff Fr. Geschichte der Grumbachischen Händel. Bd 1–4. Jena, 1868–1870.

¹⁵ В Российской Национальной Библиотеке хранится аутентичная копия завещания 1652 г.: Российская Национальная Библиотека Отдел рукописей. Эрмитажное собрание. Нем. 126/ 1. Л. 121–136. Testament Johannis Georgii Imi und Chur — und Fürstliche Vergleichungen.

Огромное значение имела и пропаганда лютеранской ортодоксии, центр которой все больше смещался в Саксонию. При поддержке вюртембергских духовных светил Якоба Андрея, Эгидия Хунния и позже — Поликарпа Лейзера, и при деятельной работе местных оракулов Евангелия во второй половине XVI в. формировалось собственно саксонское направление ортодоксии с главными центрами в Виттенберге и Лейпциге. Подписание формулы Согласия в 1577 г. знаменовало рубеж, создание плацдарма, на котором началась активная творческая деятельность нескольких поколений богословов, в вопросах Империи всегда последовательно отстаивавших точку зрения строгого монархического начала¹⁶.

Верность короне акцентировалась тем сильнее, чем решительней лютеранские властители Дрездена отмежевывались от кальвинистских сословий, всемерно демонстрируя неприятие реформатской доктрины. В отношении коллег по княжеской скамье позиции определились не сразу, по мере того как сама кальвинистская Реформация более или менее открыто распространялась в западных областях. Напомним, кальвинизм долгое время прятался за неясными толкованиями Аугсбургского мира, находя поддержку преимущественно в ученой, богословской среде меланхтоновского толка, всегда миролюбивой, падкой на сложные академичные формы толкование доктрины. Маски оказались сброшены лишь в конце века, когда во главе с Пфальцем сложилась целая группа князей-радикалов с резкой антигабсбургской направленностью.

Август вплоть до начала 70-х гг. не видел в гейдельбергском курфюрсте Фридрихе III серьезную опасность имперскому миру. Фридрих был старшим современником Беттина, он много пережил на своем веку, рано познал нужду и глубоко проникся евангелической доктриной. Саксонца сближали с Пфальцем и меланхтоновская традиция, в те годы пышно процветавшая как в Дрездене, так и в Гейдельберге. Меланхтон в глазах обоих — и Фридриха и Августа — выступал единственным и непрекаемым авторитетом и наследником Лютера. Туманное определение «конфессионально родственный член Аугсбургской конфессии», закрепленное в тексте Аугсбургского мира как нельзя лучше подходило в те годы гейдельбергскому курфюрсту. Рейхстаг 1566 г. стал кульминацией саксонско-pfальцского согласия. Энергичное вмешательство Августа позволило на нем воспрепятствовать крутым санкциям короны по адресу Гейдельберга по причине вмешательства Пфальца во французские смуты

¹⁶ Koch E. Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. S. 194–205; Peters Chr. Der kursächsische Anteil an der Entstehung und Durchsetzung des Konkordienbuches // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens. S. 196 сл.

и введения кальвинистских преобразований. Август убедил чины видеть в реформах Фридриха лишь евангелическую подкладку. Тем самым кальвинизм по сути был легализован в землях Империи. Но с 1572 г. началось заметное охлаждение. Разрушительные для имперского мира комбинации Пфальца на западных рубежах, его деятельная помощь нидерландским повстанцам и французским гугенотам разочаровывали Дрезден. К тому же внутренние реформы в Пфальце все больше указывали на откровенно прокальвинистский поворот¹⁷. Отпали и препятствия в самом Дрездене: чистка своего окружения, устроенная Августом в 1574 г. и вызванная вполне вероятно сугубо личными мотивами, лишила бывшего влияния меланхтоновскую группу, настроенную весьма примиренчески к пфальцским реформатам. Правда, поворот не означал отмежевания именно от Меланхтона: специальная декларация, опубликованная по велению курфюрста, назидательно вещала о единстве учения Лютера и Меланхтона. Но сдвиг в сторону ортодоксии был все же очевиден. Формула Согласия, составленная три года спустя во многом лишь личными усилиями курфюрста, окончательно соединяла Лютера и Меланхтона в их учении, но решительно отсекала малейшие отклонения в пользу кальвинистов¹⁸.

Короткое правление наследника Августа Христиана I (1586–1591) можно вслед за современной историографии трактовать эпизодом, неудачным экспериментом по введению кальвинизма в Саксонии. Но этот «эксперимент» (З. Хойер) очень хорошо отражал общую тенденцию. Нам трудно с уверенностью судить о личных религиозных пристрастиях молодого государя: слишком много противоречивых свидетельств, сдобренных посмертной полемикой вокруг его имени. Христиан скорее всего не был сторонником строго реформатской доктрины, как хотела того группа действительно исповедавшая кальвинизм его приближенных с канцлером Креллем во главе. Молодой курфюрст, похоже, мечтал о единстве всего протестантского мира, о консолидации всех евангелических сословий именно в меланхтоновском, универсальном духе. В его сознании

¹⁷ Ritter M. August von Sachsen und Friedrich III von der Pfalz // Archiv für Sächsische Geschichte (далее ASG), 5, 1879. S. 289–367; Wolgast E. Die kurpfälzische Beziehungen zu Kursachsen // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens. S. 13–23. Новой биографии Фридриха III, подробно освещавшей бы его деятельность на имперской арене, все ещё нет. Главным источником остается его корреспонденция: Briefe Friedrichs des Frommen, Kurfürsten von der Pfalz mit verwandten Schriftstücken / Hrsg. Von A. Kluckhohn. Bd 1–2. Braunschweig, 1870–1872.

¹⁸ Koch E. 1) Der kursächsische Philippismus und seine Krise in den 60er und 70er Jahren // Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland — Das Problem der “Zweiten Reformation” / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, 1986. S. 60–78; 2) Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. S. 198–201; Peters Chr. Der kursächsische Anteil. S. 199–200.

нии еще теплилась надежда добиться единения всех сил, направленных против Рима. Сказывалось и влияние протестантской апокалиптики, утверждавшей быть стойким в преддверии Судного дня. Курфюрст скорее был носителем иллюзий, государем-мечтателем, одержимым идеей, уходившей в прошлое: конфессионализация уже расколола протестантский мир на два непримиримых лагеря. О единстве и конечной победе мечтали и ортодоксы, но не путем компромисса, а за счет полного триумфа одной истинной веры. Пожалуй, только сейчас наметилось отклонение от привычного партнерства с Габсбургами и то, отнюдь, не в резких формах. Вектор саксонской дипломатии оказался развернут в сторону Франции (короткая дружба с Генрихом Наваррским) и Пфальца (контакты с опекуном тамошнего курфюрста Фридриха Иоганном Казимиром). Весьма насыщенные переговоры в Торгау в начале 1591 г. исследователи со временем М. Риттера считали прологом к созданию будущей Унии. Но и тогда кальвинистские предпочтения были отнюдь не исключительными: Христиан явно рассчитывал на поддержку вполне ортодоксально лютеранского тестя, бранденбургского курфюрста Иоганна Георга¹⁹.

Скорая кончина курфюрста (уже в сентябре 1591 г.) резко оборвала наметившийся курс. Установившееся регентство во главе с герцогом Веймарским Фридрихом Вильгельмом и при активном участии вдовы Христиана Софии Бранденбургской решительно покончило со всякими следами «кальвинианской заразы». Явные и тайные сподвижники канцлера Крелля поплатились изгнанием, а сам он — десятилетним заключением,

¹⁹ Диссертация Т. Клейна 1962 г. слишком сильно, как кажется, навязывает Христиану кальвинистские симпатии. Точкой отсчета принимаются едва ли не его детские годы и знакомство с пастором Христианом Шютцем, «тайным кальвинистом», якобы серьезно повлиявшим на духовный мир юного принца: *Klein Th. Der Kampf um die "zweite Reformation" in Kursachsen, 1586–1591*. Graz; Köln, 1962. Ныне саксонские историки менее однозначны в суждениях о религиозном курсе курфюрста. З. Хойер не берется ясно очертить его религиозный выбор: *Hoyer S. Christian I., Kurfürst von Sachsen // Sächsische Biographie / Hrsg. von Institut für sächsische Geschichte und Volkskunde / Bearb. Von M. Schattkowsky*. Интернет-ресурс: <http://www.isgv.de/saebi/> (27. März 2006); Т. Никлас и Й. Брунинг отмечают преемственность курсу отца по крайней мере в первые годы правления: *Niklas Th. Christian I (1586–1591) und Christian II (1591–1611) // Die Herrscher Sachsens*. S. 130; *Bruning J. Die kursächsische Reichspolitik zwischen Augsburger Religionsfrieden und Dreißigjährigem Krieg — nur reichspatriotisch und kaisertreu? // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens*. S. 90–91; У. Ширмер полагает возвышение Крелля вообще делом случая: смерть самого влиятельного из окружавших князя тайного советника Ганса фон Бернштейна в 1589 г. попросту расчистила путь явному кальвинисту. Лишь с этого момента начались преобразования, шедшие вразрез с ортодоксией: *Schirmer U. Der ernestinische und albertinische Landadel in der Zentralverwaltung der Kurfürsten und Herzöge von Sachsen (1525–1586) // Die Familie von Bünaus. Adelsherrschaften in Sachsen und Böhmen vom Mittelalter zur Neuzeit / Hrsg. von M. Schattkowsky*. Leipzig, 2008. S. 211–212.

окончившимся эшафотом на Еврейском подворье Дрездена в октябре 1601 г. Но для нас самыми говорящими будут пункты обвинения, представленные опальному канцлеру. Их подписали уполномоченные сословий, самые именитые дворяне, чьи семьи не одно поколение служили Веттинам. В числе первых пунктов говорилось о намерении Крелля отвратить покойного государя от верности короне. Эти строки стояли рядом с жалобами на желание канцлера учинить «важные перемены в религии»²⁰.

Годы регентства не прошли даром. Наследники курфюрста-идеалиста — и Христиан II (1601–1611) и Иоганн Георг I (1611–1656) — получили строго лютеранское воспитание, насквозь пропитанное верностью престолу. Кальвинистская политология, трактаты пфальцских радикалов вызывали одинаковую аллергию и в дрезденской резиденции и в венском Хоффбурге. Более того, богословие и правоведение в Виттенберге и Лейпциге, последовательно оппонируя реформатам, содействовали формированию единого для лютеранской и католической Германии учения о публичном праве. В центре Империи складывалась обширная зона взаимопонимания и лояльности короне. Даже неудача Саксонии в споре за наследство герцогства Юлих Берг в 1614 г. (львиную долю на выморочные земли получил родственный Бранденбургский Дом) никак не повлияла на связи с Веной. Курфюрста Саксонии, конечно, можно считать невольным пособником католического блока, как это делает наш коллега Аксель Готтхард: нежелание Дрездена поддерживать Унию против Лиги стоило первой разгрома в 1618–1623 гг. Но то не было случайностью, неловким зигзагом «большой политики». К тому времени уже почти век, как Альбертины чувствовали себя обязанными сохранить мир в Империи с опорой на Габсбургов²¹.

Партнерство обнажало династические связи. За ними, как за прозрачным покровом пульсировала жизнь личных знакомств, встреч, обмена, то частого, то редкого доверительной корреспонденцией. Фолькер Пресс, в свое время хорошо подметил: Реформация разорвала веками созидавшиеся семейные альянсы. Различия или напротив, общность веры влекли формирование новых семейных блоков. Последний раз Веттины родились с Габсбургами в конце XV в.: бабка Фридриха Мудрого Маргарита была сестрой короля Альбрехта II. С того момента и до начала XVIII столетия в Дрездене не искали себе родственников на католическом

²⁰ Richard A. V. Der kurfürstlich sächsische Kanzler Dr. Nicolaus Krell. Ein Beitrag zur sächsischen Geschichte des 16. Jh. Bd 1. Dresden, 1859. S. 107.

²¹ Gotthard A. 1) „Politice seitn wir bápstisch“. Kursachsen und der deutsche Protestantismus im frühen 17. Jahrhundert // ZHF, 20, 1993. S. 273–319; 2) Johann Georg I. 1611–1656 // Herrscher Sachsens. S. 137–147. Cp.: Müller F. Kursachsen und der Böhmisches Aufstand. S. 23–31.

юге. Напротив, заметен стал северный, протестантский крен. Курфюрсты устраивали себе и своим родственникам брачные партии с датским королевским Домом, Бранденбургом, балтийскими герцогствами, с Гессеном и Вюртембергом. С конца XVI в. эти связи образовывали мощные семейные союзы лютеранских княжеств в центральном и северном секторе Империи. Характерно и совпадение брачной стратегии со строго лютеранской направленностью: все избранницы дрезденских Веттинов с середины реформационного века принадлежали к семьям, исповедовавшим лютеранскую ортодоксию. За весь отрезок мы регистрируем лишь один кальвинистский брак племянницы Августа I Анны с вождем нидерландских мятежников Вильгельмом Молчаливым в 1567 г., брак, впрочем, быстро распавшийся ввиду очевидного религиозного мезальянса. Между тем и ландграфы Гессен-Дармштадта, и франконские и прусские Гогенцоллерны были вполне солидарны с Веттинами в лояльности Габсбургам и дружном противостоянии радикалам-кальвиnistам. Особенно показательными здесь выглядели связи с дармштадтскими родственниками. В отличие от ландграфов Гессен-Касселя они всегда хранили верность ортодоксии. Переход северного Гессена в кальвинизм в 1605 г. резко обострил противоречия. Молодой властитель Дармштадта, глубоко верующий Георг II явно нуждался в поддержки лидеров лютеранского лагеря. Символом сближения стал первый брак, заключенный в семье многодетного Иоганна Георга Саксонского: в 1627 г. его старшая дочь София Элеонора обручилась с дармштадтским ландграфом. Так же как и его тестя, Георг всегда был враждебен кальвинистским радикалам, а скора с кассельским родственником из-за Марбурга лишь подлила масла в огонь. Дармштадец задолго до женитьбы искал заступничество в Дрездене. Курфюрст явно рассчитывал погасить опасный конфликт в центре Империи²². В гессенском вопросе он выступал прямым проводником имперских интересов, собирая вокруг себя внушительный блок верных короне единоверцев.

Не менее показательным был и брак второй дочери Иоганна Георга Марии Елизаветы на Фридрихе III Гольштинском, племяннике датского короля. Участие жениха в датской кампании на стороне дяди и против императора затрудняло быструю помолвку. Дрезден, строго соблюдая процедуры, завел длительные переговоры, затянувшиеся на четыре года: герцог, по мнению курфюрста, как вассал короля, обязан был предварительно испросить согласие Христиана IV. Лишь в 1630 г. удалось окончательно уладить дело. Брак помог избавить Гольштинию от непри-

²² Press V. Hessen im Zeitalter der Landesteilung (1567–1655) // Das Werden Hessens / Hrsg. von W. Heinemeyer. Marburg, 1986. S. 267–331; Брак Софии Элеоноры: Essegern U. Fürstinnen am Kursächsischen Hof. Leipzig, 2007. S. 357–362.

ятных последствий и одновременно стал гарантией от новых возможных увлечений герцога протестантами-радикалами²³. Партию умеренных укрепляла и женитьба старшего сына на дочери франконского маркграфа Христиана Бранденбург-Байройтского в 1638 г.: маркграф всегда с опаской сторонился горячих голов из Евангелической унии. Сам же курфюрст еще в 1635 г. на переговорах с императором в Пирне втайне рассчитывал обрушить своего первенца на одной из дочерей Фердинанда II²⁴. В течении трех поколений строилась система взаимовыгодных имперско-династических комбинаций, игравшая на руку короне.

В полный голос заявили о себе и личные контакты Веттинов и Габсбургов. Первый курфюрст из Альбертинской ветви Мориц хорошо знал семью императора уже в преддверии Шмалькальденской войны. Герцог и король Фердинанд встречались летом и осенью 1546 г., когда в Праге решалось будущее всей кампании: король тогда уговорил молодого Веттина повернуть оружие против опального курфюрста-единоверца, видимо, устно обещая курфюршескую шапку. Собственно с Фердинандом с тех пор сложились самые тесные отношения, в отличии от далекого в своих иллюзиях и не слишком любившего Германию императора Карла. Мориц стал для Фердинанда и главной надеждой роковой магдебургской экспедиции, когда возглавил именем престола экзекуцию опального города на Эльбе в 1549 г., и в дни Второй Шмалькальденской войны, когда действовал от имени мятежных князей. Пассауский мир стал результатом усилий двух ключевых фигур — короля и нового курфюрста²⁵. Последний год жизни Морица стал воистину кульминацией тесного общения: предстояло сохранить столь хрупкий мир. Вполне возможно, без кровавой победы под Зивергаузеном итоговое согласие не состоялось бы в 1555 г.

Наследник Морица Август не был столь близок Фердинанду. Но еще в 1542 г. он совсем молодым человеком проведет немало времени при пражском и венском дворе своего сверстника будущего императора Максимилиана II. Оттуда потянулись ниточки личных связей — и к высшим чинам двора и к собственно наследнику престола.

Глубоко мирная и терпимая натура принца Максимилиана вполне уживалась с лютеранской верой его приятеля. Плоды давних встреч сказались в зрелые годы: Август прекрасно знал окружение своего государя и легко находил с ним общий язык на сословных форумах. Кульминацией, несомненно, можно рассматривать переговоры на рейхстаге в Аугсбурге в 1566 г. и визит стареющего Макса в Дрезден за год до смерти в 1575 г.

²³ Essegern U. Fürstinnen. S. 362–364.

²⁴ Essegern U. Fürstinnen. S. 379–380. Эти расчеты не оправдались.

²⁵ Schirmer U. Sachsen und die Reichspolitik. S. 233.

В Аугсбурге, правда не сразу и с усилиями, Август сумел убедить императора повременить с опалой кальвинистского Пфальца. Тем самым был преодолен, пожалуй, самый острый рубеж второй половины века, рисковавший расшатать устои имперского здания.

Но впечатляет глубина именно личного общения. Поводом и во многом причиной здесь выступал вопрос веры, долго мучивший Максимилиана в годы молодости и позже — на высотах власти. Архивные изыскания К. Вебера выставляют точкой отсчета «переписки о вере» 1555 г. Весной в Вену был направлен личный посланник курфюрста — формально для возобновления прежних «доверительных отношений», прерванных смертью Морица в 1553 г. Письменный отчет о результатах миссии содержал любопытные детали: наследник престола, не стесняясь, изливал все что накопилось у него на душе. С редкой откровенностью Максимилиан делился с саксонцем состоянием собственного здоровья, подозрениями по адресу испанского и католического окружения своего отца и дяди и даже врачей, якобы желавших его извести. Будущий император не скрывал своих симпатий относительно евангелического вероисповедания и выражал всяческое сочувствие по адресу гонимого в Богемии лютеранского духовенства, отрицая какое-либо свое участия в репрессиях²⁶. Судя по отдельным фрагментам переписки, особенно за 1560 г., у курфюрста все больше должно было крепнуть убеждение в твердости протестантского выбора принца. Максимилиан даже испрашивал помощи у Августа на случай крайней необходимости. Звучал явный намек на предоставления личного убежища²⁷. Особенно впечатляли детали, тайно поведанные Максимилианом саксонскому посланнику в марте 1560 г. Он, Максимилиан, терпит всяческие унижения и оскорблении со стороны придворных католиков своего отца. Сам же император Фердинанд, постоянно досаждает ему в делах духовных. Сын, не стесняясь, сравнивал отца с сатаной, приступавшим с соблазнами к Христу. Но подобно Христу, наследник престола хранит верность только истинной вере. Август в свою очередь обещал заступничество перед Фердинандом вкупе с другими евангелическими князьями, хотя и уклонялся от четкого ответа относительно предоставления убежища²⁸. Принц явно видел в курфюрсте ключевую фигуру в решении собственных дел. Дабы сберечь столь задушевные секреты, Максимилиан прибегал к тайнотписи, поучая курфюрста путем химических манипуляций вычитывать скрытый текст.

²⁶ Weber K. von. Des Kurfürsten August zu Sachsen Verhandlungen mit dem König, später Kaiser Maximilian II. über dessen Glaubensbekenntniß // ASG, 3, 1865. S. 310–312.

²⁷ Weber K. von. Des Kurfürsten August zu Sachsen Verhandlungen. S. 317.

²⁸ Weber K. von. Des Kurfürsten August zu Sachsen Verhandlungen. S. 319–322.

Переписка Августа с Максимилианом — своего рода кульминация близости в отношениях между двумя Домами. Ничего подобного не было ни до, ни после в истории Габсбургов и Веттинов. Наследник престола так и не стал публичным лютеранином, в 1562 г. он обещал отцу остаться в лоне католицизма. Но его царствование окажется самым спокойным во второй половине XVI в. Пристальное внимание к его вере со стороны главного ревнителя лютеранства в Империи скрывало очевидную мечту: дождаться заветного часа восшествия на престол единоверца. Уже после кончины Максимилиана курфюрст пытался получить подробнейшие сведения о его последних часах, стараясь понять, под каким причастием тот окончил земной путь.

Переписка и секретные переговоры через личных уполномоченных формировали пласт отношений, скрытый от сторонних глаз. Другой, нарочито публичный, был явлен личными встречами. Водворение мира меняло деловые функции визитов: во второй половине века они почти все были связаны с решением династических вопросов. Речь шла о выборах наследников престола при жизни императора (*vivente imperatore*). То, с какой настойчивостью Габсбурги стремились заручиться согласием Дрездена, указывало на отсутствие больших альтернатив в поисках партнеров. И если до начала 70-х гг. рядом с Веттинами горела звезда пфальцских Виттельсбахов, как своего рода альтернативных вождей тогда еще формально единого протестантского лагеря, то последние годы правления Максимилиана уже совершенно исключали всякий дуализм в глазах Вены. Если император подозревал Гейдельберг в религиозном сектантстве и резком политическом радикализме уже с середины 60-х гг., то у Августа доверие к Пфальцу окончательно рухнуло после Варфоломеевской ночи: был страх, что резкое вмешательство Гейдельберга во французские и нидерландские дела лишь сплачивало католиков и грозило бедами на западе Империи. Две встречи уже тяжело больного императора и курфюрста в 1573 г. в Вене и в 1575 г. в Дрездене выступали знаковым рубежом партнерства. В обоих случаях предметом обсуждений были выборы наследника, будущего Рудольфа II. Но дрезденский визит императора оказался, пожалуй, самым показательным по размаху и великолепию оказанного приема.

До нас дошло весьма любопытное описание этой встречи: его оставил князь Вольфганг Ангальтский в своем письме одному высокопоставленному вельможе. Императорский картеж был встречен на богемской границе, пересажен на лодки и по Эльбе плыл до Пирны. Там вновь пересели на коней и в экипажи, и так шествовали до Дрездена. В мельчайших деталях сообщается пышный церемониал встречи. Перечислены чины свиты

и подробно описан каждый день пребывания Максимилиана в резиденции курфюрста. Август предоставил своему сюзерену весь замок — только что отстроенный, превращенный хлопотами архитекторов и самого государя в самую пышную резиденцию Центральной Германии. Курфюрст же с семьей и чинами двора скромно удалился на так называемое «конюшенное подворье» — жилой комплекс, примыкавший к замку, и там оставался все дни пребывания венценосца. Много охотились, давались пышные банкеты. Август явно хотел представить образцовым вассалом, самым могущественным и авторитетным в Империи. Автор письма прозрачно намекал на исключительность положения саксонского князя и особенно акцентировал высокий респект в отношении его со стороны короны²⁹.

Перед нами не только яркое свидетельство церемониала приема, но и стиля власти. Церемониал еще не выступал отдельной сферой, представляющей власть. Власть сама растворялась в нем: деловое общение государя и его первого вассала следовало *ad hoc*, в нормированных жестах, будь то охота или застольные беседы. Нам не суждено знать подробностей. Но можно предполагать, что разговор шел не только о делах Империи: Август всегда гордился масштабами возведенного в Дрездене замка, он хорошо знал резиденции Габсбургов и тамошний быт. Ему было с чем сравнивать, а в лице Максимилиана он встречал утонченную натуру, знаявшую толк в собирательстве, в художниках и лошадях³⁰.

Кончина курфюрста в 1586 г., видимо, может считаться первой серьезной потерей на пути к кризису XVII в. У наследника Августа никогда не будет столь близких отношений с короной. К тому же сам Рудольф II с начала 90-х гг. все решительней поддерживал католический блок. Пусть кратковременный, но все же поворот Саксонии в сторону кальвинистов в 1586–1591 гг. обрывал динамичные контакты³¹. Десятилетнее регентство герцога Веймарского Фридриха Вильгельма в 1591–1601 гг., хотя и очистило Дрезден от приверженцев кальвинизма и восстановило линию подчеркнутой лояльности престолу, не могло возобновить прежний уровень контактов. Явно недоставало ключевой фигуры, которой мог бы стать только совершеннолетний курфюрст Саксонии. Лишь начало самостоятельного правления Христиана II в 1601 г. позволило восполнить пустоты. Но время было упущено: собственно на рубеже веков кризис имперских

²⁹ Brückner G. Die zu Dresden im April 1575 zu Ehren des Kaisers Maximilian II. veranstalteten Feierlichkeiten // ASG, 4, 1866. S. 225–241.

³⁰ Характеристика Максимилиана: Rüdersdorf M. Maximilian II. 1564–1576 //Die Kaiser der Neuzeit 1519–1918. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland/ Hrsg. von A. Schindling, W. Ziegler. München, 1990. S. 79–97.

³¹ Schirmer U. Sachsen und die Reichspolitik. S. 236; Bruning J. Die kursächsische Reichspolitik. S. 90–91.

институтов стал необратимым. После того как застопорилась работа камерального суда и работы ревизионной комиссии, только рейхстаг оставался последней точкой опоры. Быть может, кризис пошел бы по другому пути, найдясь у депрессивного императора саксонский «заместитель» по делам Империи в 1591–1601 гг.

Впрочем, Христиан II по мере сил пытался возобновить тесный диалог. Пражское свидание в 1607 г. станет отражением этих связей. Именно в Праге император убедит Дрезден воздержаться от вступления в Унию, главным образом по причине крайнего радикализма её главы Пфальца. Визит Христиана в Прагу — зеркальное отражение путешествия Максимилиана в Дрезден. Тот же блеск приема, вереница банкетов и охотничих утех. Результаты встречи непосредственно оказались весной следующего 1608 г.: рейхстаг в Регенсбурге пытались спасти только имперские и саксонские дипломаты. Саксонские представители выступали единственной серьезной силой, способной обеспечить согласие³². Наследник Христиана Иоганн Георг лишь продолжит указанную линию. Свидание с Матфеем во Франкфурте в 1612 г., как и позже в Дрездене в 1617 г. лишь подтвердило неизменность Веттинов в выборе приоритетов.

Визит в Дрезден особенно запал в память современников. По пышности и великолепию он напоминал торжества 1575 г. Граф Кевенхюller — наш главный источник, отражавший мнение католической Вены — не удержался от восторженных слов по адресу этого события в своих многотомных мемуарах. Стареющий Матфей тогда сумел добиться главного: согласия курфюрста на наследование короны Фердинандом Штирийским. Спасение австрийской ветви было гарантировано не только родственной Испанией, но и Дрезденом³³. Позже Фердинанд II при всем своем ортодоксальном католицизме будет помнить саксонский визит. Показательно, с какой надеждой на переговоры с курфюрстом смотрел католический двор, сколь знаковыми представлялись ему все детали. Даже танец вдовствующей матери курфюрста Софии с молодым и тоже вдовцом Фердинандом, по словам Кевенхюлера, вселил в сердца упование на возможный брак, коему разность конфессий не помеха³⁴!

Гораздо более многогранным было участие курфюрстов в работе ассамблей, прежде всего рейхстага. Во второй половине XVI в. он все больше требовал громоздкой подготовительной работы. Именно после 1555 г. инициаторская роль окончательно перешла к коллегии курфюр-

³² Bruning J. Die kursächsische Reichspolitik. S. 92–93.

³³ Müller F. Kursachsen und der Böhmisches Aufstand. S. 30–31.

³⁴ Khevenhiller F. Chr. Annales Ferdinandi oder Wahrhaftie Beschreibung Kaysers Ferdinandi des Andern... Thaten. Th. VIII. Leipzig, 1722. Sp. 989.

стов. Но она все явственней распадалась на две группы: курфюрстов западной половины Империи, где главенствующую роль играли духовные князья с Майнцем во главе, и восточную, в которой доминировали Веттины.

По мере укрепления религиозных партий все трудней было организовать синхронное выступление. Аксель Готтхард склонен даже говорить о распаде единой когорты курфюрстов к началу XVII в.: разница в интересах особенно в накаленной атмосфере новых религиозных разногласий становилась труднопреодолимой³⁵.

Особенность конфигурации заключалась в том, что на западе католические чины коллегии были всегда в большинстве: сперва лютеранский, а потом и кальвинистский Пфальц там выступал в полном одиночестве. Зато на востоке формировался прочный блок Дрездена и Берлина: голос католиков здесь был представлен лишь самими Габсбургами как королями Богемии. Веттины смогли блестяще использовать выгоды подобной географии. Далекий Пфальц мог рассматриваться или запасной картой в борьбе за единство протестантов, или высокочкой-одиночкой, которого можно было блокировать руками рейнских католических курфюрстов. В первом аспекте Дрезден с успехом поддерживал Пфальц в короткое правление тамошнего курфюрста Отто Генриха и в первые годы его наследника из Зиммернской ветви Фридриха III. Высшей точкой несомненно стал рейхстаг 1566 г.: смесь иллюзий относительно религиозного выбора Фридриха и стремление пресечь раскачивание ситуации вокруг Пфальца побудили Августа фактически вывести Гейдельберг из под удара. Но после 1572 г. был взят курс фактически на полную изоляцию Пфальца. И здесь вновь сопутствовал успех: у Августа нашлись надежные партнеры на западе во главе с Даниэлем Майнцским. Август прекрасно понимал: в задачу его рейнских коллег меньше всего входила эскалация противоречий в рейнско-швабском регионе, взрывоопасном в виду множества нерешенных территориально-религиозных проблем. Восточный сектор, напротив, был всегда предсказуем. Берлинские Гогенцоллерны, особенно в правление Иоганн Георга Эконома (1571–1598) не стремились сильно вмешиваться в удаленные регионы, предпочитая контролировать сложившийся массив и посвящая себя обустройству лютеранской церкви³⁶.

³⁵ Gotthard A. Das Alte Reich 1495–1806. S. 72–73.

³⁶ Rudersdorf M. Schindling A. Kurbrandenburg // Die Territorien des Reiches im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Bd 2 Münster, 1992 S. 35–52; Neuhaus H. Die brandenburgischen Kurfürsten im Jahrhundert der Reformation (1499–1598) // Preußens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II / Hrsg. von Fr. L. Kroll. München, 2006. S. 68–73.

Августу не стоило труда превратить своего свояка в младшего партнера протестантского дуэта. К тому же обоих курфюрстов сближали взглядения на главные вопросы: оба подчеркивали лояльность Габсбургам. Излишне говорить, что в глазах Праги и Вены — как это не парадоксально — собственно восточный преимущественно протестантский сектор курфюршеской коллегии был более надежным с точки зрения коронных интересов. Стабильность в группе восточных курфюрстов сочеталась в целом с умелой изоляцией беспокойного фактора (Пфальца) в западной группе. Разумеется, Габсбурги вынуждены были идти на встречные уступки: с 1558 г. курфюрсты официально практиковали право самостоятельных конференций³⁷. Во многом они готовили почву для предполагавшегося созыва рейхстага. Но императоров, особенно терпимо настроенных к лютеранам Фердинанда и Максимилиана — вполне устраивала ситуация узкой совещательной группы. Договориться о совместной программе было тем легче, чем сильней ощущалось лидерство дружественных чинов — Веттина на берегах Эльбы и курфюрста Даниэля Майнцского — на Рейне, усердно избегавшего всевозможных рискованных демаршей. Не случайно, что окончательный распад самого рейхстага, наступивший полвека спустя в 1613 г., тотчас пытались компенсировать практикой курфюршеских конференций. Собственно она-то и выросла из решений Франкфуртского съезда 1558 г. об учреждении курфюршеского альянса (Kurverein) и его энергичной деятельностью в 60–70-е гг. Нашелся своего рода готовый заменитель. Вплоть до 1640 г. — т. е. до возобновления деятельности рейхстага, императоры предпочитали общаться узким кругом — с курфюршеской скамьей. Фердинанд II, несомненно, рассчитывал здесь на возможно более удобный канал достижения собственных интересов, особенно после опалы над Пфальцем, резко усилившую католический полюс в самой курфюршеской коллегии. Но — как это не парадоксально — тем проще было самой Саксонии сохранять лидерство протестантским блоком и с успехом увязывать вопросы защиты церкви с лояльностью короне. Лишь Реституционный эдикт 1629 г. и последовавшая за тем знаменитая конференция курфюрстов в Регенсбурге в 1630 г. выявили границы саксонского нейтралитета.

Форма участия выдавала заинтересованность Веттинов: все важнейшие конференции и рейхстаги второй половины XVI в. прошли с личным присутствием дрезденских курфюрстов. Август, прекрасно понимая силу своего авторитета, всегда появлялся в нужный момент. Так было во Франкфурте в 1562 г. при избрании Максимилиана римским королем, так

³⁷ Luttenberger A. P. Kurfürsten, Kaiser und Reich. Politische Führung und Friedenssicherung unter Ferdinand I. und Maximilian II. Mainz, 1994. S. 40–48.

было в Аугсбурге в 1566 г., когда решался вопрос с опалой Пфальца, так было в Регенсбурге в 1576 г. на выборах римского короля, будущего императора Рудольфа II. Длительная пауза, тянувшаяся от кончины Августа и до 1612 г. явно вредила общему балансу. С тем большим усердием Иоганн Георг I стремился после подчеркнуть личное участие в имперских делах.

Весьма удачной выглядела и тактика переговоров. На этот счет мы располагаем исчерпывающим исследованием Альбрехта Луттенбергера, реконструирующим дебаты на рейхстагах и конференциях 1555–1576 гг. Курфюрст и его уполномоченные никогда не вмешивались в ход дебатов на начальной стадии. Саксонцы старались внимательно изучить мнение главных референтов и, как правило, только на решающем этапе формулировали свою позицию. Итогом становился двойной выигрыш: возникала возможность скорректировать мнение католических духовных князей и выступить с критикой или одобрением Пфальца и Бранденбурга, т. е. представить их «младшими партнерами» Дрездена. На фоне солидной неспешности Дрездена крайне невыгодным рисовалось поведение Пфальца. Курфюрст Фридрих III и его советники имели обыкновение быстро и решительно вмешиваться в дискуссии, подчас облекая свои предложения в весьма острые, раздражавшие религиозных оппонентов формы. Жесткость формулировок сужала возможность «мягкого» обсуждения. Даже потенциальные союзники Пфальца по текущему вопросу невольно должны были дистанцироваться от чересчур громких заявлений партнера.

Ход переговоров на франкфуртском съезде осенью 1562 г. прекрасно иллюстрирует комбинацию тактики и личных связей. Решался вопрос о выборной капитуляции короля Богемии Максимилиана, как будущего государя Германии. Обсуждение зашло в тупик по вопросу о пунктах капитуляции, в которых говорилось об обязанностях короля как защитника Церкви. Католические князья настаивали на сохранении традиционной формулы, приводя обычные в таких случаях примеры исторического тождества Рима, Римской Церкви и Империи. Протестантская половина коллегии возражала, а курфюрст Фридрих Пфальцский создал даже прецедент своеобразного экстремизма, ставшего вскоре обычным для исторической мысли немецких кальвинистов. Он категорично заявлял: «Империя поконится не на Риме, а посредством Золотой буллы на курфюрстах»³⁸. Ему вторил и курфюрст Бранденбурга: «В Булле (император. — А. П.) не называется адвокатом (т. е. Церкви. — А. П.), но главой христианства». Католики не могли принять формулу, означавшую растворение церковных

обязанностей императора в христианской идее вообще, без всякой связи с Римом. Возникла опасная пауза. И только сейчас саксонцы выступили со своей инициативой. Август предложил попросту привлечь к переговорам самого наследника престола и выслушать его мнение. Между тем Максимилиан, будучи королем Богемии, не обладал собственно курфюршеским правом. Курфюрсты протестовали против его прямого участия, ссылаясь на то, что дела Империи «не касаемы» королевства Богемии. Но саксонцы напомнили, что именно ему как кандидату в любом случае следовало направить проект капитуляции. А чтобы королю Богемии не отошло решающее право выбора, которым не обладали остальные курфюрсты, необходимо лишь информировать Максимилиана и предоставить возможность изучить оба варианта с участием курфюрстов. То было поворотным моментом: Габсбург был приглашен в городскую ратушу, где ему вручили текст проекта и два мнения относительно церковной адвакатуры. Формальная часть процедуры закончилась: курфюрсты поднялись со своих мест и продолжили обсуждение уже в присутствии Максимилиана, которого, естественно, никто не мог понудить покинуть помещение. В конце концов, Пфальц под нажимом и Августа и самого Максимилиана вынужден был отказаться от своих требований. Согласились оставить старую формулу лишь с указанием на особое мнение трех светских курфюрстов.

Так Дрезден добился, пожалуй, само выгодного и для себя и для будущего императора решения. Максимилиана, не задевая полномочия курфюрстов, ввели в круг дискуссии, изолировали на время от католического окружения его отца и выработали устраивавший всех проект. Другой выигрыш заключался, конечно же, в личной помощи: Август помог другу детства, с которым давно состоял в переписке о вере. С помощью Дрездена наследник престола завоевал доверие имперской элиты. «Весь ход переговоров, — справедливо заключает А. Луттенбергер — являл показательный пример умелого использования возможностей неформального общения при соблюдении формальных условий переговоров»³⁹.

Рейхстаги, несомненно, давали еще большую пищу к подобного рода контактам. Так придворный календарь курфюрста Иоганна Георга I лапидарным языком описывает посещение им франкфуртской ассамблеи 1612 г., на которой состоялись выборы нового императора Матфея.

«12 мая курфюрсты Майнца Трира, Кельна, Пфальца и Саксонии первый раз держали совет в ратуше.

13 мая — курфюрсты были на совете вновь. Наряду с королем в тот день прибыла и его супруга.

³⁸ Luttenberger A. P. Kurfürsten, Kaiser und Reich. S. 135.

³⁹ Luttenberger A. P. Kurfürsten, Kaiser und Reich. S. 137.

18 мая — Его Курфюршеская Светлость была в гостях на обеде у пфальцграфа.

21 мая — Его Курфюршеская Светлость была в гостях у курфюрста Кельнского.

22 мая — Его Курфюршеская Светлость с курфюрстом Кельнским совершила прогулку по воде.

24 мая — Его Курфюршеская Светлость была в гостях у курфюрста Майнцского. В тот же день Его Курфюршеская Светлость купила белого медведя за 350 рейхсталеров.

25 мая — Его Курфюршеская Светлость была в гостях у курфюрста Трирского.

27 мая — Его Курфюршеская Светлость была в гостях у короля и королевы.

29 мая — в гостях у Его Курфюршеской Светлости был курфюрст Майнцский. Курфюрст Кельнский был приглашен на ужин.

31 мая — на прощальном обеде у Его Курфюршеской Светлости были администратор курфюршества Пфальцского и бранденбургские посланцы.

2 июня — в гостях на обеде у Его Курфюршеской Светлости был король, курфюрст Кельнский, администратор Пфальца».

После избрания Матфея 3 июня у Иоганна Георга в гостях побывал родственник его Иоганн Казимир Кобургский, 7 числа у него же вновь побывали на обеде курфюрсты Майнца и Кельна, а 11 июня все они были, в свою очередь, «в гостях» у короля. Накануневенчания Матфея имперской короной 12 июня «Его Курфюршеская Светлость наряду с курфюрстом Кельнским и другими князьями, а также с ландграфом Людвигом отправились на оленью охоту и вечером вернулись во Франкфурт». После же коронации королевы 17 июня «его Курфюршеская Светлость была на обеде у курфюрста Кельнского, также участвовала в ристалище, а вечером присутствовала на танцах в ратуше»⁴⁰.

Беседы и встречи совершенно не мешали и свободно совмещались с акциями, казалось бы, совсем иного рода, но на самом деле прочно интегрированными в пространство элиты: здесь и покупка редких зверей, и охотничьи выезды, и турниры с танцами, и прогулки в узком кругу.

Скрытым инструментом партнерства становился кадровый материал. В сущности уже с конца XV в. на службе у Веттинов состояли вассалы, хорошо знавшие наследственные земли Габсбургов, Прагу и Вену, и более того по своим корням и поместьям часто восходившие к подданным самой

⁴⁰ Дрезденский государственный архив: *Hauptstaatsarchiv Dresden* (далее: HSTAD). Oberhofmarschallsamt. Calendar Churfürsten Johann Georgens des Ersten Q IV. N 2. 1611–1620.

короны. Вновь свою роль играли выгоды исторической географии, близость с габсбургской Богемией. Из четырех ведущих рыцарских семейств курфюршества (Бюнау, Пфлуги, Шляйницы, Шенберги) все четыре в разные времена имели поместья и в Богемии и в Лаузице, подвластном Габсбургам. Так в 1527 г. Генрих фон Бюнау купил сеньорию Бланкенштейн и рыцарское поместье Эйлау в северной части Чехии. В 1534 г. его родственник Рудольф умножил там собственность семьи, став хозяином сеньории Тетшнен⁴¹. Во второй половине века Шенберги получили богатое поместье Пульсиц в Лаузице⁴². Пфлуги по своим корням, скорее всего, вообще были богемского происхождения⁴³. До середины XVI в. чешские Пфлуги играли видную роль в политических перипетиях своего королевства. Шляйницы уже в начале XVI в. владели многочисленными поместьями и в Богемии (Толленштейн, Шлукенау, Хонштейн) и в Лаузице (Одервиц и др.). Общая площадь их достигала 13,5 квадратных миль и была столь впечатительной, что современники говорили даже о «шляйницкой земле», простиравшейся на саксонско-богемской границе. Как у Пфлугов и Бюнау в чешском королевстве пустила корни отдельная ветвь Шляйниц⁴⁴. Тридцатилетняя война усилила движение из Саксонии в Лаузиц, не затронутый после 1621 г. столь сильно католической реставрацией, как Богемия. Евангелические общины Лаузица находились под пристальной опекой курфюрста. Пражский мир, фактически отдавший Лаузиц Дрездену на правах залога, открыл путь к массовому приобретению тамошних поместий.

Все упомянутые семьи в силу древности и служб предков без труда обретали богемскую индигинацию и получали место на ландтаге в составе дворянской корпорации. Богемскими подданными числились и представители саксонских родов помельче: Штаршеделей, Заальхаузенов, Редернов, Биберштейнов. При том, как показывает исследование Вацлава Бужека, связи с Богемией не были односторонними: чешское дворянство само охотно роднилось с саксонским и пополняло ряды вассалов курфюр-

⁴¹ История межрегиональных связей немецкого дворянства лишь недавно оказалась в центре внимания историков. Подробней о богемских Бюнау см.: Dietrich A., Finger B., Henning L. Adel ohne Grenzen. Die Herren von Bünau in Sachsen und Böhmen/ Hrsg. von Schloß Weesenstein. Döbel, 2006. История приобретения богемских ленов этой семьей: Ibid. S. 97–111.

⁴² Fraustadt A. Geschichte des Geschlechts von Schönberg meissnischen Stammes. Bd 1 A: Die urkundliche Geschichte bis zur Mitte des 17. Jahrhunderts. 2. Aufl. Leipzig, 1878. S. 370.

⁴³ Genealogisches Handbuch des Adels. Adlige Häuser A . Bd XIX., 1987. S. 425.

⁴⁴ Богатый материал относительно внедрения саксонских родов в Лаузиц дает исследование В. фон Беттхера: Boetticher W. von. Geschichte des Oberlausitzschen Adels und seiner Güter 1635–1815. Bd 1–2. Görlitz, 1912–1913. Специально по владениям Шляйницей: Ibid. Bd 2. S. 748 сл.; (Schleinitz G. von). Geschichte des schleinitzschen Geschlechts. Berlin, 1897.

ста⁴⁵. Прекрасным примером тому может служить история графов Шлик, обладавших крупной собственностью в Богемии, но искавших службы в Дрездене. Один из Шликов Иоахим стал впоследствии воспитателем при особах детей курфюрста Христиана I и позже служил важным агентом Дрездена в чешских делах⁴⁶. Кроме того, подданные Габсбургов предпочитали образовательные дворянские туры в Саксонию более удаленным центрам. Уже в годы правления Георга Бородатого стал складываться костяк советников и управленцев, разделявших габсбургские симпатии своего государя. У. Ширмер, исследовав этапы становления властной элиты в курфюршестве, подчеркнул важность территориальной и служебной преемственности. Переход курфюршеской шапки Альбертинам в 1547 г. не отодвинул на задний план старые майссенские роды. Курфюрст Мориц доверял и выдвиженцам своего отца, и советникам деда — Георга Бородатого. В свою очередь Август в 1553 г. унаследовал от покойного брата слаженный аппарат, произведя лишь незначительные перестановки⁴⁷. Иоханнес Херрманн особенно подчеркивал роль целой группы советников, сторонников умеренной меланхтоновской ориентации, содействовавших дружественному Габсбургам курсу⁴⁸.

Символами преемственности стал дуэт дяди и племянника — Георга и Кристофа фон Карловицей, входивших в узкий круг самых близких людей курфюрста. Георг фон Карловиц сделал себе карьеру еще при последнем католическом властителе Майссенской Марки, сам оставался католиком и со скепцизмом смотрел на радикальное реформирование Церкви. Его поместье Крибштейн с громадой великолепного готического замка, часто навещали княжеские гонцы и после 1539 г. Но особенно выделялся его племянник, получивший превосходное образование, друживший с саксонскими гуманистами и рано удостоившейся внимания власти. Кристофф фон Карловиц получил первые дипломатические поручения уже сразу после 1539 г. При Морице он постоянно курсировал между королевскими и имперскими резиденциями Габсбургов, был удостоен личной благосклонности Фердинанда Габсбурга, хорошо знал круг советников императора Карла, особенно кардинала Гранвеллу. Во многом его усилиями удалось добиться сближения герцога с Габсбургами. Соглашение в Регенсбурге

⁴⁵ Bůžek V. Der Adel im böhmisch-sächsischen Grenzraum zu Beginn der Neuzeit // Die Familie von Bünau. S. 80–83.

⁴⁶ Ibid. S. 82; Прокопьев А.Ю. Детская комната — основа государства?// Albo Dies notanada lapillo. Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой / под ред. В. А. Якубского. СПб., 2005. С. 251.

⁴⁷ Schirmer U. Der ernestinische und albertinische Landadel. S. 194–197, 203–204.

⁴⁸ Hermann J. 1) Die albertinischen Kurfürsten und ihre Räte im 16. Jahrhundert // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens. S. 248; 2) Gefährdung und “Scheitern” des Augsburger Religionsfriedens // Idem. S. 326–328.

летом 1546 г., ставшее прологом перехода Морица в имперский лагерь, было достигнуто во многом хлопотами самого Карловица. В 1548 г. он же помогал обеспечить введение Интерима в саксонских землях, в духе, устраивавшем католическую династию. Но помимо имперских поручений, Кристоффу доверялись миссии во Францию, Италию и Нидерланды. Круг знакомств и связей этого человека был столь широк, что позволял информировать патрона о текущих делах собственно из родовых поместий. Новый курфюрст Август не был столь близок к Карловицу как его брат, но по-прежнему использовал опытного советника на переговорах с короной. Помощь Карловица, его связи и информация пригодились в решающие годы утверждения мирной системы. Карловиц принимал активное участие в осуществлении готской экзекуции в 1567 г., успешно координировал действия имперской и саксонской стороны и своей энергией и распорядительностью ускорил капитуляцию мятежников Грумбаха⁴⁹.

Но служба курфюрсту выступала лишь одной стороной медали. С 1557 г. Кристофф по ходатайству короны оказался и прямым вассалом Габсбургов. Еще в 1554 г. он приобрел поместье Ротенхауз в северной Богемии, подле саксонских границ. Ему же в 1563 г. был доверен пост начальника городка Иоахимсталь. Перед нами — типичный пример двойного подданства. Как уполномоченный Габсбургов он вынужден был вести трудные переговоры с Францией в 1568 г., в том же году — по вопросам церковного обустройства австрийских земель в Вене. Позже он уже улаживал споры скандинавских держав вокруг балтийского вопроса в Штеттине и Ростоке. При том Карловиц не переставал выполнять поручения курфюрста и после 1557 г. Сколько высоко Габсбурги были заинтересованы в ценном посреднике с Дрезденом показывают благодеяния в его адрес: еще в январе 1552 г. Инсбрукским указом короны Кристофф фон Карловиц получил титул «четвертого наследного рыцаря Священной империи» («Erbvitterritter»), а позже право на эксплуатацию знаменитых горных разработок вокруг Иоахимстала. Новый титул не был в ходу у саксонских Карловицей вплоть до XVIII в., но позволил попасть этому семейству в очень небольшую группу титулованного низшего дворянства⁵⁰.

Карловиц не был одинок в своих прогабсбургских ориентирах. В числе самых доверенных советников Августа ходил Дамиан фон Зебботендорф и позже Абрахам фон Бок. Именно Зебботендорф выступал поверенным

⁴⁹ Новой биографии Карловица до сих пор нет. Из старой литературы укажем на: Langen F. A. von. Christoph von Carlowitz. Eine Darstellung aus dem XVI. Jahrhundert. Leipzig, 1854; Carlowitz O.R. von. Aus dem Archive der Familie von Carlowitz. Dresden, 1875. S. 19–21;

⁵⁰ Genealogisches Handbuch des Adels. Adlige Häuser A. Bd VII, 1965. S. 76.

курфюрста в интимном общении с Максимилианом по уже упомянутому вопросу веры. Карьера Бока медленно шла в гору: в эпоху регентства и в начале правления Христиана II он вошел в состав Тайного совета. Семейные корни обоих покоились в габсбургской Силезии: там уже в нескольких поколениях их предки владели недвижимостью. К саксонскому двору пребывали отпрыски семейств, хотя и строго лютеранских по воспитанию, но впитавших с юности верность короне: для них правящая династия выступала непосредственным феодальным сеньором.

Зеботтендорф и Бок образовывали своего рода третье поколение проимперски настроенных советников при дрезденском дворе. На смену им в начале XVII в. пришло четвертое. Ключевой фигурой среди них, бесспорно, был Каспар фон Шенберг, дитя именитой семьи, чьи предки как раз приобрели Пульсниц в Лаузице на исходе XVI столетия. Шенберг был настоящей душой Тайного совета, президентом которого стал в 1613 г. Он не был уроженцем габсбургских владений, но весь свой талант поставил на службу успешному партнерству Веттинов и Габсбургов. Собственно в годы его директората имперский курс Иоганна Георга I окончательно обрел ясно выраженный, дружественный Габсбургам ракурс. В Вене, снаряжая дипломатов для переговоров с курфюрстом, постоянно требовали встречи именно с Шенбергом. Едва ли этот человек и его коллеги по совету оказывали решающее влияние на мнение Иоганна Георга: исследование Ф. Мюллера позволяет констатировать скорее паритет. Курфюрст выражал свою точку зрения, всегда внимательно выслушивал советников, и итоговое решение принималось лишь после консультаций с ними⁵¹. Но Шенберг, обладавший тонким дипломатическим чутьем и тактом, подходил для выполнения самых ответственных поручений⁵².

Среди советников 30-х гг. двое вновь были уроженцами Силезии. По иронии судьбы один из них носил фамилию Зеботтендорф — дальний потомок посланца курфюрста Августа. Абрахам фон Зеботтендорф фактически возглавлял работу Тайного совета после 1637 г. — после кончины его президента Георга фон Вертерна. Его мемориал, адресованный курфюрсту и датированный 1639 г. — настоящая программа служению короне⁵³. Его коллега Иоганн Георг Оппель по линии отца также имел исторические

⁵¹ Müller F. Kursachsen und der böhmische Aufstand. S. 40–42.

⁵² Характеристика Шенберга и его биография: Müller. F. Kursachsen und der Böhmisches Aufstand. S. 60–63; Fraustadt A. Geschichte des Geschlechts von Schönberg. S. 381–403.

⁵³ Eine politische Denkschrift des kurfürstlich sächsischen Geheimen Rethes Abraham von Sebottendorf für Johann Georg I. vom Jahre 1639 / Bearb. von J. O. Oppel // NASGA, 8, 1887. S. 177–242.

корни в Силезии и Моравии, и также как Зеботтендорф постоянно выражал точку зрения имперской лояльности⁵⁴.

Впрочем, связи с землями Габсбургов отнюдь не исчерпывались географией владений саксонской знати и родством тайных советников. При дворе Иоганна Георга I нашлось место непосредственному и весьма влиятельному уроженцу Вены. То был знаменитый Гоэ фон Гоэннег (1580–1645), старший надворный проповедник курфюрста, оказавшийся в Саксонии еще на исходе XVI в. Его отец состоял тайным советником при дворе Габсбургов и был верным сыном лютеранской церкви. Гоэ сперва посещал школу в Вене при соборе Св. Стефана, позже отправился учиться в Виттенбергский университет, получил духовный сан и хлопотами своего покровителя Поликарпа Лейзера — глашатая ортодоксии в Дрездене — начал свою карьеру в Саксонии. Потом несколько лет он окормлял протестантскую общину в Праге, быстро завоевал популярность, вновь был призван на берега Эльбы и оказался на придворной службе молодого Иоганна Георга I. По рождению венец и австриец Гоэ при всей строгости своего лютеранского мировоззрения все время помнил об имперской службе предков, и своими проповедями постоянно подчеркивал верность короне курфюрста, его долг перед Империей. Отчаянная полемика его с кальвинистами косвенно свидетельствовала о неколебимости ортодокса в вопросах имперских ценностей⁵⁵.

Наконец, следует затронуть и еще один аспект: каналы культурного обмена между лютеранским Дрезденом и католическим миром не были перекрыты даже в самый острый период конфессионализации. На первый взгляд, религиозный раскол вроде бы должен был подтолкнуть к изоляции

⁵⁴ Биография И. Г. Опеля содержится в надгробной проповеди на его погребение: Zimmermann Chr. Christliche Leich — Predigt († Johann Georg von Oppel): Интерне-ресурс: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:gbv:3:1-90791-p0026-7; Eine politische Denkschrift...> S. 193–197.

⁵⁵ Радикалы платили ему той же монетой: Гоэ обвиняли в своекорыстии, во взятках, тайно и явно получаемых им от Императорского двора, в злоупотреблении доверием курфюрста. Действительно он был награжден титулом «палатного графа» и был падок на все возможные знаки внимания, но, как показывают новейшие исследования, его действия всегда были нормированы лютеранской этикой и едва ли решавшим образом влияли на курс Иоганна Георга. Впрочем, это скорее подчеркивает единство интересов курфюрста и его главного духовника: они перекликались в решавших пунктах имперской верности. Из новейших работ см.: Müller F. Kursachsen und der böhmische Aufstand. S. 127; Sommer W. 1) Die Lutherische Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung in Kurfürstentum Sachsen. Stuttgart, 2006. S. 137–164; 2) Der Einfluss der Hofprediger auf die kursächsischen Politik // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart, 2007. S. 309–310. «Не один другой надворный проповедник, — метко заключает В. Зоммер, — не вмешивался столь ясно, энергично и осознанно в политические обстоятельства, при том собственно не формируя и не меняя их по существу». (Ibid. S. 310).

протестантский север и католический юг. Внешне весьма блеклый духовный мир лютеранства обречен был сосуществовать с умножавшим свой блеск со времен Ренессанса и раннего барокко католической половиной Империи. Но сословная элита Саксонии не могла и не желала порвать веками сложившиеся общие традиции.

Выше уже говорилось о притягательности Дрездена для дворянской молодежи Богемии. Особенно ярко это проявлялось в воспитательной сфере, когда в Дрезден направлялись юные питомцы из владений Габсбургов, дабы получить надлежащее образование при лучшем, как считалось, княжеском дворе Империи. На исходе XVI в. вдову Христиана I Софию бомбардировали прошениями именитые семьи, домогаясь разрешить допустить в классные комнаты дрезденской резиденции своих чад. Дрезденский двор превращался в настоящую школу имперской знати. Ходатаем выступал и сам император. Так в 1598 г. Рудольф хлопотал за отпрыска одного надворного советника⁵⁶. В начале 1598 г. барон Херберштейн просил принять его сына Ганса Кристофа, уверяя в приличном христианском воспитании его, и в годности к службам при особых юных саксонских принцев. За Херберштейна просили правительственные чины Штирийского герцогства, и София дала свое согласие⁵⁷. Не всегда, впрочем, было возможно удовлетворить все прошения, но вдовствующая княгиня, безусловно, должна была испытывать удовлетворение от столь высокой репутации собственного двора. Знакомство и дружба «по родству» с дворянскими отпрысками из земель императора прививала будущим курфюрстам дружеские чувства и к самой короне.

Со второй половины XVI в. мы наблюдаем весьма характерное проникновение католической моды в сферу придворного быта. Кульминацией становится использование по сути своей католического художественного арсенала в перестройке резиденций, в художественной отделке, даже в заупокойном культе. Именно эти результаты интернациональных и межрегиональных связей оказались в последние годы в центре внимания саксонских искусствоведов. Курфюрст Август был хорошо знаком со вкусами габсбургского двора. Отчасти под их влиянием в Дрездене появилась и пополнялась своя кунсткамера⁵⁸. Даже погребальный цере-

⁵⁶ HSTAD. Loc. 8017 / 12. Bl. 308. Прошение за сына господина фон Ничана «советника и надворного судьи» Богемской короны.

⁵⁷ Ibid. Loc. 8017 / 12. Bl. 463–464. Письмо барона Херберштайна от 26 января 1598 г. администрации; Bl. 466–467. Прошение ландесхауптманна герцогства Штирии на имя администратора от 26 января 1598 г.

⁵⁸ Tiller E. Räume, Raumordnungen und Repräsentation: Dresden und seine Kunstkammer als Exempel frühneuzeitlicher Fürstensammlungen (1560–1630) // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof/ Hrsg. von B. Marx. München, Berlin, 2005. S. 40–71.

монаил, устроенный для Августа в 1586 г., как полагают, был в некоторых деталях скопирован с императорского чина: в библиотеки курфюрста хранился знаменитый свиток с изображением траурной процессии Карла V⁵⁹. Надгробный монумент Морицу Саксонскому, воздвигнутый в 1563 г., и родовая усыпальница Веттинов во Фрайберге на исходе века весьма тонко заимствовали лучшие достижение католической традиции⁶⁰. С правления Августа I возобновляются тесные контакты с флорентийским двором Медичи, оттуда в Дрезден попадают лучшие образцы прикладного искусства. Посредниками становятся итальянские мастера, некоторые из которых — как, например, Джованни Мария Носсени, оседают в Дрездене и обретают известность. Передаточным звеном все чаще выступают дворы Габсбургов, прежде всего Инсбрук и Прага. Более того, по мнению некоторых саксонских искусствоведов именно Дрезден, впитывая достижения позднего Ренессанса, постепенно становился предметом подражания для габсбургских резиденций. Во всяком случае, формировался прочный треугольник насыщенных контактов Дрезден–Инсбрук–Прага, свидетельствовавший об общих вкусах и увлечениях⁶¹. Границы двух культур оказались проницаемы, и это сближало столь, казалось бы, разные религиозные полюса.

Отношения дрезденских Веттинов и Габсбургов показывали важность именно традиционных сцепок. Когда рухнуло единство веры, обнажились старые династические, семейные, сословно-статусные связи вплоть до насыщенных персональных контактов, помогавших удержать Империю на краю пропасти. Они не были выдумкой времени, им нельзя приписать институциональный характер в духе современной государствен-

⁵⁹ Bäumel J. Das Trauerzeremoniell für Kurfürst August von Sachsen 1586 in Dresden und Freiberg // Dresdner Kunstblätter, 6, 1987. S. 208–216; Stanislaw — Kemenah A. K. “Zur Dienstwartung bei der Churfürstlich — Sächsischen Begengnus zukommen”. Repräsentation fürstlicher Macht in den Begrünissen Herzog Albrechts (1501) und Kurfürst Augsts (1586) von Sachsen // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof. S. 89.

⁶⁰ Magirus H. Das Moritzmonument im Freiberger Dom — ein Gemeinschaftswerk italienischer, niederländischer und deutscher Künstler zum Andenken an eine hervorragende Fürstenpersönlichkeit // Kurfürst Moritz und die Renaissance / Hrsg. von Dresdner Geschichtsverein. Dresdner Hefte, N. 52, 1997. S. 87–92.

⁶¹ Подробней см.: Marx B. 1) Künstlermigration und Kulturredonsum. Die Florentiner Kulturpolitik im 16. Jahrhundert und die Formierung Dresdens als Elbflorenz // Deutschland und Italien in ihren wechselseitigen Beziehungen während der Renaissance/ Hrsg. von B. Guthmüller. Wiesbaden, 2000. S. 211–297; 2) Kunst und Repräsentation an den kursächsischen Höfen // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof. S. 9–39. Обзор дискуссии и вопрос соотношения местных и интернациональных влияний особенно в отношении архитектуры: Прокопьев А. Ю. В плена Ренессанса // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия проф. В. А. Якубского / под ред. А. Ю. Дворниченко. С. 372–416. СПб., 2009.

ности. Но они формировали многоуровневую структуру, привычную и надежную. Результат был налицо: дружными усилиями удалось отсрочить катастрофу, наступившую в начале XVII в.

Информация о статье:

Автор: Прокопьев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, prokopiev65@mail.ru

Заголовок: Как сохранить единство? О возможностях интеграции в век религиозного раскола.

Резюме: Статья освещает аспекты социальных связей правящей имперской династии Габсбургов и курфюрстов Саксонии на важнейшем отрезке имперской истории от Аугсбургского мира 1555 г. до конца Тридцатилетней войны. Исследуются различные механизмы взаимовлияния, позволявшие сохранять мир в землях Империи в условиях ширившегося религиозного противостояния. В центре внимания как политические структуры, так и элиты сословного общества, прежде всего саксонское дворянство в его связях с подданными короны в наследственных землях Габсбургов.

Ключевые слова: Саксония, Империя, Габсбурги, Веттины, конфессиональная эпоха.

Список литературы:

Прокопьев Андрей Юрьевич. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб.: Изд-во СПБГУ, 2008. 481 с.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. Детская комната — основа государства?// Albo Dies notanada lapillo. Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой / под ред. В. А. Якубского. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2005. С. 239–263.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. В плenу Ренессанса // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия проф. В. А. Якубского / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., Изд-во СПБГУ, 2009. С. 372–416.

Bäumel, Jutta. Das Trauerzeremoniell für Kurfürst August von Sachsen 1586 in Dresden und Freiberg // Dresdner Kunstblätter, 6, Deutscher Kunstverlag, 1987. S. 208–216.

Blaschke, Karlheinz (Hrsg.). Moritz von Sachsen: ein Reformationsfürst zwischen Territorium und Reich/ Hrsg. von K. Blaschke. Verlag Philipp Steiner, Leipzig, 2007.

Boetticher, Walter von. Geschichte des Oberlausitzschen Adels und seiner Güter 1635–1815. Bd 1–2. Görlitz, Selbstverlag der Oberlausitzschen Gesellschaft der Wissenschaften. 1912–1913. S. 323.

Broesigke, Irmgard von. Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meissen und Kurfürst von Sachsen. Düsseldorf, Verlag Nolte, 1938. S. 111.

Brückner, Georg. Die zu Dresden im April 1575 zu Ehren des Kaisers Maximilian II. veranstalteten Feierlichkeiten // Archiv für Sächsische Geschichte, 4, Leipzig, Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1866. S. 225–241.

Bünz, Enno. Die Kurfürsten von Sachsen bis zur Leipziger Teilung 1423–1485 // Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige. 1089–1918 / Hrsg. von F.-L. Kroll, München, Verlag C. H. Beck, 2007. S. 25–38.

Bůžek, Vazlav. Der Adel im böhmisch-sächsischen Grenzraum zu Beginn der Neuzeit // Die Familie von Büna. Adelsherrschaften in Sachsen und Böhmen vom Mittelalter zur Neuzeit /Hrsg. von M. Schattkowsky. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2008. S. 73–98.

Carlowitz, Oswald Rudolf von. Aus dem Archive der Familie von Carlowitz. Dresden, Rammingsche Buchdruckerei, 1875. S. 243.

Dietrich, Andrea, Finger, Brigit, Henning, Lutz. Adel ohne Grenzen. Die Herren von Büna in Sachsen und Böhmen/ Hrsg. von Schloß Weesenstein, Döbel, 2006. S. 128.

Dohrn — van Rossum, Georg. Die Markgrafen von Meissen im 14. Jahrhundert 1291–1423 // Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige. 1089–1918 / Hrsg. von F.-L. Kroll, München, Verlag C. H. Beck, 2007. S. 25–38.

Duchhardt, Heinz. Protestantisches Kaisertum und Altes Reich. Wiesbaden, Verlag Franz Steiner, 1977. S. 384.

Essegern, Ute. Fürstinnen am Kursächsischen Hof. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2007. S. 524.

Fraustadt, Albert. Geschichte des Geschlechts von Schönberg meissnischen Stammes. Bd 1 A: Die urkundliche Geschichte bis zur Mitte des 17. Jahrhunderts. 2. Aufl. Leipzig, Giesecke et Devrient, 1878. S. 512.

Genealogisches Handbuch des Adels. Adlige Häuser A. Bd XIX., Verlag Starke, 1987. S. 611.

Gotthard, Axel. “Politice seint wir bärstisch”. Kursachsen und der deutsche Protestantismus im frühen 17. Jahrhundert // Zeitschrift für historische Forschung, 20, Duncker et Humblot, 1993. S. 273–319.

Gotthard, Axel. Das Alte Reich 1495–1806. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. S. 180.

Groß, Reiner. Die Wettiner. Stuttgart, W. Kolhammer, 2007. S.321

Groß, Reiner. Geschichte Sachsens, Leipzig, Edition Leipzig, 2001. S. 343.

Herrmann, Johannes. Moritz von Sachsen (1521–1553) Landes-, Reichs- und Friedensfürst. Beucha Verlag, Beucha, 2003 S. 238.

Klein, Thomas. Der Kampf um die “zweite Reformation” in Kursachsen, 1586–1591. Graz; Köln, Büh�au, 1962. S. 220.

Koch, Ernst. Der kursächsische Philippismus und seine Krise in den 60er und 70er Jahren //Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland — Das Problem der “Zweiten Reformation” / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, Gütersloher Verlagshaus, 1986. S. 60–78

Koch, Ernst. Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Evangelische Verlagsanstalt, Leipzig, 2000. S. 507.

Koch, Ernst. Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Im Auftrag der Arbeitsgemeinschaft für Sächsische Kirchengeschichte anlässlich ihres 125-jährigen Bestehens/ Hrsg. von H. Junghans., Leipzig, Evangelische Verlagsanstalt, 2005. S. 191–218.

Kohler, Alfred. Ferdinand I. 1503–1564. Fürst, König und Kaiser. München, Verlag C. H. Beck 2003. S. 377.

Langenn, Friedrich Albert von. Christoph von Carlowitz. Eine Darstellung aus dem XVI. Jahrhundert. Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1854. S. 366.

Luttenberger, Albrecht Pius. Kurfürsten, Kaiser und Reich. Politische Führung und Friedenssicherung unter Ferdinand I. und Maximilian II. Mainz, P. von Zabern, 1994. S. 488.

Magirus, Heinrich. Das Moritzmonument im Freiberger Dom — ein Gemeinschaftswerk italienischer, niederländischer und deutscher Künstler zum Andenken an eine hervorragende Fürstenpersönlichkeit // Kurfürst Moritz und die Renaissance / Hrsg. von Dresdner Geschichtsverein. Dresden Hefte, H. 52, Dresden Geschichtsverein, 1997. S. 87–92.

Marx, Barbara. Künstlermigration und Kulturredit. Die Florentiner Kulturpolitik im 16. Jahrhundert und die Formierung Dresdens als Elbflorenz // Deutschland und Italien in ihren wechselseitigen Beziehungen während der Renaissance / Hrsg. von B. Guthmüller. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2000. S. 211–297.

Müller, Frank. Kursachsen und der Böhmisches Aufstand 1618–1622. Münster, Aschendorff, 1997. S. 539.

Neuhaus H. Die brandenburgischen Kurfürsten im Jahrhundert der Reformation (1499–1598) // Preußens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II / Hrsg. von Fr. L. Kroll. München, C.H. Beck, 2006. S. 68–73.

Ortloff, Friedrich. Geschichte der Grumbachischen Händel. Bd 1–4. Jena, Verlag Friedrich Frommann, 1868–1870.

Press, Volker. Hessen im Zeitalter der Landesteilung (1567–1655) // Das Werden Hessens / Hrsg. von W. Heinemeyer. Marburg, N. G. Ehlwert, 1986. S. 267–331.

Press, Volker. Das römisch-deutsche Reich — ein politisches System in verfassungs- und sozialgeschichtliches Fragestellung // Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze / Hrsg. von J. Kunisch. Dunckler und Humblott, Berlin, 1998. S. 18–66.

Press, Volker. Wilhelm von Grumbach und die deutsche Adelskrise der 1560er Jahre // Press V. Adel im Alten Reich. Gesammelte Vorträge und Aufsätze / Hrsg. von F. Brendle, A. Schindling. Verlag Torbecke, Tübingen, 1998. S. 383–421.

Richard, August Victor. Der kurfürstlich sächsische Kanzler Dr. Nicolaus Krell. Ein Beitrag zur sächsischen Geschichte des 16. Jh. Bd 1. Dresden, R. Kunze, 1859. S. 107.

Ritter, Moritz. August von Sachsen und Friedrich III von der Pfalz // Archiv für Sächsische Geschichte, 5, Leipzig, Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1879. S. 289–367.

Rogge, Jörg. Die Wettiner. Aufstieg einer Dynastie im Mittelalter. Stuttgart, Verlag J. Torbecke, 2005. S. 271.

Rudersdorf, Manfred. Maximilian II. 1564–1576 // Die Kaiser der Neuzeit 1519–1918. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland / Hrsg. von A. Schindling, W. Ziegler. München, C.H. Beck, 1990. S. 79–97.

Rudersdorf, Manfred. Schindling, Anton. Kurbrandenburg // Die Territorien des Reiches im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Bd 2 Münster, Aschendorff, 1992 S. 35–52.

Schille, Christian. Christoph von Carlowitz // Neue Deutsche Biographie. Bd 3, Berlin, Duncker et Humblot, 1957. S. 144–146.

Schindling, Anton. Deutsche Universitäten in der Neuzeit: Eine Einführung in ihre Erforschung mit Würdigung der Arbeiten von Peter Baumgart // Universität

Würzburg und Wissenschaft in der Neuzeit. Beiträge zur Bildungsgeschichte. Gewidmet P.Baumgart anlässlich seines 65. Geburtstages / Hrsg. von P.Herde, A. Schindling. Würzburg, Verlag Schöningh, 1998. S. 15–35.

Schindling, Anton. Schulen und Universitäten im 16. und 17. Jahrhundert. Zehn Thesen zu Bildungsexpansion, Laienbildung und Konfessionalisierung nach der Reformation // Ecclesia militans. Studien zur Konziliens- und Reformationsgeschichte / Hrsg. von W. Brandmüller, H. Immenkötter, E. Iserloh. Bd 2. Würzburg, Verlag Schöningh, 1988. S. 561–570.

Schindling, Anton. Universität Gießen als Typus einer Hochschulgründung // Academia Gissensis. Beiträge zur älteren Gießener Universitätsgeschichte /Hrsg. von P.Moraw, V.Press. Marburg, N.G. Elwert, 1982. S. 83–113.

Schirmer, Uwe. Sachsen und die Reichspolitik // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Im Auftrag der Arbeitsgemeinschaft für Sächsische Kirchengeschichte anlässlich ihres 125-jährigen Bestehens/ Hrsg. von H. Junghans. Evangelische Verlagsanstalt, Leipzig, 2005. S. 234–235.

Schirmer, Uwe. Der ernestinische und albertinische Landadel in der Zentralverwaltung der Kurfürsten und Herzöge von Sachsen (1525–1586) // Die Familie von Bünau. Adelsherrschaften in Sachsen und Böhmen vom Mittelalter zur Neuzeit /Hrsg. von M. Schattkowsky. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2008. S. 191–214.

Schmidt, Georg. Der Westfälische Frieden — eine neue Ordnung für das Alte Reich? // Wendemarken in der deutschen Verfassungsgeschichte/ Hrsg. von R.Mußgnug. Berlin, Duncker et Humblot, 1993. S. 45–83.

Schmidt, Georg. Geschichte des alten Reiches. Staat und Nation 1495 — 1806. München, Verlag C.H. Beck, 1999 S. 459.

Sommer, Wolfgang. Die Lutherische Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung in Kurfürstentum Sachsen. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2006. S. 318.

Sommer, Wolfgang. Der Einfluß der Hofprediger auf die kursächsischen Politik // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart, 2007. S. 309–310.

Stanislaw — Kemenah, Alexandra K. „Zur Dienstwartung bei der Churfürstlich — Sächsischen Begengnus zukommen“ Repräsentation fürstlicher Macht in den Begründissen Herzog Albrechts (1501) und Kurfürst Augsts (1586) von Sachsen // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof/ Hrsg. von B. Marx. München, Berlin, Deutscher Kunstverlag, 2005. S. 72–96.

Tiller, Ernst. Räume, Raumordnungen und Repräsentation: Dresden und seine Kunstkammer als Exempel frühneuzeitlicher Fürstensammlungen (1560–1630) // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof/ Hrsg. von B. Marx. München, Berlin, Deutscher Kunstverlag, 2005. S.40–71.

Weber, Karl von. Des Kurfürsten August zu Sachsen Verhandlungen mit dem König, später Kaiser Maximilian II. über dessen Glaubensbekenntniß // Archiv für sächsische Geschichte, 3, Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1865. S. 310–312.

Winter, Christian. Kondolenzschreiben auf den Tod des Kurfürsten Moritz von Sachsen // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Verlag Philipp Steiner, Stuttgart, 2007. S. 103–115.

Information about the article:

Author: Prokop'ev Andrey Yur'evich, PhD (in History), Doctor of History, Professor of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, prokopiev65@mail.ru

Title: How to keep unity? On the abilities of integration during the Religious Schism epoch.

Summary: The present paper deals with the social connections aspects of ruling imperial dynasties of Habsburgs and prince-electors of Saxony during the most important period of Imperial history from Augsburg peace of 1555 to the end of Thirty years war. Different mechanisms of interaction are studied, which let to keep peace within the Empire lands in the circumstances of expanding Religious dissidence. The main attention is paid to both political structures and elites of Estate society, first of all — to Saxon nobility in its relations with Crown subjects in hereditary domains of Habsburg.

Key words: Saxony, Empire, Habsburgs, House of Wettin, Confession epoch.

References:

Prokop'ev Andrey Yur'evich. *Germaniya v epokhu religioznogo raskola 1555–1648*. SPb., Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 481 s.

Prokop'ev Andrey Yur'evich. *Detskaya komnata — osnova gosudarstva?* // Albo Dies notanada lapillo. Kollegi i ucheniki — G. E. Lebedevoy / pod red. V. A. Yakubskogo. SPb., Izd-vo «Aleteya», 2005. S. 239–263.

Prokop'ev Andrey Yur'evich. *V plenu Renessansa* // Prospice sed respice: Problemy slavyanovedeniya I medievistiki. Sbornik nauchnykh statey v b chesti 85-letiya prof. V. A. Yakubskogo / pod red. A. Yu. Dvornichenko. Spb., Izdatel'stvo SPbGU, 2009. S. 372–416.

Bäumel, Jutta. Das Trauerzeremoniell für Kurfürst August von Sachsen 1586 in Dresden und Freiberg // Dresdner Kunstblätter, 6, Deutscher Kunstverlag, 1987. S. 208–216.

Blaschke, Karlheinz (Hrsg.). Moritz von Sachsen: ein Reformationsfürst zwischen Territorium und Reich/ Hrsg. von K. Blaschke. Verlag Philipp Steiner, Leipzig, 2007.

Boetticher, Walter von. Geschichte des Oberlausitzschen Adels und seiner Güter 1635–1815. Bd 1–2. Görlitz, Selbstverlag der Oberlausitzschen Gesellschaft der Wissenschaften. 1912–1913. S. 323.

Broesigke, Irmgard von. Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meissen und Kurfürst von Sachsen. Düsseldorf, Verlag Nolte, 1938. S. 111.

Brückner, Georg. Die zu Dresden im April 1575 zu Ehren des Kaisers Maximilian II. veranstalteten Feierlichkeiten // Archiv für Sächsische Geschichte, 4, Leipzig, Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1866. S. 225–241.

Bünz, Enno. Die Kurfürsten von Sachsen bis zur Leipziger Teilung 1423–1485 // Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige. 1089–1918/ Hrsg. von F.-L. Kroll, München, Verlag C. H. Beck, 2007. S. 25–38.

Bůžek, Vazlav. Der Adel im böhmisch-sächsischen Grenzraum zu Beginn der Neuzeit // Die Familie von Büna. Adelsherrschaften in Sachsen und Böhmen vom Mittelalter zur Neuzeit / Hrsg. von M. Schattkowsky. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2008. S. 73–98.

Carlowitz, Oswald Rudolf von. Aus dem Archive der Familie von Carlowitz. Dresden, Rammingsche Buchdruckerei, 1875. S. 243.

Dietrich, Andrea, Finger, Brigit, Henning, Lutz. Adel ohne Grenzen. Die Herren von Büna in Sachsen und Böhmen/ Hrsg. von Schloß Weesenstein, Döbel, 2006. S. 128.

Dohrn — van Rossum, Georg. Die Markgrafen von Meissen im 14. Jahrhundert 1291–1423 // Die Herrscher Sachsens. Markgrafen, Kurfürsten, Könige. 1089–1918/ Hrsg. von F.-L. Kroll. München, Verlag C. H. Beck, 2007. S. 25–38.

Duchhardt, Heinz. Protestantisches Kaiserreich und Altes Reich. Wiesbaden, Verlag Franz Steiner, 1977. S. 384.

Essegern, Ute. Fürstinnen am Kursächsischen Hof. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2007. S. 524.

Fraustadt, Albert. Geschichte des Geschlechts von Schönberg meissnischen Stammes. Bd 1 A: Die urkundliche Geschichte bis zur Mitte des 17. Jahrhunderts. 2. Aufl. Leipzig, Giesecke et Devrient, 1878. S. 512.

Genealogisches Handbuch des Adels. Adlige Häuser A . Bd XIX., Verlag Starke, 1987. S. 611.

Gotthard, Axel. "Politice seint wir bärpstisch". Kursachsen und der deutsche Protestantismus im frühen 17. Jahrhundert // Zeitschrift für historische Forschung, 20, Duncker et Humblot, 1993. S. 273–319.

Gotthard, Axel. Das Alte Reich 1495–1806. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. S. 180.

Groß, Reiner. Die Wettiner. Stuttgart, W. Kolhammer, 2007. S. 321.

Groß, Reiner. Geschichte Sachsens, Leipzig, Edition Leipzig, 2001. S. 343.

Herrmann, Johannes. Moritz von Sachsen (1521–1553) Landes-, Reichs- und Friedensfürst. Beucha Verlag, Beucha, 2003 S. 238.

Klein, Thomas. Der Kampf um die "zweite Reformation" in Kursachsen, 1586–1591. Graz; Köln, Bührlau, 1962. S. 220.

Koch, Ernst. Der kursächsische Philippismus und seine Krise in den 60er und 70er Jahren // Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland — Das Problem der "Zweiten Reformation" / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, Gütersloher Verlagshaus, 1986. S. 60–78

Koch, Ernst. Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Evangelische Verlagsanstalt, Leipzig, 2000. S. 507.

Koch, Ernst. Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Im Auftrag der Arbeitsgemeinschaft für Sächsische Kirchengeschichte anlässlich ihres 125-jährigen Bestehens/ Hrsg. von H. Junghans., Leipzig, Evangelische Verlagsanstalt, 2005. S. 191–218.

Kohler, Alfred. Ferdinand I. 1503–1564. Fürst, König und Kaiser, München, Verlag C. H. Beck, 2003. S. 377.

Langenn, Friedrich Albert von. Christoph von Carlowitz. Eine Darstellung aus dem XVI. Jahrhundert. Leipzig, J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1854. S. 366.

Luttenberger, Albrecht Pius. Kurfürsten, Kaiser und Reich. Politische Führung und Friedenssicherung unter Ferdinand I. und Maximilian II. Mainz, P. von Zabern, 1994. S. 488.

Magirius, Heinrich. Das Moritzmonument im Freiberger Dom — ein Gemeinschaftswerk italienischer, niederländischer und deutscher Künstler zum Andenken an eine hervorragende Fürstenspersonlichkeit // Kurfürst Moritz und die Renaissance / Hrsg. von Dresdner Geschichtsverein. Dresdner Hefte, H. 52, Dresdener Geschichtsverein, 1997. S. 87–92.

Marx, Barbara. Künstlermigration und Kulturkonsum. Die Florentiner Kulturpolitik im 16. Jahrhundert und die Formierung Dresdens als Elbflorenz // Deutschland und Italien in ihren wechselseitigen Beziehungen während der Renaissance / Hrsg. von B. Guthmüller. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2000. S. 211–297.

Müller, Frank. Kursachsen und der Böhmisches Aufstand 1618–1622. Münster, Aschendorff, 1997. S. 539.

Neuhauß H. Die brandenburgischen Kurfürsten im Jahrhundert der Reformation (1499 — 1598) // Preußens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II / Hrsg. von Fr. L. Kroll. München, C. H. Beck, 2006. S. 68–73.

Ortloff, Friedrich. Geschichte der Grumbachischen Händel. Bd 1–4. Jena, Verlag Friedrich Frommann, 1868–1870.

Press, Volker. Hessen im Zeitalter der Landesteilung (1567–1655) // Das Werden Hessens / Hrsg. von W. Heinemeyer. Marburg, N. G. Ehlwert, 1986. S. 267–331.

Press, Volker. Das römisch-deutsche Reich — ein politisches System in verfassungs- und sozielgeschichtliches Fragestellung // Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze / Hrsg. von J. Kunisch. Dunckler und Humblott, Berlin, 1998. S. 18–66.

Press, Volker. Wilhelm von Grumbach und die deutsche Adelskrise der 1560er Jahre // Press V. Adel im Alten Reich. Gesammelte Vorträge und Aufsätze / Hrsg. von F. Brendle, A. Schindling. Verlag Torbecke, Tübingen, 1998. S. 383–421.

Richard, August Victor. Der kurfürstlich sächsische Kanzler Dr. Nicolaus Krell. Ein Beitrag zur sächsischen Geschichte des 16. Jh. Bd 1. Dresden, R. Kunze, 1859. S. 107.

Ritter, Moritz. August von Sachsen und Friedrich III von der Pfalz // Archiv für Sächsische Geschichte, 5, Leipzig, Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1879. S. 289–367.

Rogge, Jörg. Die Wettiner. Aufstieg einer Dynastie im Mittelalter. Stuttgart, Verlag J. Torbecke, 2005. S. 271.

Rudersdorf, Manfred. Maximilian II. 1564–1576 // Die Kaiser der Neuzeit 1519–1918. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland/ Hrsg. von A. Schindling, W. Ziegler. München, C. H. Beck, 1990. S. 79–97.

Rudersdorf, Manfred. Schindling, Anton. Kurbrandenburg // Die Territorien des Reiches im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Bd 2. Münster, Aschendorff, 1992. S. 35–52.

Schille, Christian. Christoph von Carlowitz // Neue Deutsche Biographie. Bd 3, Berlin, Duncker et Humblot, 1957. S. 144–146.

Schindling, Anton. Deutsche Universitäten in der Neuzeit: Eine Einführung in ihre Erforschung mit Würdigung der Arbeiten von Peter Baumgart // Universität Würzburg

und Wissenschaft in der Neuzeit. Beiträge zur Bildungsgeschichte. Gewidmet P. Baumgart anlässlich seines 65. Geburtstages/Hrsg. von P. Herde, A. Schindling. Würzburg, Verlag Schöningh, 1998. S. 15–35.

Schindling, Anton. Schulen und Universitäten im 16 und 17. Jahrhundert. Zehn Thesen zu Bildungsexpansion, Laienbildung und Konfessionalisierung nach der Reformation // Ecclesia militans. Studien zur Konziliens- und Reformationsgeschichte/ Hrsg. von W. Brandmüller, H. Immenkötter, E. Iserloh. Bd 2. Würzburg, Verlag Schöningh, 1988. S. 561–570.

Schindling, Anton. Universität Gießen als Typus einer Hochschulgründung // Academia Gissensis. Beiträge zur älteren Gießener Universitätsgeschichte / Hrsg. von P. Moraw, V. Press. Marburg, N.G. Elwert, 1982. S. 83–113.

Schirmer, Uwe. Sachsen und die Reichspolitik // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Im Auftrag der Arbeitsgemeinschaft für Sächsische Kirchengeschichte anlässlich ihres 125-jährigen Bestehens/ Hrsg. von H. Junghans. Evangelische Verlagsanstalt, Leipzig, 2005. S. 234–235.

Schirmer, Uwe. Der ernestinische und albertinische Landadel in der Zentralverwaltung der Kurfürsten und Herzöge von Sachsen (1525–1586) // Die Familie von Bünaу. Adelsherrschaften in Sachsen und Böhmen vom Mittelalter zur Neuzeit / Hrsg. von M. Schattkowsky. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2008. S. 191–214.

Schmidt, Georg. Der Westfälische Frieden — eine neue Ordnung für das Alte Reich? // Wendemarken in der deutschen Verfassungsgeschichte / Hrsg. von R. Mußgnug. Berlin, Duncker et Humblot, 1993. S. 45–83.

Schmidt, Georg. Geschichte des alten Reiches. Staat und Nation 1495–1806. München, Verlag C. H. Beck, 1999. S. 459.

Sommer, Wolfgang. Die Lutherische Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung in Kurfürstentum Sachsen. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2006. S. 318.

Sommer, Wolfgang. Der Einfluß der Hofprediger auf die kursächsischen Politik // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart, 2007. S. 309–310.

Stanislaw — Kemenah, Alexandra K. “Zur Dienstwartung bei der Churfürstlich — Sächsischen Begengnus zukommen”. Repräsentation fürstlicher Macht in den Begründissen Herzog Albrechts (1501) und Kurfürst Augusts (1586) von Sachsen // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof / Hrsg. von B. Marx. München, Berlin, Deutscher Kunstverlag, 2005. S. 72–96.

Tiller, Ernst. Räume, Raumordnungen und Repräsentation: Dresden und seine Kunstkammer als Exempel frühneuzeitlicher Fürstensammlungen (1560–1630) // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof / Hrsg. von B. Marx. München, Berlin, Deutscher Kunstverlag, 2005. S. 40–71.

Weber, Karl von. Des Kurfürsten August zu Sachsen Verhandlungen mit dem König, später Kaiser Maximilian II. über dessen Glaubensbekenntniß // Archiv für sächsische Geschichte, 3, Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1865. S. 310–312.

Winter, Christian. Kondolenzschreiben auf den Tod des Kurfürsten Moritz von Sachsen // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Verlag Philipp Steiner, Stuttgart, 2007. S. 103–115.

УДК 94(430).03; ББК 63.3(0)4 (4Гем)

З. А. Лурье

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИЗМА в 1520–1530-е гг.

Гуманистическое движение в немецких землях Священной Римской империи начинается в середине XV в., приобретая определенный размах в 1470-е гг., когда появляются первые переводы и постановки классических произведений и происходят попытки реализации гуманистических принципов образования¹. Связь гуманизма и религиозного возрождения, гуманизма и Реформации — две основные проблематики, к которым сводится обширная историография немецкого Ренессанса XIX–XX вв. Историографическая традиция складывалась под влиянием романтизма с его ярко выраженной национальной идеей и неокантианской философии, что обусловило исследовательский интерес к специфическим чертам гуманистического движения в Германии. Я. Бурхадт, давший эталонное описание итальянского Ренессанса, обозначает его принципиальной чертой свободомыслие и светский характер мировоззрения: именно в этом, по его мнению, и заключается принципиально отличие итальянской и немецкой традиции. Последнюю же отличает торжество христианской идеи². В этом достаточно искусственном противопоставлении, призванном пояснить интеллектуальные и духовные причины Реформации, заключается суть концепции «религиозного Ренессанса», также фигурирующая в историографии как феномен «христианского» или «бibleйского» гуманизма³.

¹ О датировках гуманистического движения см.: Spitz L. W. *The Religious Renaissance of the German humanists*. Cambridge, 1963. P. 12; Немилов А. Н. Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979. С. 3–16.

² Burckhardt J. *Die Kultur der Renaissance in Italien*. Basel, 1860.

³ Например: Wernle P. *Die Renaissance des Christentums im 16. Jahrhundert*. Tübingen, 1904; Hermelink H. *Die religiöse Reformbestrebungen des deutschen Humanismus*. Tübingen, 1907; Troeltsch E. *Renaissance und Reformation // Historische Zeitschrift*. 1913. N 4. P. 68–75; Hyma A.

1) *The Devotio moderna or Christian Renaissance (1380–1520)*. Michigan, 1924; 2) *The Christian Renaissance. A history of «Devotio moderna»*. Hamden, 1965; Post R. *The Modern Devotion: Confrontation with Reformation and Humanism. Studies in Medieval and Reformation Thought*. Leiden, 1968.

© З. А. Лурье, 2014

Например, Л. Гейгер разделяет национальное гуманистическое движение, уходящее корнями в движение номиналистов (т. е. к представителям «братьев общей жизни» и Девентерской школы Герта Грооте), и итальянское влияние, отличающееся светским характером⁴. Или Л. фон Пастор в своем классическом труде «История папства» сформулировал различие между «ложным» (языческим) и «истинным» (христианским) Ренессансом, сравнивая именно итальянскую и немецкую традиции⁵. В этом контексте складывается сильная исследовательская школа (Ж. Лотца, Х. Оберманн и др.), рассматривая преемственность средневековых теологических концепций (главным образом, номинализма и томизма) в религиозной мысли Реформации⁶. Более того, позднесредневековые духовные движения фактически постулируются как гуманистической традиции уже в 1350–1380-е гг. Однако при таких интерпретациях происходит подмена классического идеала идеей возрождения раннехристианского благочестия. Во второй половине XX столетия была осознана необходимость пересмотра исходных тезисов: критика концепции «религиозного Ренессанса» прозвучала в 1960–1970-е гг., главным образом, благодаря переосмыслинию самого феномена гуманизма. Здесь нельзя преуменьшить влияние профессора Колумбийского университета П. О. Кристеллера, рассматривающего гуманизм как набор определенных навыков, профессиональную интеллектуальную культуру. Ключевым отличием гуманизма от предшествующей практики является система педагогических взглядов (основанная на изучении языков и классической литературы), не связанная с принципиальными вопросами экзистенции. Отдельные гуманисты, по мнению исследователя, действительно могли быть язычниками, однако в целом они были верующими христианами, чье творчество отличало определенный набор эстетических и профессиональных ориентиров, связанных с античным наследием. Таким образом, П. О. Кристеллер развеивает миф о скептицизме итальянских гуманистов⁷. С этих позиций и был пересмотрен тезис о «мистическом» северном гуманизме. В частности, М. Зайдльмайер критикует концепцию религиозного Ренессанса, исходя из тезиса об интернациональном характере гуманизма и, по сути, о недопустимости разговора о национальной специфике⁸. В этом же направлении работают Р. Невальд,

⁴ Geiger L. *Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland*. Berlin, 1882. Bd 3.

⁵ Pastor L. *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*. Freiburg in Breslau, 1901. Bd 1.

⁶ См.: Ozment S. *The Reformation in Medieval Perspective*. Chicago, 1971. P. 3–11.

⁷ Kristeller P. O. 1) *The Renaissance thought and its source / Ed. M. Mooney*. New York, 1979. Vol. I. P. 3–23; 2) *Studies in Renaissance. Thoughts and Letter*. Roma, 1956.

⁸ Seidlmayer M. *Wege und Wandlungen des Humanismus. Studien zu seinem politischen, ethischen, religiösen Problemen*. Göttingen, 1965.

рассматривающий духовный образ и тип мышления гуманистов, и О. Бенеш, показавший несостоительность концепции на материале изобразительного искусства⁹. В рамках ревизионизма второй половины XX в. уточняется и датировка появления гуманизма в Германии.

Однако признание универсального характера гуманизма не объясняет герменевтическую ориентацию интеллектуалов, призывавших к изучению латыни, древнегреческого и древнееврейского с целью анализа Священных текстов, и как следствие проведение Реформации. Для определения этого феномена голландский исследователь Й. Линденбум даже ввел понятие «бблейского гуманизма», связывая его появление с изданием базельскими гуманистами трудов Иеронима 1516 г.¹⁰ Понятие это, безусловно, весьма удачное, хотя и редко используемое, так как позволяет отметить специфику в профессиональной деятельности гуманистов, не связывая ее с проблемой светской и религиозности. Бессспорно, что именно гуманистическая бблейская критика подготовила Реформацию, и эта взаимосвязь осознавалась уже современниками. Лютер и его последователи неоднократно говорили о роли «нового знания» для перехода к этапу «новой теологии». Для гуманиста Эобана Хесса также очевидно, что «слово Божие никогда не было бы понято без предваряющего его расцвета языков и книжности», и, следовательно, гуманисты подобны Иоанну Крестителю, подготовившему приход Спасителя¹¹. В свою очередь, Меланхтон уже в 1518 г. пишет о том, что именно свободные искусства позволяют людям получать «Святой дух с небес», тогда как упадок знания неизменно ведет к упадку религии¹². Об этой преемственности писал К. Гаген, автор «Литературной и религиозной обстановки в Германии в период Реформации» 1840-х гг.¹³ Суть последующей историографической традиции, рассматривающей соотношение между двумя интеллектуальными течениями, сводится к формуле Б. Мoеллера: «Без гуманизма нет

⁹ Newald R. 1) Nachleben des antiken Geistes im Abendland bis zum Beginn des Humanismus. Tübingen, 1960; 2) Problem und Gestalten des deutschen Studien Humanismus / Hg. von H. Roloff. Berlin, 1963; Benesch O. The Art of the Renaissance in Northern Europe: The art of the Renaissance in northern Europe: its relation to the contemporary spiritual and intellectual movements Cambridge. Cambridge, 1945.

¹⁰ Lindeboom J. Het bijbels humanisme in Nederland: Erasmus en de vroege reformatie. Leiden, 1913.

¹¹ Dr. Martin Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken. Berlin, 1826. Bd 3: Briefe 1523–1525. S. 50.

¹² Melanchthons Briefwechsel: kritische und kommentierte Gesamtausgabe / Hg. von H. Scheible. Stuttgart, 1977. Bd 1: Regesten 1–1109 (1514–1530). S. 82.

¹³ Hagen K. Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter. Erlangen, 1841. Bd 1.

Реформации»¹⁴. Однако при этом проблема взаимовлияния Реформации и Ренессанса решалась односторонне. Как указывает американский исследовательница Э. Руммел, занимающаяся вопросом гуманизма в период Реформации, в историографии речь о влиянии Реформации на интеллектуалов практически не шла. Верхняя граница гуманизма в немецких землях связывается с Реформацией¹⁵. С другой стороны, представление о конце гуманизма обусловлено живучестью традиции протестантского историописания, в котором Реформация определяет начало нового исторического этапа. Даже введенное в 1931 г. Э. Трунцем понятие «позднего гуманизма» (*«Späthumanismus»*) также подразумевало дискурс гуманистической традиции: он говорит о кратком периоде возрождения интереса к античности между периодами Реформации и барокко¹⁶.

Связать два тезиса — об универсальном характере гуманизма, с одной стороны, и о религиозной ориентации немецких гуманистов, с другой, оказалось возможным при пересмотре всей историософской традиции в рамках концепции периода конфессионализации Шиллинга–Райнхарда¹⁷. Сегодня исследователи говорят о периоде 1450–1650-х гг. как о периоде образования конфессий, который включает в себя и Возрождение, и Реформацию¹⁸. На XV в., при этом, приходится, собственно, осознание необходимости реформы внутри католического мира, следствием чего является и бблейская критика Лоренцо Вала, продолженная немецкими гуманистами, и борьба со схоластической системой образования, и монашеские движения, в том числе, движение «братьев общей жизни», и собственно Реформация и Контрреформация. Так, феномен бблейского гуманизма, как определяет его К. Августин, приходится на 1430–1520-е гг.¹⁹ Вторым этапом конфессиональной эпохи выступает как раз конструирование конфессиональной идентичности, связанным главным образом с реформами церковной и образовательной системы, в которой активно

¹⁴ Moeller B. Die deutschen Humanisten und die Anfänge der Reformation // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1959. N 70. S. 59.

¹⁵ Rummel E. The Confessionalisation of Humanism in Reformation Germany. Oxford, 2000. — Историографию по проблеме гуманизма и Реформации см.: Lutz H. Reformation und Gegenreformation. München, 2002. S. 128–126.

¹⁶ Kaegi W. Humanistische Kontinuität im konfessionellen Zeitalter. Basel, 1954.

¹⁷ Общее изложение проблемы см., например: Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? // Die Katholische Konfessionalisierung / Hg. von W. Reinhard, H. Schilling. Leiden, 1992. S. 437–38.

¹⁸ См.: Schilling H. Confessional Europe // Handbook of European History, 1400–1600 / Ed. T. Brady. Leiden, 1995. P. 641–681.

¹⁹ Augustijn C. Humanisten auf dem Scheideweg zwischen Luther und Erasmus // Humanismus und Reformation. Martin Luther und Erasmus in den Konflikten ihrer Zeit. München; Zürich, 1985. S. 129.

участвует интеллектуальная элита. Этот процесс носил универсальный характер, но именно в землях Священной римской империи и Швейцарской конфедерации он проявляет себя впервые, что, собственно, и приводит к появлению мифа о немецкой специфике. Переустройство латинских гимназий, немецких городских и сельских школ, а также университетов в католической и протестантской традиции проходило параллельно и имело в основе гуманистическую педагогику, что дает основание говорить о неизменности концепции «*res publica litteraria*» в период конфессионализации²⁰. О сохранении гуманистической традиции после Реформации говорят ряд исследователей, обратившиеся к актуальной проблеме культурных процессов конфессиональной эпохи. Г. Эстрайх, переосмысливший терминологию Э. Трунца о «позднем гуманизме» (1550–1620-е гг.) именно как о продукте конфессионализации, датируя его 1550–1620 гг. М. Полих и Г. Алмаси²¹. Г. Симон заявляет эту проблематику в своей монографии, однако решает ее на частном уровне, показывая биографию Теобальда Билликана в данный период и избегая теоретических обобщений²². Тем не менее Э. Руммел, пожалуй, является единственным автором, последовательно работающим с данным сюжетом, однако она концентрирует внимание на 1520–1530-х гг., т. е. собственно на периоде Реформации²³. В отечественной историографии к этой проблематики обращался и А. Ю. Прокопьев, познакомивший российскую публику с проблемой конфессионализации, и его ученики²⁴.

Конфессионализация не была для гуманистов абстрактным процессом, но означала принципиальное изменение образа жизни, разрушение семейных и дружественных связей, а порой была и вопросом жизни и смерти²⁵. Более того, перед интеллектуалами стояла задача

²⁰ См., например: Schindling A. Konfessionalisierung und Grenzen von Konfessionalisierbarkeit // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung: Land und Konfession 1500–1650. Münster, 1997. S. 40.

²¹ Humanismus, Reformation, Konfession: Beiträge zur Kirchengeschichte / W. Bienert, W. Hage. Marburg, 1986; Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung: lutherische Kirchen- und Universalgeschichtsschreibung 1546–1617. Tübingen, 2007; Almási G. The Uses of Humanism: Johannes Sambucus (1531–1584), Andreas Dudith (1533–1589), and the Republic of Letters in East Central Europe. Leiden, 2009.

²² Simon G. Theobald Billican, Leben und Werk. Berlin; New York, 1980.

²³ Rummel E. The Confessionalization of Humanism...

²⁴ См., например: Прокопьев А. Ю. В плена Ренессанса // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и balkанистики/ под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 372–416.

²⁵ См.: Humanismus, Reformation, Konfession: Beiträge zur Kirchengeschichte. S. 147–162; Augustijn C. Die Stellung der Humanisten zur Glaubensspaltung 1518–1530 // Confession Augustiana und Confutatio. Der Augsburger Reichstag 1530 und die Einheit der Kirche / Hg. E. Iserloh. Münster, 1980. S. 36–48.

прямого участия в распространении протестантской проповеди, что, по сути, означало для них отказ от собственной идентичности. По мнению Л. В. Спитца, гуманистов отличал нерадикальный характер религиозности и представлений о церкви, принципиально разнившийся с «пророческой» религиозностью Лютера и реформаторов²⁶. М. Зейдльмайер посвятил отдельный очерк феномену универсальной религиозности гуманистов²⁷. Герменевтические штудии гуманистов хотя и отражали внутреннюю необходимость в обновлении католической церкви, но не свидетельствовали ни о религиозном радикализме, ни о профессиональной переориентации гуманистов. Напротив, эти труды были направлены против методов и задач схоластической — теологической — школы²⁸. Интеллектуалы, поддержавшие Лютера, оказывались от нейтральной позиции и связывали свою жизнь с церковной проповедью. Классический пример — биография Меланхтона, который, судя по всему, предпочитал независимый академизм теологии, однако смерть Лютера обязала его к богословской деятельности. Не менее характерна, например, биография Амвросия Блауэрса, который будучи проповедником, также занимается разработкой школьной реформы в Констанце²⁹. Иными словами, путь «от гуманизма к идеализму» действительно стал общим местом биографий интеллектуалов XVI столетия. Более того, новые гуманисты порицают Эразма за попытку сохранить нейтралитет в малодушии и маловерии, противопоставляя его позиции собственное стремление к мученическому венцу³⁰. Так, Отто Брунфельс, обращаясь к нему, пишет: «Ты все время заявляешь в своих письмах и книгах, что не хочешь быть вовлеченным ни в одну партию... так и продолжай и наслаждайся своей независимостью; мы, тем временем, зависим от Евангелия и принадлежим к партии Христа»³¹. Многие из поддержавших реформу Церкви гуманистов принимают пасторский сан, другие — способствуют делу Реформации на профессиональном поприще. В целом, интеллектуалы стремятся объединить две области знаний, которые Меланхтон в курсе лекций 1522 г. обозначил на примере Эразма и Лютера: первый, гуманист, учили «хорошим манерам

²⁶ Spitz L. W. The Religious Renaissance... P. 291.

²⁷ Seidlmayer M. Wandlungen des humanistischen Lebensgefühls und Lebensstils // Seidlmayer M. Wege und Wandlungen des Humanismus. S. 107–125.

²⁸ См.: Rummel E. The Importance of being Doctor: The Quarell Over Competency Between Humanists and Theologians in the Renaissance // The Catholic Historical Review. 1996. N 82. P. 189–193.

²⁹ Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer, 1509–1548 / Hg. von Badischen Historischen Kommission; bearb. von T. Schieß. Freiburg, 1910. Bd 2. S. 41–42.

³⁰ См.: Rummel E. The Confessionalization of Humanism... P. 87–90.

³¹ Böcking E. Römisches Privatrecht: Institutionen des römischen Civilrechts. Bonn, 1862. S. 341.

и гражданственности», тогда как второй, теолог, — «истинной, евангельской, христианской проповеди»³². Так, Уильрих фон Гуттен один из первых говорил о необходимости сотрудничества между гуманистами и реформаторами, и в личном письме призывал Эразма поддержать Лютера, хотя бы по той причине, что после победы Реформации и краха папской тирании «книжность расцветет, и знание будет почитаться»³³.

Распространяя свои тезисы в 1517–1518-х гг., Лютер рассчитывал на широкую поддержку университетской элиты, поскольку виттенбергский опыт предполагал положительный результат. Тем не менее, как показывает Х. А. Оберман, университеты не становятся рупорами реформы: Ингольштадт и Лейпциг находились под влиянием Иоганна Экка, Тюбинген становится оплотом Контрреформации, Фрайбург отозвался на призыв Лютера только на словах, тогда как в Эрфурте Иоганн Ланг вел не всегда успешные дебаты со старой профессурой. Евангелическая проповедь затрагивает главным образом студентов, а не преподавателей, а также способствует упадку авторитета схоластической профессуры, в итоге приводя к кризису университетов³⁴. В то же время именно интеллектуалы, воспринявшие проповедь новой веры еще студентами и даже школьниками (т. е. родившиеся в конце XV — начале XVI в.), формируют новый слой конфессионально ориентированной гуманитарной элиты. Молодые люди, активно участвующие в процессах городской Реформации, стремятся к синтезу нового знания и новой веры. Это стремление к синтезу находит наглядное выражение в ряде феноменов: расцвете библейского гуманизма в середине 1520-х гг., реформе образования и сложении религиозной дидактики в театре.

С середины 1520-х гг. предпринимаются первые попытки реформирования школьного и университетского образования, которые в середине века уже достаточно успешны. Благодаря деятельности Меланхтона, по крайней мере, в Эрнестинской Саксонии устанавливается единообразная школьная программа (проект 1528 г.); развитию школьной системы способствуют проекты Иоганна Ривиуса, Иоганна Бугенхагена, Якоба Штурма, Мартина Буцера, Освальда Микония и Эколампадия в Швейцарии. Реорганизации подвергаются университеты Тюбингена, Франкфурта,

³² Philip Melanchthon. *Opera Quae Supersunt Omnia*. Brunsvigae, 1854. Vol. 20. S. 701. См.: Wengert T. Human Freedom, Christian Righteousness: Philip Melanchthon's Exegeical Dispute with Erasmus of Rotterdam. Oxford, 1998. P. 9.

³³ Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami / Ed. by P. S. Allen. Oxford, 1928. Vol. 7. P. 41–42.

³⁴ Oberman H. A. Stadtreformation und Fürstenreformation // Humanismus und Reformation als kulturelle Kräfte in der deutschen Geschichte: ein Tagungsbericht, Berlin, 11–12. August 1977 / Hg. von L. W. Spitz. Berlin; New York, 1981. S. 83–85.

Лейпцига, Марбурга, Ростока, Гейдельберга и Базеля. Принципиальным тезисом христианских гуманистов является идея о доступности и всеобщем характере образования, имеющая теологическое обоснование. Гуманистическая идея о естественной потребности человека в знании в интерпретации реформаторов сменяется утверждением, что, даровав Моисею Скрижали Завета, Господь указывает на необходимость образования, ведущего, соответственно, к спасению человека³⁵. Отсюда и теологическая функция воспитания, и особенное внимание к конфессиональному религиозному обучению. При том, что методология и система обучения основывалась на классической гуманистической педагогике и, частности, на принципах, обозначенных Эразмом, протестантские гуманисты преследовали цели спасения души (т. е. изучение Писания и катехизиса) и подготовки достойных граждан христианского сообщества. Так, Вольфганг Капита в 1525 г. писал: «... для наших юношей мы считаем первоочередной целью добродетель», тогда как «знание языков и некоторых стилей» он не считает нужным, пока они не смогут сочетать «эти умения с порядочностью»³⁶. Так, в школьном уставе Люнебурга 1564 г. Иоганна Бугенхагена изучение катехизиса и языков постулируется как основа образования, а сами школы названы «огородами церкви и государства»³⁷. Школьная реформа таким образом отражала упрощение нормы «studia humanitas», распространенной на простого христианина, и ей в целом был присущ определенный универсализм и догматизм. Университетское образование, разумеется, предполагало значительно более высокий уровень обучения, но также было направлено на подготовку эрудированных теологов. Именно поэтому Эразм неустанно критиковал протестантскую систему образования, заявляя, что «их догматы не подходят каждому, а изучение языков не обеспечивает многогородного образования»³⁸. Бессспорно, его мнение разделяли достаточно многие.

Принципиальный раскол единого интеллектуального сообщества на «гуманистов» и «реформаторов» (т. е. теологов) усиливается на фоне проповеди радикальных проповедников, ориентированных на познание текста Писания через мистический опыт и отрицающих необходимость

³⁵ См.: Faber A. R. *Humanitas as discriminating factor in the education, writings of Erasmus and Luther // The formation of clerical and confessional identities in early modern Europe* / Ed. by W. Janse, B. Pitkin. London; Boston, 2006. P. 25–37.

³⁶ Capito to Bugenhagen // Dr. Johannes Bugenhagens Briefwechsel / Hg. O. Vogt. Stettin, Stettin, 1888. S. 34

³⁷ Vorbaum R. Die evangelischer Schulordnungen des 16. Jahrhunderts. Gütersloh, 1860. Bd 1. S. 55.

³⁸ Epistola ad fratres Inferioris Germaniae / Hrsg. Cornelis Augustijn // *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami*. Amsterdam, 1982. Bd 9/1. S. 344.

образования, драматических событий Крестьянской войны, всплеске народного невежества и вытекающего из этого кризиса знания и образованности. Тем не менее реформаторы, а в глазах католического сообщества — «новые софисты», последовательно отстаивают свой статус защитников образованности и книжности³⁹. Так, эрфуртский педагог Иоганн Ланге в одном своем опубликованном в 1521 г. письме описывает изменение к нему отношения гуманистической элиты: «Раньше многие говорили, что я — знаток латыни, греческого и древнееврейского, прекрасный философ и теолог... Теперь я стал пустым местом, не знающим ничего, не имеющим заслуг, эрудиции и авторитета». Иоганн Ланге подчеркивает свои гуманистические взгляды (необходимость изучения риторики, диалектики и других дисциплин для тренировки ума) и поясняет свою позицию в отношении языческих философов, восстанавливая тем самым свой статус⁴⁰. Мартин Буцер в своем письме к Beatus Ренану от 1525 г. указывает, что представление о реформаторах как друзьях невежества, почерпнутое у Эразма, не соответствует действительности, и в качестве доказательства приводит свою речь в защиту знаний и деятельность по проведению школьной реформы⁴¹. Аугсбургский педагог Сикст Бирк в своих сочинениях 1530–1540-х гг. последовательно отсылает читателя не только к Платону и Аристотелю, но и Эразму Роттердамскому, подчеркивая свою принадлежность к гуманистам⁴². Похоже, что подобные обращения наряду с успехами протестантов в деле возрождения «книжности» способствуют легитимизации их статуса в глазах католиков. Так, Бонифаций Амербах, католический юрист и корреспондент Эразма, пытается объяснить ему, что лютеранская партия никогда не поддерживала борьбы с образованностью⁴³. Он остается в Базеле после Реформации и с

³⁹ Поэт Генрих Глареан, последователь Эразма в Базеле, в своих письмах последовательно приписывает протестантам желание «унищожить всякую книжность». Он признает, что они выступают против схоластической школы, однако считает их «глупее, чем все софисты» (*Willibald Pirckheimer. Opera politica, historica, philologica et epistolica. Willibald Pirckheimer. Opera politica, historica, philologica et epistolica / Hg. von M. Goldast. Frankfurt/M., 1610. P. 314–17.*)

⁴⁰ Цит. по: *Rummel E. The Confessionalization of Humanism... P. 39.*

⁴¹ *Briefwechsel des Beatus Rhenanus / Hg. A. Horawitz, K. Hartfelder. Leipzig, 1886. S. 348–49.*

⁴² *Sixt Birck. 1) Ivdith: Drama Comicotragicvm. Exemplum Reipublicae recte institutae. Vnde discitur, quomodo arma contra Turcam sint capienda // Sämtliche Dramen / Ed. by Manfred Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 281–284; 2) Svsanna: Comoedia tragic // Sämtliche Dramen. Bd 2. S.171; 3) Ivdith: Ain Nützliche History/ durch ain herrliche Tragedi in spilßweiß für die äugen gesteh dienlichen wie man in Kricgjileiffen besonders so man von der ehr Gots wegen angefochten wirt vmb hilff zu Gott dem Herren flehend riiffen soll // Sämtliche Dramen. Bd 2. S. 59.*

⁴³ *Die Amerbachkorrespondenz. Basel, 19473. Bd 3. Epp. 1012.*

1534 г., достигнув компромисса с протестантами, прилагает все усилия к восстановлению Базельского университета. Другой представитель круга Эразма, католик Иоганн Кохлеус, будучи беспощадным критиком Лютера, в трактате о жизни и сочинениях последнего разделяет лютеран, хранителей книжности, и остальных протестантов, которые ответственны за упадок знания⁴⁴. Католик Иероним Циглер много лет работает в гимназии Св. Анны, оплоте лютеранского образования, разделяя многие идеи протестантских гуманистов⁴⁵. Даже Эразм уже через несколько лет после разрыва с реформаторами возобновляет переписку с Меланхтоном, отдавая должное его эрудиции и образованию, но считая его исключением среди последователей протестантизма⁴⁶. Что принципиально, интеллектуальным сообществом признается возможность совмещения функций педагога и священника, гуманиста и теолога. Так, Виллибалд Пиркгеймер в письме к кардиналу Контарини упоминает Лютера и Эразма в одном ряду: они оба призывали к изучению «хорошей литературы» и стремились соединить философию с теологией⁴⁷. Уже в конце 1520-х гг. французский теолог Новел Беда критикует деятельность «гуманистов, занимающихся теологией» (*«humanistae theologizantes»*), таким образом зафиксировав появление нового типа интеллектуала⁴⁸.

Характерной сферой деятельности христианских гуманистов становится театр. Собственно гуманистическая драматургия на библейские сюжеты и концепция христианской интерпретации античной литературы как раз отражает новую идентичность. Иоганн Сапид, Валентен Воиф, Сикст Бирк, Иоахим Греф, Пауль Ребхун и другие драматурги пишут произведения, опираясь на стилистику классической традиции (в первую очередь, на произведения Теренция, Плавта, Сенеки и Еврипида), откуда они заимствуют структуру, систему ремарок и литературный стиль⁴⁹. Что

⁴⁴ *Commentaria Ioannis Cochlaei, de actis et scriptis Martini Lutheri Saxonis. Mainz, 1549.*

⁴⁵ См.: *Bernhard J. Schultheater jenseits von St. Anna. Versuch einer Annäherung an die Theaterspielpraxis der deutschen Schulen in Augsburg am Beispiel von Sebastian Wilds Dramensammlung // Humanismus und Renaissance in Augsburg. Kulturgeschichte einer Stadt zwischen Spätmittelalter und Dreißigjährigem Krieg / Hg. M. Gernot. Berlin, 2010. S. 217–233; Stroh W. Hieronymus Ziegler und Martinus Balticus: zwei Pioniere des lateinischen Schultheaters in München // Mittelalteinisches Jahrbuch. 2011. N 46. S. 397–426.*

⁴⁶ См.: *Scheible H. Melanchthon zwischen Luther und Erasmus // Renaissance-Reformation, Gegensätze und Gemeinsamkeiten / Hg. A. Beck. Wiesbaden, 1984. S. 155–180.*

⁴⁷ Цит. по: *Friedensburg W. Beiträge zum Briefwechsel der katholischen Gelehrten Deutschlands im Reformationszeitalter // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1989. N 19. S. 256.*

⁴⁸ Цит. по: *Farge J. Le Partii Conservateur au XVIe siècle. Paris, 1993. P. 118.*

⁴⁹ См.: *Franke O. Terenz und die lateinische Schulcomoedit in Deutschland. Weimar, 1877; Günther O. Plautuserneurengen in der deutschen Litteratur des XV–XVII. Jahrhunderts. Leipzig, 1886; Dittrich P. Plautus und Terenz in Pädagogik und Schulwesen der deutschen Humanisten.*

свидетельствует об их принадлежности к числу гуманистов. С другой стороны, все большее значение под прямым воздействием лютеранской теологии, приобретает значение проповеди, одной из главных божественно установленных задач человечества (как это отражено, например, в XV главе «Аугсбургского вероисповедания»)⁵⁰. Страсбургский гуманист Иоганн Сапид, автор одной из первых гуманистических драм на библейскую тему «Воскресший Лазарь», постановка которой была приурочена к открытию новой школы в Страсбурге 1538 г., в прологе к ней упоминает Менандра, Теренция и Сенеку, таким образом связывая себя с античной традицией. Однако при этом он заявляет, что «иной способ жизни, иное служение Богу, иные взаимоотношения между людьми, как в личной, так и в общественной жизни» требуют другого содержания текстов⁵¹. Аугсбургский гуманист Сикст Бирк, автор 11 религиозных драм, в личной переписке с Амбросием Блаурером оценивает свою деятельность в контексте дела «нашей церкви»⁵². Пауль Ребхун в предисловии к своей «Сусанне» (1534) говорит, что цель текста — показать милосердие Бога, дарующего спасение и помочь через Иисуса Христа⁵³. Тогда как Иоахим Греф формулирует идею о христианской проповеди как задаче искусства, и именно к нему будут апеллировать некоторые последующие драматурги⁵⁴. Параллельно с этим происходит развитие идеи о христианском прочтении античных сочинений (в первую очередь, римской комедии), — своеобразная гуманистическая апологетика. Безусловно, классический театр ввиду своего языческого содержания и часто легкомысленных сюжетов встречал неприятие христианских ригористов. Так, Амбrosий Блаурер в одном из писем 1540-х гг. указывает, что его многочисленные противники считают «вредными для обучения и нравов молодых» не только произведения Теренция, но даже религиозную драматургию⁵⁵. Весьма характерны слова Лютера, когда он обвиняет оппонентов римской литературы в ханжестве: если наложить цензуру на античных авторов «по причине того, что порой грубая шутка и распутство в них встречаются, тогда ведь не должно

Leipzig, 1915; Stachel P. Seneca und das deutsche Renaissancedrama. Berlin, 1907.

⁵⁰ См.: Washof W. Die Bibel auf der Bühne. Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. München, 2007. S. 60–63.

⁵¹ Johannes Sapidus. Anabion Sive Lazarus Redivivus: comoedia nova & sacra. Argentorati, 1540. P. 14–15.

⁵² Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer... Bd 2. S. 58, 158.

⁵³ Paul Rebhun. Ein geistlich Spiel von der gotfürchtigen und keuschen Frauen Susannen / Kritisch hrg. von H.-G. Roloff. Stuttgart, 1967. P. 8.

⁵⁴ См.: Лурье З. А. Лютеранская проповедь в текстах Иоахима Грефа // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 60–65.

⁵⁵ Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer... Bd 2. S. 302.

и Библию читать»⁵⁶. Как показывает А. Д. Паренте, протестантские гуманисты через Кондрата Цельтиса перенимают идею дидактизма античной драматургии Аврелия Доната, чьи комментарии на комедии Теренция были заново открыты в 1433 г.⁵⁷ Меланхтон утверждает, что классическая драматургия предлагает пример негативного и положительного поведения и, следовательно, ставит зрителя перед моральным выбором между добром и злом⁵⁸. При этом его комментарии, например, на «Клад» Плавта, оказываются довольно искусственными попытками вчитать в текст христианскую мораль⁵⁹.

С другой стороны, драматургические тексты и теория театра отражают не только последовательную христианизацию классической традиции, но и попытку создать альтернативный ей миф. Для итальянских гуманистов значение римской литературы было определено национальной идентичностью, и в этом смысле характерно, что иезуитские драматурги, в отличие от протестантских, часто обращаются к мифологическим сюжетам⁶⁰. Для немецких гуманистов античный миф был совершенно искусственным, что уже в XV в. привело к поиску национального германского прошлого⁶¹. В период Реформации складывается новый конфессиональный миф, в котором прошлым протестантской истории является история «духовного Израиля»⁶². В этом плане характерен почти случайный эпизод. Иоганн Эколампадий в «Письме от невежественного каноника наиблестательнейшему, в высшей мере эрудированному, ликующему профессору магистру Иоганну Экку» (1519) утверждает ориентацию реформаторов на опыт древних, а не современников, подобно Экку, охваченных гордыней. При этом из текста следует, что древние обладают

⁵⁶ Цит. по: McConaughy J. L. The School Drama Including Palsgrave's Introduction to Acolastus. New York, 1913. P. 57.

⁵⁷ Aeli Donati Commentum Terenti: accedunt Eupraphi Commentum et Scholia Bembina / Hg. P. Wessner. Stuttgart: Teubner, 1962–1963. Bd. 1–3. — См.: Parente A. J. Religious Drama and the Humanist Tradition: Christian Theater in Germany and in the Netherlands 1500–1680. Leiden, 1997. P. 18–20.

⁵⁸ Philip Melanchthon. Enarratio comoediarum Terentii // Opera quae supersunt omnia. Bd 19. S. 681–695.

⁵⁹ См.: Parente A. J. Religious Drama and the Humanist Tradition... P. 20–26.

⁶⁰ См., например: List of Original Neo-Latin Plays Printed Before 1650 // Studies in the Renaissance. 1957. Vol. 4. P. 55–70.

⁶¹ См.: Доронин А. В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Доронин А. В. Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). М., 2007. С. 236–249.

⁶² См. о проблеме идентичности: Zschoch H. Reformatorische Existenz und konfessionelle Identität. Urbanus Rhegius als evangelischer Theologe in den Jahren 1520 bis 1530. Tübingen, 1995. Анализ историографии по интерпретации протестантской идентичности: Pfür V. Reformationstheorien und konfessionelle Identität // Ekumenizm na progu trzeciego tysiąclecia. Opole, 2000. S. 275–288.

авторитетом не сами по себе, но за счет своей временной близости апостольскому периоду истории⁶³. Аналогичная идея развивается в теории драмы. В 1534 г. Лютер на страницах комментариев к ряду Ветхозаветных книг развивает теорию Исидора Севильского о взаимосвязи библейской и классической литературных традиций⁶⁴. Вслед за ним он рассматривает тексты апокрифов (в первую очередь, истории Юдифи, Сусанны и Тобита) как примеры дидактической библейской драматургии⁶⁵. Эта идея была воспринята многими драматургами, так как позволяла нивелировать зависимость христианского театра от античной традиции. Так, если Сикст Бирк свои ранние опыты библейской драматургии понимает как инвариант языческого театра⁶⁶, то в произведениях конца 1530-х гг. он настаивает на независимости германских авторов от римской драматургии⁶⁷. В частности, в предисловии к латинской «Сусанне» он противопоставляет «религиозные произведения» («res sacra») сочинениям Теренция («fabula Terenz»)⁶⁸. Пауль Ребхун, Иероним Греф и Ханс Аккерман еще более последовательно связывают свои тексты именно с библейским религиозным театром («geistlich spiel»), даже не упоминая античную литературу⁶⁹. Библейская драматургия, при этом, не только превосходит римский и греческий театр религиозным содержанием, но не уступает ему и в светском дидактизме. Тот же Лютер отмечал социально-политическое и гражданское содержание апокрифических драм, дающих примеры государственного, судебного и семейного устройств⁷⁰. В этом смысле характерно, что Бирк в предисловии к латинской драме «Юдифь» конца 1530-х гг. сравнивает текст книги с сочинением Платона о государственном устройстве⁷¹. Совершенно очевидно, что авторы осознавали или, по крайней мере, постулировали свои произведения как продолжение

⁶³ Canonici indocti Lutherani. 1519. P. 7.

⁶⁴ См.: Circus E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. New York, 1953. P. 450–457.

⁶⁵ Luthers Vorreden zur Bibel / Hg. H. Bornkamm. Göttingen, 1989. S. 147–149, 154–156, 162–163.

⁶⁶ Sixt Birck. Dje History von der frommen, gottsförchtigen Frouwen Susanna: jm MCCCCXXXII. Jar öffentlich inn Mindren Basel durch die jungen Burger gehaltnenn // Sämtliche Dramen... Bd 2. S. 4–5.

⁶⁷ Sixt Birck. Ezechias: Am nützliche kurtze Tragedi Wie man sich in knegs nöten gegen Gott halten soll // Sämtliche Dramen. Bd 1. S. 8.

⁶⁸ Sixt Birck. Svssanna... S.179.

⁶⁹ Ioachim Greff. Tragedia des Buchs Judith inn Deudsche Reim. Wittemberg, 1536. 7, S. 3–4; Paul Rebhun. Ein geistlich Spiel... S. 7; Hans Ackermann. Ein Geistlich un fast nutzluchs Spiel, von dem frommen Gottfürchtigen man Tobia // Dramen von Ackermann und Voith / Hg. von H. Holstein. Tübingen, 1884. S. 13.

⁷⁰ См., например: Tschopp S. S. Protestantishes Schultheater und reichsstädtische Politik: Die Dramen des Sixt Birck // Humanismus Und Renaissance in Augsburg... S. 187–215.

⁷¹ Sixt Birck. Ivdith: Drama Comicotragicvm... S. 273–437.

библейской традиции. В частности, о размытии гуманистического мифа возрождения классической древности свидетельствует жанровая система. Заглавия неолатинских текстов часто содержат понятие «nova», указывающее на стилистическое подражание римской литературе; тогда как «sacrae» характеризует содержание⁷². В немецкой гуманистической драме, однако, мы встречаем «духовные» («geistlich») и «полезные» («nützlich») тексты; тогда как стилистику авторы указывают очень редко, хотя и придерживаются классического литературного канона. Более того, у Иоахима Грефа определение «newes», похоже, служило указанием на новозаветные сюжеты как основу произведения, тогда как остальные тексты были переложением «старой» библейской традиции.

Подведем краткие итоги. Феномен известный в историографии как «христианский гуманизм» — достаточно позднее явление, обусловленное процессами конфессионализации. Особенностью мировосприятия «humanistae theologizantes» было непротивопоставление профессиональных областей гуманитария и теолога, отличавшее их от предшествующих поколений. Гуманистическая образованность рассматривалась ими, по большому счету, как инструмент теологических штудий и, следовательно, спасения души. В рамках этой идеи преображается и классический античный миф, потерявший самостоятельную ценность. С одной стороны, как последовательные ценители литературы гуманисты пытались доказать «полезность» классических текстов и, безусловно, опирались на стилистику этой традиции; с другой стороны, в драматургии нашел отражение конфессиональный миф о возрождении библейского театра в их творчестве. О значении конфессиональной идентичности для этого профессионального сообщества свидетельствует и историографические стереотипы, проанализированные выше, о конце гуманизма в период Реформации.

Информация о статье

Данная работа выполнена при финансовой поддержке правительства Санкт-Петербурга (кандидатский проект № 1.1/22-06/01A) «Библейская драма в лютеранской традиции как инструмент религиозного образования».

Автор: Лурье Зинаида Андреевна, аспирант, кафедра истории Средних веков СПбГУ, zinaidalourie@gmail.com, +79213281464

Заголовок: Конфессиональные аспекты гуманизма в 1520–1530-е гг.

В статье рассматривается проблема взаимосвязи таких периодов немецкой истории как Возрождение и Реформация. Автор осмыслияет феномен так называемого «христианского гуманизма» как следствия в контексте конфессионализации и рассматривает его как универсальный этап развития как итальянского, так

⁷² Об этом см.: Herrick T. M. The New Drama of the Sixteenth Century // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 54. N 4. P. 557.

и северного гуманизма. В центре внимания стоит протестантский театр — результат слияния конфессиональной идеи с гуманистическим каноном.

Ключевые слова: конфессионализация, Реформация, гуманизм, христианский гуманизм, театр, Меланхтон, Сикст Бирк, Иоахим Греф, Пауль Ребхун

Список литературы:

Ackermann, Hans. Ein Geistlich un fast nutzlichs Spiel, von dem frommen Gottfürchtigen man Tobia // Dramen von Ackermann und Voith / Hg. von H. Holstein. Tübingen: literarischer Verein in Stuttgart, 1884. S. 11–67.

Almási, Gabor. The Uses of Humanism: Johannes Sambucus (1531–1584), Andreas Dudith (1533–1589), and the Republic of Letters in East Central Europe. Leiden: Brill, 2009. 405 p.

Augustijn, Cornelis. Die Stellung der Humanisten zur Glaubensspaltung 1518–1530 // Confession Augustuana und Confutatio. Der Augsburger Reichstag 1530 und die Einheit der Kirche / Hg. E. Iserloh. Münster: Aschendorf, 1980. S. 36–48.

Augustijn, Cornelis. Humanisten auf dem Scheideweg zwischen Luther und Erasmus // Humanismus und Reformation. Martin Luther un Erasmus in den Konflikten ihrer Zeit. München; Zürich: Schnell & Steiner GMBH, 1985. S. 119–134.

Aeli Donati Commentum Terenti: accedunt Eupraphi Commentum et Scholia Bembina / Hg. P. Wessner. Stuttgart: Teubner, 1962–1963. Bd 1–3. 592 + 557 + 329 s.

Benesch, Otto. The Art of the Renaissance in Northern Europe: The art of the Renaissance in northern Europe: its relation to the contemporary spiritual and intellectual movements Cambridge: Phaidon, 1945. 195 p.

Bernhard, Jahn. Schultheater jenseits von St. Anna. Versuch einer Annäherung an die Theaterspielpraxis der deutschen Schulen in Augsburg am Beispiel von Sebastian Wilds Dramensammlung // Humanismus und Renaissance in Augsburg. Kulturgegeschichte einer Stadt zwischen Spätmittelalter und Dreißigjährigem Krieg / Hg. M. Gernot. Berlin: de Gruyter, 2010. S. 217–233.

Birck, Sixt. Dje History von der frommen, gottfürchtigen Frouwen Susanna: jm MCCCCXXXII. Jar öffentlich inn Mindren Basel durch die jungen Burger gehalten // Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 3–53.

Birck, Sixt. Ezechias: Am nützliche kurtze Tragedi Wie man sich in knegs näten gegen Gott halten soll // Sämtliche Dramen. Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd. 1. S. 3–23.

Birck, Sixt. Ivdith: Ain Nützliche History durch ain herrliche Tragedi in spilßweiß für die äugen gesteh Dienlichen Wie man in Kricgjileiiften besonders so man von der ehr Gots wegen angefochten wirt vmb hilff zu Gott dem Herren flehend riiffen soll. Augspurg, 1539 // Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 57–165.

Birck, Sixt. Ivdith: Drama Comicotragicvm. Exemplum Reipublicae recte instituae. Vnde discitur, quomodo arma contra Turcam sint capienda // Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 273–437.

Birck, Sixt. Svsanna: Comoedia tragic // Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 169–272.

Böcking, Eduard. Römisches Privatrecht: Institutionen des römischen Civilrechts. Bonn: Cohen, 1862. 364 s.

Bremer, Kai. Literatur der Frühen Neuzeit: Reformation–Späthumanismus–Barock. Paderborn: Fink, 2008. 255 s.

Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer, 1509–1548 / Hg. von Badischen Historischen Kommission; bearb. von T. Schieß. Freiburg: Fehsenfeld, 1910. Bd 2. 934 s.

Briefwechsel des Beatus Rhenanus / Hg. A. Horawitz, K. Hartfelder. Leipzig: Teubner, 1886. 724 s.

Burckhardt, Jacob. Die Kultur der Renaissance in Italien. Basel: Druck und Verlag der Schweighaufer'schen Verlagsbuchhandlung, 1860.

Circus, Ernst Robert. European Literature and the Latin Middle Ages. New York: Pantheon Books Inc., 1953. 338 p.

Commentaria Ioannis Cochlaei, de actis et scriptis Martini Lutheri Saxonis. Mainz: Franciscus Behem, 1549. 341 p.

Die Amerbachkorrespondenz. Basel: Univ.-Bibl., 1947. Bd. III: Die Briefe aus den Jahren 1525–1530. 590 s.

Dittrich, Paul. Plautus und Terenz in Pädagogik und Schulwesen der deutschen Humanisten. Leipzig: Böhme & Lehmann, 1915. 97 s.

Dr. Johannes Bugenhagens Briefwechsel / Hg. O. Vogt. Stettin: Saunier, 1888. 656 s.

Dr. Martin Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken. Berlin: bey G. Reimer, 1826. Bd 3: Briefe 1523–1525. 685 s.

Faber, Riemer A. Humanitas as discriminating factor in the education, writings of Erasmus and Luther // The formation of clerical and confessional identities in early modern Europe / Ed. by W. Janse, B. Pitkin. London; Boston: Brill, 2006. P. 25–37.

Farge, James K. Le Parti conservateur au XVIe siècle: Université et Parlement de Paris à l'époque de la Renaissance et de la Réforme. Paris: Collège de France, 1993. 198 p.

Franke, Otto. Terenz und die lateinische Schulcomödie in Deutschland. Weimar: Böhlau, 1877. 157 s.

Friedensburg, Walter. Beiträge zum Briefwechsel der katholischen Gelehrten Deutschlands im Reformationszeitalter // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1989. N 19. S. 224–229.

Hagen, Karl. Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter. Erlangen; Palm, 1841. Bd 1. 595 s.

Hermelink, Henrich. Die religiöse Reformbestrebungen des deutschen Humanismus. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, 1907. 55 s.

Herrick, Marvin T. The New Drama of the Sixteenth Century // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 54. N 4. P. 555–577.

Humanismus, Reformation, Konfession: Beiträge zur Kirchengeschichte / W. Bierwert, W. Hage. Marburg : Elwert, 1986. 287 s.

- Hyma, Albert.* The Christian Renaissance. A history of «*Devotio moderna*». Hamden: Archon Books, 1965. 735 s.
- Hyma, Albert.* The *Devotio moderna* or Christian Renaissance (1380–1520). Michigan: Reformed Pr., 1924. 227 p.
- Geiger, Ludwig.* Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland. Berlin: G. Grote, 1882. Bd. 3. 585 s.
- Greff, Ioachim.* *Tragedia des Buchs Judith inn Deudsche Reim.* Wittemberg: n. a., 1536. 95 s.
- Günther, Otto.* Plautuserneurengen in der deutschen Litteratur des XV–XVII. Jahrhunderts. Leipzig: Druck von Carl Marquart, 1886. 104 s.
- Sapidus, Johannes.* *Anabion Sive Lazarus Redivivus: comoedia nova & sacra.* Argentorati: Mylius, 1540. 56 p.
- Kaegi, Werner.* *Humanistische Kontinuität im konfessionellen Zeitalter.* Ein Vortrag. Basel: Helbing und Lichtenbahn, 1954. 23 s.
- Kristeller, Paul Oskar.* The Renaissance thought and its source / Ed. M. Mooney. New York: Columbia University Press, 1979. Vol. 1. 347 p.
- Kristeller, Paul Oskar.* Studies in Renaissance: Thoughts and Letter. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1956. Vol. 1. 680 p.
- Lindeboom, J. Uitgever.* Het bijbels humanisme in Nederland: Erasmus en de vroege reformatie. Leiden: A. H. Adriaani, 1913. 280 s.
- List of Original Neo-Latin Plays Printed Before 1650 // Studies in the Renaissance. 1957. Vol. 4. P. 55–70.
- Luthers Vorreden zur Bibel / Hg. H. Bornkamm. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 231 s.
- Lutz, Heinrich.* Reformation und Gegenreformation / 5 Aufs. München: Oldenbourg, 2002. 300 s.
- McConaughy, James Lukens.* The School Drama Including Palsgrave's Introduction to Acolastus. New York: Columbia University, 1913. 116 p.
- Melanchthon, Philip.* *Opera quae supersunt omnia.* Brunsvigae: Johnson Reprint, 1853. Bd 19. 792 p.; Brunsvigae: Johnson Reprint, 1854. Bd 20. 830 p.
- Melanchthons Briefwechsel: kritische und kommentierte Gesamtausgabe / Hg. von H. Scheible. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1977. Bd 1: Regesten 1–1109 (1514–1530). 456 s.
- Moeller, Bernd.* Deutschen Humanisten und die Anfänge der Reformation // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1959. N 70. S. 46–61.
- Newald, Richard.* Nachleben des antiken Geistes im Abendland bis zum Beginn des Humanismus. Tübingen: Niemeyerer, 1960. 467 s.
- Newald, Richard.* Problem und Gestalten des deutschen Studien Humanismus / Hg. von H. Roloff. Berlin: De Gruyter, 1963. 519 s.
- Oberman, Heiko Augustinus.* Stadtreformation und Fürstenreformation // Humanismus und Reformation als kulturelle Kräfte in der deutschen Geschichte: ein Tagungsbericht, Berlin, 11–12. August 1977 / Hg. von L. W. Spitz. Berlin; New York: De Gruyter, 1981. S. 80–130.

- Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami.* Amsterdam: North-Holland, 1982. Bd. 9/1. 513 p.
- Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami / Ed. by P. S. Allen.* Oxonii: Clarendon, 1928. Vol. 7. 560 p.
- Ozment, Steven E.* The Reformation in Medieval Perspective. Chicago: Quadrangle Books, 1971. 267 p.
- Parente, James A.* Religious Drama and the Humanist Tradition: Christian Theater in Germany and in the Netherlands 1500–1680. Leiden: Brill, 1997. 240 p.
- Pastor, Ludwig.* Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg in Breslau: Herder, 1901. Bd 1. 932 s.
- Pfnür, Vinzenz.* Reformationstheorien und konfessionelle Identität // Ekumenizm na progu trzeciego tysiąclecia. Opole: Uniwersytet Opolski, 2000. S. 275–288.
- Pirkheimer, Willibald.* *Opera politica, historica, philologica et epistolica / Hg. von M. Goldast.* Frankfurt/M: impensis Iacobi Fischeri, 1610. 522 p.
- Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung: lutherische Kirchen- und Universalgeschichtsschreibung 1546–1617. Tübingen, 2007.
- Post, Regnerus Richardus.* The Modern Devotion: Confrontation with Reformation and Humanism. Studies in Medieval and Reformation Thought. Leiden: Brill, 1968. 701 p.
- Rebhun, Paul.* Ein geistlich Spiel von der gotfürchtigen und keuschen Frauen Susannen / Kritisch hrsg. von H.-G. Roloff. Stuttgart: Ph. Reclam, 1967. 82 s.
- Reinhard, Wolfgang.* Was ist katholische Konfessionalisierung? // Die Katholische Konfessionalisierung: Wissenschaftliches Symposium der Gesellschaft zur Herausgabe des Corpus Catholicorum und des Vereins für Reformationsgeschichte 1993 / Hg. von W. Reinhard, H. Schilling. Leiden: Aschendorff, 1992. S. 419–452.
- Rummel, Erika.* The Confessionalization of Humanism in Reformation Germany. Oxford: Oxford University Press, 2000. 224 p.
- Rummel, Erika.* The Importance of being Doctor: The Quarell Over Competency Between Humanists and Theologians in the Renaissance // The Catholic Historical Review. 1996. N 82. P. 189–193.
- Scheible, Heinz.* Melanchthon zwischen Luther und Erasmus // Renaissance-Reformation, Gegensätze und Gemeinsamkeiten / Hg. A. Beck. Wiesbaden: Harrassowitz, 1984. S. 155–180.
- Schilling, Heinz.* Confessional Europe // Handbook of European History, 1400–1600 / Ed. T. Brady. Leiden: Brill, 1995. S. 641–664.
- Schindling, Anton.* Konfessionalisierung und Grenzen von Konfessionalisierbarkeit // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung: Land und Konfession 1500–1650. Münster, 1997. S. 9–44.
- Seidlmayer, Michael.* Wege und Wandlungen des Humanismus. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. 307 s.
- Simon, Gerhard.* Theobald Billican, Leben und Werk. Berlin; New York: de Gruyter, 1980. 271 s.
- Spitz, Lewis William.* The Religious Renaissance of the German humanists. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Pr., 1963. 377 p.

Stachel, Paul. Seneca und das deutsche Renaissancedrama. Berlin: Mayer & Müller, 1907. 398 s.

Stroh, Wilfried. Hieronymus Ziegler und Martinus Balticus: zwei Pioniere des lateinischen Schultheaters in München // Mittellateinisches Jahrbuch. 2011. N 46. S. 397–426.

Troeltsch, Ernst. Renaissance und Reformation // Historische Zeitschrift. 1913. N 4. P. 68–75.

Trunz, Erich. Der deutsche Späthumanismus um 1600 als Standeskultur // Geschichte der Erziehung und des Unterrichts. 1931. N 20. S. 17–53.

Tschopp, Silvia Serena. Protestantisches Schultheater und reichsstädtische Politik: Die Dramen des Sixt Birck // Humanismus und Renaissance in Augsburg. Kulturgeschichte einer Stadt zwischen Spätmittelalter und Dreißigjährigem Krieg / Hg. von M. Gernot. Berlin: de Gruyter, 2010. S. 187–215.

Vorbaum, Reinhold. Die evangelischer Schulordnungen des 16. Jahrhunderts. Gütersloh: Bertelsmann, 1860. Bd 1. 765 s.

Washof, Wolfram. Die Bibel auf der Bühne. Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. Münster: Rhema, 2007. 536 s.

Wengert, Timothy. Human Freedom, Christian Righteousness: Philip Melanchthon's Exegeical Dispute with Erasmus of Rotterdam. Oxford: Oxford University Press, 1998. 256 p.

Wernle, Paul. Die Renaissance des Christentums im 16. Jahrhundert. Tübingen: Mohr, 1904. 47 s.

Zschoch, Hellmut. Reformatorische Existenz und konfessionelle Identität. Urbanus Rhegius als evangelischer Theologe in den Jahren 1520 bis 1530. Tübingen: Mohr, 1995. 400 s.

Доронин, Андрей Владимирович. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Доронин, Андрей Владимирович. Историк и его миф: Иоганн АVENTИН (1477–1534). М.: Россспэн, 2007. С. 236–249.

Лурье, Зинаида Ан드reeвна. Лютеранская проповедь в текстах Иоахима Грефа // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 60–65.

Немилов, Александр Николаевич. Немецкие гуманисты XV в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 167 с.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. В плена Ренессанса // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и балканстики/ под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. С. 372–416.

Information about the article:

The article is written with the financial support of Saint-Petersburg government within the PhD research project “Biblical drama in Lutheran tradition as tool for religious education” (N 1.1/22-06/01A)

Author: Lure Zinaida Andreevna, Saint-Petersburg State University, Faculty of History, Chair of medieval history, PhD-student, zinaidalourie@gmail.com, + 7 921 31 81 464

Title: The confessional peculiarities of humanism in 1520–1530s

Summary: The text studies aspects of the Renaissance-Reformation interconnection. The author shows that so call “Christian Humanism” was caused by confessionalisation and, therefore, should be interpreted as universal stage of both Italian and North humanism. The researcher's attention focuses on Protestant theater appeared in the result of merging of confessional idea and humanistic standards.

Key words: confessionalisation, Reformation, Humanism, Christian Humanism, theater, Melanchton, Sixt Birck, Joachim Greff, Paul Rebhun.

References:

Ackermann, Hans. Ein Geistlich un fast nutzlichs Spiel, von dem frommen Gottfürchtigen man Tobia in Dramen von Ackermann und Voith / Hg. von H. Holstein. Tübingen: literarischer Verein in Stuttgart, 1884. S. 11–67.

Almási, Gabor. The Uses of Humanism: Johannes Sambucus (1531–1584), Andreas Dudith (1533–1589), and the Republic of Letters in East Central Europe. Leiden: Brill, 2009. 405 p.

Augustijn, Cornelis. Die Stellung der Humanisten zur Glaubensspaltung 1518–1530 in Confession Augustuana und Confutatio. Der Augsburger Reichstag 1530 und die Einheit der Kirche / Hg. E. Iserloh. Münster: Aschendorf, 1980. S. 36–48.

Augustijn, Cornelis. Humanisten auf dem Scheideweg zwischen Luther und Erasmus in Humanismus und Reformation. Martin Luther un Erasmus in den Konflikten ihrer Zeit. München; Zürich: Schnell & Steiner GMBH, 1985. S. 119–134.

Aeli Donati Commentum Terenti: accedunt Eupraphi Commentum et Scholia Bembina / Hg. P. Wessner. Stuttgart: Teubner, 1962–1963. Bd. 1–3. 592 + 557 + 329 s.

Benesch, Otto. The Art of the Renaissance in Northern Europe: The art of the Renaissance in northern Europe: its relation to the contemporary spiritual and intellectual movements Cambridge: Phaidon, 1945. 195 p.

Bernhard, Jahn. Schultheater jenseits von St. Anna. Versuch einer Annäherung an die Theaterspielpraxis der deutschen Schulen in Augsburg am Beispiel von Sebastian Wilds Dramensammlung in Humanismus und Renaissance in Augsburg. Kulturgeschichte einer Stadt zwischen Spätmittelalter und Dreißigjährigem Krieg / Hg. M. Gernot. Berlin: de Gruyter, 2010. S. 217–233.

Birck, Sixt. Dje History von der frommen, gottsförchtigen Frouwen Susanna: jm MCCCCCXXXII. Jar öffentlich inn Mindren Basel durch die jungen Burger gehaltenn in Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 3–53.

Birck, Sixt. Ezechias: Am nützliche kurtze Tragedi Wie man sich in knegs näoten gegen Gott halten soll in Sämtliche Dramen. Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd. 1. S. 3–23.

Birck, Sixt. Ivdith: Ain Nützliche History durch ain herrliche Tragedi in spilßweiß für die äugen gesteh Dienlichen Wie man in Kricgjileiifften besonders so man von der ehr Gots wegen angefochten wirt vmb hilff zu Gott dem Herren flehend riiffen soll. Augspurg, 1539 in Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 57–165.

Birck, Sixt. *Ivdith: Drama Comicotragicvm. Exemplum Reipublicae recte instituta. Vnde discitur, quomodo arma contra Turcam sint capienda in Sämtliche Dramen.* 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 273–437.

Birck, Sixt. *Svsanna: Comoedia tragic in Sämtliche Dramen.* 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd 2. S. 169–272.

Böcking, Eduard. Römisches Privatrecht: Institutionen des römischen Civilrechts. Bonn: Cohen, 1862. 364 s.

Bremer, Kai. Literatur der Frühen Neuzeit: Reformation–Späthumanismus–Barock. Paderborn: Fink, 2008. 255 s.

Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer, 1509–1548 / Hg. von Badischen Historischen Kommission; bearb. von T. Schieß. Freiburg: Fehsenfeld, 1910. Bd 2. 934 s.

Briefwechsel des Beatus Rhenanus / Hg. A. Horawitz, K. Hartfelder. Leipzig: Teubner, 1886. 724 s.

Burckhardt, Jacob. Die Kultur der Renaissance in Italien. Basel: Druck und Verlag der Schweighauer'schen Verlagsbuchhandlung, 1860.

Circus, Ernst Robert. European Literature and the Latin Middle Ages. New York: Pantheon Books Inc., 1953. 338 p.

Commentaria Ioannis Cochlaei, de actis et scriptis Martini Lutheri Saxonis. Mainz: Franciscus Behem, 1549. 341 p.

Die Amerbachkorrespondenz. Basel: Univ.-Bibl., 1947. Bd. III: Die Briefe aus den Jahren 1525–1530. 590 s.

Dittrich, Paul. Plautus und Terenz in Pädagogik und Schulwesen der deutschen Humanisten. Leipzig: Böhme & Lehmann, 1915. 97 s.

Doronin, Andrey Vladimirovich. Mif i natsionalnaya istoriya v kulture Vozrozhdeniya v Germanii in *Doronin, Andrey Vladimirovich. Istorik i ego mif: Iogann Aventin* (1477–1534). Moskva: Rossppen, 2007. S. 236–249.

Dr. Johannes Bugenhagens Briefwechsel / Hg. O. Vogt. Stettin: Saunier, 1888. 656 s.

Dr. Martin Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken. Berlin: bey G. Reimer, 1826. Bd 3: Briefe 1523–1525. 685 s.

Faber, Riemer A. Humanitas as discriminating factor in the education, writings of Erasmus and Luther in The formation of clerical and confessional identities in early modern Europe / Ed. by W. Janse, B. Pitkin. London; Boston: Brill, 2006. P. 25–37.

Farge, James K. Le Parti conservateur au XVIe siècle: Université et Parlement de Paris à l'époque de la Renaissance et de la Réforme. Paris: Collège de France, 1993. 198 p.

Franke, Otto. Terenz und die lateinische Schulcomoedie in Deutschland. Weimar: Böhlau, 1877. 157 s.

Friedensburg, Walter. Beiträge zum Briefwechsel der katholischen Gelehrten Deutschlands im Reformationszeitalter in Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1989. N 19. S. 224–229.

Hagen, Karl. Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter. Erlangen; Palm, 1841. Bd 1. 595 s.

Hermelink, Henrich. Die religiöse Reformbestrebungen des deutschen Humanismus. Tübingen: Verlag von J.C B. Mohr, 1907. 55 s.

Herrick, Marvin T. The New Drama of the Sixteenth Century in The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 54. N 4. P. 555–577.

Humanismus, Reformation, Konfession: Beiträge zur Kirchengeschichte / W. Bierwert, W. Hage. Marburg : Elwert, 1986. 287 s.

Hyma, Albert. The Christian Renaissance. A history of «*Devotio moderna*». Hamden: Archon Books, 1965. 735 s.

Hyma, Albert. The *Devotio moderna* or Christian Renaissance (1380–1520). Michigan: Reformed Pr., 1924. 227 p.

Geiger, Ludwig. Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland. Berlin: G. Grote, 1882. Bd. 3. 585 s.

Greff, Ioachim. *Tragedia des Buchs Judith inn Deudsche Reim.* Wittemberg: n. a., 1536. 95 s.

Günther, Otto. Plautuserneurengen in der deutschen Litteratur des XV–XVII. Jahrhunderts. Leipzig: Druck von Carl Marquart, 1886. 104 s.

Sapidus, Johannes. *Anabion Sive Lazarus Redivivus: comoedia nova & sacra.* Argentorati: Mylius, 1540. 56 p.

Kaegi, Werner. *Humanistische Kontinuität im konfessionellen Zeitalter.* Ein Vortrag. Basel: Helbing und Lichtenbahn, 1954. 23 s.

Kristeller, Paul Oskar. The Renaissance thought and its source / Ed. M. Mooney. New York: Columbia University Press, 1979. Vol. 1. 347 p.

Kristeller, Paul Oskar. Studies in Renaissance: Thoughts and Letter. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1956. Vol. 1. 680 p.

Lindeboom, J. Uitgever. Het bijbels humanisme in Nederland: Erasmus en de vroege reformatie. Leiden; A. H. Adriani, 1913. 280 s.

List of Original Neo-Latin Plays Printed Before 1650 in Studies in the Renaissance. 1957. Vol. 4. P. 55–70.

Luthers Vorreden zur Bibel / Hg. H. Bornkamm. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 231 s.

Lure, Zinaida Andreyevna. Lyuteranskaya propoved v tekstakh Ioakkima Grefa in Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura. 2012. № 4. S. 60–65.

Lutz, Heinrich. Reformation und Gegenreformation / 5 Aufs. München: Oldenbourg, 2002. 300 s.

McConaughy, James Lukens. The School Drama Including Palsgrave's Introduction to Acolastus. New York: Columbia University, 1913. 116 p.

Melanchthon, Philip. Opera quae supersunt omnia. Brunsvigae: Johnson Reprint, 1853. Bd 19. 792 p.; Brunsvigae: Johnson Reprint, 1854. Bd 20. 830 p.

Melanchthons Briefwechsel: kritische und kommentierte Gesamtausgabe / Hg. von H. Scheible. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1977. Bd 1: Regesten 1–1109 (1514–1530). 456 s.

Moeller, Bernd. Deutschen Humanisten und die Anfänge der Reformation in Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1959. N 70. S. 46–61.

- Nemilov, Aleksandr Nikolayevich.* Nemetskiye gumanisty XV v. Leningrad: Izd-vo LGU, 1979. 167 s.
- Newald, Richard.* Nachleben des antiken Geistes im Abendland bis zum Beginn des Humanismus. Tübingen: Niemeyerer, 1960. 467 s.
- Newald, Richard.* Problem und Gestalten des deutschen Studien Humanismus / Hg. von H. Roloff. Berlin: De Gruyter, 1963. 519 s.
- Oberman, Heiko Augustinus.* Stadtreformation und Fürstenreformation in Humanismus und Reformation als kulturelle Kräfte in der deutschen Geschichte: ein Tagungsbericht, Berlin, 11.–12. August 1977 / Hg. von L. W. Spitz. Berlin; New York: De Gruyter, 1981. S. 80–130.
- Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami.* Amsterdam: North-Holland, 1982. Bd. 9/1. 513 p.
- Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami / Ed. by P. S. Allen.* Oxonii: Clarendon, 1928. Vol. 7. 560 p.
- Ozment, Steven E.* The Reformation in Medieval Perspective. Chicago: Quadrangle Books, 1971. 267 p.
- Parente, James A.* Religious Drama and the Humanist Tradition: Christian Theater in Germany and in the Netherlands 1500–1680. Leiden: Brill, 1997. 240 p.
- Pastor, Ludwig.* Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg in Breslau: Herder, 1901. Bd 1. 932 s.
- Pfnür, Vinzenz.* Reformationstheorien und konfessionelle Identität in Ekumenizm na progu trzeciego tysiąclecia. Opole: Uniwersytet Opolski, 2000. S. 275–288.
- Pirkheimer, Willibald.* Opera politica, historica, philologica et epistolica / Hg. von M. Goldast. Frankfurt/M: impensis Iacobi Fischeri, 1610. 522 p.
- Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung: lutherische Kirchen- und Universalgeschichtsschreibung 1546–1617. Tübingen, 2007.
- Post, Regnerus Richardus.* The Modern Devotion: Confrontation with Reformation and Humanism. Studies in Medieval and Reformation Thought. Leiden: Brill, 1968. 701 p.
- Prokopev, Andrey Yuryevich.* V plenu Renessansa in Prospice sed respice: Problemy slavyanovedeniya i balkanistiki / pod red. A. Yu. Dvornichenko. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2009. S. 372–416.
- Rebhun, Paul.* Ein geistlich Spiel von der gotfürchtigen und keuschen Frauen Susanen / Kritisch hrsg. von H.-G. Roloff. Stuttgart: Ph. Reclam, 1967. 82 s.
- Reinhard, Wolfgang.* Was ist katholische Konfessionalisierung? in Die Katholische Konfessionalisierung: Wissenschaftliches Symposium der Gesellschaft zur Herausgabe des Corpus Catholicorum und des Vereins für Reformationsgeschichte 1993 / Hg. von W. Reinhard, H. Schilling. Leiden: Aschendorff, 1992. S. 419–452.
- Rummel, Erika.* The Confessionalization of Humanism in Reformation Germany. Oxford: Oxford University Press, 2000. 224 p.
- Rummel, Erika.* The Importance of being Doctor: The Quarrel Over Competency Between Humanists and Theologians in the Renaissance in The Catholic Historical Review. 1996. N 82. P. 189–193.

- Scheible, Heinz.* Melanchthon zwischen Luther und Erasmus in Renaissance-Reformation, Gegensätze und Gemeinsamkeiten / Hg. A. Beck. Wiesbaden: Harrassowitz, 1984. S. 155–180.
- Schilling, Heinz.* Confessional Europe in Handbook of European History, 1400–1600 / Ed. T. Brady. Leiden: Brill, 1995. S. 641–664.
- Schindling, Anton.* Konfessionalisierung und Grenzen von Konfessionalisierbarkeit in Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung: Land und Konfession 1500–1650. Münster, 1997. S. 9–44.
- Seidlmayer, Michael.* Wege und Wandlungen des Humanismus. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. 307 s.
- Simon, Gerhard.* Theobald Billican, Leben und Werk. Berlin; New York: de Gruyter, 1980. 271 s.
- Spitz, Lewis William.* The Religious Renaissance of the German humanists. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Pr., 1963. 377 p.
- Stachel, Paul.* Seneca und das deutsche Renaissancedrama. Berlin: Mayer & Müller, 1907. 398 s.
- Stroh, Wilfried.* Hieronymus Ziegler und Martinus Balticus: zwei Pioniere des lateinischen Schultheaters in München in Mittellateinisches Jahrbuch. 2011. N 46. S. 397–426.
- Troeltsch, Ernst.* Renaissance und Reformation in Historische Zeitschrift. 1913. N 4. P. 68–75.
- Trunz, Erich.* Der deutsche Späthumanismus um 1600 als Standeskultur in Geschichte der Erziehung und des Unterrichts. 1931. N 20. S. 17–53.
- Tschopp, Silvia Serena.* Protestantisches Schultheater und reichsstädtische Politik: Die Dramen des Sixt Birck in Humanismus und Renaissance in Augsburg. Kulturgeschichte einer Stadt zwischen Spätmittelalter und Dreißigjährigem Krieg / Hg. von M. Gernot. Berlin: de Gruyter, 2010. S. 187–215.
- Vorbaum, Reinhold.* Die evangelischer Schulordnungen des 16. Jahrhunderts. Gütersloh: Bertelsmann, 1860. Bd 1. 765 s.
- Washof, Wolfram.* Die Bibel auf der Bühne. Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. Münster: Rhema, 2007. 536 s.
- Wengert, Timothy.* Human Freedom, Christian Righteousness: Philip Melanchthon's Exegetical Dispute with Erasmus of Rotterdam. Oxford: Oxford University Press, 1998. 256 p.
- Wernle, Paul.* Die Renaissance des Christentums im 16. Jahrhundert. Tübingen: Mohr, 1904. 47 s.
- Zschoch, Hellmut.* Reformatorische Existenz und konfessionelle Identität. Urbanus Rhegius als evangelischer Theologe in den Jahren 1520 bis 1530. Tübingen: Mohr, 1995. 400 s.

УДК: 94(430).032; ББК: 63.3(0)4

Н. А. Бережная

ВЛАСТЬ И КОНФЕССИЯ В ПФАЛЬЦЕ В СЕРЕДИНЕ XVI в.: СПОР О ЕВХАРИСТИИ В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ФРИДРИХА III

Рейнское курфюршество на исходе Средневековья и в раннее Новое время было одним из ведущих княжеств Священной Римской Империи, занимая лидирующие позиции в южном и юго-западном регионах страны. Пфальцские курфюрсты числились в коллегии князей-выборщиков, и к тому же принадлежали к одной из старейших немецких династий — к Виттельсбахам, представители которых становились королями Германии, и даже занимали императорский престол¹.

Кальвинистская Реформация, начавшаяся в правление курфюрста Фридриха III Благочестивого (1559–1576), не только стала переломным моментом в судьбе рейнского Пфальца, за которым последует глобальная перестройка и духовной жизни, и политического курса, но и оказала влияние на всю немецкую историю XVI–XVII вв. Именно реформатское вероисповедание станет тем радикальным фактором, который в конечном итоге приведет Империю к Тридцатилетней войне. Немецкие кальвинисты хотели добиться признания своей конфессии на уровне Империи. То, что Фридриху III на рейхстаге 1566 г. удалось убедить имперские чины признать Гейдельбергский катехизис «родственным» Аугсбургскому², было лишь времененным решением. Правовое положение сторонников реформатского вероучения и самого Пфальца продолжало оставаться неустойчивым. Все это подталкивало Фридриха III и его преемников

¹ Людвиг IV Баварский (1281/1282–1347), король Германии с 1314 г., император с 1328 г.; Рупрехт III Пфальцский (1352–1410), король Германии с 1400 г.

² Согласно Аугсбургскому религиозному миру представителями евангелической конфессии считались лица, придерживавшиеся Аугсбургского Вероисповедания 1530 г. и «конфессионально родственные им члены», см.: Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб., 2002. С. 50–56; Dingel I. Augsburger Religionsfrieden und “Augsburger Konfessionsverwandschaft” — Konfessionelle Lesarten // Der Augsburger Religionsfrieden 1555 / Hrsg. von H. Schilling, H. Smolinsky. Gütersloh, 2007. С. 157–176.

© Н. А. Бережная, 2014

к решительной имперской и зарубежной политике, призванной обеспечить создание кальвинистского союза в Нидерландах, во Франции и в рейнских землях. В этих условиях любое серьезное испытание могло разрушить иллюзорный компромисс. Так и случилось, когда пфальцский курфюрст Фридрих V в ноябре 1619 г. согласился принять чешскую корону. Демарш Пфальца открыл тридцатилетнюю череду гражданских войн и иноземных вторжений. Кальвинистский выбор Фридриха III стал всему этому непосредственным прологом.

Реакция Фридриха III на конфликт вокруг евхаристии среди его теологов и при дворе, эволюция религиозных убеждений князя, сделавшая возможным его обращение в реформатское вероисповедание — вот те моменты, которые будут освещены в предлагаемой статье.

Немецкая историография XIX–XX вв. уделяла большое внимание последствиям введения кальвинизма в Пфальце. Ученых-позитивистов в особенности интересовало внешне- и внутриполитическое развитие курфюршества, утверждение реформатского вероучения в пфальцских анклавах³. Фолькер Пресс во второй половине XX в. сосредоточился на результатах социальных потрясений, вызванных религиозной реформой Фридриха III: разрушении ленных связей пфальцских государей с вассалами, сохранившими верность лютеранству, финансовом кризисе, радикализации внешней политики⁴. Историки много говорили о роли Пфальца на международной арене в XVI–XVII вв., о влиянии происходивших в нем конфессиональных процессов на ситуацию в самой Империи⁵. В середине XX в. на первый план выходят проблемы конфессионализации, под которой современные исследователи понимают процесс врастания в общественный организм религиозных и социально-политических норм новых Церквей — лютеранской, кальвинистской и обновленной католической⁶. Пфальцскую модель кальвинистской Реформации впервые исследо-

³ Häusser L. Geschichte der rheinischen Pfalz. Bd 2. Heidelberg, 1845; Kluckhohn A. Friedrich der Fromme, Kurfürst von der Pfalz. Nördlingen, 1879.

⁴ Press V. 1) Calvinismus und Territorialstaat. Regierung und Zentralbehörden der Kurpfalz 1559–1619. Stuttgart, 1970; 2) Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715. München, 1991; 3) Bayerns wittelsbachische Gegenspieler — Die Heidelberger Kurfürsten 1505–1685 // Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I / Hrsg. von H. Glaser. München, 1980. S. 24–39.

⁵ Vogler B. Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592) // Blätter für pfälzischen Kirchengeschichte und religiöse Volkskunde/ Bd 37–38. Berlin, 1970–1971. S. 235–266; Lanzinner M. Friedenssicherung und politische Einheit des Reiches unter Kaiser Maximilian II. Göttingen, 1993; Hepp F. Religion und Herrschaft in der Kurpfalz um 1600. Aus der Sicht des Heidelberger Kirchenrats Dr. Marcus zum Lamm (1544–1606). Heidelberg, 1993.

⁶ По историографии конфессионализации см.: Прокопьев А. Ю. Реформация, Контрреформация, Конфессионализация // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое Время. СПб., 2004. С. 2–32.

довал Ф. Пресс, показав феномен влияния кальвинизма на структуры княжеской власти и изменения в связи с этим имперской и внутренней политики, а также отношений между князем и сословиями. Научные конференции, состоявшиеся в Райнхайзене (1985) и Гейдельберге (1990)⁷, показали настойчивый интерес к проблемам реформатской конфессионализации, всестороннее изучение которой является одной из актуальных проблем современной историографии.

Тем не менее, вопрос о том, что же подтолкнуло Фридриха III к перемене вероисповедания, остался за пределами внимания большинства ученых. В XIX в. Август Клюкхон и Людвиг Хойсер были убеждены, что решающую роль в переходе Пфальца к кальвинистскому вероучению сыграли Гейдельбергский религиозный конфликт, последовавший за ним съезд князей в Наумбурге, и «Совет» Филиппа Меланхтона по реорганизации пфальцского богослужения⁸. При этом историки не делали различий между введением кальвинизма в Пфальце и обращением самого Фридриха III. Акцент ставился именно на первом: Фридрих потому решился стать кальвинистом, что увидел в вероучении швейцарского реформатора истину и созидательную силу, которая могла объединить все протестантские течения.

Современные исследователи объясняют победу кальвинистской Реформации широким диапазоном разнообразных факторов, отдавая предпочтение социальным. С восшествием на престол последнего представителя гейдельбергской линии пфальцских Виттельсбахов, нойбургского герцога Отто Генриха (1556–1559)⁹, рейнское курфюршество присоединилось к евангелическим чинам Империи. Желая как можно скорее внедрить лютеранскую доктрину в сознание своих подданных, курфюрст придавал большое значение реформированию системы образования¹⁰.

⁷ См. сборники, вышедшие по материалам обеих конференций: Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland. Das Problem der «zweiten Reformation» / Hrsg. von H. Schilling, Güterloh, 1986; Territorialstaat und Calvinismus / Hrsg. von M. Schaab. Stuttgart, 1993.

⁸ Häusser L. Geschichte... Bd 2. ... S. 14–19; Kluckhohn A. Friedrich der Fromme ... S. 54–55, 60–62.

⁹ Об Отто Генрихе см.: Salzer R. Otto Heinrich von der Pfalz // ADB, Bd 24. Leipzig, 1887. S. 713–719.; Pfalzgraf Ottheinrich. Politik, Kunst und Wissenschaft im 16. Jahrhundert / Hrsg. von der Stadt Neuburg an der Donau. Regensburg, 2002. Классической считается монография Б. Курце: Kurze B. Kurfürst Ottheinrich. Politik und Religion in der Pfalz 1556–1559. Gütersloh, 1956.

¹⁰ Wolgast E. Die Universität Heidelberg 1386 – 1986. Berlin, Heidelberg, 1986. S. 34–40; Zepf R. Fructus uberrimi: Die Theologiestudenten von Collegium sapientiae und Universität Heidelberg 1560–1622 // Zwischen Wissenschaft und Politik: Studien zur deutschen Universitätsgeschichte / Hrsg. von A. Kohnle und F. Engehausen. Stuttgart, 2001. S. 441–445; Selderhuis H. J. Eine attraktive Universität — Die Heidelberger Theologische Fakultät 1583–1622 // Bildung und Konfession / Hrsg. von H. J. Selderhuis. Tübingen, 2006. S. 23–24; Benrath G. A. Heidelberg, Universität // Theologische Realencyklopädie/ Bd 14. Berlin, New-York, 1985. S. 574–581.

В Пфальце, где Реформация начала активно распространяться лишь в конце 30-х гг. XVI в., остро ощущалась нехватка как должным образом подготовленных лютеранских пасторов и юристов, так и профессоров, которые могли бы работать в новых школах и университете. По приказу Отто Генриха их вербовали не только в немецких княжествах, но и во Франции и в Швейцарии, где к середине XVI в. глубоко укоренились цвинглианские и кальвинистские идеи. Сторонники швейцарской Реформации обосновались в Гейдельбергском университете (теолог Петер Боквин, юрист Франциск Балдуин, профессора греческого языка Вильгельм Ксиландер и медицины — Томас Эраст)¹¹, они были среди пасторов (дьякон Вильгельм Клебитц)¹² и при дворе (юрист Христофор Эхем, секретарь Стефан Цирлер)¹³. На немецкой земле большинство из них предпочитало говорить о своей преданности евангелической вере, ссылаясь на измененное Augsburger Vertrag (Вероисповедание), однако их конфессиональные убеждения не могли долго оставаться тайной для местных лютеран.

Другим важным фактором, предопределившим раскол пфальцского общества, было стремление Отто Генриха заменить советников своего двадцати людьми, преданными ему самому. Дворяне из Нойбурга и других протестантских земель заняли важные посты в надворном управлении и в канцелярии: канцлером стал Эразм фон Минквitz из Тюрингии, надворным судьей — Эразм фон Веннинген из Крайхгау, маршалом и гофмейстером — Адам Хоэнек, старшим секретарем — Христофор Арнольд (из нойбургских советников)¹⁴. Все это были убежденные лютеране, во время Гейдельбергского конфликта поддержавшие гнесиолютеранских теологов. При этом большинство уволенных чиновников Фридриха II — юристов из бюргеров — осталось в Пфальце, их недовольство росло. Местная элита также была раздражена попытками отстранить ее от дел управления. В 1558 г. на должность старшего гофмейстера курфюрст назначает графа Эберхарда фон Эрбаха¹⁵, которого подозревали в симпатиях к кальвинист-

¹¹ Wolgast E. Die Universität Heidelberg... S. 37–39; Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 218–221, 226; Driill D. Heidelberger Gelehrtenlexikon 1386–1651. Berlin, Heidelberg, 2002.

¹² Janse W. Der Heidelberger Zwinglianer Wilhelm Klebitz (um 1533–1568) und seine Stellung im aufkommenden Konfessionalismus // Die Zürcher Reformation: Ausstrahlungen und Rückwirkungen / Hrsg. von A. Schindler. Bern, 2001. S. 210–212.

¹³ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 221, 240.

¹⁴ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 205–208; Kurze B. Kurfürst Ottheinrich... S. 33–34.

¹⁵ Simon G. Die Geschichte der Dynasten und Grafen zu Erbach und ihres Landes. Frankfurt a. M., 1858; Scheible H. Melanchthon und die Grafen von Erbach // Scheible H. Aufsätze zu Melanchthon. Tübingen, 2010. S. 431–446. Проблему влияния эрбахских графов на своего пфальцского сеньора рассматривал Ф. Пресс, см.: Press V. Die Grafen von Erbach und die Anfänge des reformierten Bekenntnisses in Deutschland // Aus Geschichte und ihren Hilfswissenschaften. Marburg, 1979. S. 653–685.

скому вероучению: было известно, что он состоял в переписке с Кальвина¹⁶. Кроме того, Эберхард семь лет был ландфогтом Эльзаса, где беспрепятственно проповедовались учения швейцарских реформаторов. Тогда же генерал-суперинтендантом становится Тилеманн Хесхус¹⁷, в недалеком будущем — идейный вдохновитель пфальцских гнесиолютеран.

В целом, по мнению историков, именно своеобразие «кадровой политики» Отто Генриха, собравшего в Пфальце столь разных в доктринальном отношении теологов и советников — причем в разгар так называемого «второго спора о евхаристии»¹⁸ привела к формированию двух многочисленных и влиятельных «партий» — сторонников гнесиолютеранской церковной традиции и сторонников филиппистско-кальвинистских сил. Таким образом, религиозный конфликт в Гейдельберге стал закономерным итогом предшествующего развития курфюршества, попыткой разрешить внутренние противоречия сложившейся в Пфальце церковной модели.

Одной из ведущих причин победы кальвинизма в Пфальце немецкая историография считает влияние на Фридриха III его придворного окружения — не только в политическом аспекте, но и в плане религиозных реформ. Такая мысль высказывалась и в XIX в., но только Ф. Пресс впервые задался вопросом о механизме этого влияния. Историк выделял братьев фон Эрбах — Георга, Эберхарда и Валентина: именно они, согласно его концепции, «окончательно склонили» курфюрста «на сторону кальвинистов»¹⁹.

¹⁶ Press V. Die Grafen von Erbach... S. 667–668; Hollweg W. Der Augsburger Reichstag von 1566 und seine Bedeutung für die Entstehung der Reformierten Kirche und ihres Bekenntnisses. Neukirchen, 1964. S. 17–18.

¹⁷ О Т. Хесхусе см.: Barton P. F. Um Luthers Erbe. Studien und Texte zur Spätreformation. Tiлемann Heshusens (1527–1559). Wien, 1972; Krüger T. Empfangene Allmacht. Die Christologie Tiлемann Heshusens. Göttingen, 2004.

¹⁸ В 1549 г. Жан Кальвин и наследник Цвингли Генрих Буллингер заключили Тигуринское соглашение. В 1551 г. его текст был опубликован в Германии, вызвав бурную полемику среди протестантских теологов, особенно по вопросу о евхаристии. Кальвин, ссылаясь на Аугсбургское Вероисповедание 1540 г., доказывал, что его теология не противоречит евангелическому вероучению. Меланхтон, критически относящийся к учению Лютера о «посвеместном присутствии», счел возможным изменить 10-ю (евхаристическую) статью: его редакция допускала символическое толкование слов Писания. В 1557 г. Кальвин обратился к Меланхтону как к лидеру немецкой Реформации с предложением объединиться на базе Тигуринского соглашения. Последний не выразил согласия, но и не отказал прямо, что было истолковано гнесиолютеранами как сочувствие идеям Кальвина. См.: Campi E. Consensus Tigurinus: Werden, Wertung und Wirkung. // Consensus Tigurinus. Heinrich Bullinger und Johannes Calvin über das Abendmahl / Hrsg. von E. Campi und R. Reich. Zürich, 2009. S. 9–42; Herrlinger A. Die Theologie Melanchthons in ihrer geschichtlichen Entwicklung. 1879. S. 123–166.

¹⁹ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 223, 229.

В последнее время некоторые историки (В. Янсе²⁰, Я. Роллс²¹) высказывают предположение, что Кальвин, желая подвигнуть Меланхтона к объединению со швейцарской Реформацией, направлял в Германию «эмиссаров», перед которыми стояла задача, подставив под удар учеников и единомышленников лидера немецких протестантов, вынудить его отказаться от примирения с гнесиолютеранами. С этой точки зрения, Гейдельбергский религиозный конфликт мог быть вызван желанием кальвинистской «партии» взять под контроль местное церковное управление²². Тем не менее, вопрос о том, действовали ли графы фон Эрбах и другие про-реформатские силы при дворе с подачи Кальвина, или ими двигала собственная инициатива, глубоко личное понимание религиозного долга, остается открытым до сих пор.

Фридрих III (1515–1576)²³ происходил из зimmerнского Дома пфальцских Виттельсбахов²⁴. Старший сын герцога Иоганна II и баденской маркграфини Беатрис, он постигал тонкости княжеского правления при дворах лотарингского герцога Антуана II, льежского епископа Эберхарда и императора Карла V в Брюсселе —ластителей, воспитанных в лучших традициях католического благочестия. В 1537 г. пфальцграф Фридрих вступил в брак с Марией, дочерью маркграфа Казимира Бранденбург-Кульмбахского. Союз с представительницей франконских Гогенцоллернов связал Фридриха с элитой протестантской Германии: герцог Альбрехт Прусский приходился Марии дядей, одна ее кузина вышла замуж за курфюрста Бранденбургского Иоганна Георга Эконома, другая — за герцога Христофора Вюртембергского, а третья жена другого ее дяди, маркграфа Георга Бранденбург-Ансбахского, была сестрой курфюрстов Морица и Августа Саксонских. Судя по всему, Мария сыграла решающую роль

²⁰ Janse W. 1) A Lasco und Albrecht Hardenberg. Einigkeit im Dissens // Johannes a Lasco (1499–1560). Polnischer Baron, Humanist und europäischer Reformator / Hrsg. von C. Strohm. Tübingen, 2005. S. 262–263; 2) Albert Hardenberg als Theologe. Leiden, New-York, 1994. S. 62.

²¹ Rohls J. A Lasco und die reformierte Bekenntnisbildung // Johannes a Lasco... S. 115–116.

²² Krüger T. Empfangene Allmacht... S. 32; Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 227.

²³ О Фридрихе III см.: Kluckhohn A. Friedrich III. von der Pfalz // Allgemeine Deutsche Biographie; Bd 18. Leipzig, 1855. S. 606–612; Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 221–226; Schaab M. Geschichte der Kurpfalz. Bd 2. Stuttgart; Berlin; Köln, 1992. S. 35–49. Современная историография уделяет незаслуженно мало внимания как самой личности Фридриха III, так и «zimmerнской половине» его жизни, анализируя исключительно его деятельность как курфюрста Пфальца. Единственной полной биографией Фридриха является сочинение А. Клюкхона XIX в., см.: Kluckhohn A. Friedrich der Fromme... Ф. Шмидт в «Истории образования пфальцских Виттельсбахов» посвящает ему несколько страниц, см.: Schmidt F. Geschichte des Erziehungswesens der pfälzischen Wittelsbach. Berlin, 1899. S. XXV–XXVIII.

²⁴ По генеалогии зimmerнских князей см.: Hübner J. Genealogische Tabellen. Bd 1. Leipzig, 1727. Tab. 139; Europäische Stammtafeln. Neue Folge / Hrsg. von D. Schwennicke. Bd I. Th. 1. Frankfurt-am-Main, 2005. Taf. 94.

в обращении будущего курфюрста к евангелическому вероучению²⁵. Именно она, по мнению историков, приучила Фридриха к ежедневному чтению Священного Писания, познакомила его с Библией Лютера. Уважение, которое Фридрих питал к отцу, оставшемуся верным сыном католической Церкви, и финансовая зависимость молодой семьи от милостей, оказываемых императором Карлом V Иоганну II, вынуждали его скрывать свои религиозные предпочтения²⁶. Только в 1546 г., во франконских землях своего шурина Альбрехта Алкивиада, Фридрих объявил себя приверженцем Лютера.

В 1556 г. Отто Генрих Нойбургский занял пфальцский престол и, одобряя лютеранские убеждения Фридриха, назначил его наместником Верхнего Пфальца. В Амберге пфальцграф издает Церковное Уложение, почти дословно воспроизведившее ортодоксально-лютеранское курфюршеское Уложение. После смерти Иоганна II в 1557 г. Фридрих немедленно ввел в своих владениях лютеранскую Реформацию²⁷. Став наследником курфюршества, пфальцграф стал постоянно принимать участие в собраниях имперской элиты. Накануне Вормского диспута, в июне 1557 г. во Франкфурте-на-Майне, Фридрих присутствовал на встрече протестантских государей южной и центральной Германии²⁸, где обсуждался вопрос, какие вероучительные документы евангелической Церкви следует включить в общий канон. Зиммернский князь все глубже погружается в религиозные перипетии, волновавшие в те годы Германию, начинает понимать меру своей ответственности за судьбу протестантизма. Советники Фридриха от его имени подписали Франкфуртскую резолюцию (1558)²⁹, которая, по замыслу Меланхтона, должна была объединить различные течения внутри евангелической Церкви. За короткое время пфальцграф завоевывает уважение партнеров по протестантской коалиции — курфюрста Отто Генриха и герцога Христофора Вюртембергского, ландграфов Филиппа и Вильгельма Гессенских, пфальцграфа Вольфганга

²⁵ Dotzauer W. Geschichte des Nahe-Hunsrück-Raumes von den Anfängen bis zur Fränzösischen Revolution. Stuttgart, 2001. S. 326; Schaab M. Geschichte der Kurpfalz... S. 35; Wolgast E. Calvinismus und Reformiertentum im Heiligen Römischen Reich // Calvin und Calvinismus. Europäische Perspektiven / Hrsg. von I. Dingel, H. J. Selderhuis. Göttingen, 2011. S. 33.

²⁶ Kluckhohn A. Friedrich der Fromme... S. 11; Volkert W. Pfälzische Zersplitterung. // Geschichte der Oberpfalz und des bayerischen Reichskreises bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. 3. Aufl. München, 1995. S. 119.

²⁷ Kluckhohn A. Friedrich der Fromme... S. 23; Engelbert G. Die reformatorischen und Gegenreformatorischen Kräfte auf dem Hunsrück // Rheinische Vierteljahrsschriften. Bonn, 1963. S. 241; Dotzauer W. Geschichte des Nahe-Hunsrück-Raumes... S. 316.

²⁸ Wolf G. Zur Geschichte des deutschen Protestantes 1555–1559. Berlin, 1888. S. 71–72.

²⁹ Wolf G. Zur Geschichte des deutschen Protestantes... S. 148; Kluckhohn A. Friedrich der Fromme... S. 37–38.

Цвейбрюккенского и маркграфа Карла Баденского. Другое важное обстоятельство способствовало росту влияния Фридриха: герцог Иоганн Фридрих Саксен-Готский из эрнестинской ветви Веттинов, ревностный защитник гнездилоутеранства, взял в жены его дочь Елизавету. Этот брак был с одобрением встречен в протестантской среде: по общему мнению, пфальцграф Фридрих «был первым и единственным среди протестантских князей, о ком можно было надеяться, что он будет оказывать некоторое влияние на Иоганна Фридриха»³⁰.

В целом, можно утверждать, что к 1559 г. Фридрих Зиммернский не выраживал склонности к меланхтоновской трактовке евангелического вероучения³¹. Виттенбергского теолога он не знал близко и не переписывался с ним постоянно. Церковная практика в подвластных Фридриху территориях была строго-лютеранской. С другой стороны, к середине XVI в. объединительные тенденции внутри протестантизма набирают силу. Меланхтон, авторитет которого — как главы евангелической Церкви Германии — был неоспорим, несмотря на неоднозначное отношение к его теологии, всецело поддерживал их. Представляется невероятным, чтобы Фридрих ничего не знал о теологических баталиях вокруг Тигуринского соглашения — ведь его текст использовался сторонниками М. Флация в качестве аргумента против Меланхтона в ходе Вормского диспута. Все это не могло не оказать влияния на зimmerнского князя.

Вступив на престол в феврале 1559 г., Фридрих III застал пфальцский двор, университет и теологические круги Гейдельберга внутренне расколотыми по религиозному принципу. Таким образом, он был обречен — даже если бы ему и удалось какое-то время лавировать между группировками — принять сторону одной из них: или подавить кальвинистскую оппозицию, или выразить ей свою поддержку. Надворный судья Эразм фон Венningен просил нового государя принять меры «против реформатских сил»³², рассчитывая на его содействие. Однако, пробыв в Пфальце около трех месяцев, Фридрих III уехал в Аугсбург на рейхстаг. Новые назначения в высших эшелонах власти так и не были произведены; интрига сохранилась.

Корреспонденция Фридриха III должна пролить свет на его отношение к проблемам, стоявшим в конце пятидесятых годов XVI в. перед евангелическим вероучением. Можно выделить два основных периода: с февраля по август 1559 г., т. е. до того времени, когда курфюрст, вернувшись в Гейдельберг, стал свидетелем противостояния между генерал-

³⁰ Wolf G. Zur Geschichte des deutschen Protestantes... S. 158.

³¹ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 222.

³² Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 226.

суперинтендантом Хесхусом и дьяконом Клебитцем, и с сентября 1559 г. по апрель 1561 г., вплоть до Наумбургского конвента и продолжения обсуждения поднятых на нем тем. В переписке за начало 1559 г. хорошо отражены попытки Фридриха повлиять на позицию своего зятя, герцога Саксен-Готского, по религиозному вопросу. «Ваша Светлость любезно пояснили..., — пишет курфюрст Иоганну Фридриху 7 марта, — что Ваши советники были отправлены в Аугсбург с четким приказом, как они должны держаться в делах религии, чтобы они не сторонились посланных мною советников... и что Ваша Светлость не желает быть подстрекателем в религиозных спорах — во всем этом я нисколько не сомневаюсь, ... сам же с Божьей помощью не подам повода к разрыву. ... То, что Ваша Светлость защищает своих теологов, несмотря на ожесточенные сочинения, которыми они обменялись с теологами Виттенберга и Лейпцига, я не могу поставить Вам в вину, но, со своей стороны, хотел бы от всего сердца пожелать, чтобы эти сочинения, если это возможно, содействовали бы предотвращению взаимного раздражения; мне кажется, можно было бы разрешить этот спор посредством конвента, ибо в таком случае не принадлежащие к той или иной партии теологи выслушают дело и тех, кого признают неправыми, вернут к истине»³³. Имя Меланхтона не было названо — но несомненно, курфюрст подразумевал его в качестве одного из таких арбитров, стремящихся отстаивать интересы всей протестантской Церкви. Княжеская элита надеялась, что Фридрих III сможет склонить молодых Эрнестинов, Иоганна Фридриха и Иоганна Вильгельма, присоединиться к Франкфуртской резолюции, объединившей большую часть евангелических чинов Империи. Фридрих взялся за дело основательно. С одной стороны, он мягко, но неуклонно убеждает своего зятя в необходимости достижения и сохранения — «день за днем»³⁴ — христианского единства³⁵ ради торжества протестантского дела. Настаивая на проведении общепротестантского конвента, курфюрст добивался отсрочки дискуссии между герцогами Веймаром и Готами и курфюрстом Августом Саксонским — а точнее, между теологами первых (гнесиолютеранами из Йенского университета) и последнего («филиппистами» из университета Виттенберга). С другой стороны, Фридрих III требовал, чтобы его коллеги по протестантской фракции также проявили терпение и благожелательность в отношении веймарских герцогов. Своим советникам курфюрст не раз выражал недовольство жесткой позицией

³³ Briefe Friedrich der Fromme, Churfürst von der Pfalz mit verwandten Schriftstücken (далее — BFF) / Hrsg. von A. Kluckhohn. Bd 1. Braunschweig, 1868. N 7.

³⁴ BFF, N 31.

³⁵ BFF, N 7, 31, 63.

властителя Саксонии. Так, 27 мая Фридрих писал: он «не рад известию, что послы саксонского курфюрста все так же стремятся заставить» Иоганна Фридриха и Иоганна Вильгельма подписать Франкфуртскую резолюцию. Князь опасается, что следствием этого будет «разрушение достигнутого согласия и многочисленные ссоры, поэтому его советники снова должны сделать официальное заявление». Им следует настоять, чтобы саксонская делегация не поднимала бы этот вопрос до прибытия в Аугсбург пфальцского курфюрста и герцога вюртембергского (Фридрих III рассчитывал на его поддержку)³⁶. Понимая однако, что из-за демаршей Дрездена склонить Иоганна Фридриха и Иоганна Вильгельма к подписанию спорного документа не удастся, Фридрих соглашается с вариантом, предложенным герцогом Померанским: «не упоминая ни о Франкфуртской резолюции, ни даже о конкретной версии Аугсбургского Вероисповедания, единодушно сплотиться против папистов»³⁷. То, что послы эрнестинских герцогов не стали провоцировать скандал в ходе самого рейхстага — во многом заслуга пфальцского курфюрста.

«Цвинглианский вопрос», хотя и не стоит так остро, как это будет с конца 1559 г., занимает не последнее место в корреспонденции Фридриха III. Протестантских государей беспокоило присутствие в Гейдельберге явных сторонников швейцарской Реформации. Иероним Герхард, советник герцога Вюртембергского, писал: «В университете Его Курфюршеской Милости в Гейдельберге преподают два профессора, которые безбоязненно и открыто защищают цвинглианство, равно как и некоторые проповедники, каковых из-за принадлежности к вышеупомянутой секте не потерпели бы при дворах других христианских князей, служат в Пфальце»³⁸. В поздравительном послании, посвященном восшествию пфальцграфа на престол, герцог Иоганн Фридрих высказал опасение, что «новый курфюрст может оказать покровительство секте, т. е. цвинглианскому вероучению»³⁹. 8 марта Фридрих ответил так: «Господь видит, что мне не нравятся еретические шайки и секты, и я желал бы окончательно искоренить их»⁴⁰. Курфюрст, однако, немногословен — значит, пока он не придавал этой проблеме сколь-нибудь серьезного значения.

³⁶ BFF, N 53.

³⁷ BFF, N 33.

³⁸ BFF, N. 8. Г. Х. Бранди считает, что речь идет о «теологе Боквине и юристе Балдуине», см.: Brandy H. C. Die Späte Christologie des Johannes Brenz. Tübingen, 2004. S. 22. Однако Балдуин не принимал участия в религиозных дискуссиях того времени и не имел реального влияния на политику. Следует предположить, что И. Герхард имел в виду именно Т. Эраст, состоявшего в Церковном Совете и уже тогда подозреваемого в цвинглианстве.

³⁹ BFF, N 4, примечание 1.

⁴⁰ BFF, N 7.

Ход и итоги Гейдельбергского религиозного конфликта, действующие лица и их мотивы неоднократно рассматривались в немецкой историографии⁴¹ и были проанализированы в статье автора⁴². Считается, что конфликт начался с присвоения советом Гейдельбергского университета (во главе с ректором Т. Эрастом) докторской степени теологу Стефану Сильвию, против которого генерал-суперинтендант Хесхус выдвинул обвинение в цвинглианстве⁴³. Вскоре после этого Хесхус по семейным делам уехал из Гейдельберга, а вернувшись в конце апреля, узнал, что университет присвоил степень бакалавра теологии Вильгельму Клебитцу, дьякону церкви Св. Духа. «7 тезисов»⁴⁴, которые Клебитц написал для публичного диспута (в них он опровергал учение о «повсеместном присутствии» — т. е. о присутствии Тела Христова во время таинства евхаристии)⁴⁵, Хесхус отверг как кальвинистскую ересь, запретив Клебитцу причащать общину. В своих проповедях генерал-суперинтендант стал твердить об опасности отделения Божественной природы Христа от человеческой, о ложности кальвинистского понимания причастия⁴⁶.

Наместник курфюрста, граф Георг фон Эрбах, призвал пасторов прекратить беспорядки внутри пфальцской Церкви. Вместе с тем, он дал понять, что поддерживает точку зрения Клебитца, фактически обвинив Хесхуса в симпатиях к папизму⁴⁷. Последний пригрозил Георгу церковным отлучением, о чем тот не мог не уведомить курфюрста⁴⁸. В последних числах августа Фридрих III вернулся в Гейдельберг и, будучи осведомлен о серьезности ситуации, отправился в церковь Св. Духа, чтобы составить личное представление об аргументах генерал-суперинтенданта⁴⁹. Хесхус произвел на курфюрста самое неприятное впечатление. Поскольку разногласия не утихли после приезда Фридриха — на что он, вероятно, втайне

⁴¹ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 223–229; Heppe H. Geschichte des deutschen Protestantismus in den Jahren 1555–1581. Bd 1. Marburg, 1852. S. 303–311.

⁴² Бережная Н. А. Гейдельбергский религиозный конфликт 1558–1560 гг. и трансформация конфессиональных взглядов курфюрста Фридриха III // Клио. 8 (68). СПб, 2012. С. 21–24.

⁴³ Wilkens C. A. Tilemann Heßhusius. Ein Streittheolog der Lutherkirche. Leipzig, 1860. S. 49–52; Kluckhohn A. Friedrich der Fromme... S. 47; Heppe H. Geschichte des deutschen Protestantismus... S. 307.

⁴⁴ Struve B. G. Ausführlicher Bericht von der pfälzische Kirchen-Historie. Frankfurt, 1721. S. 78.

⁴⁵ Теологические воззрения В. Клебитца на начало 1559 г. одни исследователи оценивают как меланхтоновские (Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 227.), другие — как в большей степени реформатские (Janse W. Der Heidelberger Zwinglianer Wilhelm Klebitz... S. 210–212).

⁴⁶ Wilkens C. A. Tilemann Heßhusius... S. 52; Kluckhohn A. Friedrich der Fromme... S. 51–52.

⁴⁷ Krüger T. Empfangene Allmacht... S. 32; Wilkens C. A. Tilemann Heßhusius... S. 54.

⁴⁸ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 228.

⁴⁹ Kluckhohn A. Friedrich der Fromme... S. 53.

рассчитывал, 9 сентября курфюрст попробовал убедить Хесхуса принять формулу причастия измененного Аугсбургского Вероисповедания, но теолог ответил отказом⁵⁰. После нескольких недель, наполненных новыми скандалами и взаимными проклятиями, 16 сентября и Хесхус, и Клебитц были отрешены от должностей.

Что же сам курфюрст думал о разгоревшемся конфликте? В письмах за октябрь 1559-го — март 1560 г. несколько раз встречаются упоминания о Хесхусе и Клебитце⁵¹. Письмо, где Фридрих III подробно описывает их противостояние, датировано 24 октября и обращено к герцогу Иоганну Фридриху⁵². Прежде всего, пишет курфюрст, его наместник сделал все возможное для того, чтобы снизить накал страстей. «Что же касается спора высшего дворянства вокруг двоих теологов, речь идет о евхаристии Господа Нашего Иисуса Христа, и все случилось в мое отсутствие. ... Граф Георг фон Эрбах... обоих призвал к себе и по-христиански просил, дабы они не проповедовали бы с церковной кафедры, смущая этим совесть верующих; а пожелали бы отложить (свою) дискуссию. — Н. Б.) до моего возвращения, не сомневаясь, что я об этих вещах подумаю обстоятельно». Кроме того, невероятная грубость генерал-суперинтенданта — это факт, свидетелем которого был сам Фридрих. В церкви Св. Духа «доктор Тилеманн» прямо «с кафедры дерзко сказал» Клебитцу: «Ты хочешь заткнуть мне рот?» Курфюрст проявил выдержку, повелев обоим предоставить письменные вероисповедания курфюршескому совету, а также запретив им проповедовать — «хотя бы на короткое время, чтобы я не только со своими теологами, но и со многими другими христианскими правителями об этом рассудил». Этими словами Фридрих подчеркивает, что он вовсе не хотел побыстрее избавиться от Хесхуса, а намеревался просить совета у других протестантских государей, но теологи уже не слушались своего князя, и курфюрст был вынужден уволить и генерал-суперинтенданта, и его противника.

Крайне важным представляется вопрос о реакции Фридриха на взгляды пасторов. Он пишет: о Вечере Господней «они друг против друга проповедовали еще дважды, и этим возбудили большой скандал, и тогда доктор Тилеманн этому Вильгельму объяснил свое слово иначе, чем каждый его понимает, что Ваша Светлость увидит на примере их конфессий». Фактически курфюрст не согласен с лютеровским учением о повсеместном присутствии.

⁵⁰ Krüger T. Empfangene Allmacht... S. 33.

⁵¹ BFE. N 77, 78, 83, 85, 95.

⁵² BFE. N 77.

Понимая, что сложившуюся ситуацию не исправить одними увольнениями, Фридрих III в октябре 1559 г. обратился к Меланхтону за советом. Тот полностью одобрил действия курфюрста и предложил «примириительную» формулу веры⁵³, где учение о причастии трактовалось в кальвинистском духе⁵⁴. Формула Меланхтона была введена Фридрихом в своих землях, несмотря на активное противодействие его лютеранского окружения.

В это время в корреспонденции курфюрста становится заметным критическое отношение к ортодоксальному лютеранству. Можно выделить два момента: защиту Фридрихом III своей религиозной политики и его отношение к Лютеру. Еще в письме Иоганну Фридриху от 24 октября 1559 г.⁵⁵ Фридрих не столько отрицает наличие цвинглиан среди своих советников, сколько отказывается обсуждать меры воздействия по отношению к этим лицам, говоря, что не в его власти «читать в сердцах» людей («Ваша Светлость, вероятно, считает, что среди моих знатнейших советников по крайней мере один, если не двое, являются цвинглианами... Я же не могу никого прощать или обвинять, ибо вера кроется в сердце человека...»). С другой стороны, Фридрих настойчиво убеждает своего сына, что он не покровительствует цвинглианству («Я пишу это не потому, что хочу защищать Цвингли или кого-нибудь из ложных учителей... Кроме того, я должен со всей ответственностью заявить, что не читал сочинений Цвингли»).

В этом же письме Фридрих впервые говорит об аресте нескольких протестантов в католическом Трире. «Ваша Светлость уже слышали, что некоторые из бедных бюргеров Трира, которые в большинстве своем исповедуют Аугсбургскую конфессию, по милости своих сограждан и епископа оказались в заключении, а остальных силой вынуждают к отречению... Их проповедника, доктора (теологии. — Н. Б.) и уроженца Трира⁵⁶, епископ назвал кальвинистом». Следует отметить, что курфюрст не пытается оспаривать последнее утверждение, как будто немецкие гнесиолютеране еще в начале 50-х гг. XVI в. не отвергли кальвинизм наравне с цвинглианством.

⁵³ Philipp Melanthonis opera quae supersunt omnia / Hrsg. von G. Brettschneider und H. G. Bindseil. Corpus Reformatorum. Bd IX. Halle, 1842. N 6861.

⁵⁴ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 228.

⁵⁵ BFF. N 77.

⁵⁶ Речь идет о Каспаре Олевиане, будущем руководителе кальвинистской Церкви Пфальца, см.: Cuno F. W. Olevian Caspar // Allgemeine Deutsche Biographie, Bd 24. Leipzig, 1887. S. 286–289; Goeters G. J. F. Olevian Kaspar // Theologische Realenzyklopädie, Bd 25. Berlin, New-York, 1995. S. 237–239.

В послании от 18 ноября 1559 г. Фридрих снова выражает обеспокоенность положением единоверцев⁵⁷. «Бедных христиан Трира, — пишет он, — епископ все еще строго допрашивает, однако он предпочел бы, чтобы они подвергли позору их и Нашего Господа Иисуса Христа и просили о снисхождении, как если бы они совершили неправое дело, признав себя принадлежащими к Аугсбургскому Вероисповеданию, но я все же надеюсь, что они не проявят малодушия». Курфюрст сообщает, что он намеревается обсудить сложившуюся ситуацию с Вольфгангом Цвейбрюкенским, Христофором Вюртембергским, Карлом Баденским, Филиппом Гессенским и со своим братом, Георгом Зиммернским. В том случае, если на переговорах удастся достичь согласия, князья планировали обратиться к трирскому курфюрсту с просьбой освободить заключенных.

Фридрих III по-прежнему отвергает все упреки в том, что он потакает «цвинглианской секте» («Господь дарует мне милость, чтобы ни эта, ни другие такие же секты в моих владениях не процветали»). Вместе с тем он активно отстаивает предпринятые усилия по поддержанию порядка в пфальцской Церкви. «Ваша Светлость может не сомневаться, что я, как могу, способствую установлению Царства Божия, Его Слово чистым, истинным и ясным в своих землях повелел проповедовать, а злоупотреблениям положил конец...»⁵⁸, — пишет курфюрст Иоганну Фридриху 7 апреля 1560 г. Эрнестинские герцоги и их теологи распространяли тревожные слухи по всей Германии. Фридрих III был недоволен острой и настойчивой критикой в свой адрес, поэтому со временем в его корреспонденции начинает мелькать раздражение. «По моему скромному мнению, Вашей Светлости стоило бы остерегаться людей, которые так презрительно судят каждого, и не только судят, но и осуждают, хотя повелел Господь в 7 главе Евангелия от Матфея, что мы не должны судить, дабы не быть судимыми, ... кроме того, в ту встречу в Вормсе я узнал о том, что йенские теологи одобрили не все, что до тех пор совершалось из любви к миру, но всегда найдутся люди, которые их злоупотребления прикроют словами из Священного Писания»⁵⁹. Во-первых, Фридрих косвенно дает понять, что он не признает права учить себя за теми, которые на Вормском диспуте помешали желанному объединению. Во-вторых, и это представляется еще более важным, по отношению к йенским теологам курфюрст использует тот же термин «злоупотребления» (*corruptelen*), который фигурирует, когда курфюрст говорит о «ересях и сектах», искореняемых в его собственных владениях. Не исключено, что он делает это намеренно.

⁵⁷ BFF. N 80.

⁵⁸ BFF. N 96.

⁵⁹ Ibid.

«На то, что я должен положить конец злоупотреблениям (которых, согласно письму Вашей Светлости, в моем княжестве предостаточно), я отвечу, что здесь, в моих землях, действительно, еще существуют ереси и секты, и я считаю себя обязанным их ликвидировать... Однако, в настоящее время, многие злоупотребления уже привлекли внимание теологов и были осуждены...». Вряд ли Фридрих имеет в виду цвинглиан — скорее всего, он говорит о «злоупотреблениях» именно гнезиолютеранских теологов.

16 марта 1560 г. Фридрих III отправляет герцогу Иоганну Вильгельму, брату Иоганна Фридриха, последнее сочинение Т. Хесхуса — очевидно, чтобы дать представление о недостойном поведении теолога, порочащего доброе имя курфюрста⁶⁰. «Я посыпаю Вашей Светлости, — поясняет он, — одно грязное сочинение, которое мой бывший генерал-суперинтендант посмел распространить против меня, ... это измышление построено на неправдоподобной лжи, и поэтому само по себе ничтожно». Фридрих, тем не менее, предлагает собеседнику «не самостоятельно читать его, но обсуждать со всеми (теологами и советниками). — Н. Б.), чтобы не допустить повторения подобного (конфликта в своих землях. — Н. Б.)». Курфюрст пытается доказать, что герцогу не следует прислушиваться к словам Хесхуса, ибо он сам виноват в своей отставке — теолог всегда был столь же лицемерен и груб, как и в этом своем трактате.

Фридрих III категорически возражал против того, чтобы его взгляды ассоциировались с цвинглианским вероучением, ведь оно было осуждено Мартином Лютером. Любопытно, однако, что хотя трирских бургеворов Фридрих III называет исповедующими Аугсбургскую формулу веры, в отношении их пастора он цитирует трирского епископа, считавшего Олевиана кальвинистом. Никак не комментируя эти слова, и одновременно отрицая обвинения в симпатиях к Цвингли, курфюрст пытается отделить кальвинизм от цвинглианства, не находя в вероучении Кальвина ничего «еретического».

Крайне сложно из-за нехватки источников проследить за изменением отношения курфюрста Фридриха к Лютеру. Все письма, в которых Фридрих говорит о покойном докторе из Виттенберга, относятся к периоду после Наумбургского конвента (январь — февраль 1561 г.), где пфальцский курфюрст впервые назвал «папистской» 10 статью Аугсбургского Вероисповедания 1530 г. (в ней учение о евхаристии было изложено в строго лютеранском духе). Уже после закрытия конвента герцог Иоганн Фридрих надеялся переубедить своего тестя, посыпая ему сочинения реформатора. Фридрих III в это время предстает все более уверенным в правильности своих убеждений. Так, 10 марта 1561 г. он пишет: «Хоть я изданную

книжицу читал прежде в томах покойного доктора Лютера, но все же, несмотря на другие дела, нашел время, чтобы... снова перечитать ее, однако, нашел в ней мало того, что могло бы быть полезно устройству Церкви Христовой, доктор Лютер бранит лживых учителей и цвинглиан, и предостерегает от них. Видно, что он обвиняет людей и пишет о них зло, ... кроме того, никто не может утверждать, что знает, как, где и когда тот или другой проповедовали ложь, подобное я не могу одобрить, как и бездумно повторять старые слова, ибо истина не заключается целиком в умении слушать»⁶¹. Через месяц курфюрст снова пытается объяснить герцогу свое отношение к Лютеру и его позиции в евхаристическом вопросе: «В том, что касается спора о Вечере Господней, который тогда разгорелся между Лютером и Цвингли, я стою на своем, и притом хорошо знаю, что доктор Лютер стремился обратить против Цвингли как можно больше сочинений, также и в итоговом документе Марбургского диспута такого немало...»⁶². Но у этих резких слов неожиданное продолжение: «еще я вспоминаю, что слышал от ...ландграфа Гессенского, что они оба в тот раз были так близки к согласию, что Его Светлость полагал — если бы не начавшаяся страшная болезнь, английская потница, они должны были непременно преодолеть то, что их разделяло». Как понимать этот парадокс? Судя по всему, Фридрих хочет убедить Иоганна Фридриха, что Лютер согласился бы с точкой зрения Цвингли, призывая в свидетели Филиппа Гессенского. При этом сочувствие курфюрста явно на стороне швейцарского реформатора.

Таким образом, в попытке оправдать перед протестантскими князьями начавшиеся в Пфальце религиозные преобразования, курфюрст доходит до того, что обвиняет Лютера в «папизме», в следовании католическому догмату о причастии. Вместе с тем Фридрих выступает защитником трирских кальвинистов. Каспар Олевиан, в 1560 г. взятый курфюрстом на службу, станет одним из наиболее авторитетных реформатских теологов своего времени, автором Гейдельбергского Катехизиса — первого кальвинистского Катехизиса, созданного на территории Германии, и включенного на Дордрехтском синоде 1618–1619 гг. в список вероучительных документов реформатской Церкви. То, что Фридрих III склоняется к кальвинизму, после Наумбургского конвента уже ни у кого не вызывает сомнений⁶³. На Рождество 1561 г. курфюрст совершил обряд евхаристии по кальвинистскому образцу, до конца 1562 г. на всех высоких постах в канцелярии и надворном управлении лютеране были заме-

⁶¹ BFF, N 114.

⁶² BFF, N 118.

⁶³ Press V. Calvinismus und Territorialstaat... S. 229.

нены сторонниками реформатского вероучения. Издание собственного катехизиса в 1563 г. считается официальной датой обращения Пфальца в кальвинизм, хотя реформирование церковных структур продолжалось в течение 60–70-х гг. XVI в.

Информация о статье:

Автор: Бережная Наталья Александровна, Библиотека Российской Академии Наук, Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР), библиотекарь. E-mail: natalialandi@mail.ru

Заголовок: Власть и конфессия в Пфальце в середине XVI в.: спор о евхаристии в корреспонденции Фридриха III.

Резюме: В предлагаемой статье автор рассматривает реакцию пфальцского курфюрста Фридриха III на полемику вокруг евхаристии среди его теологов и при дворе, анализирует эволюцию религиозных убеждений князя, сделавшую возможным его обращение в реформатское вероисповедание. К моменту своего вступления на престол Фридрих не обнаруживал склонности ни к меланхтоновской теологии, ни к вероучениям Цвингли или Кальвина. Гейдельбергский религиозный конфликт сделал для него очевидной незавершенность лютеранской Реформации, начатой его предшественником Отто Генрихом. Стремление к единству евангелической конфессии, осознание своей ответственности за ее судьбу заставляли Фридриха делать все возможное для скорейшего разрешения евхаристического конфликта в своих владениях. Главными виновниками проблем, стоявших в середине XVI в. перед немецким протестантизмом, в глазах курфюрста становятся гнесиолютеране — как из-за личных качеств их представителей, так и по причине влияния, оказываемого на него кальвинистским окружением. Корреспонденция Фридриха III свидетельствует о нарастании в период с октября 1559 по апрель 1561 г. критического отношения к ортодоксальному лютеранству и самому Лютеру. В попытке оправдать перед протестантскими князьями начавшиеся в Пфальце церковные преобразования, курфюрст доходит до того, что обвиняет Лютера в «папизме», в следовании католическому догмату о причастии. Вместе с тем Фридрих выступает защитником трирских кальвинистов, лидера которых, Каспара Олевиана, он в 1560 г. приглашает в Пфальц. Олевиан станет одним из наиболее авторитетных реформатских теологов своего времени, автором Гейдельбергского Катехизиса — первого кальвинистского Катехизиса, созданного на территории Германии. Его опубликование в 1563 г. считается официальной датой обращения Пфальца в кальвинизм.

Ключевые слова: Фридрих III Пфальцский, кальвинизм, Гейдельбергский религиозный конфликт.

Источники, использованные в статье:

Briefe Friedrich der Fromme, Churfürst von der Pfalz mit verwandten Schriftstücken / Hrsg. von A. Kluckhohn. Bd 1. Braunschweig, C. A. Schwetschke und Sohn, 1868. 812 s.

Philippi Melanthonis opera quae supersunt omnia. / Hrsg. von G. Brettschneider und H. G. Bindseil. Corpus Reformatorum. Bd IX. Halle, 1842.

Литература, использованная в статье:

Бережная, Наталья Александровна. Гейдельбергский религиозный конфликт 1558–1560 гг. и трансформация конфессиональных взглядов курфюрста Фридриха III // Клио. 8 (68). СПб: Полторак, 2012. С. 21–24.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2002. 384 с.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. Реформация, Контрреформация, Конфессионализация // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб: Алтейя, 2004. С. 5–32.

Barton, Peter Friedrich. Um Luthers Erbe. Studien und Texte zur Spätreformation. Tilemann Heshusens (1527–1559). Witten: Luther-Verlag, 1972. 261 s.

Benrath, Gustav Adolf. Heidelberg, Universität // Theologische Realenzyklopädie, Bd 14. Berlin, New-York: de Gruyter, 1985. S. 574–581.

Brady, Thomas. Zwischen Gott und Mammon: Protestantische Politik und deutsche Reformation. Berlin: Siedler Verlag, 1996. 332 s.

Campi, Emidio. Consensus Tigurinus: Werden, Wertung und Wirkung // Consensus Tigurinus. Heinrich Bullinger und Johannes Calvin über das Abendmahl / Hrsg. von E. Campi und R. Reich. Zürich: Theologischer Verlag Zürich, 2009. S. 9–42.

Cuno, Friedrich Wilhelm. Olevian Caspar // Allgemeine Deutsche Biographie, Bd 24. Leipzig, 1887. S. 286–289.

Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland. Das Problem der «zweiten Reformation» / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Gerd Mohn, 1986. 480 s.

Dingel, Irene. Augsburger Religionsfriede und “Augsburger Konfessionsverwandtschaft” — Konfessionelle Lesarten // Der Augsburger Religionsfrieden 1555. Wissenschaftliches Symposium aus Anlass des 450. Jahrestages des Friedenschlusses / Hrsg. von H. Schilling, H. Smolinsky. Münster: Aschendorff, 2007. S. 157–176.

Dotzauer, Winfried. Geschichte des Nahe-Hunsrück-Raumes von den Anfängen bis zur Fränkischen Revolution. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. 437 s.

Drüll, Dagmar. Heidelberger Gelehrtenlexikon 1386–1651. Berlin, Heidelberg: Springer, 2002. 650 s.

Engelbert, Günther. Die reformatischen und gegenreformatischen Kräfte auf dem Hunsrück // Rheinische Vierteljahrsschriften, Bd 28. Bonn, 1963. S. 231–249.

Europäische Stammtafeln. Neue Folge / Hrsg. von D. Schwennicke. Bd I. Th. 1. Frankfurt-am-Main, 2005.

Goeters, Gerhard Johann Friedrich. Olevian Kaspar // Theologische Realenzyklopädie, Bd 25. Berlin, New-York: de Gruyter, 1995. S. 237–239.

Häusser, Ludwig. Geschichte der rheinischen Pfalz. Bd 2. Heidelberg: Akademische Verlagshandlung von J. C. B. Mohr, 1845. 1003 s.

Hepp, Frieder. Religion und Herrschaft in der Kurpfalz um 1600. Aus der Sicht des Heidelberger Kirchenrats Dr. Marcus zum Lamm (1544–1606). Heidelberg: Verlag Brigitte Guderjahn, 1993. 390 s.

Heppe, Heinrich. Geschichte des deutschen Protestantismus in den Jahren 1555–1581. Bd 1. Marburg: Elwert, 1852. 665 s.

Herrlinger, Albert. Die Theologie Melanchthons in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Gotha: Perthes, 1879. 468 s.

Hollweg, Walter. Der Augsburger Reichstag von 1566 und seine Bedeutung für die Entstehung der Reformierten Kirche und ihres Bekenntnisses. Neukirchener Verlag des Erziehungsvereins, 1964. 419 s.

Hübner, Johann. Genealogische Tabellen. Bd 1. Leipzig: Gleditsch, 1727. 668 s.

Janse, Wim. A Lasco und Albrecht Hardenberg. Einigkeit im Dissens // Johannes a Lasco (1499–1560). Polnischer Baron, Humanist und europäischer Reformator / Hrsg. von C. Strohm. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. S. 261–282.

Janse, Wim. Albert Hardenberg als Theologe. Leiden, New York, Köln: Brill, 1994. 608 s.

Janse, Wim. Der Heidelberger Zwinglianer Wilhelm Klebitz (um 1533–1568) und seine Stellung im aufkommenden Konfessionalismus // Die Zürcher Reformation: Ausstrahlungen und Rückwirkungen / Hrsg. von A. Schindler und H. Stickelberger. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2001. S. 203–220.

Kluckhohn, August. Friedrich III. von der Pfalz // Allgemeine Deutsche Biographie, Bd 18. Leipzig, 1878. S. 606–612.

Kluckhohn, August. Friedrich der Fromme, Kurfürst von der Pfalz. Nördlingen: C. H. Beck, 1879. 478 s.

Krüger, Thilo. Empfangene Allmacht. Die Christologie Tilemann Heshusens (1527–1588). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 387 s.

Kurze, Barbara. Kurfürst Ottheinrich. Politik und Religion in der Pfalz 1556–1559. Gütersloh: Carl Bertelsmann Verlag, 1956. 151 s.

Lanzinner, Maximilian. Friedenssicherung und politische Einheit des Reiches unter Kaiser Maximilian II (1564–1576). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. 588 s.

Pfalzgraf Ottheinrich. Politik, Kunst und Wissenschaft im 16. Jahrhundert / Hrsg. von der Stadt Neuburg an der Donau. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2002. 360 s.

Press, Volker. Bayerns wittelsbachische Gegenspieler — Die Heidelberger Kurfürsten 1505–1685 // Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I. Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573–1651 / Hrsg. von H. Glaser. München, Zürich: Hirmer, 1980. S. 24–39.

Press, Volker. Calvinismus und Territorialstaat. Regierung und Zentralbehörden der Kurpfalz 1559–1619. Stuttgart: E. Klett, 1970. 543 s.

Press, Volker. Die Grafen von Erbach und die Anfänge des reformierten Bekenntnisses in Deutschland // Aus Geschichte und ihren Hilfswissenschaften. Marburg, 1979. S. 653–685.

Press, Volker. Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715. München: C. H. Beck, 1991. 551 s.

Rohls, Jan. A Lasco und die reformierte Bekenntnisbildung // Johannes a Lasco (1499–1560). Polnischer Baron, Humanist und europäischer Reformator / Hrsg. von C. Strohm. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. S. 101–124.

Salzer, Robert. Otto Heinrich von der Pfalz // Allgemeine Deutsche Biographie, Bd 24. Leipzig, 1887. S. 713–719.

Schaab, Meinrad. Geschichte der Kurpfalz. Bd 2. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer, 1992. 322 s.

Scheible, Heinz. Melanchthon und die Grafen von Erbach // Scheible H. Aufsätze zu Melanchthon. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. S. 431–446.

Schmidt, Friedrich. Geschichte des Erziehungswesen der pfälzischen Wittelsbach. Berlin: Hofmann, 1899. 656 s.

Selderhuis, Herman J. Eine attraktive Universität — Die Heidelberger Theologische Fakultät 1583–1622 // Bildung und Konfession / Hrsg. von H. J. Selderhuis und M. Wriedt. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. S. 1–30.

Simon, Gustav. Die Geschichte der Dynasten und Grafen zu Erbach und ihres Landes. Frankfurt am Main: Verlag von H. L. Bröunner, 1858. 793 s.

Struve, Burkhard Gotthelf. Ausführlicher Bericht von der pfälzischen Kirchen-Historie. Frankfurt: Verlegs J. B. Hartung, 1721. 1522 s.

Territorialstaat und Calvinismus / Hrsg. von M. Schaab. Stuttgart: Kohlhammer, 1993. 272 s.

Vogler, Bernard. Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592) // Blätter für pfälzischen Kirchengeschichte und religiöse Volkskunde, Bd 37–38. Berlin, 1970–1971. S. 235–266.

Volkert, Wilhelm. Pfälzische Zersplitterung // Geschichte der Oberpfalz und des bayerischen Reichskreises bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. 3. Aufl. München: C. H. Beck, 1995. S. 72–141.

Wilkens, Cornelius A. Tilemann Heßhusius. Ein Streittheolog der Lutherkirche. Leipzig: Breitkopf und Haertel, 1860. 250 s.

Wolf, Gustav. Zur Geschichte des deutschen Protestanten 1555–1559. Berlin: O. Seehagen, 1888. 474 s.

Wolgast, Eike. Calvinismus und Reformiertentum im Heiligen Römischen Reich // Calvin und Calvinismus. Europäische Perspektiven / Hrsg. von I. Dingel, H. J. Selderhuis. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 23–45.

Wolgast, Eike. Die Universität Heidelberg 1386–1986. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1986. 219 s.

Zepf, Robert. Fructus uberrimi: Die Theologiestudenten von Collegium sapientiae und Universität Heidelberg 1560–1622 // Zwischen Wissenschaft und Politik: Studien zur deutschen Universitätsgeschichte / Hrsg. von A. Kohnle und F. Engehausen. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. S. 441–454.

Information about the article:

Author: Berezhnaya Natal'ya Aleksandrovna. Russia, St.-Petersburg, Russian Academy of Sciences Library, Department of manuscript. E-mail: natalialandi@mail.ru

Title: State Power and Confession in mid-XVI century: the Eucharist controversy and correspondence of Friedrich III.

Summary: The present article looks at the reaction of Friedrich III, Elector Palatine, to the Eucharist controversy among the theologians and at his court, and analyses the evolution of the Elector's religious convictions which resulted in his conversion to Reformism. At the point of ascending the throne Friedrich didn't seem a sympathizer either of Melanchthon's theology, or Zwingli's or Calvin's teachings. The religious conflict at Heidelberg made evident for him that the Lutheran reformation started by his predecessor Otto Heinrich was incomplete. At that period Friedrich felt responsible for the cause of unity of all the Evangelical confession, and therefore did everything to resolve the Eucharist controversy in his realms as soon as possible. To the Elector's mind, it was the Gnesio-Lutherans who caused most problems for German Protestantism in mid-XVI century. Friedrich felt they were troublesome because of personal character of their leaders, while he himself was influenced by his Calvinist environment. Friedrich III's letters in the period between October 1559 and April 1561 show his criticism of orthodox Lutheranism and Luther himself becoming stronger. Defending the church reforms, carried out in the Palatinate, before Protestant German princes, Friedrich went as far as accusing Luther of "Papism" in following the Catholic dogma concerning Eucharist. At the same time Friedrich defended the Calvinists of Trier, and invited their leader, Caspar Olevian to Palatinate in 1560. Olevian later became one of the most influential Calvinist theologians of his time and wrote the Heidelberg Catechism, the first Calvinist catechism in Germany, the publication of which in 1563 officially marked the conversion of Palatinate into Calvinism.

Keywords: Friedrich III of Pfalz, Calvinism, Heidelberg religious conflict.

References:

- Berezhnaya, Natal'ya Aleksandrovna. Geidelbergskiy religioznyy konflikt 1558–1560 gg. i transformatsiya konfessional'nykh vzglyadov kurfyursta Fridrikha III, in Klio. 8 (68). SPb.: Poltorak, 2012. S. 21–24.
- Prokop'ev, Andrei Yurevich. Germaniya v epokhy religioznogo raskola 1555–1648. SPb.: Izdatel'skiy tsentr "Gumanitarnaya Akademiya", 2002. 384 s.
- Prokop'ev, Andrei Yur'evich. Reformatsiya, Kontrreformatsiya, Konfessionalizatsiya, in Konfessionalizatsiya v Zapadnoy i Vostochnoy Evrope v rannee Novoe vremya. Doklady russko-nemetskoy nauchnoy konferentsii 14–16 noyabrya 2000 g. / pod red. A. Y. Prokop'eva. SPb.: Aleteiya, 2004. S. 5–32.
- Barton, Peter Friedrich. Um Luthers Erbe. Studien und Texte zur Spätreformation. Tilemann Heshusens (1527–1559). Witten: Luther-Verlag, 1972. 261 s.
- Benrath, Gustav Adolf. Heidelberg, Universität. // Theologische Realenzyklopädie, Bd 14. Berlin, New-York: de Gruyter, 1985. S. 574–581.
- Brady, Thomas. Zwischen Gott und Mammon: Protestantische Politik und deutsche Reformation. Berlin: Siedler Verlag, 1996. 332 s.
- Campi, Emidio. Consensus Tigurinus: Werden, Wertung und Wirkung. // Consensus Tigurinus. Heinrich Bullinger und Johannes Calvin über das Abendmahl / Hrsg. von E. Campi und R. Reich. Zürich: Theologischer Verlag Zürich, 2009. S. 9–42.

Cuno, Friedrich Wilhelm. Olevian Caspar // Allgemeine Deutsche Biographie, Bd 24. Leipzig, 1887. S. 286–289.

Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland. Das Problem der "zweiten Reformation" / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloher Verlagshaus Gerd Mohn, 1986. 480 s.

Dingel, Irene. Augsburger Religionsfriede und "Augsburger Konfessionsverwandtschaft" — Konfessionelle Lesarten // Der Augsburger Religionsfrieden 1555. Wissenschaftliches Symposium aus Anlass des 450. Jahrestages des Friedenschlusses / Hrsg. von H. Schilling, H. Smolinsky. Münster: Aschendorff, 2007. S. 157–176.

Dotzauer, Winfried. Geschichte des Nahe-Hunsrück-Raumes von den Anfängen bis zur Fränzösischen Revolution. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. 437 s.

Drißl, Dagmar. Heidelberger Gelehrtenlexikon 1386–1651. Berlin, Heidelberg: Springer, 2002. 650 s.

Engelbert, Günther. Die reformatischen und gegenreformatischen Kräfte auf dem Hunsrück. // Rheinische Vierteljahrsschriften, Bd 28. Bonn, 1963. S. 231–249.

Europäische Stammtafeln. Neue Folge / Hrsg. von D. Schwennicke. Bd I. Th. 1. Frankfurt-am-Main, 2005.

Goeters, Gerhard Johann Friedrich. Olevian Kaspar. // Theologische Realenzyklopädie, Bd 25. Berlin, New-York: de Gruyter, 1995. S. 237–239.

Häusser, Ludwig. Geschichte der rheinischen Pfalz. Bd 2. Heidelberg: Akademische Verlagshandlung von J. C. B. Mohr, 1845. 1003 s.

Hepp, Frieder. Religion und Herrschaft in der Kurpfalz um 1600. Aus der Sicht des Heidelberger Kirchenrats Dr. Marcus zum Lamm (1544–1606). Heidelberg: Verlag Brigitte Guderjahn, 1993. 390 s.

Heppe, Heinrich. Geschichte des deutschen Protestantismus in den Jahren 1555–1581. Bd 1. Marburg: Elwert, 1852. 665 s.

Herrlinger, Albert. Die Theologie Melanchthons in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Gotha: Perthes, 1879. 468 s.

Hollweg, Walter. Der Augsburger Reichstag von 1566 und seine Bedeutung für die Entstehung der Reformierten Kirche und ihres Bekenntnisses. Neukirchen: Neukirchener Verlag des Erziehungsvereins, 1964. 419 s.

Hübner, Johann. Genealogische Tabellen. Bd 1. Leipzig: Gleditsch, 1727. 668 s.

Janse, Wim. A Lasco und Albrecht Hardenberg. Einigkeit im Dissens. // Johannes a Lasco (1499–1560). Polnischer Baron, Humanist und europäischer Reformator. / Hrsg. von C. Strohm. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. S. 261–282.

Janse, Wim. Albert Hardenberg als Theologe. Leiden, New York, Köln: Brill, 1994. 608 s.

Janse, Wim. Der Heidelberger Zwinglianer Wilhelm Klebitz (um 1533–1568) und seine Stellung im aufkommenden Konfessionalismus // Die Zürcher Reformation: Ausstrahlungen und Rückwirkungen. / Hrsg. von A. Schindler und H. Stickelberger. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2001. S. 203–220.

Kluckhohn, August. Friedrich III. von der Pfalz // Allgemeine Deutsche Biographie, Bd 18. Leipzig, 1878. S. 606–612.

- Kluckhohn, August.* Friedrich der Fromme, Kurfürst von der Pfalz. Nördlingen: C. H. Beck, 1879. 478 s.
- Krüger, Thilo.* Empfangene Allmacht. Die Christologie Tilemann Heshusens (1527–1588). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 387 s.
- Kurze, Barbara.* Kurfürst Ottheinrich. Politik und Religion in der Pfalz 1556–1559. Gütersloh: Carl Bertelsmann Verlag, 1956. 151 s.
- Lanzinner, Maximilian.* Friedenssicherung und politische Einheit des Reiches unter Kaiser Maximilian II (1564–1576). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. 588 s.
- Pfalzgraf Ottheinrich. Politik, Kunst und Wissenschaft im 16. Jahrhundert / Hrsg. von der Stadt Neuburg an der Donau. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2002. 360 s.
- Press, Volker.* Bayerns wittelsbachische Gegenspieler — Die Heidelberger Kurfürsten 1505–1685 // Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I. Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573–1651 / Hrsg. von H. Glaser. München, Zürich: Hirmer, 1980. S. 24–39.
- Press, Volker.* Calvinismus und Territorialstaat. Regierung und Zentralbehörden der Kurpfalz 1559–1619. Stuttgart: E. Klett, 1970. 543 s.
- Press, Volker.* Die Grafen von Erbach und die Anfänge des reformierten Bekenntnisses in Deutschland // Aus Geschichte und ihren Hilfswissenschaften. Marburg, 1979. S. 653–685.
- Press, Volker.* Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715. München: C. H. Beck, 1991. 551 s.
- Rohls, Jan.* A Lasco und die reformierte Bekenntnisbildung // Johannes a Lasco (1499 — 1560). Polnischer Baron, Humanist und europäischer Reformator / Hrsg. von C. Strohm. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. S. 101–124.
- Salzer, Robert.* Otto Heinrich von der Pfalz // Allgemeine Deutsche Biographie, Bd 24. Leipzig, 1887. S. 713–719.
- Schaab, Meinrad.* Geschichte der Kurpfalz. Bd 2. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer, 1992. 322 s.
- Scheible, Heinz.* Melanchthon und die Grafen von Erbach // Scheible H. Aufsätze zu Melanchthon. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. S. 431–446.
- Schmidt, Friedrich.* Geschichte des Erziehungswesen der pfälzischen Wittelsbach. Berlin: Hofmann, 1899. 656 s.
- Selderhuis, Herman. J.* Eine attraktive Universität — Die Heidelberger Theologische Fakultät 1583–1622 // Bildung und Konfession / Hrsg. von H. J. Selderhuis und M. Wriedt. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. S. 1–30.
- Simon, Gustav.* Die Geschichte der Dynasten und Grafen zu Erbach und ihres Landes. Frankfurt am Main: Verlag von H. L. Bröunner, 1858. 793 s.
- Struve, Burkhard Gotthelf.* Ausführlicher Bericht von der pfälzischen Kirchen-Historie. Frankfurt: Verlegts J. B. Hartung, 1721. 1522 s.
- Territorialstaat und Calvinismus. / Hrsg. von M. Schaab. Stuttgart: Kohlhammer, 1993. 272 s.
- Vogler, Bernard.* Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592) // Blätter für pfälzischen Kirchengeschichte und religiöse Volkskunde, Bd 37–38. Berlin, 1970–1971. S. 235–266.

- Volkert, Wilhelm.* Pfälzische Zersplitterung // Geschichte der Oberpfalz und des bayerischen Reichskreises bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. 3. Aufl. München: C. H. Beck, 1995. S. 72–141.
- Wilkens, Cornelius A.* Tilemann Heßhusius. Ein Streittheolog der Lutherkirche. Leipzig: Breitkopf und Haertel, 1860. 250 s.
- Wolf, Gustav.* Zur Geschichte des deutschen Protestanten 1555–1559. Berlin: O. Seehagen, 1888. 474 s.
- Wolgast, Eike.* Calvinismus und Reformiertentum im Heiligen Römischen Reich // Calvin und Calvinismus. Europäische Perspektiven / Hrsg. von I. Dingel, H. J. Selderhuis. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 23–45.
- Wolgast, Eike.* Die Universität Heidelberg 1386–1986. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1986. 219 S.
- Zepf, Robert.* Fructus uberrimi: Die Theologiestudenten von Collegium sapientiae und Universität Heidelberg 1560–1622 // Zwischen Wissenschaft und Politik: Studien zur deutschen Universitätsgeschichte / Hrsg. von A. Kohnle und F. Engehausen. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. S. 441–454.

УДК 94(4); ББК 94(450)042-05

М. И. Дмитриева

«ЭПОХА БЕДСТВИЙ»: СИЕНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

Средневековая Сиена, ставшая в XIII веке одним из главных европейских центров банковского дела, продолжала сохранять свое ведущее положение в экономике до середины XIV века. Начавшийся в это время кризис привел город сначала к утрате экономической самостоятельности, а потом — и к потере политической независимости. Этот процесс был вызван многими объективными факторами, одним из главных — стала Черная смерть 1348 года. Последовавший за эпидемией экономический спад сопровождался острыми социально-политическими потрясениями, происходившими в условиях новых эпидемий чумы, голода и набегов кондотьеров. Вторая половина XIV столетия стала для города настоящей «эпохой бедствий». Экономический спад, социальная и политическая нестабильность, продолжались и в следующем XV веке¹, и в первой половине XVI века, в результате, по завершении Итальянских войн, Сиена стала частью герцогства Тосканского, подчинившись своей давней соседке и сопернице Флоренции.

Социально-политическая история Сиены этого периода исследована довольно подробно, в особенности, в работах второй половины XX века, в которых поднимался вопрос и о влиянии Черной смерти на сиенское общество². Так, по мнению В. М. Боуски, эпидемия стала для города

¹ В конце XIV века Сиена на короткое время стала частью государства Висконти (1399–1404), а в конце XV века здесь на несколько десятилетий установилась недолгая и непрочная тирания Петруччи (1487–1525).

² Рутенбург В. И. Восстание «бездоленных» в Сиене в 1371 г. и предшествующие ему народные восстания в 50–60-х гг. XIV века // Средние века. Вып. 4. М., 1953. С. 152–180; Народные движения в городах Италии XIV – нач. XV вв. М.-Л., 1958; Сиена восставшая // Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Очерки. Л., 1987. С. 72–102; Hicks D. 1) Sienese Society in the Renaissance // Comparative Studies in Society and History. Vol. 2 (1959–60). P. 412–420; 2) The Sienese State in the Renaissance // From the Renaissance to the Counter-Reformation / Ed. by C. H. Charter. London, 1966. © М. И. Дмитриева, 2014

началом «эпохи кризисов» — социального и политического, проявившихся в острой борьбе за власть новых группировок народа иnobилей³. В. Вейнрайт отмечала, что после чумы к власти пришли разбогатевшие выходцы из контадо, что именно эпидемия 1348 года привела к власти представителей новых прослоек городского населения, сформировавших впоследствии народное правительство Двенадцати Синьоров⁴. Таким образом, Черная смерть, помимо сокращения населения, изменила социально-политическую структуру города.

Появление же в конце прошлого века таких трудов, как «Банкиры и купцы Сиены⁵, «Упадок Сиенской республики»⁶, а также монографии У. Каферро «Кондотьерские компании и упадок Сиены»⁷, казалось, подвело итоги исследованию основных вопросов, связанные с упадком позднесредневековой Сиены. Так, К. Чиполла пришел к выводу о том, что новая конъюнктура европейского рынка, интенсификация торговли и рост конкуренции привели к объективному снижению доходов сиенских купцов, приведшему к перетеканию денег из торговли и банковского дела в недвижимость. Начиная с середины XIV века, на фоне изменений демографической ситуации проявилась слабость сиенской мануфактуры, связанная с технологическими условиями (недостатком воды и текстильных станков). Все это привело к тому, что в Сиене не сложился такой тип экономики, в которой были бы уравновешены промышленность, торговля и банковское дело, как это было во Флоренции⁸. Сиенская банковская система, блокированная флорентийцами, была вынуждена, как показал в Дж. Пинто, «...пустить корни во многих финансовых центрах полуострова, в особенности, в Риме, ослабив связи с родиной и потеряв, по большому счету, свою сиенскую неповторимость»⁹. В связи с этими объективными экономическими переменами изменилась и роль отдель-

P. 75–94; Bowsky, William M. The Impact of the Black Death upon Sienese Government and Society in Speculum, Vol. 39 (1964). P. 1–39; Moscadelli S. Apparato burocratico sotto i Dodici (1355–1368) // Bullettino senese di storia patria, 89(1982); Isaacs A. K. Magnati, comune e stato a Siena nel Trecento e all'inizio del Quattrocento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 81–96; P. 29–118; Wainwright V. Conflict and popular government in fourteenth century Siena il Monte dei Dodici, 1355–1368 // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 73–80; Ascheri M. Siena nel rinascimento: dal governo di «popolo» al governo nobiliare // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987. P. 405–431.

³ Bowsky W.M. The Impact of the Black Death... P. 32–34.

⁴ Wainwright V. Conflict and popular government in fourteenth century Siena... P. 70.

⁵ Banchieri e mercanti di Siena. Roma, 1987.

⁶ La caduta della Repubblica di Siena / A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991.

⁷ Cafiero W. Mercenary companies and the Decline of Siena. Baltimore, 1998.

⁸ Cipolla C. M. Per un profile di storia economica senese // Banchieri e mercanti di Siena. P. 9–20.
⁹ Pinto G. I mercanti e la terra // Banchieri e mercanti di Siena. Roma, 1987. P. 221–290.

ных слоев в общественной жизни Сиены периода поздней коммуны (Дж. Керубини)¹⁰. В результате, сиенская экономика попала в зависимость от флорентийской, что и стало прологом военного и политического завоевания Сиены Флоренцией во второй половине XVI века. У. Кафферро подробно исследовал деятельность кондотьерских компаний, разрушительным рейдам которых Сиена подверглась во второй половине XIV века столетия в общей сложности 37 раз¹¹ и пришел к выводу, что именно кондотьерские рейды на территорию Сиенского государства оказали свое решающее воздействие на историческую судьбу города, и в конце концов привели его к упадку. Переменам в социально-политической жизни позднесредневековой Сиены был посвящен и первый том «Упадка Сиенской республики»¹², собравший статьи западных историков Сиены, опубликованные в разных изданиях с конца XIX до конца XX века. Историю появления, особенности и социальную базу социально-политических групп, формировавших правительства второй половины XIV века, так называемых «монт», проанализировали в своих работах Ч. Паоли¹³, Д. Хикс¹⁴ и А. К. Айсакс¹⁵. Итоги развития историографии «кризиса» подвел Э. Пеллегрини¹⁶, который спустя 15 лет вновь обратился к данной теме, выпустив в свет второй том «Упадка Сиенской республики»¹⁷. Это исследование, посвященное последнему этапу «кризиса»: военным действиям между Сиеной и Флоренцией в XVI веке, показало, что изучение позднесредневековой Сиены не потеряло актуальности и в XXI веке. Таким образом, проблема упадка позднесредневековой Сиены изучена довольно подробно, но нам представляется, что для понимания существа перемен, произошедших в жизни сиенского общества, важно учитывать и отношение к ним современников и участников описываемых событий.

¹⁰ Cherubini G. I mercanti e il potere // *Banchieri e mercanti di Siena*. P. 161–220.

¹¹ Cafiero W. Mercenary Companies and the Decline of Siena. Baltimore, 1998. P. XVI.

¹² La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991.

¹³ Paoli C. Monti e fazioni nella Repubblica di Siena (pubbl. su *Nuova Antologia*. Vol. XXXIV, Serie III, Agosto, 1891) // La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 33–52.

¹⁴ Hicks D. Sienese Society in the Renaissance (pubbl. su *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 2 (1959–60) // La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 53–60.

¹⁵ Isaacs A. K. Popolo e monti nella Siena del primo Cinquecento (*Rivista Storica Italiana*. A. LXXXII, fasc. I, 1970) // La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 61–80.

¹⁶ Pellegrini E. Motivi economici, politici ed istituzionali nella crisi e nella caduta della Repubblica di Siena. Conclusione di un itinerario storiografico // La caduta della Repubblica di Siena / A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 167–204.

¹⁷ Pellegrini E. La caduta della Repubblica di Siena. La Guerra. Siena, 2007.

Нarrативные источники — городские хроники Сиены, составленные во второй половине XIV — начале XV века, позволяют «услышать голоса» современников. Их авторы, пополанские хронисты Сиены, уделили много внимания рассказам о бедственных явлениях второй половины XIV века¹⁸. Изучение этих свидетельств дает возможность оценить общественное настроение, понять отношение самих хронистов к кризисным явлениям, а также осознать перемены в их сознании в «эпоху бедствий».

Итак, городские хронисты Сиены довольно подробно рассказали о Черной смерти 1348 года. Данные об эпидемии содержат анонимная¹⁹ и Большая хроники²⁰ (в частях, описывающих события середины XIV в.). Хроники Донато Нери и его сына Нери²¹ и Паоло ди Томмазо Монтаури²² повествуют о последующих эпидемиях и голодных годах, а также фиксируют кондотьерские рейды на территорию сиенского государства во второй половине — конце XIV века.

Следует отметить, что чума 1348 года оказала огромное психологическое воздействие на современников. Анонимный хронист сообщил: «В 1348 была “великая смерть” (“grande moria”) в Сиене и повсюду...»²³. Автор Большой хроники — Аньоло ди Тура дель Грассо — подробно рассказал о начале и распространении эпидемии: о том, как болезнь была «завезена» в Италию на генуэзских кораблях, вернувшихся из-за моря, как она распространилась в городах Романии²⁴, затем в Тоскане — в частности, Пизе, где погибло очень много народа²⁵. В то же время в Милане, как сообщил автор Большой хроники: «... умерло мало народа, потому что когда умерли три семьи, в их домах замуровали окна и двери, чтобы никто не смог туда войти...»²⁶. Ни в Сиене, ни в других описываемых хронистом городах подобных мер не принималось, поэтому они лишились приблизительно

¹⁸ Cronache senesi / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*. XV, 6. Bologna, 1937.

¹⁹ Cronaca senese dall’anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della metà del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162.

²⁰ Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

²¹ Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

²² Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

²³ Cronaca di anonimo. P. 148.

²⁴ Cronaca Maggiore. P. 552.

²⁵ Cronaca Maggiore. P. 552–553.

²⁶ Cronaca Maggiore. P. 553.

половины населения. Хронист описал и трагический эпизод своей жизни: во время Черной смерти ему пришлось собственными руками похоронить пятерых своих сыновей. Затем он подробно описал поведение сограждан во время эпидемии, сетуя на их безнравственность. Ведь, из-за боязни заразы они не только отказывались хоронить своих умерших родственников, но и покидали еще живых²⁷. Об этом же свидетельствовали флорентийцы: Джованни Боккаччо — в описании первого дня «Декамерона»²⁸ и Маттео Виллани, продолживший хронику после смерти (в 1348 г., во время Черной смерти) своего брата Джованни²⁹. Подобно сиенским хронистам, они сурово осуждали моральный облик современников.

Сиенские хронисты отметили существенное сокращение населения города и сиенского государства в целом. Анонимный хронист середины XIV века считал, что «большая смерть» унесла 3/4 городского населения³⁰, а по данным Большой хроники, во время чумы погибло 80 тысяч человек и всего 10 тысяч — осталось в живых³¹. Автор издания хроник А. Лизини, комментируя первое сообщение, отметил что приблизительно 70-тысячное население города сократилось тогда наполовину³². В. М. Боуски подсчитал, что до чумы население города насчитывало около 50 тысяч — внутри городских стен и вдвое больше — для всего государства³³. Впрочем, оценки численности населения города до и после Черной смерти носят приблизительный характер, а выводы хронистов относительно сокращения населения важны, прежде всего, для оценки восприятия современниками этого страшного бедствия.

Важнейшим социально-экономическим последствием Черной смерти для Сиены, о котором говорится в одной из хроник, становится передел городской собственности, ускоривший изменения в социально-политической сфере. В Большой хронике сообщается, что «все деньги перешли в руки «новых людей» (*«gente nuova»*)³⁴. Это мнение автора хроники подтверждается результатами исследований, проведенных с привлечением и других источников³⁵. Черная смерть 1348 года стала первой

²⁷ Cronaca Maggiore. P. 555.

²⁸ Боккаччо Дж. Декамерон / пер. с ит. А. Н. Веселовского. СПб., 2004. С. 43–54.

²⁹ Villani G. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo / A cura di G. Aquilecchia. Torino, 1979. P. 300–301.

³⁰ Cronaca di anonimo. P. 148.

³¹ Cronaca Maggiore. P. 555.

³² Cronaca di anonimo. P. 148.

³³ Bowsky W.M. The Impact of the Black Death... P. 11.

³⁴ Cronaca Maggiore. P. 560.

³⁵ Bowsky W.M. The Impact of the Black Death... P. 32–34; Wainwright V. Conflict and popular government... P. 70.

в целой серии эпидемий чумы, которым итальянские города подвергались во второй половине XIV века. Как свидетельствуют городские хроники, в этот период чума посетила Сиену еще пять раз: в 1363, 1374, 1383, 1389, 1399–1400 годах³⁶. Хотя эти эпидемии были менее значительными, но почти всегда сопровождались голодом и набегами кондотьеров, что очень отягощало их последствия.

Кондотьерская угроза стала важнейшим фактором постепенного упадка города в «эпоху бедствий», ведь именно с середины XIV века, когда упало военное значение городского ополчения, Сиена стала активно прибегать к практике найма кондотьерских отрядов для защиты своей независимости. Невозможность оплачивать услуги наемников приводила к тому, что они грабили территорию сиенского государства, усиливая разрушение в сельской округе и способствуя углублению экономического упадка. Разоряя города и деревни на территории Сиены, они требовали огромных сумм «отступного», получали их и уходили, чтобы вскоре появиться вновь.

В хрониках, описывающих события этого времени, часто рассказывается об их деяниях. Донато ди Нери и его сын Нери, уделявшие много внимания финансовому состоянию коммуны, знакомят читателя не только с размерами жалованья должностных лиц, но и суммами «отступного», уплаченными кондотьерам. Например, здесь сообщается о размере жалованья капитана войны (отвечавшего за предотвращение и раскрытие политических преступлений, заговоров против правительства и т. п.) — 6000 флоринов за 6 месяцев 1353 года³⁷, размер же «отступных» при приближении к Сиене в 1354 году отряда наемников во главе с неким Фра Монриале составил 13 324 флорина³⁸. В этой хронике описываются рейды кондотьерских отрядов: Бретонцев³⁹, англичанина Джона Хоквуда (Джованни Акуто)⁴⁰, а также других предводителей⁴¹, указываются весьма значительные суммы «отступных». В то же время знаменитая Екатерина Сиенская, боровшаяся за прекращение междоусобиц, которую вся Италия считала посланницей Бога, упомянута в ней всего один раз —

³⁶ Cronaca Maggiore. P. 555; Cronaca di Donato Neri. P. 599, 653–654; Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 697, 728, 760.

³⁷ Cronaca di Donato Neri. P. 571.

³⁸ Cronaca di Donato Neri. P. 573.

³⁹ Cronaca di Donato Neri. P. 662, 668–669, 679, 673, 674, 681, 683.

⁴⁰ Cronaca di Donato Neri. P. 608–611, 613–614, 637, 658–659, 662–667, 669, 670, 674, 681 Имя Хоквуда встречается не только в сиенской, но и во флорентийских хрониках этого периода. Villani G. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo. P. 114–115, 389.

⁴¹ Cronaca di Donato Neri. P. 573, 585, 588, 590, 596, 597, 600, 601–603, 606–607, 608–611, 613, 661–667, 676, 674, 677, 680.

в связи с ее смертью (май 1380 г.)⁴². Это наблюдение привело У. Каферро к довольно радикальному мнению, что не прославленная святая, а именно кондотьеры, в частности знаменитый Джон Хоквуд, стали, своего рода, нравственным идеалом этого времени⁴³. Действительно, Джон Хоквуд (Джованни Акуто), прославившийся своим коварством и корыстолюбием, стал «героем» хроники Донато Нери, сообщившего любопытный эпизод с его участием. Во время захвата небольшого монастыря в Фаэнце в 1370 году, этот предводитель наемников «справедливо» разрешил спор между двумя своими подопечными за девушку, убив ее ударом кинжала в сердце. Этот поступок кондотьера заслужил внимание автора хроники, ведь Хоквуд, по его мнению, предотвратил не только раздоры в своей армии, но и потерю девушкой невинности⁴⁴. Представляется, однако, что наличие рассказов о действиях кондотьеров, и даже использование этих рассказов в качестве назидательных примеров свидетельствуют не столько о смене нравственных ориентиров, сколько о значимости кондотьеров как явления в общественной жизни итальянских городов.

Материалы городских хроник дают возможность проследить, как кондотьерские вторжения обостряли внутриполитическую ситуацию и зачастую не просто предшествовали, но и способствовали смене городских правительств. Ведь опасность кондотьеров заключалась и в том, что на подступах их отрядов, к ним примыкали все враги коммуны⁴⁵. Так, например, весной 1354 года, при приближении к Сиене отряда наемников во главе с Фра Монриале, правительство Девяти Синьоров (1287–1355) не только заплатило ему «отступные», но и пригласило политических изгнанников вернуться в город, обещая не взимать с них обычных в таких случаях штрафов. В итоге, как сообщил Донато Нери, 895 человек возвратилось в город и 600 человек — в контадо Сиены⁴⁶. Как показали дальнейшие события, такой приток в Сиену оппозиционно настроенных граждан подготовил благоприятную почву для восстания против правительства, разразившегося в марте 1355 года⁴⁷ и приведшего к свержению правительства крупных купцов Девяти и переходу власти в руки средних пополанов, сформировавших правительство Двенадцати Синьоров (1355–1368).

⁴² Cronaca di Donato Neri. P.678.

⁴³ Cafiero W. Mercenary companies... P. 1.

⁴⁴ Cronaca di Donato Neri. P. 637.

⁴⁵ Cafiero W. Mercenary companies... P. 27.

⁴⁶ Cronaca di Donato Neri. P. 573.

⁴⁷ В хронике Донато Нери и его сына Нери подробно описаны его причины, ход и участники. Сообщается, что крупный политический кризис был спровоцирован прибытием в Сиену императора Карла IV в марте 1355 года. Cronaca di Donato Neri. P. 577–579.

Во время правления Двенадцати город вновь (в 1363 г.) охватила эпидемия чумы: «Смерть была в Сиене как почти по всей Италии», — сообщил Донато Нери⁴⁸. Ее последствия усилил голод и продолжающиеся набеги кондотьеров⁴⁹. В этот период возросла политическая активность нобилей, выступавших в союзе с различными прослойками народа, обострилась социально-политическая борьба в городе⁵⁰. По сообщению хрониста, свержению правительства Двенадцати в начале сентября 1368 года⁵¹ предшествовал рейд отряда Хоквуда и выплата властями «отступного» (апрель 1367-го)⁵², а также голод⁵³. В хронике Донато Нери и его сына Нери рассказывается, как уже после этого, изгнанные из города представители семей нобилей Толомеи, Малавольти, Пикколомини и Сарачини захватили несколько населенных пунктов в сиенском контадо и начали разорять сиенскую округу осенью — зимой 1368 года, что вновь привело к голоду в городе⁵⁴.

Согласно данным хронистов, деятельность народной коалиции Реформаторов, или Пятнадцати (1368–1385), установившейся у власти в итоге целой серии восстаний⁵⁵, также разворачивалась в условиях войны и голода. В 1370–1371 годах города Тосканы, в том числе и Сиену, вновь опустошил голод⁵⁶, который стал одной из причин крупного народного восстания в Сиене в июле 1371 года (восстание дель Бруко)⁵⁷. В апреле 1372 года ядром антиправительственного заговора, в котором участвовали представители группировки Двенадцати и народ, стало семейство Салимбени. Многие «додичини» (среди которых был и сам хронист Нери Донато)⁵⁸ были осуждены, некоторые из них — высланы из города,

⁴⁸ Cronaca di Donato Neri. P. 599.

⁴⁹ Cronaca di Donato Neri. P. 600–602.

⁵⁰ Подробно об этом в статье: Дмитриева М. И. Джованни д'Аньолино Салимбени и правительство Двенадцати Синьоров в Сиене // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 4. С. 231–236.

⁵¹ Cronaca di Donato Neri. P. 618.

⁵² Cronaca di Donato Neri. P. 614.

⁵³ Cronaca di Donato Neri. P. 616.

⁵⁴ Cronaca di Donato Neri. P. 622.

⁵⁵ В событиях вновь участвовал император Карл IV. Cronaca di Donato Neri. P. 621–626.

⁵⁶ Cronaca di Donato Neri. P. 633.

⁵⁷ Cronaca di Donato Neri. P. 639–640. Восстание подробно рассмотрено в работах В. И. Рутенбурга: 1) Восстание «обездоленных» в Сиене в 1371 г. и предшествующие ему народные восстания в 50–60-х гг. XIV века // Средние века. Вып. 4. М., 1953. С. 152–180; 2) Народные движения в городах Италии XIV – нач. XV вв. М.-Л., 1958; 3) Сиена восставшая // Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Очерки. Л., 1987. С. 72–102.

⁵⁸ Хронисты представляли оппозиционную «риформатори» партию «додичини». Так, Донато Нери (отец) в 1370 году, а Нери Донато (сын) в 1372 году присуждались к уплате штрафов, о чем они сообщили в своей хронике. Cronaca di Donato Neri. P. 634, 645, 649.

а Салимбени заплатили штраф⁵⁹. В октябре 1372 года ситуация повторилась⁶⁰. Обстановка постоянной вражды сильно влияла на мировосприятие современников, поэтому, например, после описания в 1372 году хорошего урожая, обеспечившего город в изобилии вином и зерном, Нери Донато поместил едкое замечание о том, что «стало изобилие всего необходимого для жизни, кроме любви, денег и искренней веры»⁶¹. В 1374 году город охватила эпидемия чумы, последствия которой снова усугубил голод⁶². В 1375 году вновь появились кондотьеры под командой Джона Хоквуда⁶³. Кондотьерские отряды разоряли территорию Сиены, а правительство было не в состоянии справиться с ними. Ряды кондотьеров, так же как в предшествующий период, пополнялись всеми недовольными политикой правительства, а оно вновь демонстрировало свою слабость: сближением отряда Бретонцев в 1377 году, «полная амнистия» была дарована Толомеи и Салимбени⁶⁴.

В 1383 году город опять посетила чума⁶⁵. В сиенское контадо вновь вторгся Хоквуд, кондотьерам было уплачено 7000 флоринов единовременно и заключен договор о выплате по 100 флоринов ежемесячно Хоквуду (с 1 декабря 1383 г.)⁶⁶. В этом же году в Сиене, как и по всей Тоскане снова был голод⁶⁷. В следующем, 1384 году кондотьерам вновь было выплачено 15 000 флоринов, что, однако, не помешало им вновь подойти к городу с трех сторон, вызвав в нем голод. Хоквуд потребовал от сиенцев 50 000 флоринов (из которых они смогли заплатить только часть — 11 040)⁶⁸. В 1385 году недовольство правительством Реформаторов, спровоцированное семейством Толомеи (за которыми теперь стояли флорентийские власти)⁶⁹, вылилось в новое восстание в Сиене. Выступление привело к свержению правительства Реформаторов, изгнанию

⁵⁹ Cronaca di Donato Neri. P. 645.

⁶⁰ Cronaca di Donato Neri. P. 647.

⁶¹ Cronaca di Donato Neri. P. 648.

⁶² Cronaca di Donato Neri. P. 653–655.

⁶³ Cronaca di Donato Neri. P. 658. Очередной рейд Хоквуда был вызван и его осведомленностью о внутреннем положении Сиены. В одном из своих писем, он весьма пренебрежительно отозвался о возможности подчинить местных жителей, которые поглязли во внутренних несогласиях и не делают ничего, чтобы, как он выразился, «тянуть одну веревку». Caferro W. Mercenary companies... P. 30.

⁶⁴ Cronaca di Donato Neri. P. 669.

⁶⁵ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 697.

⁶⁶ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 698–699.

⁶⁷ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 700.

⁶⁸ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 701–702.

⁶⁹ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 709.

его сторонников и установлению новой коалиции⁷⁰, с участием Девяти, Двенадцати и новой прослойки народа. «Пополары» стали последней партией, представители которой наряду с другими народными партиями («новески», «додичини» и «реформатори») принимали участие в коалиционных правительствах конца XIV–XV веков.

Экономический спад, политическая и социальная нестабильность, голод, эпидемии чумы и набеги кондотьеров оказали сильное влияние на мировосприятие сиенских хронистов. «Эпоха бедствий» породила в них стойкий пессимизм, поэтому в их хрониках звучит мотив ожидания конца света. В хронике Паоло ди Томмазо Монтаури подробно описаны потрясения 1389 года, сопровождавшиеся войной, голодом и чумой: «... все компании, которые приходили в Сиену, были посланы флорентийцами...» и «был величайший недостаток всего...», «в июле, августе, сентябре и октябре была великая смерть во всем мире. Умирали и старики, и молодые, и дети, и богатые, и бедные, не оставалось никого в доме, где это случалось, за один или два дня умирали сразу все...»⁷¹. В конце этого описания автор подводит итог: «Целый мир оказался потревоженным и разрушенным, отчего каждый говорил, что пришел конец света...»⁷².

Таким образом, описания хронистами бедствий второй половины XIV века подтверждают мнение о том, что эти явления были не только фоном, но и важнейшими факторами происходивших перемен, в том числе, острых социально-политических потрясений. Хронисты хорошо передают общественное настроение эпохи. Донато Нери и его сын Нери, авторы Большой хроники и хроники Паоло ди Томмазо Монтаури, бывшие свидетелями последних десятилетий XIV века, становятся гораздо «разговорчивее» своих предшественников — хронистов первой половины — середины XIV века: они охотнее делятся своими наблюдениями, вступают в диалог с читателем, высказывают собственное мнение и даже сообщают читателям о себе. Интерпретация хронистами событий «эпохи бедствий» демонстрирует перемены в самосознании и мировосприятии самих хронистов.

Информация о статье:

Автор: Дмитриева Марина Игоревна, кандидат исторических наук, кафедра истории Средних веков исторического факультета СПбГУ, mardmitrieva@mail.ru

Заголовок: «Эпоха бедствий»: Сиена во второй половине XIV века

Резюме: В статье исследуется история Сиены второй половины XIV века. В этот период начался экономический упадок Сиены. Большую роль в этом про-

⁷⁰ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 711.

⁷¹ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 727–728.

⁷² Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 729.

цессе сыграла Черная смерть 1348 года. Чума сократила население города, оказала влияние на финансовое положение сиенской коммуны, изменила ее социальную и политическую структуру. Исследование интерпретация городскими хронистами Сиены бедственных явлений второй половины — конца XIV века: чумы, голода и набегов кондотьеров показывает, что эти бедственные явления были не только фоном, но и важными факторами упадка города. Анализ текстов хроник позволяет почувствовать общественное настроение «эпохи бедствий», а также перемены в мировосприятии самих хронистов. Все это объясняет специфику социально-политического развития Сиены в эпоху позднего Средневековья и призвано стать еще одним штрихом в исследовании Сиены в современной историографии.

Ключевые слова: Сиена, чума, голод, кондотьеры

Список литературы:

- Боккаччо, Джованни. Декамерон / пер. с ит. А. Н. Веселовского. СПб: Азбука-классика, 2004. — 800 с.
- Дмитриева, Марина Игоревна. Джованни д'Аньолино Салимбени и правительство Двенадцати Синьоров в Сиене // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 4. С. 231–236.
- Рутенбург, Виктор Иванович. Восстание «обездоленных» в Сиене в 1371 г. и предшествующие ему народные восстания в 50–60-х гг. XIV века // Средние века. Вып. 4. М., 1953. С. 152–180.
- Рутенбург, Виктор Иванович. Народные движения в городах Италии XIV – нач. XV вв. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958. — 383 с.
- Рутенбург, Виктор Иванович. Сиена восставшая // Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Очерки. Л.: Наука, 1987. С. 72–102.
- Ascheri, Mario. Siena nel rinascimento: dal governo di «popolo» al governo nobiliare // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987. P. 405–431.
- Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. — 384 p.
- Bowsky, William M. The Impact of the Black Death upon Siennese Government and Society in Speculum, Vol. 39 (1964). P. 1–39.
- La caduta della Repubblica di Siena / A cura di Ettore Pellegrini. Siena: Nuova imagine editrice, 1991. — 207 p.
- Cafiero, William. Mercenary companies and the Decline of Siena. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. — 264 p.
- Cherubini, Giovanni. I mercanti e il potere // Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. P. 161–220.
- Cipolla, Carlo Maria. Per un profile di storia economica senese // Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca — Monte dei Paschi di Siena, 1987. P. 9–20.
- Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della metà del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162.

Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

Cronache senesi / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937.

Isaaks, Ann Katherine. Magnati, comune e stato a Siena nel Trecento e all'inizio del Quattrocento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 81–96.

Isaaks, Ann Katherine. Popolo e monti nella Siena del primo Cinquecento (Rivista Storica Italiana. A. LXXXII, fasc. I, 1970) // La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 61–80.

Hicks, David. Sienese Society in the Renaissance // Comparative Studies in Society and History. Vol. 2 (1959–60). P. 412–420.

Hicks David. The Sienese State in the Renaissance // From the Renaissance to the Counter-Reformation / Ed. by C. H. Charter. London, 1966. P. 75–94.

Moscadelli, Stefano. Apparato burocratico sotto i Dodici (1355–1368) // Bullettino senese di storia patria, 89 (1982). P. 29–118.

Paoli, Cesare. Monti e fazioni nella Repubblica di Siena (pubbl. su Nuova Antologia. Vol. XXXIV, Serie III, Agosto, 1891) // La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 33–52.

Pellegrini, Ettore. La caduta della Repubblica di Siena. La Guerra. Siena: Nuova imagine editrice, 2007. — 184 p.

Pinto, Giuliano. I mercanti e la terra // Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. P. 221–290.

Villani G. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo / A cura di G. Aquilecchia. Torino, 1979. — 346 p.

Wainwright, Valerie. Conflict and popular government in fourteenth century Siena il Monte dei Dodici, 1355–1368 // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 57–80.

Information about the article:

Author: Dmitrieva Marina Igorevna.

Russia, St.-Petersburg, Prof. of St.-Petersburg State University, mardmitrieva@mail.ru

Title: «The era of disasters»: Siena of the second half of XIV century

Summary: The article seeks to investigate the history of Siena of the second half of XIV century. In this period began an economic decline of Siena. A great role in this process is played by the Black death of 1348. Plague reduced the population of the city, had an impact on the financial position of the commune of Siena, changed its social and political structure. Study the interpretation of urban chroniclers Siena critical

phenomena of the second half of the XIV century: plague, famine and mercenary raids shows that these tragic events were not only the background, but also the key factors in the decline of the city. Analysis of the texts Chronicles allows you to feel the public mood «of the epoch of disasters», as well as the changes in the mindset themselves Chronicles. All this explains the specifics of socio — political development of Siena in the late Middle Ages and is intended to become another stroke of the study of Siena in modern historiography.

Keywords: Siena, plague, famine, mercenary companies

References:

Bokkachcho, Dzhovanni. Dekameron / Per. s it. A. N. Veselovskogo. SPb: Azbuka-klassika, 2004. — 800 s.

Dmitrieva, Marina Igorevna. Dzhovanni d'Anolino Salimbeni i pravitelstvo Dvenadtsati Sinorov v Siene in Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya. 2. 2006. Vyip. 4. S. 231–236.

Rutenberg, Viktor Ivanovich. Vosstanie «obezdolennyih» v Siene v 1371 g. i predshestvuyuschie emu narodnyie vosstaniya v 50–60-h gg. XIV veka in Srednie Veka. Vyip. 4. M., 1953. S. 152–180.

Rutenberg, Viktor Ivanovich. Narodnyie dvizheniya v gorodah Italii XIV — nach. XV vv. M.-L.: Izd. AN SSSR, 1958. — 383 s.

Rutenberg, Viktor Ivanovich. Siena vosstavshaya in Rutenberg V. I. Italyanskiy gorod ot rannego Srednevekovya do Vozrozhdeniya. Ocherki. Leningrad: Nauka, 1987. S. 72–102.

Ascheri, Mario. Siena nel rinascimento: dal governo di «popolo» al governo nobiliare in I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987. P. 405–431.

Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. — 384 p.

Bowsky, William M. The Impact of the Black Death upon Sienese Government and Society in Speculum, Vol. 39 (1964). P. 1–39.

La caduta della Repubblica di Siena / A cura di Ettore Pellegrini. Siena: Nuova imagine editrice, 1991. — 207 p.

Cafiero, William. Mercenary companies and the Decline of Siena. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. — 264 p.

Cherubini, Giovanni. I mercanti e il potere in Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. P. 161–220.

Cipolla, Carlo Maria. Per un profile di storia economica senese in Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. P. 9–20.

Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della metà del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162.

Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

Cronache senesi / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937.

Isaaks, Ann Katherine. Magnati, comune e stato a Siena nel Trecento e all'inizio del Quattrocento in I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 81–96.

Isaaks, Ann Katherine. Popolo e monti nella Siena del primo Cinquecento (Rivista Storica Italiana. A.LXXXII, fasc. I, 1970) in La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 61–80.

Hicks, David L. Sienese Society in the Renaissance in Comparative Studies in Society and History. Vol. 2 (1959–60). P. 412–420.

Hicks David L. The Sienese State in the Renaissance in From the Renaissance to the Counter-Reformation / Ed. by C. H. Charter. London, 1966. P. 75–94.

Moscadelli, Stefano. Apparato burocratico sotto i Dodici (1355–1368) in Bullettino senese di storia patria, 89(1982). P. 29–118.

Paoli, Cesare. Monti e fazioni nella Repubblica di Siena (pubbl. su Nuova Antologia. Vol. XXXIV,Serie III, Agosto,1891) in La caduta della Repubblica di Siena/ A cura di E. Pellegrini. Siena, 1991. P. 33–52.

Pellegrini, Ettore. La caduta della Repubblica di Siena. La Guerra. Siena: Nuova imagine editrice, 2007. — 184 p.

Pinto, Giuliano. I mercanti e la terra in Banchieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. P. 221–290.

Villani G. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo /A cura di G. Aquilecchia. Torino, 1979. — 346 p.

Wainwright, Valerie. Conflict and popular government in fourteenth century Siena il Monte dei Dodici, 1355–1368 in I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 57–80.

ББК 63.3(2)44; УДК 94(47).043

Ю. Ф. Игина

ШЛЕМ ИВАНА ГРОЗНОГО: К ВОПРОСУ О ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСИ

Шлем Ивана Грозного хранится в Королевской Оружейной палате (Livrustkammaren) в Стокгольме (инв. № 20389)¹, куда он попал, если верить инвентарной описи 1663 г., в 1655 г. из Варшавы². О том, как шлем оказался в Варшаве, еще в XIX в. задумался А. А. Бобринский, предположивший, что шлем был захвачен поляками в Москве в 1611–1612 гг.³. Известно, что кремлевская казна понесла в тот период значительные потери и многие ценные предметы были вывезены в Речь Посполитую и проданы. Так, в грамоте, отосланной Земским собором в Краков в 1613 г. с гонцом Д. Аладыным, сказано: «*А царскую казну, многое собранье из давних лет, царские утвари, царские шапки и коруны... к вам отослали*» (здесь и ниже выделено мной. — Ю. И.)⁴. К сожалению, процитированный документ не дает нам возможности узнать, какие именно ценности исчезли из царской казны в польском направлении. Поэтому, при всей своей убедительности, версия А. А. Бобринского остается недоказанной⁵.

¹ Орел и лев: Россия и Швеция в XVII веке / под ред. Н. С. Владимирской. Каталог выставки (Москва, ГИМ, 04.04.–01.07.2001). М., 2001. С. 56–57, кат. № 3.

² Sandstedt F. Schischak-Szyszak-Zischägge. *Analys av åtta hälmar av orientalisk typ i Livrustkammaren // Livrustkammaren*. Stockholm, 1985. Vol. 17. N 7. S. 14.

³ Бобринский А. А. Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. Х. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325.

⁴ Цит. по: Лаврентьев А. В. Царевич-царь-цезарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 188–189.

⁵ Опираясь на «*Отчеты расходов царской казны, после разгрома Москвы поляками, 1611–1612 гг.*», О. Г. Ульянов пробовал документально обосновать обстоятельства исчезновения шлема из московской казны. Этую попытку трудно назвать удачной, так как в приведенном историком источнике шлем не упоминается (с Казенного двора «немцем дано из оружейных рухляди за рогатину да за 2 самопала 10 рублей, да 6 самопалов 50 рублей») (Ульянов О. Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 361–362).

© Ю. Ф. Игина, 2014

В 2009 г. пресс-службой Оружейной палаты музеев Московского Кремля была озвучена новая шведская гипотеза о появлении шлема в Стокгольме. Суть ее сводится к тому, что шлем попал к шведам в 1573 г. во время битвы близ замка Лоде, когда они «*под командованием Класса Экенссона Тотта (Класа Окессона Тотта⁶. — Ю. И.) разбили русские войска*» и «*захватили большое количество трофеев*⁷». Действительно, в «Ливонской хронике» упоминается, что шведами у русских был «*отнят весь обоз, около 1000 саней, нагруженных всякими припасами и добычею*⁸». Однако сам по себе эпизод захвата трофеев не может считаться доказательством того, что именно этот шлем попал к шведам в 1573 г.

Другими словами, происхождение шлема Ивана Грозного пока является загадкой. Мы не располагаем никакими достоверными сведениями о том, как он оказался Стокгольме, и при каких обстоятельствах исчез из Москвы. Сам факт присутствия шлема в казне московских царей требует доказательства, так как никаких надежных свидетельств о его существовании до середины XVII века пока не предъявлено (см. рис. 1)⁹.

Шлем Ивана Грозного представляет собой открытый шлем, состоящий из купола и приклепанного к нему высокого узкого навершия-шипеля. По материалу изготовления он относится к классу железных, по конструкции купола — к отделу цельнокованых, по форме тулы — к типу сферо- или цилиндроконических. Вес шлема — 1180 г, высота — 38 см, диаметр — 19 см¹⁰. Нижняя кромка шлема украшена узкой латунной полоской, которая крепится к шлему на заклепках и в трех местах утрачена. Чуть повыше полосы видны два заклепанные отверстия, расположенные диаметрально противоположно друг другу и предназначенные для крепления подшлемника. Венец шлема имеет повреждение — сквозную пробоину.

Декоративное оформление шлема выполнено в трех разных техниках. Весь золотой декор сделан не таушировкой (насечкой), как это принято

⁶ Clas Åkesson Tott (1530–1596), шведский государственный и военный деятель. Известен по русским источникам как Клаус Аксесон, или Акезен.

⁷ Шлем Ивана Грозного: http://www.kreml.ru/ru/news/exhibition/archive/index.php?id_4=267 (последнее посещение — 5 мая 2013 г.). О захваченных в битве при Лоде трофеях см.: Krigsbyte. War-booty / Red. Ann Grönhammar, Carl Zarmén, Schmidt Göran. *Katalog till utställningen* (Stockholm, Livrustkammaren, 23 november 2007 – 28 februari 2009). Stockholm: Livrustkammaren, 2007. P. 53.

⁸ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края / под ред. Е. В. Чешихина-Ветринского. Рига, 1879. Т. 2. С. 298–320.

⁹ По мнению О. Г. Ульянова, шлем Ивана Грозного упомянут в разряде 1570 г., где указывается о поступлении в Оружейную палату «*самопалов и шелома*». Очевидно, что в этом описании невозможно узнать какой-либо конкретный шлем (Ульянов О. Г. Институт оружейничих... С. 361–362).

¹⁰ Орел и лев. С. 56.

считать, а техникой огневого золочения амальгамой (раствором золота в ртути). Золочение такого типа применяется как на гладкой, так и на гравированной поверхности. Последний случай относится к нашему шлему, что ясно видно на местах утраты позолоты. Суть метода заключается в нанесении на предварительно подготовленную поверхность изделия смеси золота и ртути. При дальнейшем нагревании изделия ртуть испаряется, а золото соединяется с основой. Огневое золочение, именовавшееся в древнерусской традиции «золотой наводкой», позволяет добиваться изысканной тонкости рисунка. Видимо к украшенным именно таким способом шлемам имел слабость Иван Грозный, признававшийся в письме к Стефану Баторию в том, что он «охотник [...] до шапок хороших железных с наводкой»¹¹.

Шпиль шлема декорирован заполненными мелким золотым узором прямоугольниками, расположенными в шахматном порядке. Конусообразный купол шлема образован вертикальными чередующимися гранями: гладкими (без декора) и украшенными затейливыми золотыми арабесками с характерным мотивом трехлепестковых бутонов. Дугообразные горизонтальные линии, обозначающие нижнюю границу граней на венце шлема, выполнены таушировкой (серебром), которая нигде больше на шлеме не встречается.

По венцу шлема расположены три горизонтальных декоративных пояса. На верхнем из них размещена псевдоарабская надпись, исполненная в двух техниках: контур надписи сделан гравировкой резцом, а ее внутренняя поверхность заполнена золотым «чешуйчатым» узором, нанесенным по методу огневого золочения. Нижний пояс украшен теми же золотыми арабесками с мотивом трехлепестковых бутонов, что и вертикальные грани купола. Между двумя орнаментальными поясами проходит узкая лента с золотой кириллической надписью, которая является владельческой и признается основным датирующим признаком предмета (см. рис. 2, 3, 4, 5).

Кириллическая надпись выполнена полууставом: «Шеломъ кна́са́ Ивана Васили<~>евича · вел́ иквг.ѡ кна́са́ сна<~>Васил́'я Ивановича г.осподара~ра́ · всеа́ · Руси · самодержца<~>»¹². Надпись состоит из 86 букв и разделена орнаментом на четыре части по 22, 21, 23, 20 букв. Все слова в надписи написаны без сокращений, за исключением слова «с[ы]на». Внутристочные точки («кна́са́», «вел́ иквг.ѡ», «Васил́'я», «г.осподара́», «всеа́») в действительности являются надстрочными знаками. Декоратор

¹¹ Письмо Ивана Грозного Стефану Баторию // РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 14. Л. 637-638.

¹² Скобками <~> отмечены места, где надпись прерывается орнаментом.

шлема упростил и сместил их, скорее всего, по эстетическим соображениям: для правильного размещения знаков над строкой пришлось бы уменьшить высоту букв. Преобразование надстрочных знаков приыхания над буквами омега (ѡ) и он (ѡ) во внутристочные, смещенные к основанию буквы точки («вел́ иквг.ѡ», «г.осподара́»), видимо объясняется стремлением декоратора придерживаться равного межбуквенного просвета.

С точки зрения смысла, надпись ясна: (название предмета, на котором сделана надпись) шеломъ (титул владельца предмета) кна́са́ (имя владельца) Ивана Василиевича (указание на кровное родство по прямой линии, совмещенное с указанием на титул кровного родственника по прямой линии) вел́ иквг.ѡ кна́са́ сна Васил́'я Ивановича г.осподара́ всеа́ · Руси · самодержца. Другими словами, надпись сообщает, что шлем принадлежит князю Ивану Васильевичу, сыну великого князя, господаря всея Руси и самодержца Василия Ивановича. С исторической точки зрения, надпись достоверна. Как мы знаем Иван Васильевич, будущий Иван Грозный, был сыном московского правителя Василия III (1479–1533) и его второй супруги Елены Глинской (1508–1538). Мы также знаем, что Иван Грозный был долгожданным ребенком. Его появлению на свет предшествовал многолетний бездетный брак Василия III с первой супругой, Соломонией Сабуровой (1490–1542), развод с которой правитель, отчаянно желавший иметь наследника, осуществил несмотря на сопротивление части церковных иерархов, князей и бояр. Также известно, что Василию III не пришлось долго наслаждаться отцовством и не удалось поднять на ноги своего наследника. Внезапная и скоротечная болезнь унесла Василия III в могилу, когда Ивану IV было всего три года. В результате этого драматичного поворота истории на московском престоле в 1533 г. оказался малолетний ребенок, а Московское государство было ввергнуто в череду событий, которые принято называть политическим кризисом 30–40-х гг. XVI в.

Несмотря на ясность и историческую достоверность надписи, она не даёт нам прямого ответа на вопрос о времени создания шлема, и потому этот вопрос является в историографии дискуссионным. Ключевым датирующим признаком исследователи признают титул князя, употреблённый в надписи по отношению к Ивану IV, однако расходятся во мнениях по этой проблеме, в связи с чем шлем датируется ими по-разному. Так, по мнению одних специалистов¹³, титулование Ивана IV князем указывает

¹³ Из отчета, датированного июнем 2009 г., Е. Г. Арутюновой и Н. В. Курьяновой, сотрудников астраханского Музея боевой славы, где шлем был выставлен на временную экспозицию в 2009 г.: «Надпись на шлеме Ивана Грозного гласит: “Шелом князя Ивана Васильевича великого князя сына Василия Ивановича господаря всея Руси самодержца”. Если судить по

на его статус наследника при действующем правителе Василии III. Ввиду того, что Иван Грозный родился в 1530 г., а в 1533 г. его отец Василий III скоропостижно скончался, шлем датируют 1530–1533 гг. В рамках этой гипотезы выделяется точка зрения С. Н. Богатырева, который попытался конкретизировать время и обстоятельства создания шлема. Хотя в надписи на шлеме не содержится ни даты, ни указания на заказчика, С. Н. Богатырев приписывает заказ шлема Василию III, а датой изготовления предмета называет 1533 г., в котором будущему Ивану IV исполнилось три года. На этих основаниях шлем Ивана Грозного причисляется С. Н. Богатыревым к «династическим шлемам наследников», изготовление которых якобы практиковалось Рюриковичами еще со времен Ивана Красного (1326–1359). Появление шлема связывается учёным с легитимацией права Ивана Васильевича на престол, необходимость которой возникла у Василия III в связи с возможными претензиями на трон его братьев, князей Андрея и Юрия¹⁴. По мнению других исследователей¹⁵, титул князя указывает на статус Ивана IV до его венчания на царство в 1547 г., исходя из чего, шлем датируют 1533–1547 гг. Эта версия, несмотря на отсутствие у нее каких-либо преимуществ перед другими, остается пока наиболее популярной.

Хотя все представленные в историографии гипотезы базируются на интерпретации титула «князь», употребленного в надписи по отношению к Ивану IV, ни одна из них не подкреплена историческими свидетельствами о реальном политическом статусе и титуле Ивана IV от его рождения и до венчания на царство в 1547 г. В самом деле, в какой именно период правомерно говорить об Иване Грозном как о князе?

Сторонники первой из упомянутых выше гипотез склоняются к тому, что малолетний Иван Васильевич именовался князем при жизни своего

этой надписи, то можно предположить, что шлем (скорее всего) был изготовлен приблизительно в 1533 г. (до 4 декабря 1533 г. — года смерти отца Ивана Грозного великого князя Василия Ивановича). Если бы шлем был сделан позже 1533 г. (но не позже 1547 г. — года венчания на царство Ивана Васильевича), то надпись гласила бы (возможно) следующее: “Шлем великого князя Ивана Васильевича...”. Выражаю благодарность Анне Марии Дальберг за предоставленную копию отчета.

¹⁴ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: презентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Петербургские славянские и балканские исследования. СПб., 2011. № 1 (9). Январь–июнь. С. 192–193.

¹⁵ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л., 1976. С. 29, рис. 8; Ульянов О. Г. Институт оружейничих... С. 361–362; Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 443, рис. 1.

отца, великого князя Василия III. Следует признать, что это действительно так. Именно *князем* малолетний Иван Грозный назван в крестоцеловальных записях – присягах на верность, которыми Василий III стремился обеспечить верность подданных своему долгожданному наследнику. 5 февраля 1531 г. такую присягу принес Василию III и его сыну Ивану князь Федор Михайлович Мстиславский¹⁶. В том же году на верность Василию III, Елене Глинской и их сыну Ивану присягнул Великий Новгород¹⁷. Титул князя по отношению к малолетнему Ивану фигурирует и в докончальных грамотах от 24 августа 1531 г. между Василием III и удельными князьями Юрием¹⁸ и Андреем¹⁹. В этих соглашениях братья Василия III отказываются от претензий на престол и признают законным наследником Василия III его сына Ивана. Так как упомянутые документы относятся к категории официальных, у нас нет оснований сомневаться в употреблении титула князя по отношению к малолетнему Ивану IV в публичном контексте.

Событием, повлекшим за собой изменение политического статуса и титула Ивана IV, стала смертельная болезнь Василия III, превратившая перспективы воскняжения маленького наследника в историческую реальность. 23 ноября 1533 г., т. е. незадолго до своей смерти, наступившей в ночь с 3 на 4 декабря 1533 г., Василий III в присутствии доверенных лиц объявил о своем решении передать престол старшему сыну Ивану. По сообщению Псковской I летописи (Продолжение Погодинского списка), Василий III «приказа велико княжение сыну своему большому князю Ивану, и нарече его сам при своем живете великим князем; и приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим»²⁰. Последняя воля Василия III была официально закреплена в его духовном завещании, которое не сохранилось, но содержание которого, по крайней мере, в той части, которая касается порядка престолонаследия, отражает «Повесть о болезни и смерти Василия III», дошедшая до нас в составе различных летописей XVI в.²¹ Иными словами, перед самой кончиной своего отца Иван IV, который до этого подразумевался наследником, был объявлен таковым официально и наречен великим князем.

В свете сказанного совершенно очевидно, что вторая гипотеза, предполагающая датировку шлема 1533–1547 гг., абсолютно безосновательна.

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллекции иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. № 159. С. 439–443.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 203.

¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 160–161. С. 443–448.

¹⁹ Грамота не сохранилась.

²⁰ Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 106.

²¹ Подробнее о «Повести» как источнике сведений о недошедшем до нас завещании Василия III см.: Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 31–66.

Как отмечает М. М. Кром, уже 6 декабря 1533 г., на третий день после смерти Василия III, в Успенском соборе в присутствии высшего духовенства и бояр состоялось торжественное поставление малолетнего Ивана IV на великое княжение²². Об этой церемонии мы узнаем из Псковской I летописи (Продолжение Погодинского списка): «И начаша государя ставити князя Ивана Васильевича на великое княжение въ пречистые в соборные церкви митрополитъ Данило, и архиепископы, и епископы, и архиандриты, и игумены и весь причет церковныи, и князи и бояре и все православное крестьянство. Благослови его митрополит крестом и нача ему высочайшим гласом глаголати: богъ, государь, благословляетъ, князь великии Иван Васильевич [перечисление объектных титулов] и иных земль многих царь и государь всея Русии, добръ здоровъ боуди на великому княжении, на столе отца своего; и начаша ему пъти многолѣтъе, и пои-доша к нему князи и бояре и понесоша ему дары многи»²³. Вслед за этим «по всем градом вотчины его» прошло целование креста новому государю, а потом наместники и дьяки «по государеву велению приведоша весь Великий Новгород к целованию великому князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержицу»²⁴. Другими словами, факт наследования Ивана IV умершему Василию III не подлежит сомнению. Как не подлежит сомнению и то, что при возведении на престол Иван IV принял титул «великого князя всея Руси», т. е. титул верховного правителя Московского государства. Разумеется, это не означает, что ребенок, «оказавшийся волею судьбы на престоле» (М. М. Кром), был способен управлять государством и управлял им с момента наследования. Тем не менее он считался единственным легитимным источником власти в Московии и этикет, предписывающий соответствующее обращение к нему, неукоснительно соблюдался. О том, что после смерти Василия III его сын Иван IV титуловался «великим князем всея Русии», но никак не «князем», свидетельствуют все письменные источники — летописи, официальные акты (жалованные, указные, правовые и т. д.), которые всегда издавались от государева имени, а также иные документы, дошедшие до нас от царского архива XVI в.²⁵ На это указывают и нумизматические памятники — монеты с легендой «КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ

²² Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 85. По сообщению Новгородской II (Архивской) летописи, «месяца декаврия 7042 умер князь великии Василеи Иванович в 4 день на праздникъ святыи мученици Варвары; да поставили сына его на великое княжение Ивана Васильевича в 6 день на праздникъ святаго Николы чудотворца» (ПСРЛ. Т. 30. С. 147).

²³ Псковские летописи. Вып. 1. С. 106.

²⁴ Цит. по: Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 85.

²⁵ Самый исчерпывающий на сегодняшний день анализ государственного делопроизводства при малолетнем Иване IV, статуса и прерогатив монарха см.: Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 359–596.

ИВАН», поступившие в обращение в Московии в результате денежной реформы второй половины 1530-х гг., проведенной Еленой Глинской²⁶. Таким образом, у нас нет никаких оснований полагать, что после 1533 г. титул князя был применим по отношению к Ивану IV в каком бы то ни было контексте. Употребление этого титула было бы грубейшим нарушением политического этикета и оскорблением государя. Это, в свою очередь, означает, что интересующий нас шлем, если считать его владельцем Ивана Грозного, не может быть датирован временем правления этого государя: ни 1533–1547 гг., когда Иван IV был «великим князем всея Руси», ни после его венчания на царство в 1547 г.

Итак, если принимать титул князя за датирующий признак, то единственным возможным периодом появления шлема следует считать 1530–1533 гг. Стало быть, мы должны иметь дело со шлемом, предназначенным, максимум, для ребенка трех лет. Однако проблема в том, что шлем Ивана Грозного, с точки зрения его метрических параметров, нельзя назвать детским. Доказать это утверждение можно, сравнив указанный шлем с другими шлемами того же типа (группа I по Ю. А. Миллеру)²⁷. Так, в собрании Государственного Эрмитажа находятся четыре подходящих для сравнения предмета: шлем с псевдофунической надписью (З.О. 7613), его масса — 1260 г, диаметр — 20 см, высота — 39 см²⁸; шлем с декоративной медной пластиной (З.О. 7853), его масса — 1360 г, диаметр — 19,8/20,2 см, высота — 38 см²⁹; шлем с арабской надписью (Б.О. 1248), его масса — 1430 г, диаметр 20,3/21,5 см, высота — 38,5 см³⁰; шлем с наушами (З.О. 7854), его масса — 1630 г, диаметр — 21,5/20,7 см, высота — 35 см³¹. Все перечисленные шлемы относятся к категории обычных, «взрослых» шлемов и иллюстрируют характерные для таких шлемов метрические параметры: масса — 1200–1600 г, диаметр — 19–25 см, а высота — от 35 см и выше. Очевидно, что шлем Ивана Грозного, масса которого, напомню, — 1180 г, высота — 38 см, а диаметр — 19 см, вполне сопоставим с этими шлемами. В то же самое время он существенно отличается по массе от

²⁶ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М., 1989. Табл. V, № 2-2-1 экз.; № 3-2-3 экз.; № 4-2-2 экз.; № 5-5-12 экз.; № 5-9-1 экз.

²⁷ Выражаю благодарность Ю. Г. Ефимову и В. Г. Образцову за возможность подробно ознакомиться с упомянутыми предметами.

²⁸ Miller Y.A. Various Categories of Oriental Helmets From the 16th and 17th Centuries and Their European Derivatives // Vaabenhistoriske Aarbøger / Red. Ole Skøtt. Vaabenhistorisk Selskab/ Devantier, Næstved, 2006. N. 51. P. 58, fig. 6, 7.

²⁹ Miller Y. A. Various Categories of Oriental Helmets... P. 57, fig. 5 (инв. № Б.О. 7854 указан ошибочно).

³⁰ Miller Y. A. Various Categories of Oriental Helmets... P. 53, fig. 1.

³¹ Miller Y. A. Various Categories of Oriental Helmets... P. 55, fig. 3.

единственного имеющегося в нашем распоряжении детского шлема. Речь идет о хорошо известном шлеме для трехлетнего царевича Ивана Ивановича (1554–1581), сына Ивана Грозного, из собрания Оружейной палаты Московского Кремля (ОР-9)³². Его масса составляет 697,5 г, а диаметр — 18,3 см, т. е. он почти в два раза легче, чем шлем Ивана Грозного. Именно масса шлема Ивана Грозного, значительно отличающая его от детского шлема Ивана Ивановича и в то же время сближающая его со взрослыми шлемами, позволяет усомниться в том, что он предназначался ребенку.

Защитное вооружение обычно создавалось по индивидуальному заказу, т. е. с учетом метрических данных того, кому оно предназначалось. Практика изготовления детских доспехов, хорошо изученная на западноевропейском материале³³, иллюстрирует это правило, распространявшиеся, кстати сказать, и на дипломатические дары³⁴. О том, что такая практика имела место и при дворе московских правителей, по крайней мере, со времен Ивана Грозного, мы можем судить по дошедшим до нас детским доспехам и их элементам, представленным в собрании Оружейной палаты Московского Кремля³⁵. В связи с этим рассматриваемый шлем, если признавать его принадлежность малолетнему Ивану IV, представляется мне вещью странной, не имеющей исторических аналогов и противоречащей тому, что мы знаем о традиции изготовления доспехов и их применении. Не совсем ясно, для чего этот шлем предназначался, так как он довольно массивен для ребенка, чтобы использовать его в церемониальных целях, и не несет на себе абсолютно никакой «династической» символики. Кроме того, если репрезентативное использование шлема действительно предполагалось, почему шлем не сделали подходящим по весу и размеру для маленького мальчика?

На мой взгляд, утверждение С. Н. Богатырева, что шлем «служил напоминанием членам династии, прежде всего братьям Василия III, о том,

³² Государева Оружейная палата / сост. И. А. Комаров, А. К. Левыкин, Е. А. Яблонская и др. СПб., 2002. С. 44, кат. № 2.

³³ Миллер Ю. А. Детское и миниатюрное оружие XVI–XVII вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 2006.

³⁴ В числе западноевропейских примеров — несколько детских комплектов защитного вооружения, выполненных миланским мастером Лучио Марлиани (1538–1607) и подаренных в 1585 г. Карлом Эммануилом I, герцогом Савойским (1562–1630), малолетнему брату своей жены Катерины Австрийской (1567–1597), будущему испанскому королю Филиппу III (1578–1621) (Лондон, Музей Виктории и Альберта, 144–1921, М. 143&A 1921; Мадрид, Королевский Арсенал, В-1, В-3, В-4, В-5; Нью-Йорк, Музей Метрополитен, 19.128.1-2; Турин, Королевский Арсенал, С. 52).

³⁵ Кроме уже упомянутого шлема царевича Ивана Ивановича, известны подростковый доспех (ОР-304) и два детских доспеха (один из них — ОР-304), которые принадлежали сыновьям царя Алексея Михайловича (1629–1676).

что наследником престола являлся его сын Иван»³⁶, т. е. предназначался для манифестиации наследного права Ивана Грозного на московский трон, сомнительно.

Поводом для сомнений служит не что иное, как титулование в надписи на шлеме Ивана Грозного князем. Хотя специального титула наследника престола в Московии не существовало, известно, что, начиная с Ивана III (1440–1505), имелся обычай именовать наследников *великими князьями*. Так, в 1498 г. Иван III объявил наследником и венчал на великое княжение своего внука Дмитрия (1483–1509), который до опалы, произошедшей в 1502 г., титуловался в документах великим князем³⁷. Лишив Дмитрия-внука права на престол, Иван III отнял у него и велиокняжеский титул. По свидетельству летописца, Иван III «положил опалу на внука своего великого князя Дмитрия и на матери его на великую княгиню Елену, и от того дни *не велел их поминати в ектенях и литиах, ни нарицати великым князем*»³⁸. В 1502 г. Иван III официально объявил наследником Василия III. По сообщению летописи, Иван III «*пожаловал сына своего Василия благословил и посадил на великое княжение Володимерское, и Московское, и всеа Russии самодръжцем*»³⁹. Иными словами, для декларации права Ивана Васильевича на престол в распоряжении Василия III был специальный политический обычай наречения наследника великим князем, апробированный еще его отцом. Судя по тому, что в докончальных соглашениях Василия III с князьями Андреем и Юрием об объявлении Ивана наследником говорится как о будущем проекте⁴⁰, Василий III этим обычаем не воспользовался или, скорее, не успел воспользоваться. Здесь нужно иметь в виду, что в 1530–1533 гг. Иван Грозный был еще слишком мал для того, чтобы отец официально «посадил» его на великое княжение. Кроме того,

³⁶ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 187.

³⁷ Бурсон А. Е. Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука и проблема византийского идеино-политического наследия в конце XV – начале XVI в. // Византийский временник. М., 1997. Т. 57 (82). С. 110–129.

³⁸ ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 242.

³⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 242. Еще раньше, в 1499 г., Иван III Василию «*вины... отдал*» и «*нарек его государем великим князем, дал ему Великии Новгород и Псково, великое княжение*» (ПСРЛ. Т. 4. Л., 1925. Ч. 1. Вып. 2. С. 531).

⁴⁰ Из текста грамоты, составленной от имени Василия III: «*А придетъ Божѧ воля, возметъ Богъ меня Великого Князя, а благословлю сына своего Ивана своими Великими Княжествы: и тобъ сына моего Ивана держати въ мѣсто своего Господина и брата старѣшшего*». Ср. с текстом грамоты, составленной от лица Юрия: «*А придетъ Божѧ воля, возметъ Богъ тобя моего Господина Великого Князя, а благословиши сына своего Князя Ивана своими Великими Княжествы: и мнъ, Господине, держати сына твоего Князя Ивана въ мѣсто своего Господина и брата старѣшшего*» (Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 160–161. С. 444, 446–447).

острой необходимости в этой процедуре не было, так как Василий III находился тогда в расцвете сил и не ожидал своей скорой кончины. Внезапный смертельный недуг застал великого князя врасплох. На это указывает тот упоминаемый в «Повести о болезни и смерти Василия» факт, что духовное завещание Василию III пришлось составлять, находясь на смертном одре: на момент болезни у правителя имелось только старое, составленное еще до рождения Ивана завещание, которое не могло учитывать и не учитывало интересов наследника, а потому было неактуальным. Разумеется, с момента своего рождения Иван Васильевич подразумевался наследником. Тем не менее я убеждена, что титул князя, который Иван IV носил при жизни отца и который указан в надписи на шлеме, не отражал этот статус как в силу имевшейся политической традиции титуловать наследников великими князьями, так и потому, что князей было много (другие возможные кандидаты на московский трон — братья Василия III — тоже были князьями, как и его младший сын Юрий). На мой взгляд, надпись на шлеме не содержит в себе указаний на особое политическое положение Ивана Васильевича и потому шлем не имеет ничего общего с «напоминанием членам династии» о праве Ивана Грозного на престол.

Мои сомнения в принадлежности шлема к «династическим шлемам наследников» связаны и с его происхождением, а точнее, с фигурой его заказчика. По убеждению С. Н. Богатырева, шлем был заказан не кем иным, как Василием III в рамках развернутой им идеологической «программы воссоздания древних церемониальных головных уборов, которые были по разным причинам утрачены ко времени правления Василия»⁴¹. При всей своей привлекательности эта гипотеза не подкреплена никакими историческими свидетельствами и потому ее доказательство до сих пор остается за С. Н. Богатыревым.

Надпись на шлеме Ивана Грозного не дает оснований усмотреть заказчика шлема в Василии III. По своему типу она является исключительно владельческой, и в ней нет ничего, что указывало бы на причастность Василия III к созданию шлема — а именно этого упоминания следовало бы ожидать, будь шлем действительно заказан для Ивана Грозного его отцом. Строго говоря, надпись на шлеме не показывает присутствия заказчика вообще, как и признаков того, что шлем был изготовлен специально для Ивана IV. К такому заключению можно прийти, рассмотрев надпись на шлеме в контексте русской эпиграфической традиции и сравнив ее с надписями на предметах вооружения, принадлежавших русской знати

⁴¹ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 193.

XV–XVII вв. В данном случае нам полезны только те надписи, которые содержат сведения о владельцах и заказчиках.

Памятников вооружения XV–XVII вв., имеющих *владельческие* надписи, довольно много. К ним относятся: рогатина великого князя тверского Бориса Александровича (1398–1461) с надписью «РОГАТИНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ БОРИСА ОЛЕКСАНДРОВИЧА» (Оружейная палата музеев Московского Кремля (далее: ОПММК), ОР-57)⁴²; подсаадачный нож князя Андрея Ивановича Старицкого (1490–1537) с надписью «КНЯЗЯ ОНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ЛЕТА 7021 (1513)» (ОПММК, ОР-64/1-3)⁴³; кольчуга князя Петра Ивановича Шуйского (ум. 1564 г.), на медной запоне которой надпись: «КНЯЗЯ ПУТРОВЪ ИВАНОВИЧА ШУСКГОВА» (ОПММК, ОР-19)⁴⁴; сабля Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского (1576–1646) с надписью «САБЛЯ БОЯРИНА КНЯЗЯ БОРИСА МИХАЙЛОВИЧА ЛЫКОВА-ОБОЛЕНСКОГО» (ОПММК, ОР-4432/1-2)⁴⁵; сабля князя Федора Михайловича Мстиславского (ум. 1622 г.) с надписью «САБЛЯ КНЯЖ ФЕДОРОВА МИХАЙЛОВИЧА МСТИСЛАВСКОГО» (ОПММК, ОР-205/1-3)⁴⁶; палаш боярина И. В. Измайлова с надписью: «ПОЛАШЪ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЗМАЙЛОВА ШРОУЖIE BO ВОИНЪСТВА РОТИВНЫХЪ НИЗЛАГАЮЩЕ ВОЗНОШЕНIE / И ГОТОВО ИМУЩЕ ШТОМЩЕНIE ВСIAКОГО НЕПОСЛУШАНІЯ К МУЖЕСТВУ ЖЕ НЕОСЛАБНОЕ ПОКАЗУЕТЬ ВОЖДЕЛЬНIE / DA IAKOЖE ОУСЕРДIE ХОТЪНІЮ ТАКОЖЕ И СКОНЧАТИ / ПОЕЛИКО АЩЕ КТО ИМАТЬ / АЩЕ BO ОУСЕРДЮ ПРЕДЛОЖИТЬ СОВЕРШЕНIE БЛАГОПРИАТЕНЪ ЕСТЬ / АЩЕ ЖЕ И СМРТЬ НЕ ИНО BO ЧТО ТОЧЮ ПРЕХОЖЕНIE KO ШБИТЕЛЕМЪ НЕВЕЩЕСТВЕНЫМЪ» (Государственный исторический музей (далее: ГИМ), 68257 2666/1-2 оп)⁴⁷; чекан с кинжалом в рукояти князя Василия Ивановича Туренина-Оболенского (1587–1633) с надписью «КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ТУРЕНИНА АБОЛЕНСКОГО» (ОПММК, ОР-52/1-2)⁴⁸; булава царя Михаила Федоровича (1596–1645) с

⁴² Государева Оружейная палата. Кат. № 58.

⁴³ Государева Оружейная палата. Кат. № 49.

⁴⁴ Государева Оружейная палата. Кат. № 14.

⁴⁵ Искусство блистательной Порты. The Art of the Sublime Porte / сост. И. И. Вишневская, А. К. Левыкин. Каталог выставки (Москва, музеи Московского Кремля, 16 декабря 2008 г. — 15 марта 2009 г.). М., 2008. кат. № 11.

⁴⁶ Государева Оружейная палата. Кат. № 34.

⁴⁷ Арендт В. В. Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1928. Т. 4. С. 22. Несколько иначе надпись передана А. В. Лаврентьевым: Лаврентьев А. В. Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени // Архив русской истории: Сборник Российской государственной архивы древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 77.

⁴⁸ Государева Оружейная палата. Кат. № 61.

надписью «БОЖИЕЮ МИЛОСТИ МЫ ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ВСЕЯ РУСИИ САМОДЕРЖЕЦ» (ОПММК, ОР-130)⁴⁹; булава боярина Ильи Даниловича Милославского (ум. 1668) с надписью «БУЛАВА БОЯРИНА ИЛЬИ ДАНИЛОВИЧА МИЛОСЛАВЬСКАГО» (ОПММК, ОР-131)⁵⁰.

Приведенные выше надписи манифестируют только владельцев предметов и при этом ничего не упоминают о происхождении вещей. По-видимому, каким бы путем это оружие ни досталось их хозяевам (было приобретено, передано по наследству, захвачено в качестве трофея и т. д.), во всех указанных случаях происхождение предмета было не настолько значимым для обладателя, чтобы отразить его в надписи, которая, без сомнения, наносилась по инициативе владельца. В тех случаях, когда обстоятельства обретения оружия считались достойнымиувековечивания, мы встречаем владельческие надписи иного типа. В числе примеров: зерцало царя Михаила Федоровича с надписью на заднем щитке: «ПОВЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ, ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ВСЕЯ РУСИИ, СДЕЛАНЫ СИИ ЗЕРЦАЛА В ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО ГОСУДАРСТВА ЕГО, ПО ПРИКАЗУ КРАЙЧЕГО МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА САЛТЫКОВА ДЕЛАЛ МАСТЕР КОНОВАЛОВ, А ВЫГРАВЛИВАЛ И ЗОЛОТИЛ НЕМЧИН АНДРЕЙ ТИРМАН, ЛЕТА 7124 (1616), ИЮЛЯ В 29-Й ДЕНЬ»⁵¹ (ОПММК, ОР-124); сабля царя Михаила Федоровича с надписью «SY TESAK SDEELAN POWELENIEM GOSSUDARA TZAIRA I WELIKOBO KNESA MICHAILA FEODOROWITCHA VSEA RRUSYI V PAETOIE LEETO GOSSUDARSTWA IEBO MAESETZA M // PO PRIKASU KRAITSHEBO Y ORUSCHNITSHEBO MICHAILA MICHAILOWITSCHA SALTIKOWA DEELAL MASTER NIAL

⁴⁹ Государева Оружейная палата. Кат. № 53; Древности Российского государства. М., 2007. С. 365, 367, рис. 84.

⁵⁰ Государева Оружейная палата. Кат. № 52.

⁵¹ На переднем щитке: «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ, ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ, ВСЕЯ РУСИИ САМОДЕРЖЕЦ, ВЛАДИМИРСКИЙ, МОСКОВСКИЙ, НОВГОРОДСКИЙ, ЦАРЬ КАЗАНСКИЙ, ЦАРЬ АСТРАХАНСКИЙ, ЦАРЬ СИБИРСКИЙ, ГОСУДАРЬ ПСКОВСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СМОЛЕНСКИЙ И ТВЕРСКОЙ, ЮГОРСКИЙ, ПЕРМСКИЙ, ВЯЦКИЙ, БОЛГАРСКИЙ / И ИНЫХ ГОСУДАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НОВГОРОДА, НИЗОВСКИЕ ЗЕМЛИ, ЧЕРНИГОВСКИЙ, РЯЗАНСКИЙ, РОСТОВСКИЙ, ЯРОСЛАВСКИЙ, БЕЛОЗЕРСКИЙ, ЛИФЛЯНДСКИЙ, УДОРСКИЙ, ОБДОРСКИЙ, КОНДИЙСКИЙ И ВСЕЯ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛИ И СЕВЕРНЫЕ СТРАНЫ ПОВЕЛИТЕЛЬ И ГОСУДАРЬ И ВСЕЯ ПЕРМСКИЕ ЗЕМЛИ, КАРТАЛИНСКИХ И ГРУЗИНСКИХ, ЦАРЬ КАБАРДИНСКИЕ ЗЕМЛИ, ЧЕРКЕССКИХ И ГОРСКИХ КНЯЗЬ И ИНЫХ МНОГИХ ГОСУДАРСТВ ОБЛАДАТЕЛЬ» (Древности Российского государства. С. 334, рис. 43).

PROSWIT» (ОПММК, ОР-136/1-3)⁵²; зерцало царя Алексея Михайловича с надписью на заднем щитке: «СДЕЛАНЫ СИИ ЗЕРЦАЛА ПОВЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА, ПРИ БОЯРИНЕ И ОРУЖНИЧЕМ ПРИ БОГДАНЕ МАТВЕЕВИЧЕ ХИТРОВЕ С ТОВАРИЩИ, В ЛЕТО 7178 (1670)»⁵³ (ОПММК, ОР-126/1-2). Ясно, что речь идет о предметах, сделанных по заказу самих владельцев. Причастность обладателя к созданию оружия, т. е. выступление владельца и в роли заказчика, имела особое значение и потому фиксировалась в надписи.

Надпись на шлеме Ивана Грозного безусловно относится к владельческим надписям первого типа: она называет владельца, при этом умалчивает о происхождении предмета и о его заказчике. Как уже отмечалось, надписи такого типа наносились по инициативе владельцев и применительно к рассматриваемому шлему это значит, что текст был нанесен по приказу трехлетнего мальчика — эпизод сам по себе достаточно странный. Даже если допустить его вероятность, ясно, что шлем не был создан специально для малолетнего Ивана Васильевича. Учитывая, что шлем, как обсуждалось ранее, не детский, каким ему следовало бы быть в случае его изготовления для ребенка, скорее всего он достался старшему сыну Василия III от какого-то другого владельца. При этом путь обретения шлема был не настолько важен, чтобы удостоиться упоминания в надписи, сделанной на шлеме позднее. Это, в свою очередь, указывает, что шлем не был заказан и подарен малолетнему Ивану Васильевичу его отцом. Такого рода дар, тем более если он имел политический подтекст, как считает С. Н. Богатырев, прежде всего подразумевал надпись иного рода.

Идеальным примером, иллюстрирующим последний тезис, является уже упоминавшийся ранее шлем царевича Ивана Ивановича, сделанный по заказу его отца Ивана Грозного в 1557 г. Именно этот шлем признан С. Н. Богатыревым аналогичным по своей природе шлему Ивана Грозного:

⁵² Древности Российского государства. С. 410. Существует иной вариант передачи надписи: «SY TESAKS ISCELAN POWELENIEM GOSSUDRA IWELIKOEO KNESA MICHAILA FEDOROWITCHA VSEA RRUSYI V PATOIE LEETO GOSWDARSTVA EVO MASETZA M // PO PRIKASU KRAITSHEBO Y ORUSCHNITSHEVO MIHAILA MICHAILOWITSCHA SALTIKOVA DELAL MAESTER ILIAII PROSWITS» (Цит. по: Государева Оружейная палата. Кат. № 35).

⁵³ На переднем щитке: «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦ, И МНОГИХ ГОСУДАРСТВ И ЗЕМЕЛЬ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ И СЕВЕРНЫХ ОТЧИЧЬ И ДЕДИЧЬ НАСЛЕДНИК, ГОСУДАРЬ И ОБЛАДАТЕЛЬ» (Древности Российского государства. С. 341, рис. 49–52).

оба предмета, как считает ученый, были заказаны отцами-правителями для своих сыновей-наследников и имели один и тот же символический смысл — манифестировали права наследников на престол⁵⁴. Между тем надпись на шлеме Ивана Ивановича гласит: «ПОВЕЛЕНИЕМЬ БЛАГОВЕРНАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЯ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИИ САМОДЕРЖЦА СДЕЛАН ШЕЛОМ СЕЙ БЛАГОВЕРНОМУ СЫНУ ЕГО ЦАРЕВИЧУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ В ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО РОЖДЕНИЯ ЕГО В ПРЕИМЕНИТОМ ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ В ЛЕТО 7065 ИЮЛЯ В 8 ДЕНЬ»⁵⁵. Как мы видим, по своему типу надпись является не владельческой, а дарственной. Эпиграфические тексты, составленные по той же самой формуле, мы находим и на других царских дарах, дошедших до нас из московской казны⁵⁶. В надписи названы сначала заказчик-даритель Иван Грозный, затем одариваемый им сын — царевич Иван, кроме того, обозначены место (Москва) и точная дата (8 июля 1557 года) изготовления шлема.

Очевидно, что надпись на шлеме царевича Ивана имеет совершенно иную природу, чем надпись на шлеме Ивана Грозного. Если первая сделана от лица заказчика, то вторая — от лица владельца. Это обстоятельство не позволяет считать шлемы аналогичными друг другу по происхождению и экстраполировать наши знания о первом шлеме на второй. Поскольку надпись на шлеме Ивана Васильевича не называет заказчиком Василия III, у нас пока нет оснований полагать, что шлем был заказан им. Насколько можно судить о практике обмена дарами в велиkokняжеских семьях, заказчики и дарители, как правило, упоминались. И ко времени Василия III соответствующая эпиграфическая традиция уже давно сложилась, чтобы он мог (в случае заказа шлема для своего сына) ею воспользоваться. Тем более, что имеются письменные свидетельства об эпиграфических надписях, относящихся непосредственно к Василию III. Так, в духовной грамоте Дмитрия Ивановича Жилки (1481–1521), брата Василия III и третьего сына Ивана III, мы встречаем «ковш большой грановитый, что

⁵⁴ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 191.

⁵⁵ См. примеч. 32.

⁵⁶ Так, на саккосе митрополита Дионисия — поминальном вкладе Ивана Грозного по его погибшему в 1581 году сыну Ивану — написано: «ПОВЕЛЕНИЕМ ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА БОЖИЮ МИЛОСТИЮ ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА СДЕЛАН БЫСТЬ СЕЙ СВЯТИТЕЛЬСКИЙ САК В СВЯТУЮ СОБОРНУЮ ЦЕРКОВЬ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦА ЦАРСТВИЯ МОСКОВСКОГО ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ДИОНИСИЮ МИТРОПОЛИТУ И ПО НЕМ ПРОЧИМ МИТРОПОЛИТОМ ПО СЫНЕ ЕГО ПО БЛАГОВЕРНОМ ЦАРЕВИЧЕ КНЯЗЕ ИОАННЕ ЦАРСКОГО ЕГО УКРАШЕНИЯ И В ЗЛАТЕ И ЖЕМЧЮГЕ ЛЕТА 7091 ГОДА МАРТА В 30 ДЕНЬ» (ММК, ТК-2766) (Искусство блистательной Порты. Кат. № 77).

дал мне князь великий Василий, венец у него писан золочен, имя великого князя Василия Ивановича всея Руси», «пять ковшов, что мне дал князь великий Василий, а венцы у них писаны, имя великого князя Василия Ивановича всея Руси» и «две братины, что мне дал князь великий Василий, а на них по четыре кружка золоченых, а в них писано имя великого князя Васильева»⁵⁷.

Таким образом, владельческая надпись на шлеме Ивана Грозного и такие ее специфические особенности, как отсутствие упоминания Василия III как заказчика и титулование Ивана Васильевича князем, а, кроме того, метрические параметры шлема, неподходящие для ребенка, — словом, все сказанное выше, — не дает оснований утверждать, что шлем Ивана Грозного был, подобно шлему Ивана Ивановича, заказан отцом-правителем для сына-наследника и причислять его тем самым к «династическим шлемам наследников». Тем более что шлем Ивана Грозного, в отличие от шлема царевича Ивана, не несет на себе никакой «династической» символики, связанной с велиокняжеской властью и Московским государством.

Кроме того, механизм обоснования прав наследника на престол с помощью шлема неясен, а прецеденты неизвестны. Идея С. Н. Богатырева о существовании в велиокняжеской семье практики использования особого типа династических головных уборов — «шлемов наследников» — со временем Ивана Красного, завещавшего в 1359 г. своим сыновьям Дмитрию (будущему Донскому) и Ивану (Малому) золоченые шлемы-шишаки⁵⁸, представляется мне искусственной и произвольной. В доиндустриальных обществах оружие и доспехи, особенно украшенные, всегда причислялись к наиболее ценному имуществу и по возможности передавались по наследству, поэтому упоминание двух «золотых» шишаков в духовной грамоте Ивана Красного отнюдь не означает, что эти шлемы следует рассматривать как изготовленные специально для наследников и непременно имевшие идеологическую программу⁵⁹. Тем

⁵⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее: ДДГ) М., Л., 1950. № 99. С. 411–413.

⁵⁸ Каждому из сыновей Ивана Красного достался «чечак золот с каменьем с жемчуги» (ДДГ. № 4. С. 16).

⁵⁹ Так, в духовной грамоте Ивана Юрьевича Патрикеева (1419–1499), князя, боярина и воеводы при Василии II и Иване III, находим: «А что моих доспехов, и теми доспехи дети мои Василей да Иван, поделятся» (ДДГ. № 86. С. 348). В завещании русского князя Ивана Борисовича (1483–1503) встречаем: «А что моя служилая рухлядь, доспехи и кони, то перед моим государем, великим князем» (ДДГ. № 88. С. 352). Несколько более подробная роспись оружия содержится в духовной грамоте волоцкого князя Федора Борисовича (1476–1513), брата русского князя Ивана Борисовича: «Дати ми Ивану Фомину сыну Иванова саблю булатную гирейскую (крымско-татарскую). — Ю. И.) [...] да рогатину (тяжелое

более, что в духовных грамотах великих князей после Ивана Красного ни о каких «золотых» шлемах больше не упоминается, и мы не располагаем свидетельствами о бытovanии такого типа династических головных уборов вплоть до царствования Ивана Грозного⁶⁰. Шлем царевича Ивана

копье. — Ю. И.), да колпак ордынской» и далее: «Дати ми Вериги Иванову сыну Есипова наколенки (наколенники. — Ю. И.)» (ДДГ. № 98. С. 407). В завещании уgliцкого князя Дмитрия Ивановича Жилки (1481–1521), брата Василия III и третьего сына Ивана III, мы сталкиваемся с украшенным шлемами: «А в казне моей [...] да два чичака золоты, один грановит (т. е. с канелюрами. — Ю. И.), а на обоих яхонты сини (сапфиры. — Ю. И.) да зерна гурмыские (жемчуг, добываемый в Персидском заливе, близ острова Ормуза. — Ю. И.)» (ДДГ. № 99. С. 410–411).

⁶⁰ С. Н. Богатырев, разделяя мнение В. А. Кучкина, полагает, что дальнейшая судьба шлемов из казны Ивана Красного прослеживается в духовных грамотах Дмитрия Донского (1350–1389). По мнению ученого, золотой шлем, полученный Дмитрием в наследство от своего отца Ивана Красного вместе с золотой саблей и золотой перевязью, скрывается в первом завещании (1371–1374 гг.) Дмитрия под термином «золотой доспех», а во втором (1389 г.) — под термином «золотая счастье». Под теми же словами, по убеждению С. Н. Богатырева, подразумевается в духовных грамотах Дмитрия и второй золотой шлем, полученный братом Дмитрия княжичем Иваном (1354–1364) в наследство от их отца Ивана Красного и перешедший в казну Дмитрия после смерти его брата Ивана в 1364 г. Согласно второй духовной грамоте Дмитрия, «золотую счастье» унаследовал его третий сын Андрей Можайский (1382–1432). Хотя мы не располагаем духовной грамотой Андрея Можайского, С. Н. Богатырев убежден, что шлемы достались после смерти Андрея его второму сыну Михаилу Верейскому-Белозерскому (ум. 1486 г.). Упоминание о золотых шлемах (и о каком-либо вооружении вообще) отсутствует в духовных грамотах Михаила, тем не менее, по словам С. Н. Богатырева, следует полагать, что они перешли во владение Ивана III, назначенного Михаилом распорядителем его движимого имущества. Казна Михаила, оставаясь в Белоозере, была завещана Иваном III его сыну Василию III. Таким путем, по мысли С. Н. Богатырева, шлемы сыновей Ивана Красного вернулись в великокняжескую сокровищницу и были использованы Василием III при создании Шапки Мономаха, которая хранится сейчас в Оружейной палате (Богатырев С. Н. 1) Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 183–186; 2) Еще раз о Шапке Мономаха и казне московских князей // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2011. № 2 (10). С. 252–253). Предложенная С. Н. Богатыревым теория содержит ряд весьма слабых, на мой взгляд, моментов. Так, остается неясным, почему «шлемы наследников», если они наряду с «золотой шапкой» представляли особый тип династических головных уборов и имели символический смысл, не упомянуты в духовных грамотах Дмитрия Донского отдельно и, более того, в завещаниях последующих предполагаемых владельцев их след вообще теряется. Как верно подмечено С. Н. Богатыревым, золотая шапка, признаваемая в научной традиции наследственным головным убором великих князей, не только регулярно упоминается в духовных грамотах, но и передается по строгому принципу — только старшему сыну. И здесь С. Н. Богатыревым незаслуженно обойден молчанием тот важный факт, что оба «шлема наследников» Ивана Красного, символизировавшие, по словам историка, преемственность великокняжеской власти, были завещаны (в составе «золотой счастье») только третьему сыну Дмитрия Донского Андрею Можайскому, в обход его старшего брата Василия (будущего Василия I), унаследовавшего «великое княжение» и «золотую шапку», и старшего брата Юрия (Галицкого), стоявшего вторым из сыновей Дмитрия в очереди на великокняжеский трон. Такое имущественное

является, на мой взгляд, единственным головным убором, который можно рассматривать как «шлем наследника». Его появление связано не с предшествующей политической традицией, а с личностью Ивана Грозного, «охочего» до «шапок хороших железных», и с его представлениями о власти. Созданный первым московским царем прецедент не был востребован последующими московскими государями, и «шлем наследника» так и не вошел в России в число династических регалий.

Информация о статье:

Автор: Игина Юлия Федоровна, кандидат исторических наук, докторант СПбГУ, e-mail: iginayulia@hotmail.com

Заголовок: Шлем Ивана Грозного: к вопросу о владельческой надписи

Резюме: Статья посвящена шлему Ивана Грозного — одному из наиболее известных и практически неизученных памятников защитного вооружения, сохранившихся от эпохи Рюриковичей. Автор исследует кириллическую надпись на шлеме, которая является владельцеской и считается ключевым признаком, лежащим в основе атрибуции шлема. Основное внимание в статье уделено вопро-

решению свидетельствует, на мой взгляд, о том, что Дмитрий Донской не придавал «золотой счастье» символического значения, по крайней мере, того, которое ей приписывается С. Н. Богатыревым. Наиболее слабым местом гипотезы мне видится реконструкция истории шлемов после смерти Андрея Можайского. Факт наличия шлемов в казне Андрея Можайского к концу его жизни остается недоказанным, как и то, что шлемы достались в наследство именно Михаилу, а не другому сыну Андрея — Ивану (ум. до 1483 г.), у которого были свои наследники. Я допускаю, что движимое имущество Михаила может быть отражено в его духовной грамоте (существующей в трех вариантах — двух черновых и беловом) неполно. Тем не менее это обстоятельство не может служить серьезным аргументом в пользу присутствия шлемов в белозерской казне Михаила. Учитывая, что в списке завещанных Ивану III вещей нашлось место «круживу кожушному нецелому с зарукавьем» и «одеялу на атласе на синем» (ДДГ. № 80. С. 310.), отсутствие в нем золотых шлемов («доспеха» или «счасти») указывает скорее на то, что у Михаила их не было, чем на то, что их не упомянули. Наконец, заслуживает критики и уверенность С. Н. Богатырева в использовании шлемов из казны Ивана Красного при создании Шапки Мономаха. Принимая во внимание все сказанное выше, у нас нет причин считать не только то, что эти шлемы имели статус реликвий в великокняжеской семье, но и что они вообще (как и память о них!) дошли до Василия III. Кроме того, в казне Василия III в предполагаемый С. Н. Богатыревым период создания Шапки Мономаха находились, по меньшей мере, еще два шлема. Ими были завещанные Василию III в 1521 году Дмитрием Ивановичем Жилкой (1481–1521) «два чичака золоты» (см. примеч. 59), весьма похожие по описанию на шишаки из казны Ивана Красного. Эти предметы, с точки зрения их происхождения, имеют более прямое отношение к традиции великокняжеской власти, чем имущество удельных мажайских князей, проигнорированное, кстати сказать, Иваном III. Другими словами, сама идея того, что при создании главной государственной регалии Василию III понадобилось привлекать забытое наследство удельных князей, представляется мне надуманной.

сам датировки, происхождения и вероятным историческим обстоятельствам появления шлема. Автор приходит к заключению, что единственным возможным появлением памятника являются 1530–1533 гг., годы первых трех лет жизни Ивана Грозного, когда он титуловался князем при своем отце, великому князю Василии III. При этом шлем, не являясь детским, не мог быть сделан специально для малолетнего Ивана Грозного и Василий III не был причастен к его заказу. Опираясь на эпиграфический анализ надписи и специфику титулования в ней Ивана IV, автор опровергает гипотезу С. Н. Богатырева о принадлежности шлема Ивана Грозного к «династическим шлемам наследников», предназначенным для легитимации права на престол.

Ключевые слова: Иван Грозный, шлем, стокгольмская оружейная палата, презентация власти, великий князь, регалии, Василий III, наследник

Список литературы:

Арендт, Всеволод Викторович. Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1928. Т. 4. С. 21–27.

Бобринский, Алексей Александрович. Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898. Т. Х. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325.

Богатырев, Сергей Николаевич. Еще раз о Шапке Мономаха и казне московских князей // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. № 2 (10). С. 252–253.

Богатырев, Сергей Николаевич. Шапка Мономаха и шлем наследника: презентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. № 1 (9). Январь–июнь. С. 171–200.

Бурсон, А.Е. Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука и проблема византийского идеально-политического наследия в конце XV – начале XVI в. // Византийский временник. М.: Индрик, 1997. Т. 57 (82). С. 110–129.

Государева Оружейная палата / сост. И. А. Комаров, А. К. Левыкин, Е. А. Яблонская, и др. СПб.: Атлант, 2002. 407 с.

Древности Российского государства. М.: Белый город, 2007. 720 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 594 с.

Искусство блистательной Порты. The Art of the Sublime Porte. / сост. И. И. Вишневская, А. К. Левыкин. Каталог выставки (Москва, музеи Москов-

ского Кремля, 16 декабря 2008 года — 15 марта 2009 года). М.: ООО «АзБука», 2008. 212 с.

Кирпичников, Анатолий Николаевич. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.

Кром, Михаил Маркович. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

Лаврентьев, Александр Владимирович. Царевич-царь-цезарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 240 с.

Лаврентьев, Александр Владимирович. Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 60–77.

Мельникова, Алла Сергеевна. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.

Миллер, Юрий Александрович. Детское и миниатюрное оружие XVI–XVII вв. в собрании Эрмитажа. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2006. 120 с.

Орел и лев: Россия и Швеция в XVII веке / под ред. Н. С. Владимирской. Каталог выставки (Москва, ГИМ, 04.04.–01.07.2001). М.: Государственный исторический музей, 2001. 158 с.

Орленко, Сергей Павлович. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 года. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2012. Ч. II. С. 441–456.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1925. Ч. 1. Вып. 2. 215 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.

Псковские летописи. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1941. Вып. 1. 147 с.

Российский Государственный Архив Древних Актов. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 14. Л. 637–638.

Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника / пер. с лат. Е. В. Чешихина-Ветринского // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края / под ред. Е. В. Чешихина-Ветринского. Рига: Типография А. И. Лапинского, 1879. Т. 2. С. 298–320.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Типография Н. С. Всеволожского, 1813. 643 с.

Ульянов, Олег Германович. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 года. СПб.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2010. Ч. II. С. 351–365.

Шлем Ивана Грозного (анонс выставки): http://www.kreml.ru/ru/news/exhibition/archive/index.php?id_4=267 (последнее посещение — 5 мая 2013 г.).

Krigsbyt. War-booty. / Red. Ann Grönhammar, Carl Zarmén, Schmidt Göran. Katalog till utställningen (Stockholm, Livrustkammaren, 23 november 2007 – 28 februari 2009). Stockholm: Livrustkammaren, 2007. 285 s.

Miller, Yurij Aleksandrovich. Various Categories of Oriental Helmets From the 16th and 17th Centuries and Their European Derivatives // Vaabenhistoriske Aarbøger. / Red. Ole Skøtt. Vaabenhistorisk Selskab/Devantier, Næstved, 2006. N 51. P. 52–80.

Sandstedt, Fred. Schischak-Szyszak-Zischägge. Analys av åatta hjälmar av orientalisk typ i Livrustkammaren // Livrustkammaren. Stockholm, 1985. Vol. 17. N 7. S. 7–52.

Information about the article:

Author: Igina Yulia Fedorovna, PhD in history, postdoctoral student in the St. Petersburg State University, e-mail: iginayulia@hotmail.com

Title: The helmet of Ivan the Terrible: To the problem of Cyrillic inscription

Summary: This article examines the helmet of Ivan the Terrible of the Ruriks dynasty (now kept in Stockholm) which has long been one of the most famous and actually not well studied pieces of armour that has come down to us. Between the two ornamental bands, arranged around the crown, a narrow inscription in the Old Russian language runs as follows: "SHELOM OF PRINCE IVAN VASILYEVICH THE SON OF GRAND PRINCE VASILY VASILYEVICH OF ALL RUSSIA". The words indicate that the helmet belonged to Ivan the Terrible and are considered the first key characteristics to denote its attribution. The author pays attention to the issues of dating, provenance, commission and possible historical circumstances referring to this piece of armour. The conclusion is made that the only possible emergence of the helmet is in the period between 1530 and 1533, when Ivan was given the title prince under his father, the Grand Prince Vasily III. However the helmet is not a child's one and could not be made for the small Ivan; besides, Vasily III was not art and part in commissioning the item. Having analyzed the epigraphic evidence of the inscription and the specificity of the title of Ivan in it, the author discredits the hypothesis set forth by S. N. Bogatyrev who insists that the helmet belongs to "dynastic Helmets of Heirs" to legitimize the enthronement.

Key words: Ivan the Terrible, helmet, shishak, Royal Armory, Stockholm, representation of power, grand prince, regalia, heir, Vasilii III, dynasty

References:

- Arendt, Vsevolod Viktorovich. Palash boyarina Izmailova, in *Trudy sektsii arkheologii Rossijskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk*. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1928. T. 4. S. 21–27.
- Bobrinskiy, Aleksei Aleksandrovich. Shlem Ivana Groznogo, in *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1898. T. X. Vyp. 1–2. Novya seriya. S. 316–325.
- Bogatyrev, Sergei Nikolaevich. Eshche raz o Shapke Monomakha i kazne moskovskikh knyazei, in *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya=Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. № 2 (10). S. 252–253.
- Bogatyrev, Sergei Nikolaevich. Shapka Monomakha i shlem naslednika: reprezentatsiya vlasti i dinasticheskaya politika pri Vasilii III i Ivane Groznom, in *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya = Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. № 1 (9). Yanvar'-iyun'. S. 171–200.
- Burson, A.E. Chin postavleniya na velikoe knyazhenie Dmitriya-vnuka i problema vizantiyskogo ideyno-politicheskogo naslediya v kontse XV – nachale XVI v., in *Vizantiyskiy vremennik*. M.: Indrik, 1997. T. 57 (82). S. 110–129.
- Gosudareva Oruzheynaya palata / Sost. I. A. Komarov, A. K. Levykin, E. A. Yablonskaya, i dr. SPb.: Atlant, 2002. 407 s.
- Drevnosti Rossijskogo gosudarstva. M.: Belyi gorod, 2007. 720 s.
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. / podgotovil k pechati L. V. Cherepnin. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. 594 s.
- Iksusstro blistatelnoy Porty. The Art of the Sublime Porte / Sost. I. I. Vishnevskaya, A. K. Levykin. Katalog vystavki (Moskva, Muzei Moskovskogo Kremlja, 16 dekabrya 2008 goda – 15 marta 2009 goda). M.: OOO "Azbuka", 2008. 212 s.
- Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich. Voennoe delo na Rusi XIII–XV vv. L.: Nauka, 1976. 104 s.
- Krom, Mikhail Markovich. «Vdovstvuyushchee tsarstvo»: Politicheskiy krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 888 s.
- Lavrent'ev, Aleksandr Vladimirovich. Tsarevich-tsar'-tsezar'. Lzhedmitriy I, ego gosudarstvennye pechati, nagradnye znaki i medali 1604–1606 gg. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2001. 240 s.
- Lavrent'ev, Aleksandr Vladimirovich. Ital'yanskiy mech i ego russkie vladel'tsy epokhi Smutnogo vremeni, in *Arkhiv russkoi istorii: Sbornik Rossijskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov*. M.: Drevlekhranilishche, 2007. Vyp. 8. S. 60–77.
- Melnikova, Alla Sergeevna. *Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo: Istochniki russkoi denezhnoi sistemy s 1533 po 1682 g.* Moskva: Finansy i statistika, 1989. 318 s.
- Miller, Yurij Aleksandrovich. *Detskoe i miniatyurnoe oruzhie XVI–XVII vv. v sobraniii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 2006. 120 s.

Orel i lev: Rossiya i Shvetsiya v XVII veke / pod red. N. S. Vladimirovskoy. Katalog vystavki (M., GIM, 04.04.–01.07.2001). Moskva: Gosudarstvennyi istoricheskiy muzei, 2001. 158 s.

Orlenko, Sergei Pavlovich. K voprosu o deyatel'nosti pridvornykh oruzheinykh masterskikh do i posle Smutnogo vremeni, in *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy tret'ey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16–18 maya 2012 goda*. Sankt-Peterburg: Voenno-istoricheskiy muzei artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi, 2012. Ch. II. S. 441–456.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 4. Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1925. Ch. 1. Vyp. 2. 215 s.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 8. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku. M.: Yazyki ressokoy kul'tury, 2001. 312 s.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 30. Vladimirskiy letopisets. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivskaya) letopis'. M.: Nauka, 1965. 240 s.

Pskovskie letopisi. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. Vyp. 1. 147 s.

Rossiyskiy Gosudarstvennyi Arkhiv Drevnikh Aktov. F. 79. Snosheniya Rossii s Pol'shey. Op. 1. Kn. 14. L. 637–638.

Ryussov, Bal'tazar. Livonskaya khronika / per. s lat. E. B. Cheshikhina-Vetrinskogo, in *Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiyskogo kraja / pod red. E. B. Cheshikhina-Vetrinskogo*. Riga: Tipografiya A. I. Lapinskogo, 1879. T. 2. S. 298–320.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogоворов, хранившихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ch. 1. M.: Tipografiya N.S. Vsevolozhskogo, 1813. 643 s.

Ul'yanov, Oleg Germanovich. Institut oruzheinichikh i razvitiye moskovskoy oruzheinoj shkoly v XVI veke, in *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 12–14 maya 2010 goda*. SPb.: Voenno-istoricheskiy muzei artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi, 2010. Ch. II. S. 351–365.

Shlem Ivana Groznogo (anons vystavki): http://www.kreml.ru/ru/news/exhibition/archive/index.php?id_4=267 (poslednee poseshchenie — 5 maya 2013 g.).

Krigsbyte. War-booty. / Red. Ann Grönhammar, Carl Zarmén, Schmidt Göran. Katalog till utställningen (Stockholm, Livrustkammaren, 23 november 2007 – 28 februari 2009). Stockholm: Livrustkammaren, 2007. 285 s.

Miller, Yurij Aleksandrovich. Various Categories of Oriental Helmets From the 16th and 17th Centuries and Their European Derivatives, in *Vaabenhistoriske Aarbøger* / Red. Ole Skøtt. Vaabenhistorisk Selskab/Devantier, Næstved, 2006. N 51. P. 52–80.

Sandstedt, Fred. Schischak-Szyszak-Zischägge. Analys av åatta hjälmar av orientalist typ i Livrustkammaren, in *Livrustkammaren*. Stockholm, 1985. Vol. 17. N 7. S. 7–52.

Иллюстрации к статье:

Рис. 1. Шлем Ивана Грозного.
Общий вид. Королевская
Оружейная палата, Стокгольм,
инв. № 20389.
Фотограф — Jens Mohr

Рис. 2. Шлем Ивана Грозного. Деталь.
Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20389. Фотограф — Jens Mohr

Рис. 3. Шлем Ивана Грозного. Деталь.

Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20389. Фотограф — Jens Mohr

Рис. 4. Шлем Ивана Грозного. Деталь.

Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20389. Фотограф — Jens Mohr

Рис. 5. Шлем Ивана Грозного. Деталь.

Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20389. Фотограф — Jens Mohr

УДК 930.272.; ББК 63.2

Л. И. Киселева

НЕЗАВЕРШЕННАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА К 250-летию Государственного Эрмитажа

В секторе рисунков Отдела западноевропейской живописи Государственного Эрмитажа хранится прекрасная рукописная книга (ГЭ., ОРр23), изготовленная из высококачественного бархатистого пергамена. В ней 236 листов размером 33,3 × 24,6 см. Тетради (по 6 листов каждая) сшиты в блок, переплетены и помещены в деревянные «крышки», обтянутые коричневой кожей со «слепым тиснением». Переплет украшен металлическими наугольниками, а в центре верхней и нижней досок помещен металлический цветок. Обе крышки стягивались двумя металлическими застежками на кожаных ремешках (одна застежка утрачена).

Текст этой рукописной книги написан в 2 столбца (поверхность, занятая текстом на каждом листе, равна 21 × 16 см) черными чернилами превосходным каллиграфическим книжным письмом (*littera textualis*). Заголовки (рубрики) отдельных составных частей текста начертаны красными чернилами.

Каждый лист этой замечательной книги имеет цветную ярко-красочную рамку, состоящую из цветов, ваз, листьев аканта, птиц, фантастических фигурок. Кроме того текст книги украшают 124 инициала с миниатюрами, 50 цветных инициалов, 11 миниатюр и 2 перьевых рисунка, которые по сути являются эскизами. К сожалению, украшение рукописной книги не завершено до конца: не окончена раскраска некоторых рамок, миниатюр и инициалов. На последних листах (216–236) остались пустые места для 64 инициалов (рис. 1).

Все выше сказанное ставит множество вопросов. Когда и где была создана эта рукописная книга? Кто писал текст? Каково содержание текста? Кто осуществлял ее художественное оформление? Почему оно не было завершено? Но каким образом и почему незавершенную книгу

одели в красивый переплет? Кто был владельцем? Для кого изготавлялась книга? И наконец, как она попала в Санкт-Петербург в Государственный Эрмитаж, т. е. какова ее история?

На одни вопросы легко может ответить сама книга, стоит к ней пристально присмотреться, вникнуть в детали и особенности. Другие вопросы требуют дополнительных изысканий, знаний и сравнений с другими манускриптами.

Эта рукописная книга содержит текст Миссала — основной богослужебной книги, предназначенный для литургии христиан-католиков. Она включает в себя календарь, молитвы на христианские праздники в течение всего года, начиная от Пришествия (Advent), включая также молитвы, обращенные к разным святым.

В средневековых книгах, изготовленных на заказ, как правило, на нижнем поле первого листа, рисовали герб будущего владельца книги. В исследуемом нами Миссале герб обнаруживается на многих листах (8, 16, 21, 120, 129об., 131, 132, 139об., 158, 165, 168об., 177об., 188, 198). Он состоит из щита, на котором по диагонали помещена лента с тремя шахматными клетками (синими и золотыми) на трех полосах. Этот герб принадлежал роду Томачелли (Tomacelli), из которого происходил Перин Томачелли, кардинал Неаполя.

2 ноября 1389 года его избрали, а 9 ноября утвердили папой под именем Бонифация IX. Его pontификат продлился 4 года, 10 месяцев и 22 дня, т. е. до 1404 г. Он был первым папой, тиара которого в оригинальных памятниках орнаментировалась тремя коронами. В Миссале на нескольких листах в верхней части рамки-бордюра помещено изображение ключей от собора Св. Петра, которыми владел папа. Из сказанного ясно, что Миссал изготавлялся для папы Бонифация IX. Следовательно, книгу могли начать готовить в конце XIV в. и продолжали в XV в.

Процесс создания средневековой книги достаточно сложен и продолжителен. Выбор пергамена, складывание листов в тетради требовал не только умения, но и знания, как сделать правильно и красиво. Известно, что пергамен, который изготавливали из шкур животных, имеет качественно различные стороны: гладкую и ворсистую (сторона мяса). Старались подобрать листы так, чтобы при развороте книги поверхность листов была одинакова.

Далее наносились наколы для разлиновки (на некоторых листах книги они сохранились), а затем написания и размещения текста. В исследуемой рукописи разлиновка проведена для двух колонок текста свинцовым карандашом. Одновременно определялось место для инициалов, миниатюр и декоративных бордюров.

Следующий этап — переписка текста. Миссал переписан безупречным каллиграфическим готическим письмом, вошедшим в науку о письме, палеографию, под названием «итальянская готика», сочетающая в себе угловатость (излом вертикальных элементов букв), характерную для готического письма с округлостью, присущей итальянскому письму, унаследовавшему ее от античности через «каролингский минускул». Вариант каллиграфического готического письма этого Миссала столь совершенен, что можно принять его за печатный. Буквы слегка вытянуты, имеют одинаковую высоту и идеальную форму, просветы между ними («апроши») одинаковы, расстояния между строчками тоже одинаково. Столбцы текста справа и слева абсолютно ровные, как в печатной книге. Переписчик текста обладал исключительным талантом каллиграфа, создав гармоничное произведение высочайшего искусства письма.

Заголовки Миссала выделены красными буквами. Известно, что в мастерских письма (скрипториях) этой работой занимались другие писцы, называвшиеся «рубрикаторами», т. е. они вписывали красным заголовки (рубрики) после того, как был написан текст черными чернилами. В этом Миссале рубрики выполнены тем же каллиграфом.

При переписке текста писецставил маленькие буквы (репрезентанты) на пустом месте для будущего инициала, а заканчивая переписку одной тетради, на нижней свободной строчкеставил первое слово текста следующей страницы. Это было важно для продолжения работы по переписке текста (в случае, если переписчик останавливал работу) и для следующей подборки тетрадей в блок с соблюдением последовательности текста. Такие «отметки» называются «рекламами» или «кустодами». Традиция надолго сохранилась и в печатных книгах. Всю эту последовательность исполнения рукописи можно было определить, внимательно изучая рукопись.

После окончания переписки начиналось декоративно-художественное оформление книги. Обычно листы с текстом для декорирования передавали декоратору, а главную миниатюру для начала текста исполнял мастер-художник. В данном случае декорирование рукописи осуществлялось тем же писцом. Поскольку работа над художественным оформлением Миссала осталась не завершенной, раскрываются тайны искусства создания книги, и предоставляется возможность реально увидеть последовательность ее художественного оформления, начиная с эскиза и завершая последним живописным мазком.

Все иллюстрации и декор книги первоначально был выполнен карандашом. Это очень четко видно на не раскрашенных листах рукописи. Карандаш проступает сквозь тонкий слой красок в незавершенных частях.

Как правило, в начале Миссала помещали миниатюру во весь лист (обычно) «Распятие Христа» перед текстом «Te igitur». Высокопоставленные заказчики иногда позволяли себе нарушить сложившиеся традиции. В этом Миссале главной миниатюрой должен был стать сюжет: «Христос во славе» перед текстом: «Ad te levavi animam meam deus meus...». В рукописи имеется только эскиз будущей миниатюры (**рис. 2**). Изображение Христа помещено в овал, поддерживаемый ангелами. Христос в одной руке держит книгу, другой благословляет толпу людей, изображенных внизу. Среди них фигура Богоматери и папы Бонифация IX (3 короны на тиаре). Все взоры устремлены на Христа. Сцена обрамлена рамкой из двух витых колонн. В верхней части растительно-геометрической рамки помещено изображение «ключа св. Петра». Пространство полей вокруг рисунка, заполнено пальметкой с гербом и тиарой папы Бонифация IX, ветками и листьями аканта, цветов, птиц, животных, полуфигурки музыкантов, фигур и лиц людей. Эскизный рисунок столь тонок, изящен и точен, что выдает руку талантливого художника. Однако значительная часть книги привлекает яркостью красок, несмотря на свою незавершенность.

В книге имеется 11 миниатюр небольшого размера, помещенных после заголовков над цветными инициалами. Их сюжеты связаны с Евангелием: «Рождество», «св. Стефан», «Причастие св. Стефана», «Избиение младенцев», «Поклонение волхвов», «Вознесение Господне», «Явление св. Духа апостолам», «Новозаветная троица с символами евангелистов», «Христос, причащающий апостолов», «Благовещение», кроме того введено изображение «Папы Римского». Все миниатюры выполнены на золотом фоне, частично раскрашены, но полностью не завершены.

В 124 историзованных инициалах с миниатюрами также воспроизводятся евангельские сюжеты, значительная часть которых связана с Богородицей и чудесами Иисуса Христа. Цветные инициалы выполнены на золотом фоне, украшены листьями аканта и растительным орнаментом, соединенным с бордюром.

В тексте Миссала помещены многочисленные филигранные синекрасные инициалы сложного рисунка высочайшего каллиграфического достоинства. На некоторых листах филигрань от инициала ниспадает между колонками текста на нижнем поле и завершается изящным филигранным рисунком.

На 45 листах все это великолепие обрамлено бордюром, состоящим из нанизанных на вертикаль разноцветных листьев аканта, переплетающихся с фигурками людей, портретами монахов, ангелов, карликов, ваз, птиц, цветов, украшенных золотыми шариками. Тонкость, изящество

рисунка бордюров сочетается с искусственным ярким колоритом, что превращает страницу в праздничный фейерверк.

Во всей художественной отделке рукописи проявляется эклектизм, заимствованный у художников Флоренции, Павии, Сицилии, а также у тех, кто работал на папский двор в Авиньоне. В таком стиле были исполнены другие рукописи, выполненные по заказу папы Бонифация IX. К ним относится Понтификал, хранящийся ныне в Ватикане (Vat.Lat.3747 — [рис. 3](#)). Причина такого эклектизма объясняется происхождением, которое создавалась лично курией понтифика. Вполне возможно, что вся рукопись с иллюстрацией могла быть исполнена представителем «римской школы» писцом-иллюминатором папской канцелярии Стефаном Аквиллой (Stephanus Aquila). Сравнение декора, стиля обеих рукописей не вызывает сомнения, что обе рукописи созданы рукой одного художника. Случайность, вызванная обстоятельствами, и незавершенность этого Миссала дают возможность проследить процесс создания рукописи, раскрывает секреты мастерства и этапы работы художника, превращая чистый лист пергамена в произведение искусства. Тем самым создается возможность увидеть последовательность художественного оформления книги.

Внимательно изучая украшение рукописи, обнаруживаем, что первые листы почти полностью декорированы, последующие раскрашены с разной степенью завершенности. Однако во всех миниатюрах, инициалах и бордюрах от начала до конца Миссала нимбы у святых, фоны инициалов и некоторые части одежд, шарики в бордюрах покрыты золотом. На последних листах живописная часть остается вообще незаконченной. Следовательно, следующим этапом после эскиза было украшение рукописи золотом.

Чтобы создать единство декора по всей рукописной книге художник, пользуясь одним цветом, старался сохранить его на всех листах рукописи. Он сначала наносил цветные пятна на детали декора от начала книги до конца, затем их тонировал, прорисовывая складки или тени, эта техника работы видна по мере изучения Миссала. На первых листах имеются полностью завершенная цветовая часть декора и миниатюр, в то время как в конце рукописной книги некоторые части декора и миниатюр имеют только цветовые пятна, через которые виден карандашный рисунок. При этом (кроме нескольких первых листов Миссала) лица и руки фигурок в декоре и миниатюрах остались незавершенными по всей рукописной книге.

Итак, мы видим, что последовательность работы над иллюстрированием и декорированием этой рукописи осуществлялась таким образом:

эскиз главной миниатюры и наброски всего декора, золочение по всей рукописи¹, затем нанесение красок, тонировка, обработка (иногда нанесение контура), исполнение самой ответственной части работы: лица, руки. Такая последовательность работы в целом характерна для многих художников эпохи Средних веков. То, что создано и сохранилось, вызывает восхищение, как с точки зрения художественно-эстетической, так и сохранности.

Прекрасный общий вид рукописи и великолепная сохранность живописи объясняется не только бережным отношением к ней со времени ее создания, но и натуральной основой красок (растительные и минеральные), натуральными связующими (белок и рыбий клей). Миниатюры и весь декор производят необычное впечатление — словно они только что вышли из-под кисти художника. Отметим, что и материал, из которого сделана книга, натуральный — пергамен (кожа животных).

Проведенный анализ и описание Миссала дали возможность ответить на ряд выше поставленных вопросов. Миссал создавался для папы Бонифация IX, каллиграфом-художником Стефаном Аквиллой, представителем «римской школы» папского двора в конце XI – начале XV в.

Остается ответить на другие вопросы, касающиеся судьбы этой книги и выяснить причины, как незавершенности книги, так и ее исчезновения из папского двора, где осуществлялось ее создание, а также дальнейшее перемещение из Рима в Россию, в Санкт-Петербург.

Время оставляет свои следы на всем. Не исключение и этот Миссал. Благодаря сохранившимся записям, наклейкам на переплете возможно восстановить судьбу книги.

Как отмечено выше, Миссал начали создавать для папы Бонифация IX. Его понтификал начался в тяжелое для церкви время, вошедшее в историю под названием «схизма» (раскол) или «Авиньонское пленение пап» (1378–1400). Накануне и далее велась борьба за власть и земли на Аппенинском полуострове. Предшественник Бонифация IX папа Урбан VI (1378–1389) вел войну со сторонниками антипапы Кlementa VII (1378–1394), засевшими в Замке Св. Ангела. Войска Урбана VI в 1379 г. захватили и разрушили Замок, папа остался в Риме, противники удалились в Авиньон под покровительство французского короля. После смерти Урбана VI, Бонифаций IX занял его место. В начале своей деятельности он прислушался к просьбам римлян и согласился, чтобы городом управляли три выборных

¹ Речь идет о листовом золоте, которым пользовались в большинстве стран Европы. В XIV в. стали использовать тверденное золото для штриховки, а в Италии в XV в. больше пользовались твереным, чем листовым золотом.

гражданских лица, названных «консерваторами», и для них он приказал построить дворец на Капитолии. Однако вскоре Бонифаций IX заставил римлян отказаться от их республиканских прав, подчинил их своей воле. Возмущенные римляне дважды в 1392 г. и в 1394 г. изгоняли его из Рима. Бонифацию IX удалось вернуться к папскому престолу только благодаря неополитанскому королю Владиславу Польскому. Два члена городского Совета братья Натоло и Петруччио Сабо обещали поддерживать папу во всех делах, но при условии, что будет восстановлен Замок Св. Ангела. Бонифаций выполнил обещание, но, не нуждаясь в их поддержке, отрубил им головы. С этого времени он стал обладать полной властью. Кроме того, его поддерживали не только Владислав, но и Германия, Венгрия, Англия и Польша.

В такой обстановке Бонифаций IX начал готовиться к юбилею Рима в 1400 г. Он ввел торговлю церковными должностями, юбилейными индульгенциями, извлекал выгоды для личной казны, отстроил и укрепил Капитолий, заботился об увеличении состава своей библиотеки. Возможно, в этот период подготовки к юбилею Рима осуществлялась работа по созданию Миссала, о котором идет речь. Юбилей Рима был проведен с особой пышностью. Но в 1404 г. Бонифаций IX умер. Миссал остался не оконченным. При его наследнике Иннокентии VII (1404–1406) работа над этой замечательной книгой продолжалась. Об этом свидетельствует небольшая деталь в манускрипте. В эскизном рисунке, помещенном в начале Миссала на нижнем поле, в гербе Бонифация IX стерты основные символы, принадлежащие роду Томачелли. Оставлен лишь щит герба. Повидимому предполагали там поместить герб нового владельца — Иннокентия VII, но не успели. Эта догадка подтверждается записью на итальянском языке (почерком XVII в.), оставленной на обороте верхней крышки переплета. В ней говорится о том, что Миссал принадлежал Иннокентию VII. За два года своего pontifikата римский папа не смог справиться с восставшим народом, который рушил здания, строил баррикады, защищаясь, продолжал сопротивляться. В Курии начались беспорядки. Известно, что во время беспорядков были украшены документы папского архива и часть книг из библиотеки. Именно в это время был украден Миссал Бонифация IX — Иннокентия VII.

Первым владельцем этой книги, безусловно, был человек того времени, знающий ценность, хотя и незавершенной книги. Отдельные тетради были сшиты вместе и переплетены с деревянными крышками, обтянутыми коричневой кожей. Рисунок тиснения переплета типичен для работы итальянских мастеров. Следовательно, книга находилась

в Италии. В XVII и XVIII вв. Миссал продолжал оставаться там же. Об этом свидетельствует запись, сохранившаяся на обороте крышки переплета, в которой сказано: «Этот Миссал принадлежал папе Иннокентию седьмому из Салерно. Его мне дал Сант-Агостино из здешних мест, где он хранился в обмен на три нотных Миссала для ризницы, так и договорились» (рис. 4).

В XIX в. Миссал Бонифация-Иннокентия появляется в антикварном магазине, что подтверждается наклеенной на обороте крышки переплета вырезки из антикварного каталога на французском языке.

О дальнейшей судьбе рукописной книги можно судить по нескольким записям на обороте верхней крышки переплета: «Библиотека Ц.Р.У.Б.Ш.», что свидетельствует о принадлежности книги собранию Музея Центрального училища технического рисования барона Ф. Л. Штиглица (1814–1884). Вполне вероятно, что этот Миссал приобрел сам барон Штиглиц. После его смерти Миссал поступил в Императорский Эрмитаж, о чем свидетельствует запись на переплете: «№ 4971» и запись 9/IX 1891 г. в инвентаре книг Иностранной библиотеки Эрмитажа (№207-2-4971). В 1934 г. книга была передана в Отдел графики, преобразованный в Сектор рисунков Отдела Западноевропейской живописи Государственного Эрмитажа.

Как видим, весьма интересная история этой книги, начавшись в конце XIV — начале XV в., продолжалась в течение нескольких веков. О ней рассказывает сама книга. Еще более интересно и значимо ее художественная сторона. Она не только позволяет восхищаться безупречной каллиграфией готического письма, декоративным убором на каждом листе, тонкостью эскизных рисунков, но и раскрывает тайны создания выдающегося шедевра книжного искусства.

Информация о статье:

Автор: Киселева Людмила Ильинична, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки, член Международного Комитета латинской палеографии, e-mail: Kiseleva_Ludmila@hotmail.com.

Заголовок: Незавершенная рукописная книга.

Резюме: В статье анализируется рукописная книга Миссал, хранящаяся в Государственном Эрмитаже (ГЭ. ОРп23): определяется время, место создания и дальнейшая ее судьба. Изображение герба на некоторых листах книги устанавливает владельца, для которого создавался Миссал (Папа Бонифаций IX), а также дату — время pontifikата (1389–1404). Незавершенность выражена в разной степени создания художественно-декоративного оформления книги. Главная иллюстрация к Миссалу представлена лишь эскизом. Стертый рисунок на щите

герба свидетельствует о перемене владельца. На некоторых листах живописное оформление (инициалы с миниатюрами, бордюры) выполнены полностью, что позволяет сравнить с живописным оформлением Понтификала, хранящегося в Ватикане (Vat.Lat 3747), и предположить, что Миссал (ГЭ. ОРр23) выполнен также представителем «римской школы» Стефаном Аквилой (Stephanus Aquila). Незавершенность работы позволила проследить процесс создания рукописной книги, этапы работы художника (эскиз, накладное золото, краски, тонировка). Сложная историческая обстановка в Риме в начале XV в., беспорядки в Курии дают основание автору предположить, что именно тогда одновременно с кражей архива Курии был украден Миссал. Владелец XV в. поместил рукопись в переплет. В 19 в. Миссал был куплен в антикварном магазине для барона Ф. Л. Штиглица, в 1891 г. приобретен Эрмитажем.

Ключевые слова: рукопись, украшение, оформление, изучение оформления, история книги.

Information about the article:

Author: Kiseleva Ludmila Il'inichna, PhD (in History), Doctor of History, the main scientific associate of Manuscript Department at Russian State Library (Saint-Petersburg), committeeman of International Committee of Latin Paleography. Kiseleva_Ludmila@hotmail.com.

Title: Unfinished manuscript book.

Summary: The present paper deals with an manuscript book of Missal, keeping in State Hermitage (inventory number in Russian abbreviations — ГЭ. ОРр23): the date, place and further fate of this monument are defined. The picture of Emblem (arms) on some of the book's folios permit to identify the person of owner, for whom this Missal was compiled (it was Pope Boniface IX), and the date of his pontificate. Incomplete character of this book is expressed in different degrees of decorative design's making. The main picture to Missal is presented only by sketch. Effaced picture on the shield of the Emblem witnesses on the owner's change. The painting design is complete on certain folios (that are initials with miniatures, borders), that permit to compare it with the design of Pontifical, kept in Vatican (Vat. Lat. 3747), and to suppose that Missal (ГЭ. ОРр23) also is accomplished by the representative of so-called «Roman school» Stephanus Aquila. Incomplete of this work let to trace the process of making the present manuscript book, the stages of painter's work (sketch, imposed gold, colors, tones). The hard circumstances in early XVth Rome and the disturbances at the Pope's court gave the author valid arguments for assumption, that just in those time Missal was stole simultaneously with the Court Archive's rapture. The XVth-century owner placed an manuscript in hardcover. In XIX c. Missal was bought in Antiquarian shop for Baron F. L. Schtiegartz, and finally in 1891 this manuscript was acquired by State Hermitage.

Key words: manuscript, illumination, decoration, study of decoration, history of book.

Иллюстрации к статье:

Рис. 1. Миссал (ГЭ, ОРр 23, Рождество)

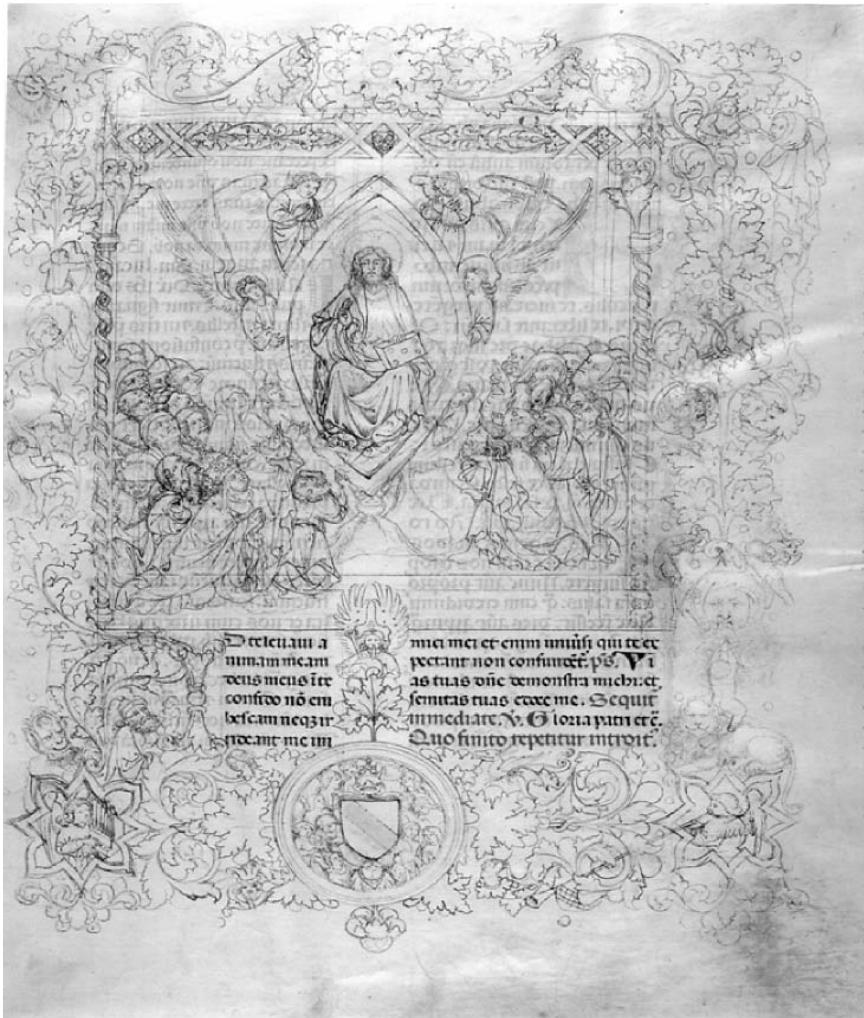

Рис. 2. Миссал (ГЭ, ОРп 23, Христос во славе)

Рис. 3. Понтификал
(Ватикан, Vat.Lat. 3747, Историзованный инициал)

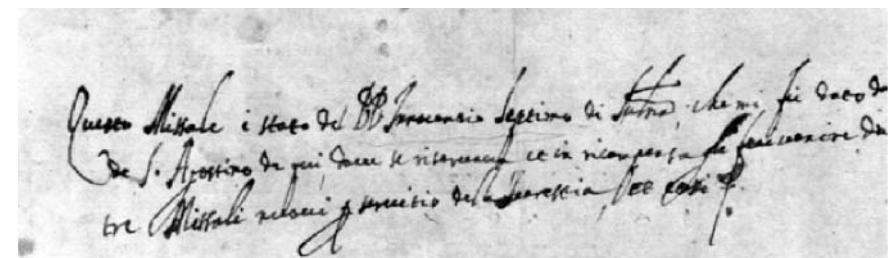

Рис. 4. Владельческая запись на переплете

И. Х. Черняк

РЕЧЬ М. А. ГУКОВСКОГО ПРИ ВРУЧЕНИИ ДИПЛОМА ЛАУРЕАТА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРЕМИИ

1 февраля 1968 году книга М. А. Гуковского «Леонардо да Винчи. Творческая биография» (2-е изд., Л.-М., 1967) была отмечена присуждением автору первой премии за лучшую научную работу по университету. По традиции вручение дипломов лауреатам проходило в марте. Свое выступление на торжественном акте Матвей Александрович подготовил заранее. Текст его сохранился в двух редакциях. Первая, дошедшая в рукописном виде, датируется 19 марта 1968 г., отличается большей свободой изложения и независимостью суждений. Вторая, датированная 23 марта 1968 г., была произнесена во время торжественного акта. Сохранились как черновой, рукописный, так и беловой, машинописный, ее варианты¹. Поскольку редакции во многом различны, было принято решение опубликовать их полностью. В текст внесены некоторые исправления. Во-первых, устраниены явные описки, во-вторых, раскрыты некоторые сокращения, которые были вызваны тем, что текст был предназначен для чтения. В публикации второй редакции отмечены некоторые расхождения рукописного и машинописного текстов.

И. Х. Черняк

¹ Тексты были скопированы мной с любезного разрешения А. С. Кантор-Гуковской. В настоящее время рукопись первой редакции хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН; обе рукописи второй редакции поступили в архив Государственно-го Эрмитажа. Оба фонда находятся в стадии обработки.

© И. Х. Черняк, 2014

М. А. Гуковский

Моя премия

Первая редакция

Леонардо да Винчи я стал заниматься давно, еще в предпоследнем классе гимназии. Решающим поворотом была для меня книга Уолтера Патера — «Ренессанс», которую я тогда прочел². Она разбудила мою мысль и заставила прочесть еще больше книг, посвященных великому флорентинцу. Между прочим, я прочел книгу А. Л. Волынского³, которого я, как великого знатока многих вещей и моего учителя (правда несколько позже), я очень уважал и даже любил, но с книгой его о Леонардо да Винчи я согласен не был, даже больше, книга эта вызвала мой решительный протест и страстное желание написать книгу на ту же тему, но рисующую действительную, исторически реальную гигантскую фигуру этого замечательного художника, инженера и ученого.

Я носился тогда с довольно утопическим замыслом — узнать и понять всех людей Итальянского Возрождения, а для этого совершенно необходимо было понять творчество и жизнь Леонардо да Винчи.

² Патер, Уолтер (Pater Walter, в ряде современных работ наметилась тенденция транскрибировать его фамилию как Пейтер, 1839–1894) — английский историк искусства и литератор, тесно связанный с эстетикой прерафаэлитов, но усвоивший ряд идей немецкой идеалистической философии. Профессор Оксфордского университета. Для его работ характерен метод художественно-критического эссеизма, с позиций которого он рассматривал искусство прошлого как художественный критик. Оказал влияние на Б. Бернсона и П. П. Муратова. В то же время У. Патер весьма критически относился к попыткам медиевизировать культуру Возрождения, что было свойственно Дж. Рескину и, следуя авторитету И. Винкельмана, подчеркивал связь ренессансного искусства с античной традицией. Здесь имеется в виду книга: *Патер, Уолтер. Ренессанс. Очерки искусства и поэзии*. М., 1912, в которой отдельный очерк посвящен Леонардо да Винчи, см. с. 77–101.

³ Волынский Аким Львович (наст. имя и фамилия Хаим Лейбович Флексер; 1861–1926) историк философии и искусства, литературный и балетный критик. Автор книги «Леонардо да Винчи» (СПб., 1900; 2-е изд., Киев, 1909) и составитель сборника статей «Леонардо да Винчи» (Санкт-Петербург, 1922), в который вошла глава «Леонардо» из книги: *Berenson B. The study and criticism of Italian Art. London, 1916* и две статьи самого А. Л. Волынского: ««Вакх» и «Иоанн Креститель»» и «Мадонна Бенуя». О высокой оценке А. Л. Волынского как исследователя творчества Леонардо да Винчи свидетельствует тот факт, что в 1908 г. он был избран почетным гражданином Милана, а в библиотеке Леонардо, куда он передал свою коллекцию материалов о художнике, одному из залов присвоено его имя. Несмотря на неприятие ряда положений концепции А. Л. Волынского, М. А. Гуковский всегда уважительно отзывался о нем как знатоке творчества Леонардо, а также очень высоко оценивал его работу «Книга ликований. Азбука классического танца» (Л., 1925; переизд. М., 1992). В своих рассказах М. А. Гуковский подчеркивал аскетизм быта А. Л. Волынского, в частности, всегда вспоминал, что он легко довольствовался дневным рационом, состоявшим из трех печеньих картофелин.

Следующим толчком было знакомство, а затем и дружба с замечательным ученым и не менее замечательным знатоком творчества Леонардо да Винчи С. И. Вавиловым⁴. Именно он, во время, когда история не существовала, как таковая, посоветовал мне заняться для начала механикой Леонардо да Винчи. А. Н. Крылов⁵, в семинаре которого по теоретической

⁴ Вавилов, Сергей Иванович (1891–1951) — физик, основатель отечественной научной школы физической оптики, академик (1932), президент АНССР (с 1945 г.). В сферу научных интересов С. И. Вавилова входила и история науки (его именем назван Институт истории естествознания и техники), а важнейшими трудами в этой области являются книги «Ломоносов и русская наука» (2-е изд., М., 1947) и Исаак Ньютон (2-е изд., М.-Л., 1945). Огромное впечатление на него произвела поездка в Италию в 1912 г., от которой сохранились дневники, снабженные многочисленными зарисовками памятников архитектуры. Владение итальянским языком позволяло ему на протяжении всей жизни пополнять свои познания в различных областях итальянской истории и культуры. Это видно по сохранившемуся списку книг, прочитанных в 1950 г., в котором упомянуто девять книг, связанных с итальянской тематикой, посвященных Джорджоне и Содоме, Галилею и Кардано, Палаццо Веккьо и венецианскому процессу Бруни. В дневниковой записи от 27 апреля 1947 г. С. И. Вавилов пишет: «Читаю вторую книгу о Леонардо за последние дни. Стародавняя мечта, которой лет 35 от роду, написать книгу о нем. Страннее, тональше, глубже иозвучнее образа в истории не знаю. Когда-то мальчишкой наткнулся (по-видимому, через Мережковского) и с тех пор узнаю о нем больше и больше. Знания, искусство, глубина — все обращенное внутрь — не для других. Для других устройство фестивалей, крепостей. Отсутствие желания кончить что-либо. Загадочные улыбки и поднятые руки “Que sais-je?”». (Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. Кн. 2. М., 2012. С. 308). С. И. Вавилов проявлял постоянный интерес к работе М.А.Гуковского и был, наряду с Е. В. Тарле и О. Л. Вайнштейном оппонентом на защите докторской диссертации «Механика Леонардо да Винчи». Правда, служебные дела помешали ему присутствовать на заседании, но был прочитан его отзыв (сообщено Б. С. Кагановичем). В предисловии к изданию диссертации в 1948 г. М. А. Гуковский пишет: «Осуществление книги потребовало большого количества справок и консультаций, привлечения малодоступных изданий. И то и другое могло быть осуществлено только благодаря помощи ряда лиц и учреждений. Так, академик С. И. Вавилов и покойный академик А. Н. Крылов постоянно помогали автору весьма ценными советами, академик С. И. Вавилов взял на себя большой труд по редактированию книги и передал автору несколько ценных изданий, необходимых для ее окончания» (Гуковский М. А. Механика Леонардо да Винчи. М.-Л., 1947. С. 8–9). По рассказам М. А. Гуковского, среди переданных изданий была книга: *Beltrami L. Documenti e memorie riguardanti la vita e le opere di Leonardo da Vinci*. Milano, 1919. Она вышланичтожнымтиражом и уже в 1930-х гг. была редкостью. Матвей Александрович говорил, что Сергей Иванович, находясь в научной командировке, купил ее на аукционе в Милане. Эта покупка упоминается в записи от 27 июня 1935 г. (Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951. Кн. 2. С. 43).

⁵ Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) — кораблестроитель, механик и математик. Академик Санкт-Петербургской Академии наук (с 1916 г.). В сферу его научных интересов входила и история науки. Важнейшим его достижением на этом поприще был перевод «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона, опубликованный в «Известиях Морской академии» в 1915–16 гг. (Переиздано: Крылов А. Н. Собрание трудов. Т. 7. М.-Л., 1936). По его собственному признанию, он взялся за него, дабы отвлечься от работы в Морском техническом комитете, которая требовала рассмотрения 45 000 входящих документов в год. (Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 192–193). Работы

механике я тогда, в самом начале 30-х годов, участвовал, поддержал этот совет, согласно которому я и написал свою первую большую работу — «Механику Леонардо да Винчи», которая позже, в 1939 г. явилась и моей докторской диссертацией.

Наконец, третьим и последним толчком в изучении жизни и творчества Леонардо да Винчи явились труды замечательного ученого, не нашедшего признания у себя на родине и потому уехавшего в США, где он такое применение легко нашел, став профессором Университета в Лос-Анджелесе, Карло Педретти⁶. Труды Педретти не только были интересны

А. Н. Крылова, посвященные наследию Ньютона, собраны в сборнике: Ньютон и его значение в мировой науке. 1643–1943. М.-Л., 1943. Помимо этого, А. Н. Крылов переводил труды Л. Эйлера и К. Ф. Гаусса, а также посвятил ряд статей наследию Л. Эйлера, Ж. Л. Лагранжа, П. Л. Чебышева и др. По рассказам Матвея Александровича, через некоторое время, после возвращения из эвакуации он объявил курс «Техника в эпоху Возрождения». На занятия несколько раз приходил и А. Н. Крылов, появление которого часто задерживало начало лекции, поскольку академик, усевшись на кафедральный диван, начинал рассказывать анекдоты, часто довольно рискованного содержания.

⁶ Педретти, Карло (Pedretti Carlo, 1928) итальянский историк, с 1959 г. живет в США, где читал лекции по истории искусства в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. С 1985 г. профессор кафедры по изучению творчества Леонардо да Винчи, того же университета и руководитель Хаммеровского центра Винчанских исследований, который, помимо американского, имеет свое отделение в Урбино. К. Педретти уже многие годы считается крупнейшим из ныне здравствующих исследователей жизни и творчества Леонардо да Винчи. В настоящее время, будучи почетным профессором, продолжает научную и литературную деятельность в учрежденном им фонде, реализующем программу сотрудничества с университетами Италии и других стран. В 1968–1969 гг. он подготовил, совместно с К. Кларком, трехтомный каталог рисунков Леонардо из Виндзорского замка, в 1979–1980 за них последовало двухтомное издание «Атлантический кодекс после реставрации», а в 1987 г. во Флоренции вышло монументальное издание «Кодекс Хаммера». Будучи членом комиссии по подготовке Национального издания рукописей и рисунков Леонардо да Винчи, К. Педретти подготовил серию факсимильных изданий рисунков Леонардо из коллекций Уффици (1984), Турин (1990), американских собраний (1993) и Венеции (2003). При его участии вышли тома, воспроизводящие Ватиканский кодекс «Трактата о живописи» (1950) и Кодекс Арунделя из Британского музея (1998). К. Педретти регулярно публикует статьи по вопросам культуры в Коррьеरе делла Сера и Оссерваторе Романо. Он удостоен почетных степеней университетов Феррари, Урбино, Милана и французского города Кан, а также высших государственных наград Италии и США. 24 апреля 2008 года ему было присвоено звание почетного гражданина города Винчи. Наиболее часто, из многочисленных трудов К. Педретти, М. А. Гуковский ссылался на следующие его работы: *Pedretti C. 1) Documenti e memorie, riguardanti Leonardo da Vinci a Bologna e Emilia. Bologna, 1953; 2) Studii Vinciani. Genève, 1957*(Хвалебные отзывы об этой работе см в: Гуковский М. А. Пять лет после юбилея. (Из зарубежной литературы о Леонардо да Винчи за 1952–57 гг. // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2. С. 105–106); 3) *Leonardo da Vinci. Fragments at Windsor Castle from the Codex Atlanticus*. London, 1957; 4) *Note sulla cronologia del «Trattato della Pittura» di Leonardo // L'Arte. N.S. Vol. 24. 1959; 5) Uno Studio per la Gioconda // L'Arte. N.S. Vol. 24. 1959; 6) A chronology of Leonardo da Vinci's architectural studies after 1500. Genève, 1962; 7) *Leonardo da Vinci on painting. A lost book (Libro A)*. Berkeley — Los Angeles, 1964).*

сами по себе, выдвинули его на свободное место лучшего леонардиста в мире, но и показали, что надо изучать заново Леонардо да Винчи, так как многое из того, что добыла старая наука либо безнадежно устарело, либо было вообще ошибочным.

В результате первых двух толчков, я, посвятивший вообще всю свою жизнь изучению итальянского Возрождения, особый упор сделал на жизни и творчестве Леонардо да Винчи, результатом чего явилась не только названная выше книга и ряд в значительной степени дополнявших ее статей, но и первое издание книги о Великом Винчианце⁷, которое последний толчок сделал в значительной степени или ошибочной или не совсем точной.

Тогда и созрела идея второго издания общей книги о Леонардо да Винчи, идея, которая нашла свое осуществление только в 1965–1967 годах. В первом издании, которое увидело свет в 1958 г. по условиям того времени не было ученых примечаний и не было ссылок на рукописи Леонардо, во втором издании, вышедшем в свет в 1967 г. все это было.

Несмотря на это, а может быть именно благодаря этому, второе издание общей книги о Леонардо да Винчи имело исключительный успех и, хотя рецензий на русском языке в то время еще не было, издание было распродано в течение нескольких дней, оно читалось и получило положительную оценку, кульминацией которой было присуждение книге первой премии Ленинградского государственного университета, одной из самых значительных премий в нашей стране.

Нечего и говорить, что хотя присуждение первой премии Ленинградского университета я приписываю скорее качествам героя этой книги, чем моим личным заслугам, все же присуждение этой премии доставило мне громадное удовольствие, о котором лучше не говорить.

19.III.68 М. Гуковский

Моя премия

Леонардо да Винчи я начал изучать почти шестьдесят лет тому назад. Еще гимназистом я носился с неосуществимой идеей — познакомиться как с современниками со всеми людьми итальянского Возрождения, а это натолкнуло, и не могло не натолкнуть меня на фигуру и творчество, такое разнообразное, Леонардо да Винчи.

После многих лет^{*} я встретился с одним из лучших знатоков жизни и творчества великого Винчианца — академиком Сергеем Вавиловым, который и посоветовал мне заняться очень мало изученным творчеством

⁷ Гуковский М. А. Леонардо да Винчи. Творческая биография. Л.-М., 1958.

Леонардо в области теоретической механики. Этот совет я принял, а осуществление его свело меня с академиком Алексеем Крыловым, с которым еще раньше сталкивались другие занятия. Именно в процессе создания** своей первой книги о Леонардо «Механики Леонардо да Винчи», увидевшей свет в 1947 г., я, естественно, столкнулся со многими книгами, написанными раньше меня, а также должен был изучить литературное наследие Леонардо, насчитывающее многие тысячи страниц. Это изучение заставило меня часы и часы проводить за зеркалом, так как Леонардо, как известно, писал справа налево, т. е. обратно к обычному порядку.

В освоении книг и наследия Леонардо усиленно мне помогали зарубежные специалисты, в частности итальянцы, профессор Бьянки Бандинелли⁸, Лупорини⁹, и ныне покойные Дженгаро¹⁰ и

⁸ Бьянки-Бандинелли, Рануччо (Bianchi Bandinelli, Ranuccio. 1900–1975) — итальянский археолог, историк искусства и общественный деятель. Родился в старинной сиенской аристократической семье. Его ранние исследования были посвящены этрусской древности, археологические памятники которой — Клузиум и Совано, находились вблизи его семейных владений. Во время Второй мировой войны участвовал в итальянском Движении сопротивления, в 1944 г. вступил в Итальянскую коммунистическую партию, а с 1956 г. входил в ее Центральный комитет. После войны был генеральным директором древностей и изящных искусств министерства народного просвещения Италии (1945–1948). Член Академии Дei Линчей (с 1947) и иностранный член Академии наук СССР (с 1958). В 1950-х и 1960-х гг. написал работы об искусстве античности, завоевавшие широкую популярность. Вел активную общественную деятельность, был членом бюро президиума общества «Италия — СССР». Возможно, этим и было предопределено его знакомство с М.А.Гуковским, некоторое время бывшим вице-президентом общества. Во время визита Р.Бьянки-Бандинелли в Россию, М. А. Гуковский принимал его у себя дома.

⁹ Лупорини, Чезаре (Luporini Cesare, 1909–1993) — итальянский философ, литературный критик и политический деятель. Учился во Флоренции, а в начале 30-х гг. изучал философию в Германии, в частности слушал лекции М. Хайдегера во Фрейбурге, и Н. Гартмана в Берлине. Затем отошел от экзистенциализма и перешел на позиции марксизма и вступил в Итальянскую коммунистическую партию, от которой избирался в Сенат. Один из основателей общественно-политических журналов «Il Contemporaneo», «Rinascita», «Critica marxista». На рубеже 1989 и 1990 годов выступал против курса нового руководства коммунистической партии, возглавлявшегося Акиле Оккето. Автор книг: *Luporini C. 1) Filosofi vecchi e nuovi. Firenze, 1947; 2) La mente di Leonardo. Firenze, 1953.* (Доброжелательный отзыв об этой работе см. в: Гуковский М. А. Пять лет после юбилея. С. 100–102); 3) *Spazio e materia in Kant, Firenze, 1961; Leopardi progressive. Roma, 1980.*

¹⁰ Дженгаро, Мария Луиза (Gengaro, Maria Luisa, 1907–1985) — историк искусства и художественный критик. Преподавала историю искусствознания в Институте истории искусства Миланского университета (с 1937 по 1957 г.). Во время Второй мировой войны много сделала для спасения архитектурных памятников Милана. В 1957 г., разочаровавшись в преподавании, ушла из университета и в течение многих лет преподавала историю искусства в Миланских лицеях. Возможно, этот факт породил у Матвея Александровича неверное представление об ее уходе из жизни. Наследие М. Л. Дженгаро обширно. Ее перу принадлежат работы по истории искусства, эстетических идей и теории искусства в эпоху Возрождения (*Gengaro V.-L.: 1) Leon Battista Alberti teorico e architetto del Rinascimento.*

Неббия¹¹, француз г-н Корбо¹², американка г-жа Стейниц¹³ и многие другие. Но особенное впечатление и особенное влияние на меня произвели

Milano, 1939; 2) Umanesimo e Rinascimento. Con la collaborazione di Paolo d'Ancona. Torino, 1953 и др.), всеобщей истории искусства и художественной критики, а также проблемам современного итальянского и европейского искусства. М. Л. Дженгаро участвовала в написании различных коллективных трудов. Непосредственно Леонардо да Винчи посвящены главы в ее работе: Orietamenti della critica d'arte nel Rinascimento cinquecentesco. Milano, 1941.

¹¹ Неббия, Уго (Nebbia, Ugo. 1882–1965) — итальянский искусствовед и художественный критик. Накануне Первой мировой войны был инспектором музеев Ломбардии. Автор многочисленных трудов по истории итальянского и европейского искусства XIX–XX вв. В частности, в 1909 г. он помог выставить свои работы в Италии молодому скульптору из России С. Д. Эрьзе. Многие работы У. Неббии посвящены истории Милана и его архитектурных памятников. Nebbia U.: 1) La Scultura nel duomo di Milano. Milano, 1908; 2) La Casa degli Omenoni in Milano. Milano, 1963. К 500-летию со дня рождения Леонардо вышла его книга: Leonardo da Vinci. Novara, 1952.

¹² Корбо, Андре (Corbeau, André 1898–1971) — французский исследователь и издатель рукописного наследия Леонардо да Винчи. Основные его работы посвящены изучению и изданию рукописей, хранящихся в Институте Франции в Париже. Кроме того, он принял участие в исследовании обнаруженных в 1966 г. в Национальной библиотеке в Мадриде двух кодексов Леонардо и в 1968 г. издал их историческое и критическое описание. За свои работы А. Корбо трижды был награжден французскими премиями, последней, присужденной Французской академией в 1974 г., посмертно. В октябре 1971 г. А. Корбо зашел университету в Кане свою библиотеку, состоявшую из факсимильных изданий рукописей Леонардо, изданий его трактатов и исследований его жизни и творчества. В Библиотеке М. А. Гуковского хранились следующие работы А. Корбо: Corbeau A.: 1) Dessins et manuscrits de Léonard de Vinci, Ambrosiana, musées de France, galeries d'Italie / Catalogue par André Corbeau. Esquisse sur les dessins du magicien, par Fred Bére. Les Dessins de Léonard, par Giorgio Nicodemi. Paris, 1956. (Musée Jacquemart-André); 2) Leonard de Vinci. Manuscrit B de l'Institut de France / Trad. Française de Francis Authier. Transcriptions du Dr. Ing. Nando de Toni. Intr. d'André Corbeau. [T. 1–2] Grenoble: Roissard, [1960]; 3) Leonard de Vinci. Manuscrit C et Manuscrit D de l'Institut de France. Pt. 1–3. Grenoble: Roissard, [1964]; 4) Les manuscrits de Leionard de Vinci: Examen critique et historique de leurs eilements externes. Pt. I. Les manuscrits de Leionard de Vinci de la Bibliothèque nationale de Madrid: Description critique et histoire. Pt. II. Caen, Centre régional de documentation pédagogique de Caen, 1968.

¹³ Стейниц-Трамэн Кейт (Steinitz-Truman, Kate, собственно Кэтэ Трауман Штайниц (Käte, или Käthe Traumann-Steiniz, 1889–1975)) родилась в городе Байтен (Beuthen) в Верхней Силезии (ныне Бытом, Польша), училась в Берлине, где посещала рисовальные классы, а затем училась в Женской школе живописи у Ловиса Коринта. В послевоенные годы ее картины и фотографии стали экспонироваться в Ганновере и в других городах, включая Нью-Йорк. Вместе с ганноверским дадаистом Куртом Швиттерсом она написала и проиллюстрировала детскую книгу «Волшебные сказки рая». Довольно быстро, благодаря этой публикации, оба художника основали издательство. После прихода Гитлера к власти и издания Нюрнбергских законов, К. Стейниц и ее муж Эрнст Штайниц были вынуждены покинуть Германию, и эмигрировали в США, где она работала внештатным журналистом и газетным графиком в различных периодических изданиях. Став в 1945 г. американской гражданкой, она переехала в Лос-Анджелес, где получила место в Библиотеке Леонардо да Винчи доктора Элмера Белта. Как-то она призналась, что стала специалистом по творчеству Леонардо, поскольку не была «испорчена каким-либо “формальным образованием”». В последние годы ей удалось расширить библиотеку, ставшую мировым

работы итальянского ученого, к сожалению не нашедшего признания*** у себя на родине и теперь являющегося профессором Калифорнийского университета — Карло Педретти. Его труды, целиком посвященные Леонардо да Винчи, не только внесли много нового в наши представления о творчестве великого Винчианца, но и побудили меня подумать о создании новой общей книги о Леонардо, которая включала все новое, что было о нем сказано за последние годы и сделало бы ненужным всю старую и изрядно уже устаревшую литературу.

В результате этого и было создано новое издание книги о Леонардо да Винчи, вышедшее в 1958 году и заслужившее самые лестные отзывы в Италии, хотя издание это, как было правилом в это**** время, было лишено научного аппарата и содержало положения мало принятые и устаревшие теперь. Второе издание этой книги, удостоенное первой премии Ленинградского университета, увидело свет в 1967 г. Значительная часть иллюстраций этой книги была прислана из Италии, оттуда же происходит и часть литературы использованной в книге. Особенностью ее является то, что, рассматривая всю жизнь и все творчество Леонардо да Винчи, она учитывает все, чем он занимался, т. е. живопись, скульптуру, архитектуру, науку и технику, причем исследует все это в неразрывной связи с перипетиями его жизни, жизни гения, которым он, несомненно, был.

Проф. М. А. Гуковский
Ленинград, 23 марта 1968 г.

Варианты

* В черновой рукописи: «После многих лет индивидуальных занятий...».

** В беловой рукописи это слово пропущено.

*** В черновой рукописи «применения».

**** В черновой рукописи «в то время».

Информация о статье:

Автор: Черняк, Илья Хацкелевич, кандидат исторических наук, заведующий редакционно-издательским отделом Государственного музея истории религии. ilchernjak@gmail.com

Заголовок: Речь М. А. Гуковского при вручении диплома лауреата университетской премии

собранием Леонардовских материалов и издать ее каталог. Как исследователь К. Стейниц сосредоточила свои интересы на изучении «Трактата о живописи» и рукописного наследия Леонардо. См.: Steinitz-Truman K.: 1) Manuscripts of Leonardo da Vinci: Their History, with a Description of the Manuscript Editions in Facsimile. Los Angeles, 1948 (Elmer Belt Library of Vinciana); 2) Leonardo da Vinci's Trattato della Pittura. Treatise on Painting: A Bibliography of the Printed Edition, 1651–1956. Copenhagen, 1958.

Резюме: 1 февраля 1968 года М. А. Гуковскому была присуждена первая университетская премия за книгу «Леонардо да Винчи. Творческая биография» (Л.-М., 1967). В речи, произнесенной при вручении диплома, М. А. Гуковский дает краткий обзор своих исследований жизни и творчества Леонардо да Винчи. Его интерес к биографии и личности Леонардо определило чтение книги английского историка искусств У. Патера «Ренессанс. Очерки искусства и поэзии» (М., 1912) и знаменитого художественного критика А. Л. Волынского «Леонардо да Винчи» (Киев, 1909). Особо М. А. Гуковский отмечает ту поддержку и помощь, которую оказали ему академики С. И. Вавилов и А. Н. Крылов. Именно они посоветовали ему заняться изучением механики Леонардо да Винчи. Результатом этих исследований стала монография «Механика Леонардо да Винчи» (М.-Л., 1947). В дальнейшем М. А. Гуковский обратился к изучению не только научного, но и художественного наследия Леонардо, что и позволило ему написать книгу «Леонардо да Винчи. Творческая биография» (Л.-М., 1958), второе, переработанное издание которой и было удостоено университетской премии. Выражая благодарность зарубежным коллегам за помощь, оказанную при подготовке этой работы, он отмечал особое влияние, оказанное на его исследование работами Карло Педретти. Важнейшим достоинством книги является то, что, рассматривая жизнь и все творчество Леонардо да Винчи, она учитывает все сферы его деятельности, т. е. живопись, скульптуру, архитектуру, науку и технику, причем исследует все это в неразрывной связи с перипетиями его жизни, проходившей на фоне сложной и противоречивой истории ренессансной Италии конца XV – начала XVI в. Публикация речи включает ее черновую редакцию и окончательный текст.

Ключевые слова: М. А. Гуковский, Леонардо да Винчи, Карло Педретти.

Список литературы:

- Волынский, Аким Львович. Леонардо да Винчи. Киев: Изд-во Книжного магазина В. А. Просянченко, 1909. XIII, 498 с.
- Гуковский, Матвей Александрович. Механика Леонардо да Винчи. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 816 с.
- Гуковский, Матвей Александрович. Леонардо да Винчи: Творческая биография. Л.-М.: Изд-во «Искусство», 1958. 171 с.
- Гуковский, Матвей Александрович. Пять лет после юбилея. (Из зарубежной литературы о Леонардо да Винчи за 1952–57 гг.) // Вестник истории мировой культуры. 1958, № 2. С. 99–111.
- Гуковский, Матвей Александрович. Леонардо да Винчи: Творческая биография». Л.-М.: Изд-во «Искусство», 1967. 179 с.
- Патер, Вальтер. Ренессанс: Очерки искусства и поэзии. М.: Изд-во «Проблемы эстетики» [1912]. X, 195 с.

Information about the article:

Author: Cherniak, Il'ia Khatskelevich, Ph.D (History), Russia, St. Petersburg, the State Museum of the History of Religion, Head of the Publishing Department. ilchernjak@gmail.com

Title: M. A. Gukovskiy's speech at the awarding of the diploma of the laureate of the first University prize

Summary: February 1, 1968 M. A. Gukovskiy was awarded the first prize of the University for his Book: *Leonardo da Vinci. The creative biography.* "(Leningrad — Moscow, 1967. In a speech at graduation, M.A.Gukovskiy gives an overview of his research of the life and work of Leonardo da Vinci. His interest in biography and personality of Leonardo was determined by studing book of English art historian Walter Pater *The Renaissance. Studies in Art and Poetry.* Moscow, 1912 and also the book of famous art critic A.L.Volynskiy *Leonardo da Vinci.* Kiev, 1909. Especially M.A.Gukovskiy notes the support and assistance provided by him academicians S. I. Vavilov and A.N. Krylov. They encouraged him to study the mechanics of Leonardo da Vinci. The result of these studies was the monograph «Mechanics of Leonardo da Vinci. Further M.A.Gukovskiy turned to the study not only of scientific, but also the artistic heritage of Leonardo, and that allowed him to write a book *Leonardo da Vinci. Creative biography.* Leningrad — Moscow, 1958, the second, revised edition of which was awarded the University prize. Expressing thanks to the foreign colleagues for their assistance in the preparation of this work, he noted a special influence, exerted on his research by the works of Carlo Pedretti. The major advantage of the book is that while concentrating on the study of life and the works of Leonardo da Vinci, it covers all the spheres of Leonardo activity, i.e. painting, sculpture, architecture, science and technology, and explores all of this in close connection with the contradictory history of Renaissance Italy of the late XV – early XVI centuries. The publication includes first draft and the final text of the speech.

Key words: M. A. Gukovskiy, Leonardo da Vinci, Carlo Pedretti.

Reference:

- Volynskiy, Akim Lvovich. Leonardo da Vinci. Kiev: Isd-vo Knizhnogo magazina V. A. Prosyannichenko, 1909. XIII, 498 s.
- Gukovskiy, Matvey Aleksandrovich. Mekhanika Leonardo da Vinci. M.-L, Isd-vo ANSSSR, 1947. 816 s.
- Gukovskiy, Matvey Aleksandrovich. Leonardo da Vinci: Tvorcheskaya biografiya. L.-M.: Isd-vo "Iskusstvo", 1958. 171 s.
- Gukovskiy, Matvey Aleksandrovich. Pyat' let posle yubileya. (Iz zarubezhnoi literatury o Leonardo da Vinci za 1952–57 gg.). In: Vestnik istorii mirovoi kultury. 1958, N 2. S. 99–111.
- Gukovskiy, Matvey Aleksandrovich. Leonardo da Vinci: Tvorcheskaya biografiya. M.-L., Isd-vo "Iskusstvo", 1967. 179 s.
- Pater, Wal'ter. Renaissance: Ocherki iskusstva i poezii. M.: Izd-vo "Problemy estetiki" [1912]. X, 195 s.

УДК 94(47).046-47; ББК 63.3(2)46; 63.3(0)4 (4Гем).

N. Angermann

DIE RUSSISCH-DEUTSCHE KULTURELLE BEGEGNUNG AM HOFE DER ERSTEN ROMANOV*

Bei einer Betrachtung des Hofes der ersten Romanovs (1613–1689) als Ort russisch-deutscher kultureller Beziehungen gelangen in erster Linie deutsche Spezialisten in das Blickfeld, die den Moskauer Prikazen zugeordnet oder in den Werkstätten des Kreml tätig waren. Gemeint sind damit vor allem Ärzte, Übersetzer, Maler und Kunsthändler. Den Hofrägen und der Hofverwaltung selbst gehörten keine Deutschen oder sonstigen Ausländer aus dem Westen an. Im Folgenden muss es aber außerdem um deutsche Bücher und kunsthandwerkliche Erzeugnisse gehen, die in den Besitz der Zaren und von Personen in ihrem Umfeld gelangten, schließlich auch um Musik und die Anfänge des russischen Theaters. Dies alles bildet einen großen Themenkomplex, bei dessen Behandlung im Rahmen eines kurzen Beitrages auf viele Einzelheiten und manche mögliche Vertiefung verzichtet werden muss. Letzteres betrifft namentlich die im Folgenden nur kurz angedeuteten russischen Voraussetzungen und Bedürfnisse, die den Transfers zugrunde lagen, sowie deren Folgewirkungen. Welchen Sinn hat dann aber ein geraffter Überblick, wie er hier geboten wird? Die Antwort mag lauten, dass er die Breite und Relevanz der russisch-deutschen Kulturbeziehungen der fraglichen Zeit deutlicher als die bisher allein vorliegenden speziellen Untersuchungen erkennen lässt. Dies gilt trotz der besonderen Blickrichtung des vorliegenden Beitrages auf den Hof, denn in der behandelten Zeit waren die kulturell bedeutsamen russisch-deutschen Kontakte weitestgehend eben dort konzentriert (im Gegensatz zu den damaligen russisch-ukrainischen und russisch-weißrussischen Kulturbeziehungen, für die auch geistliche Institutionen, etwa Klöster, als Orte des Transfers hatten dienen können). Bevor ich den konkreten Stoff mustere, möchte ich zur Einführung und zur Vorstel-

*Erweiterte Fassung eines Vortrages, gehalten am 5. Dezember 2013 in St. Petersburg auf der internationalen wissenschaftlichen Konferenz „Zum 400. Jahrestag des Hauses Romanov. Monarchien und Dynastien in der Geschichte Europas und Russlands“.

© N. Angermann, 2014

lung meiner Sichtweise einige allgemeine Bemerkungen zur Problematik der abendländisch-russischen Kulturkontakte voranschicken.

In der Geschichte der europäischen Völker, zu denen die Russen seit je gehörten¹, bildet die Rezeption von neuen Elementen der Kultur einen immer wieder zu beobachtenden Vorgang. Sogar von den Muslimen übernahmen die Europäer nicht wenig. Diese Lernbereitschaft trug sicherlich zur einzigartigen Dynamik der kulturellen Entwicklung in Europa bei. Auch die Entstehung der europäischen Kulturgemeinschaft beruht auf Rezeption. Denn jedes im hier vertretenen Sinne europäische Volk hat in der späten Antike oder im Mittelalter das Christentum übernommen und vielfach auch erst damit eine Schriftkultur und höhere Ausdrucksformen der Kunst. Eine weitere gemeinsame Quelle der europäischen Kultur, die älter ist, deren Wirkung jedoch nicht ganz so gleichmäßig war, bestand in der altgriechischen und römischen Kunst, Literatur, Philosophie und Wissenschaft. Im Laufe der Zeit hat aber auch jedes einzelne europäische Volk die Weltkultur durch eigene Leistungen bereichert.

Seit dem hohen Mittelalter war der westliche Teil Europas (das Abendland) für lange Zeit kulturell besonders erfolgreich. Ohne Zweifel wurde dies durch die enge Kommunikation zwischen den abendländischen Völkern bzw. deren Eliten begünstigt. Dort, im Bereich der katholischen und später daneben auch der protestantischen Kirche, war die Kenntnis des Latein überall verbreitet. Die Ruś stand dabei lange Zeit weitgehend abseits. Einen der Gründe dafür bildete das Tatarenjoch, das den Westen aus dem Blickfeld eines großen Teils der Ruś verschwinden ließ, wie auch umgekehrt den von den Tataren abhängig gewordenen osteuropäischen Gebieten für den Westen kaum noch Interesse zukam. Wichtiger aber war der konfessionelle Unterschied zwischen Ost und West, mit dem auch die fehlende Kenntnis des Latein in der Ruś verbunden war.

Die Entwicklung bestätigte jedoch, dass Russland zu Europa gehört. Seit dem 18. Jahrhundert nahm es uneingeschränkt am geistigen Austausch teil, und seit dem 19. Jahrhundert spielt Russland im literarischen Leben Europas, in der Musik, der Malerei, auf weiteren Gebieten der Kunst sowie in der Wissenschaft eine außerordentlich große Rolle.

Bei der kulturellen Rezeption kam den höchsten Machträgern der Ruś seit je besondere Bedeutung zu. Sie besaßen ein Interesse an Repräsentation und verfügten über die nötigen Mittel zur Anwerbung von ausländischen Fachkräften. So erklärt es sich, dass bereits unter dem Fürsten Andrej Bogolubskij ausländische, am ehesten deutsche Baumeister an der Errichtung der Marienkirche von Vladimir und der Residenz Bogoljubovo teilnahmen und dabei

¹ Die Zugehörigkeit Russlands (auch des mittelalterlichen) zu Europa bildet seit Jahrzehnten einen Konsens der deutschen Osteuropahistoriker. Man hat dabei in erster Linie die hier im Folgenden erwähnten gemeinsamen kulturellen Grundlagen im Blick.

romanische Bauformen übertrugen². Mit dem Erzbischof Evfimij II. war es auch in Novgorod der höchste Machträger, der es sich erlauben konnte, bei der Errichtung des spätgotischen Facettenpalastes im Novgoroder Kreml norddeutsche Baumeister einzusetzen³. Später beschäftigte der Moskauer Großfürst Ivan III. italienische Meister beim Ausbau des Moskauer Kreml im Renaissance-Stil⁴. Auch im 17. Jahrhundert blieb es bei der entscheidenden Rolle des Hofes bei kulturellen Kontakten mit Mittel- und Westeuropa. In Russland fehlte weiterhin eine Universität westlichen Typs, die eine konkurrierende institutionelle Basis für derartige Beziehungen hätte bilden können. Auf Seiten der neuen Romanov-Dynastie aber waren vor allem mit ihrem internationalen Geltungsanspruch und im Hinblick auf praktische Vorteile wesentliche Motive für die Rezeption gegeben.

Wenn wir nun konkret nach den Deutschen am Moskauer Hof fragen, kann zunächst das medizinische Personal im Dienste der Romanovs betrachtet werden, das im Wesentlichen aus Ausländern bestand. Dazu gehörten „gelehrte“ Ärzte, also Absolventen westlicher Universitäten, ferner Apotheker, des Weiteren handwerklich ausgebildete Wund- und Augenärzte, schließlich sogenannte „Alchemisten“, die mit der Herstellung von Medikamenten zu tun hatten. Zumeist waren diese Fachleute am Aptekarskij prikaz angestellt. Ihre Hauptaufgabe bestand in der medizinischen Versorgung der Zarenfamilie und des nächsten Umfeldes von ihr; besonders Wundärzte wurden aber auch für die Behandlung weiterer Personen, namentlich verwundeter Soldaten eingesetzt⁵.

Die Quellen bieten oft keine direkten Informationen über die Herkunft der Angehörigen dieses Berufsfeldes. Sie stammten aus vielen europäischen Ländern. Die überlieferten Namensformen lassen in Verbindung mit anderen Hinweisen aber keine Zweifel daran, dass die größte Gruppe von ihnen aus Deutschen bestand. Dabei handelte es sich für die Epoche von 1613 bis 1689 um

² Voronin N. N. Zodčestvo Severo-Vostočnoj Rusi XII–XV vekov. T. 1. XII stoletie. M., 1961. S. 329–340.

³ Antipov I. V. Novgorodskaja architektura vremeni archiepiskopov Evfimija II i Iony Otenskogo. M., 2009; Antipov I. V., Jakovlev D. E. Vladycnaja palata v Velikom Novgorode — pamjatnik sotrudničestva nemeckich i novgorodskich masterov // Russkie i nemcy. 1000 let istorii, iskusstva i kul'tury. Petersberg, 2012. S. 72–79.

⁴ Lo Gatto E. Gli artisti italiani in Russia. 1. Gli architetti a Mosca e nelle province. Milano, 1990 [Nachdruck der Ausgabe Roma, 1934]; Zemcov S. M., Glazyčev V. L. Aristotel' Foravanti. M., 1985. — Um 1500 stand neben den dominierenden Italienern erstmals auch eine Reihe von Deutschen im Dienste der Moskauer Herrscher. Vgl. Angermann N. U istokov kul'turych svjazej Moskovskogo gosudarstva i nemeckich zemel' (konec XV – načalo XVI v.) // Nemcy v obščestvennoj i kul'turnoj žizni Moskvy. XVI – načalo XX veka. Materialy Meždunarodnoj naučnoj konferencii (15–16 fevralja 1999 g.). M., 1999. S. 10–15.

⁵ Dumschat S. Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland, Stuttgart 2006.

annähernd sechzig Personen. Ihnen standen zwölf Engländer gegenüber. Nicht viel größer als die Zahl der Engländer dürfte die der Niederländer gewesen sein⁶.

Unter den Medizinern mit Universitätsbildung ist eine kleine Gruppe von Leibärzten der Zaren erkennbar, die durch ihre Fähigkeiten herausragten. Neben dem Engländer Samuel Collins kann man dazu mehrere Deutsche rechnen. Von diesen sei als erster Wendelin Sybelist aus Halle an der Saale genannt, der 1634–1646 mit Erfolg als Leibarzt des Zaren Michail Fedorovič tätig war. Auch als er sich, offiziell beurlaubt, 1642–1643 im Westen aufhielt, erfüllte er politische Aufträge für den Zarenhof und lieferte vertrauliche Informationen. Die Befähigung von Sybelist kam auch darin zum Ausdruck, dass er später Leibarzt des schwedischen Königs Karl XI. wurde. In die Reihe der besonders erfolgreichen und hoch dotierten Mediziner gehört des weiteren Hartmann Gramann aus Thüringen, der 1639–1658 den Zaren Michail Fedorovič und Aleksej Michajlovič als Leibarzt diente. Eine kürzere Zeit lang galt dies auch für Johannes Below aus Rostock, dessen Kompetenz daran sichtbar wird, dass er 1632–1642 Professor der Medizin an der Universität Dorpat/Tartu war. Bezeichnend ist, dass man ihn nach seiner Beurlaubung aus Moskau mit großen Geschenken zur Rückkehr zu bewegen suchte. Andreas Engelhardt aus Aschersleben, der 1656–1666 Leibarzt von Aleksej Michajlovič gewesen war, ließ sich im Gegensatz zu Below 1677 noch einmal für den russischen Dienst anwerben (†1679). Die Gutachten astrologischer Art, die er im Auftrage von Aleksej Michajlovič erstellte, wirken heute befremdlich, enthielten aber gleichwohl Elemente rationalen Denkens. Für das Interesse des Moskauer Hofes an Fachleuten höchster Qualität spricht auch die Einstellung von Johannes Coster von Rosenberg aus Lübeck (1667–1678). Dieser war vorher Leibarzt des schwedischen Königs Karl X. gewesen. Der gleichfalls sehr tüchtige Laurentius Blumentrost aus Thüringen (in Moskau 1668–1704) war der Begründer einer deutschen Gelehrtendynastie in Russland; sein gleichnamiger Sohn wurde 1725 der erste Präsident der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften. Dieser imponierenden Reihe sei noch Sigismund Sommer aus Schlesien (1653–1689) hinzugefügt, der ein Wundarzt war, also nicht studiert hatte, aber wegen seiner Verdienste unter anderem um die Ausbildung von Nachwuchskräften im Jahre 1676 durch einen zarischen Ukaz zum Doktor ernannt wurde. Das Beispiel dieser Persönlichkeiten zeigt deutlich, dass die ersten Romanovs dem schon bei Ivan III. beobachtbaren Prinzip folgten, für den Dienst an ihrem Hof möglichst gute Fachleute zu gewinnen. Dass solche Männer am Hofe Ansehen genossen

⁶ Dieses Zahlenverhältnis lässt eine alphabetisch geordnete Zusammenstellung von Kurzbiographien aller Mediziner im Moskauer Dienst bei Dumschat erkennen: Ibid. S. 557–695. Die folgenden Angaben über einzelne Ärzte beruhen auf dieser quellenmäßig sehr gut belegten Zusammenstellung.

und einen gewissen Einfluss ausübten, steht außer Frage. Über das Berufliche hinaus dienten sie den Zaren mitunter als Berater.

Westliche Bildung haben selbstredend besonders die studierten Ärzte präsentiert, aber auch die anderen Mediziner führten neue Praktiken in Russland ein. Ihr Wirken trug dazu bei, dass die wissenschaftliche Medizin in der russischen Gesellschaft zunehmend akzeptiert wurde. Ein besonderes Verdienst bestand nicht zuletzt darin, dass sich die deutschen Mediziner an der Ausbildung von russischen „Lehrlingen“ zu Wundärzten und Alchemisten beteiligten, ein Weg, der in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts von nicht wenigen jungen Russen gegangen wurde⁷. Die Rolle der deutschen Ärzte als Kulturträger war allerdings dadurch beeinträchtigt, dass viele von ihnen das Russische nicht beherrschten. Deshalb waren am Aptekarskij prikaz Dolmetscher angestellt, manche Ärzte leisteten sich auch Privatdolmetscher.

Da die Kenntnis von Fremdsprachen unter den Russen sehr wenig verbreitet war, kam ausländischen Dolmetschern und Übersetzern für die Außenbeziehungen des Moskauer Staates einschließlich des Kulturtransfers ganz generell eine sehr große Bedeutung zu. Die größte Zahl der im russischen Dienst stehenden Dolmetscher und Übersetzer war am Posol'skij prikaz tätig. Sie dolmetschten bei Verhandlungen mit Vertretern ausländischer Mächte, begleiteten russische Gesandte ins Ausland und führten dort begrenzte Aufträge auch allein aus, wobei es beispielsweise um die Anwerbung von Fachleuten für den Moskauer Dienst gehen konnte. Außerdem übersetzten sie Texte verschiedener Art. Nach einem Verzeichnis von 1622 waren damals elf Übersetzer und 21 Dolmetscher beim Posol'skij prikaz angestellt, deren Identität von den russifizierten Namensformen her oft nicht erkennbar ist. In dem Verzeichnis sind sie aber nach ihrer sprachlichen Zuständigkeit aufgelistet, was für unsere Fragestellung ebenfalls aufschlussreich ist. Von den Übersetzern waren drei für Deutsch und einer für Deutsch und Englisch zuständig, zwei für das Tatarische und je einer für Englisch, für Englisch und zugleich Dänisch, für Griechisch, für Persisch und zugleich Arabisch sowie für Polnisch und zugleich Latein⁸. Die Kompetenz für das Deutsche war also im Jahre 1622 unter den Übersetzern am stärksten vertreten, was damals auch in der Gruppe der Dolmetscher für westliche Sprachen der Fall war. Später nahm die Zahl der am Posol'skij prikaz tätigen Übersetzer und Dolmetscher zu, besonders die der Kenner des Polnischen und

⁷ Vgl. auch *Unkovskaya M. V. Learning Foreign Mysteries: Russian Pupils of the Aptekarskii Prikaz 1650–1700* // Oxford Slavonic Papers, 1997. N.S. 30. S. 1–20.

⁸ Angermann N. Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Russland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und Früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Eckhard Hübner, Ekehard Klug und Jan Kusber. Stuttgart, 1998. S. 240.

Lateinischen. Ein Verzeichnis aus dem Jahre 1689 zeigt aber, dass die deutschen Übersetzer auch noch am Ende der hier behandelten Zeit durchaus stark repräsentiert waren. Ihr Anteil betrug damals fünf von 22. Davon waren allerdings nur drei, nämlich Georg Gottfried Groß (Leontij Gros), Georg Hüfner (Jurij Givner) und Tobias Meißner (Timofej Mejsner) unmittelbar im Bereich des Hofes tätig, während Jacob Hüttner ((Il'ja Gitner) und Dietrich (Timofej) Angler in den Transit- und Handelszentren Novgorod und Pskov eingesetzt waren⁹. Die relativ hohe Zahl der Deutschkenner lässt sich ohne Weiteres erklären: Die russische Regierung und die Behörden benötigten eine solche Kompetenz für den Verkehr mit dem römisch-deutschen Kaiser, mit deutschen Fürsten, mit norddeutschen und livländischen Kaufleuten, die Russland besuchten, und mit den in Russland lebenden Ausländern, unter denen die Deutschen zahlenmäßig überwogen. Nicht zuletzt waren Texte verschiedener Art zu übersetzen. Die in Russland ansässig gewordenen Deutschen und solche aus dem benachbarten Livland boten zugleich ein recht großes Reservoir an Kennern der russischen Sprache, so dass genügend Kandidaten für die entsprechende Dolmetscher- und Übersetzertätigkeit im Zarendienst zur Verfügung standen.

Im Posol'skij prikaz wurden nicht nur diplomatische Schriftstücke übersetzt, sondern auch westliche Bücher und Zeitschriftenartikel¹⁰. Maßgebend war hierbei das Interesse der Zaren und ihrer Ratgeber. Einen dafür günstigen Umstand stellte es dar, dass der Posol'skij prikaz zeitweilig von dem Westen gegenüber besonders aufgeschlossenen Männern wie Artamon Sergeevič Matveev und Vasilij Vasil'evič Golycin geleitet wurde (1671–1676 bzw. 1682–1689). Hier seien wenigstens einige beteiligte deutsche Übersetzer aufgeführt, was Gelegenheit bietet, auch von ihnen übertragene Texte zu benennen. Eine beachtenswerte Persönlichkeit war Adam Thurn von Einöd, der ursprünglich in kaiserlichem Dienst stand, aber in russische Gefangenschaft geraten und 1635 zur Orthodoxie übergetreten war¹¹. Dies erleichterte die Aufnahme von Ivan Dorn, wie er in russischen Quellen hieß, in den Dienst beim Posol'skij prikaz. Dort übersetzte er 1638 zusammen mit einem russischen Berufsgenossen die lateinische Kosmographie des deutschen Geographen Gerhard Mercator, in der die Länder Europas, Afrikas, Asiens und Amerikas aspektreich beschrieben waren. Wie erhaltene Abschriften bezeugen, fand diese Übersetzung rasch Verbreitung¹².

⁹ Ibid. S. 247–248.

¹⁰ Kudrjavcev I. M. „Izdatel'skaja“ dejatel'nost' Posol'skogo prikaza (K istorii russkoj rukopisnoj knigi vo vtoroj polovine XVII veka) // Kniga. Issledovanija i materialy 1963. T. 8. S. 179–244.

¹¹ Vgl. Belobrova O. A., Matveeva E. N. Dorn Ivan // Slovař knižníkov i knižnosti Drevnej Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Č 1. SPb., 1992. S. 277–278.

¹² Gluskina S. M. „Kosmografija“ 1637 goda kak russkaja pererabotka teksta „Atlasa“ Merkatora // Geografičeskij sbornik. T. 3. M., 1954. S. 79–92.

Der aus Regensburg stammende Georg Groß¹³, tätig am Posol'skij prikaz von 1668 bis 1694, war an der Auswahl und Übersetzung jener westlichen Zeitungstexte und sonstigen Berichte beteiligt, die bei der Erstellung der „Vesti-Kuranty“, der handschriftlichen Vorgänger der russischen Zeitungen, verwandt wurden. Für die den Zaren und einigen Bojaren vorgelesenen Vesti-Kuranty wurden vor allem deutsche und niederländische Zeitungen ausgewertet¹⁴. Über den Westen, auch das dortige Hofleben, erfuhr man auf diese Weise im Kreml viel. In den europaweit beachteten deutschen Zeitungen wurde zugleich erstaunlich oft über Russland berichtet¹⁵. Die Berichterstatter waren vielfach in Russland lebende Deutsche. Der Moskauer Staat gehörte insofern zu einem gesamteuropäischen Kommunikationsraum.

Von der Arbeit für die „Vesti-Kuranty“ abgesehen, hat Georg Groß auch an der Übersetzung einer Reihe von westlichen Büchern mitgewirkt, darunter solcher über militärische Taktik und Waffen, aber auch eines Werkes wie der 1681 erschienenen „Historia Aethiopica“ des deutschen Gelehrten Hiob Ludolf, der als Begründer der äthiopischen Studien in Europa gilt. In der „Moskowitischen Reisebeschreibung“ von Carl Valerius Wickart wird Groß als „der vornehmste Groß-Fürstliche Dollmetsch“ bezeichnet¹⁶. Der gebürtige Schlesier Joachim Meißner und der Sachse Georg Hüfner waren ebenfalls an den Buchübersetzungen im Posol'skij prikaz beteiligt.

Erwähnt sei in diesem Zusammenhang auch die Vermittlung westlicher Bücher durch deutsche Kaufleute. Zu Beginn der 1640er Jahre übergab der Kaufmann Heinrich Kellermann, der einer livländischen Familie entstammte, dem Prikaz eine deutsche Broschüre über Schwedens Anteil am Dreißigjährigen Krieg. Diese wurde dort übersetzt und dann dem Zaren vorgelesen¹⁷. Ein weiteres Beispiel: Im Mai 1675 erwarb ein Mitarbeiter des Prikazes vom in Russland lebenden Hamburger Kaufmann Konrad Nordermann für den Gebrauch durch den Zaren eine Bilderbibel („Biblia pečatnaja v licach“)¹⁸.

Die russisch-deutschen buchgeschichtlichen und literarischen Beziehungen des 17. Jahrhunderts bilden insgesamt ein sehr großes Thema. Zu den deutschen

¹³ Lavrent'eva A. V., Matveeva E. N. Gross Leontij // Slovař knižníkov i knižnosti Drevnej Rusi. Vyp. 3 (XVII v.), Č. 1. SPb., 1992. S. 241–244.

¹⁴ Šamin S. M. Kuranty XVII stoletija. Evropejskaja pressa v Rossii i vozniknovenie russkoj periodičeskoy pečati. SPb., 2011.

¹⁵ Welke M. Russland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts. 1613–1689 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 1976. Bd 23. S. 105–276.

¹⁶ Carl Valerius Wickhart Moscovittische Reiß-Beschreibung / Oder Außführliche Relation dessen / Was sich Mit der Röm. Kays. Majestät Leopoldi I. Abgeordneten ... In dem 1675.sten Jahr denckwürdiges zugetragen. Wien [1677]. S. 259.

¹⁷ Cvetaev D. V. Protestanstvo i protestanty v Rossii do épochi preobrazovanij. M., 1890. S. 75–76.

¹⁸ Kudrjavcev N. M. „Izdatel'skaja“ dejatel'nost' ... S. 225.

Autoren, von denen Texte im Russland der ersten Romanovs übersetzt wurden, gehörten auch der scholastische Gelehrte Albertus Magnus (1193–1280), der Humanist und Hauptmitstreiter Martin Luthers Philipp Melanchthon (1497–1560), der Danziger Astronom Johannes Hevelius (1611–1687) sowie der Stader Astronom und Kalendermacher Johann Heinrich Vogt (1613–1691)¹⁹. Von Melanchthon wurde ein Text über Rhetorik übertragen, von Hevelius sein Hauptwerk „Selenographia“, eine Untersuchung über die Oberfläche des Mondes. Die genannten Übersetzungen wurden handschriftlich überliefert, gedruckt wurden im Russland des 17. Jahrhunderts mit wenigen Ausnahmen nur geistliche Werke. Das erste rein weltliche Druckwerk erschien 1647 in Moskau. Es bot eine Übersetzung des Buches „Kriegskunst zu Fuß“ aus der Feder des deutschen Militärschriftstellers Johann Jacobi von Wallhausen (1580–1627). Dieses auch ins Französische und Niederländische übersetzte Werk diente in Russland der Schulung von Truppen „neuer Ordnung“²⁰.

Um die Vielfalt der Beziehungen auf diesem Gebiet anzudeuten, sei hier noch das besondere Beispiel des Diplomaten Hildebrand von Horn (1655–1686) erwähnt²¹. Dieser weilte als dänischer Legationssekretär und schließlich Gesandter wiederholt in Moskau, war aber wie andere dortige Vertreter dänischer Interessen ein Deutscher (geboren in Kiel). Er erlernte das Russische so gut, dass er poetische Texte aus dieser Sprache zu übersetzten vermochte und sogar selbst russische Gedichte schrieb. Zar Fedor Alekseevič war von ihm derart beeindruckt, dass er ihm 1681 nicht weniger als 12 russische Bücher schenkte²².

Neben Übersetzungen gehörte die Rezeption von Formen der Kunst zum Intensivsten, was sich im Rahmen der russisch-westlichen Kulturbeziehungen des 17. Jahrhunderts vollzog. Ein wichtiger Ort dafür war die Moskauer Oružejnaja palata, wo russische und ausländische Künstler zusammen arbeiteten. Was Maler westlicher Herkunft betrifft, handelte es sich vor allem um

¹⁹ Sobolevskij A. I. Perevodnaja literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov. Bibliografičeskie materialy. SPb., 1903. S. 89–90, 135–136, 147–148, 157.

²⁰ Učenie i chitrost' ratnogo stroenija pechotnych ljudej... Moskva. Pečatnyj dvor, 1647. Auflage: 1200 Exemplare. Das Original war 1615 in Oppenheim erschienen. Die Übersetzung eines weiteren herausragenden Werkes eines deutschen Militärtheoretikers war bereits 1606 begonnen, aber erst 1620 abgeschlossen worden. Gemeint ist das „Kriegsbuch“ von Leonhard Fronsperger (1520–1575), erschienen in drei Bänden 1573 in Frankfurt am Main. Vgl. Lobin A. N. „Voinskie knigi“ 1607–1620 gg.: Opyt zaimstvovanija evropejskoj voenno-teoretičeskoy nauki // Smutnoe vremja v Rossii: Konflikt i dialog kul'tur. Materialy naučnoj konferencii, S.-Peterburg, 12–14 oktjabrja 2012 g. SPb., 2012. S. 163–168.

²¹ Vgl. Bülc R. Hildebrand von Horn. Ein holsteinisches Diplomatenleben. Zugleich ein Beitrag zur Geschichte der dänisch-russischen Beziehungen im letzten Drittel des 17. Jahrhunderts // Nordelbingen 1928. Jg. 7. S. 217–250.

²² Ibid. S. 230.

solche aus Polen-Litauen, weitere aber stammten aus Deutschland und den Niederlanden. Der erste ausländische Maler überhaupt, der in den Dienst der Romanov-Zaren trat, war ein Deutscher, der Livländer Johann Deters²³. Er kam 1643 aus Narva nach Moskau²⁴, wo er bis zu seinem Tode (1655) in der Oružejnaja palata wirkte. Die Spannweite seiner dortigen Tätigkeit reichte von rein dekorativen Arbeiten bis zur Darstellung eines Marienthemas. Sein hoher Lohn (schon sein Anfangsgehalt betrug 20 Rubel im Monat) und reiche Geschenke des Zaren Michail Fedorovič lassen die Wertschätzung erkennen, die seinem Schaffen zu Teil wurde. Mit Isaak Abramov und Flor Stepanov besaß er zwei Schüler, über die er 1650 äußerte, dass sie nach anderthalbjähriger weiterer Ausbildung ebenso würden malen können wie er selbst. Beide überlebten ihn aber nicht lange.

Einige Zeit nach dem Tode von Deters kam der in Hamburg geborene Maler Peter Engels (1631–1692) nach Russland²⁵. Man beauftragte ihn in den 60er und frühen 70er Jahren mit dekorativen Arbeiten in der zarischen Residenz Izmajlovo. Als 1672 für den Zarenhof erstmals Theateraufführungen vorbereitet wurden, wirkte Engels leitend an der Bemalung der Kulissen mit. Später schuf er für die Räumlichkeiten von Angehörigen der Zarenfamilie eine Reihe von Leinwandbildern mit Themen aus dem Alten Testament. Einen vielseitig begabten Schüler besaß er in Vasilij Repskij.

An der Erstellung der Dekorationen für die Aufführung des ersten Dramas von Pastor Gregorii beteiligte sich 1672 auch der Hamburger Maler Johann Walter²⁶. Von diesem wurde der Stolnik Fürst Aleksej Borisovič Golicyn in einem Porträt dargestellt, das dem Zaren Fedor Alekseevič, als er es 1679 besichtigte, gut gefallen haben muss, denn er ordnete damals die Aufnahme des Künstlers in die Oružejnaja palata an. Noch im selben Jahr malte Walter für die Mariä-Schutz-Kirche von Izmajlovo ein Bildnis des Gekreuzigten. Außerdem ist bekannt, dass er gemeinsam mit dem russischen Maler Ivan Bezmin und dem Armenier Ivan Saltanov religiöse Darstellungen für die Gemächer des Zaren schuf.

Das beachtenswerte Wirken dieser deutschen Maler, das Beispiele für die Relevanz der gemeinsamen religiösen Grundlage Europas liefert, bildete einen Faktor beim Wandel der russischen Kunst im 17. Jahrhundert. Damals lösten sich die russischen Maler (ikonopiscy und živopiscy) allmählich von der Tradi-

²³ Angermann N. Deutsche Künstler im Alten Rußland // Kirche im Osten 1977. Bd. 20. S. 84–85.

²⁴ Dazu Neues: Ikonopiscy i živopiscy Oružejnoj palaty. 1630–1690-e gody: dvorovladenija, sobytija povsednevnoj žizni, rabota po častnym zakazam. Sbornik dokumentov / Sostavitel' M. V. Nikolaeva. M., 2012. S. 21–24.

²⁵ Angermann N. Deutsche Künstler... S. 85–86.

²⁶ Ibid. S. 86.

tion und gingen zu realistischen Darstellungen über. Dies bedeutete den Beginn der neuzeitlichen russischen Malerei.

Zu den deutschen Kunsthändlern, die in den Werkstätten des Moskauer Kreml tätig waren, gehörten besonders viele Silberschmiede (serebrjaniki). Nach deutschem Sprachgebrauch waren es Goldschmiede; diese Handwerker arbeiteten ja mit beiden edlen Metallen. Zusammen mit russischen Kollegen wirkten die deutschen Meister im Silber- und im Goldhof (Serebrjanaja und Zolotaja palata). Von 1631 bis mindestens 1640 konnte man Esaias Zinkgraeff, der aus dem führenden deutschen Gewerbezentrums Nürnberg stammte, in der Serebrjanaja palata antreffen²⁷. Er war dort maßgebend an der Erstellung zweier Throne beteiligt. In der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts fallen die relativ zahlreichen Meister aus Hamburg auf, die in beiden palaty vertreten waren²⁸. Die Stärke dieser Gruppe — nicht weniger als acht Meister — erklärt sich damit, dass die Stadt an der Elbe im 17. Jahrhundert eines der größten deutschen Zentren des Juwelierhandwerks war und dass es intensive Handelsbeziehungen zwischen Hamburg und Russland gab, die zur Ansässigkeit von Hamburgern in Archangel'sk und Moskau führten. Es ist kein Zufall, dass auch die schon erwähnten Maler Peter Engels und Johann Walter aus Hamburg stammten. Gleicher gilt für Johann Hahn (Ivan Gan), der neben den Edelschmieden als weiterer Kunsthändler besonders hervorgehoben werden sollte²⁹. Er war von 1679 bis zu seinem Tode 1702/03 in der Oružejnaja palata tätig und wird in den Quellen als Uhrmacher, öfter jedoch als Schnitzer bezeichnet. Zu seinen Arbeiten gehörte ein Kronleuchter für die Zarengemächer. Da er technische Fähigkeiten besaß, übertrug man ihm die Herstellung von anspruchsvollem Spielzeug für die Kinder des Zaren; so gehörte er zu den ersten Deutschen, mit denen der junge Peter Alekseevič bekannt wurde.

Auf dem Gebiet der Architektur blieb die Rolle der Deutschen gering. Eine vielversprechende Berufung war die des Baumeisters Hans Jakob Kristler aus Straßburg im Jahre 1643, doch konnte dieser Pläne, zu denen die Errichtung einer steinernen Brücke über die Moskva gehörte, nicht verwirklichen, weil er schon im selben Jahr 1645 wie sein Auftraggeber, Zar Michail Fedorovič, starb³⁰. Aus der Zahl weiterer im Bereich des Kreml tätiger handwerklicher Fachkräfte

²⁷ Troickij V. I. Slovař moskovskich masterov zolotogo, serebrjanogo i almanzogo dela XVII veka. Vyp. 1–2. L., 1928–1930. S. 41, 119; Adam Olearius Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscovitischen vnd Persischen Reysse. Schleswig, 1656 (Neudruck 1971). S. 33.

²⁸ Angermann N., Martens A. Gamburg i Moskva v XVII veke: svjazi v oblasti serebrjanogo dela // Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Zapadnoj Evropy / Sostavitel' A. G. Kudrjavceva. M., 2006. S. 73–77.

²⁹ Chudožniki narodov SSSR. Bibliografičeskij slovař. T. 2. M., 1972. S. 407; Zabelin I. Domašnij byt russkich carej v XVII st. Č. 2. M., 1915. S. 85–86, 579.

³⁰ Fal'kovskij N. I. Moskva v istorii techniki. M., 1950. S. 85–88.

sei nur noch der aus Nürnberg stammende Geschütz- und Glockengießer Hans Falck hgenannt, der von etwa 1635 bis 1654 als führender Meister am Kanonenhof (Pušečnyj dvor) tätig war³¹.

Der heutige Besucher der Oružejnaja palata im Moskauer Kreml ist stark beeindruckt davon, dass dort viele hundert Arbeiten von Goldschmieden Nürnbergs, Hamburgs und Augsburgs aufbewahrt werden, die zumeist im 17. Jahrhundert in den Besitz der Zaren gelangten. Es handelt sich dabei um vielgestaltige, oft sehr große Pokale, Gießgefäße, Schauplatten und weitere Erzeugnisse³². In Moskau befinden sich etwa ebenso viele Werke aus den genannten drei Städten, den in jener Zeit führenden Zentren der deutschen Goldschmiedekunst, wie in allen anderen Museen Europas zusammen. Sie gelangten zumeist als diplomatische Geschenke in den Besitz der ersten Romanovs. Nicht nur die Gesandten des Kaisers und deutscher Fürsten brachten bei den Audienzen solche deutschen Arbeiten dar, sondern auch die Gesandten der Könige von Dänemark, Schweden und Polen, ebenso die niederländischen Diplomaten. Dagegen präsentierten die brandenburg-preußischen Gesandten vor allem kunstvolle Arbeiten aus Bernstein (darunter wiederholt Kronleuchter)³³. Was noch einmal die Goldschmiedearbeiten aus Deutschland betrifft, ermöglichen es nicht zuletzt Hamburger Kaufleute, dass solche auch durch Kauf in den Zarenschatz (die „kazna“) oder in den Besitz von russischen Privatpersonen gelangten.

Die wertvollen Erzeugnisse, die die Zaren als diplomatische Geschenke, durch Kauf oder aus ihren eigenen Werkstätten erhielten, dienten der Repräsentation ihrer Macht gegenüber dem Ausland und gegenüber den eigenen Untertanen. Nur zu einem geringen Teil wurden sie praktisch genutzt. Dieselbe Funktion hatten auch die Sammlungen von Edelschmiedearbeiten an westlichen Fürstenhöfen und im Besitz von Stadträten (deutscher Spezialausdruck für den Letzteren: Ratssilber). Hier wie dort waren solche Erzeugnisse natürlich auch über die Machthaber hinaus höchst begehrte. So belohnten die Zaren Nahestehende mit deutschen Arbeiten, wie umgekehrt vornehme Russen und ausländische Kaufherren bei festlichen Anlässen den Zaren derartige Geschenke

³¹ Über Hans Falck vgl. Bondarenko A. F. Istorija kolokolov Rossii XI–XVII vv. M., 2012. S. 331–337.

³² Markova G. A. Nemeckoe chudožestvennoe serebro XVI–XVIII vekov v sobranii Gosudarstvennoj Oružejnoj palaty. M., 1975. Ein Beispiel aus der nicht geringen Zahl einschlägiger russisch- und deutschsprachiger Ausstellungskataloge: Kudrjavceva A., Markova G. Šedevry nemeckogo serebra v Kremle / Deutsche Silberschätze im Kreml. Katalog vystavki. M., 2002.

³³ Ottomeyer H. Bernstein und Politik — Staatsgeschenke des preußischen Hofes // Luxus und Integration. Materielle Hofkultur Westeuropas vom 12. bis zum 18. Jahrhundert / Hrsg. von W. Paravicini. München, 2010. S. 144–147.

darbrachten³⁴. Die Zusammenarbeit von ausländischen Meistern mit ihren russischen Kollegen in den Werkstätten des Kreml und das massive Vorhandensein solcher Werke in Russland waren dafür maßgebend, dass in der russischen Silverschmiedekunst des 17. Jahrhunderts Züge der späten Renaissance und des Barock zur Geltung gelangten.

Auch auf dem Gebiet der Musik kam es zu russisch-deutschen Kontakten, die aber etwas begrenzter blieben als die in den hier zuvor betrachteten Beziehungsgebieten. Entscheidend für die geringere Intensität der Musikbeziehungen war, dass in der russischen Kunstmusik der geistliche Gesang völlig dominierte. Wegen des konfessionellen Gegensatzes und aus sprachlichen Gründen konnte es dort keine russisch-deutsche gegenseitige Rezeption geben. Auf diesem Gebiet vermittelten die Ukrainer mit dem Partes-Gesang eine neue Art der Vokalmusik, die ursprünglich von westlichen Impulsen beeinflusst gewesen war. Der in der Ukraine wie im Moskauer Russland verbreitete orthodoxe Glaube erleichterte ebenso wie im Schrifttum auch in der Musik den ukrainisch-russischen Transfer. Dagegen konnten die Deutschen dazu beitragen, dass die westliche Instrumentalmusik am Moskauer Hof bekannt wurde.

Deutsche Musikanten waren seit den 1620er Jahren am Zarenhof und im russischen Heer anzutreffen. Solche gehörten sicherlich zu den in den Quellen erwähnten „nemcy“ (nach dem Sprachgebrauch jener Zeit: nichtslavische Mittel- und Westeuropäer), und natürlich sind Deutsche gemeint, wenn in den Quellen von sächsischen Musikern die Rede ist³⁵. Es passierte, dass Musikanten, die als Begleiter deutscher Gesandter in Moskau erschienen, dort in den Zarendienst traten oder vorübergehend bei Aufführungen des Moskauer Hoftheaters musizierten. Im Jahre 1639 blieb der aus Perleberg in der Mark Brandenburg stammende Feldtrompeter Caspar Hertzberg, der die bekannte Gesandtschaft Herzog Friedrichs III. von Holstein-Gottorp durch Russland nach Persien begleitet hatte, bei der Rückreise in Moskau zurück³⁶, und 1675 wurden die österreichischen Musikanten Jonas Kräntzl und Maximilian „Krejken“, die sich als Begleiter kaiserlicher Gesandter in Moskau aufgehalten hatten, für den Einsatz am Theater gewonnen³⁷. Der junge Hermann Dietrich Hesse, der 1673 einen brandenburg-preußischen Gesandten als Sekretär nach Moskau begleitet hatte, wurde von diesem dort zurückgelassen, damit er die russische Sprache

³⁴ Angermann N., Martens A. Gamburg i Moskva... S. 70–71.

³⁵ Vgl. Moleva N. M. Muzyka i zrelišča v Rossii XVII stoletija // Voprosy istorii 1971. No. 11. S. 148–154.

³⁶ Adam Olearius Beschreibung der Muscowitischen vnd Persischen Reyse... S.26.

³⁷ Moskovskij teatr pri carjach Aleksee i Petre. Materialy / Hrsg. von S. K. Bogojavleneskij // Čtenija v Imperatorskom Obščestve istorii i drevnostej rossiskich pri Moskovskom universitete 1914. Kn. 2 [Otdel] I. S. 62–63.

erlernt. Hesse konnte, wie Hörer bezeugten, „lieblich“ auf der Viola da Gamba spielen und wurde in dieser Eigenschaft von der Moskauer Regierung unter anderem für das Hoftheater eingesetzt³⁸.

Besonders beachtet wurde schon seit langem, dass im Oktober 1672 eine ganze Gruppe von deutschen Musikanten in Moskau eintraf. Dem im russischen Dienst stehenden Obersten Nikolaus von Staden, den man mit der Anwerbung beauftragt hatte, war es nämlich bei einer Auslandsreise gelungen, einen Trompeter und vier weitere Musikanten für die Mitwirkung am Moskauer Hoftheater zu gewinnen³⁹. Bei den in starkem Maße von Deutschen mitgestalteten Aufführungen des Hoftheaters, die 1672–1676 stattfanden, spielten Einzelarien, Chorgesang und instrumentale Musik eine Rolle. Leider sind die musikalischen Teile nicht überliefert, es gibt aber Hinweise in den erhaltenen Dramentexten darauf. Wegen deren zum großen Teil religiöser Thematik kam hier zweifellos die deutsche Kirchenmusik zur Geltung, es erklangen aber auch barocke Liebeslieder⁴⁰.

In der Literatur ist die Auffassung verbreitet, dass in Moskau damals sogar ein Ballett, und zwar „Orpheus und Eurydike“ des bekannten deutschen Komponisten Heinrich Schütz präsentiert wurde. Von dieser Annahme muss man aber gemäß einem soeben erschienenen Aufsatz der amerikanischen Musikhistorikerin Claudia Jansen und der deutschen Slawistin Ingrid Maier endgültig Abschied nehmen⁴¹. Bei dem erstmals im Februar 1672 gebotenen sogenannten „Ballett“ handelte es sich um keine Darbietung im Sinne unseres Verständnisses dieses Wortes, sondern um ein nur kurz vorbereitetes buntes Spektakel, dargeboten hauptsächlich von jungen Männern aus der Nemeckaja sloboda. Die anwesende Zarenfamilie war hierbei unter anderem vom Auftretenden des „Pickleherring“, eines Spaßmachers, sehr amüsiert, aber auch die gebotene Musik fand Anklang.

Die erwähnten professionellen Musikanten, die wenig später, im Herbst 1672, in den russischen Dienst traten, verblieben dort nur kurze Zeit. Einige Jahre lang gewährleisteten sie aber eine deutliche Präsenz westlicher Musik am Hof, die offenbar weitgehend anspruchsvoller Art war. Im Gegensatz zu den nicht ganz wenigen deutschen Musikanten sind für das 17. Jahrhundert keine italienischen, englischen oder französischen am Zarenhof nachweisbar.

³⁸ Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Bd. 19 / Hrsg. von F. Hirsch. Berlin, 1906. S. 292–293; Carl Valerius Wickhart Moscovittische Reiß-Beschreibung... S. 100.

³⁹ Moskovskij teatr pri carjach Aleksee i Petre... S. 1, 3–7, 17–19.

⁴⁰ Findezen N. Očerk po istorii muzyki v Rossii s drevnejšich vremen do konca XVIII veka. T. 1. S drevnejšich vremen do načala XVIII veka. M., 1928. S. 316–321; Günther K. Neue deutsche Quellen zum ersten russischen Theater // Zeitschrift für Slawistik 1963. Jg. 8. S. 669–672; Jensen C. Musical Cultures in Seventeenth-Century Russia. Bloomington; Indianapolis, 2009. S. 163–211.

⁴¹ Jensen C., Maier I. Orpheus and Pickleherring in the Kremlin: The “Ballett” for the Tsar of February 1672, in: Scando-Slavica 2013. Vol. 59, 2. S. 145–184.

Die Theateraufführungen der Jahre 1672–1676 sind mit Recht ein stark beachtetes kulturgeschichtliches Phänomen⁴². Sie folgten dem Beispiel des Theaters an westlichen Residenzen. Die Initiative ging vermutlich vom Leiter des Posol'skij prikaz Artamon Sergeevič Matveev aus, der ein besonders enger Vertrauter des Zaren Aleksej Michajlovič war und die Zustimmung des Letzteren zu dem Unternehmen fand. Verfasst wurden die Theaterstücke hauptsächlich vom aus Merseburg stammenden Moskauer lutherischen Pastor Johann Gottfried Gregorii. Mit psychologischer Vertiefung der Charaktere verwertete dieser biblische Stoffe wie das Buch Esther und das Buch Judith. Gregorii leitete auch die Aufführungen sowie eine Theaterschule, ehe er darin von anderen abgelöst wurde, zuletzt vom Ukrainer Stepan Fedorovič Čižinskij. Bei den Schauspielern handelte es sich um Jugendliche aus der Nemeckaja sloboda, wegen der Aufführung der Stücke in russischer Sprache aber bald auch um junge Weißrussen und Russen. An der Bemalung der Kulissen waren neben den Hamburgern Peter Engels und Johann Walter auch russische Maler beteiligt⁴³. Das ganze Unternehmen hatte also einen internationalen Charakter angenommen und bildete zugleich einen Höhepunkt der deutsch-russischen Begegnung.

Aus den Quellen geht hervor, dass westliche („nemeckie“) Instrumente zum Privatbesitz von hochstehenden Adligen gehörten, die in der einen oder anderen Weise mit dem Hof verbunden waren⁴⁴. Zweifellos befanden sich darunter auch Instrumente deutscher Herkunft. Dies kommt als Beispiel dafür in Frage, dass der Hof neue kulturelle Impulse in die Umgebung ausstrahlte. Wenn die Moskauer Herrscher, wie erwähnt, Edelschmiedearbeiten verschenken oder wenn der im Zarendienst stehende Gießmeister Hans Falck Glocken für Klöster und die Mariä-Verkündigungs-Kathedrale in Kazan goss⁴⁵, sind dies weitere Beispiele eines Wirkens über den Hof hinaus⁴⁶.

⁴² Die Literatur über das Hoftheater ist unübersehbar. Die wichtigsten Quellen unserer Kenntnis bilden die bereits zitierte Materialsammlung Moskovskij teatr pri carjach Aleksee i Petre... S. 1–76 sowie die zu einem beträchtlichen Teil in russischer oder deutscher Sprache erhaltenen Dramentexte selbst, publiziert in: Pervye p'esy russkogo teatra / Red. von A. N. Robinson. M., 1972; Russkaja dramaturgija poslednjé četverti XVII i načala XVIII v. / Red. von O. A. Deržavina. M., 1972.

⁴³ Angermann N. Deutsche Künstler... S. 85–86.

⁴⁴ Über Musikinstrumente im Besitz von Adligen und eigene Orchester derselben vgl. Petrovskaja I. F Drugoj vzgljad na russkuju kul'turu XVII veka. Ob instrumental'noj muzyke i o skomorochach. Istoriceskij očerk. SPb., 2013. S. 222–237.

⁴⁵ Bondarenko A. F. Istorija kolokolov... S. 332–336.

⁴⁶ Bücher, Gravüren, Edelschmiedearbeiten und Glocken deutscher Herkunft gelangten selbstredend auch unabhängig vom Moskauer Hof in die Ruś. Derartiges gehört ebenso wie die Vermittlung russischen Kulturgutes in die deutschen Länder unbedingt zu einem Gesamtbild des russisch-deutschen Kulturtransfers im 17. Jahrhundert, hat aber erheblich weniger Gewicht als die hier behandelten Beziehungen.

Damit sei unser Überblick beendet. Ergänzend könnte noch erwähnt werden, dass es einige deutsche Kaufleute gab, die das besondere Vertrauen der Regierung genossen. Dazu gehörten die Hamburger Peter Marselis (hier genannt mit einem Vorbehalt wegen der niederländischen Herkunft seiner Familie) und Heinrich Butenant, ferner Heinrich Kellermann senior und junior, deren Geschlecht aus Livland stammte, und der Lübecker Johann von Gohren. Die Nähe dieser bewährten Geschäftspartner zum Hof führte dazu, dass man in Handelsfragen ihren Rat einholte, dass sie mit diplomatischen Missionen sowie der Anwerbung von Fachkräften im Ausland beauftragt wurden und man ihnen weitere Aufgaben übertrug. Beispielsweise wurde Peter Marselis zur Ausarbeitung des wichtigen Neuen Handelsstatuts (*Novotorgovj ustav*) von 1667 herangezogen⁴⁷, und Johann von Gohren, der dem Zaren Aleksej Michajlovič einen Treueid geschworen hatte, gewann die erwähnten Leibärzte Andreas Engelhardt und Johannes Coster von Rosenburg für die Tätigkeit in Moskau⁴⁸.

An sich gibt es noch weitere Bereiche der deutsch-russischen Beziehungen, die man bei einem weiten Begriff von Kultur als Transfer von solcher betrachten kann. Dazu gehören der große Anteil deutscher Unternehmer an der Gründung von Manufakturbetrieben⁴⁹ und die Rolle der vielen deutschen Offiziere bei der Durchsetzung von Neuerungen im russischen Heer⁵⁰. Die Behandlung solcher Phänomene würde jedoch über die Aufgabenstellung dieses Beitrages hinausgehen, obgleich nicht zu übersehen ist, dass die Tätigkeit der Deutschen auch auf diesen Gebieten unmittelbar von der Regierung abhing. Bei unserer Betrachtung der deutsch-russischen kulturellen Begegnung speziell am Hof ist aber wahrhaft genug in unser Blickfeld gelangt.

Es ergab sich schon aus der Lage Deutschlands in der Mitte Europas, dass die Deutschen für Länder im Osten und Norden unseres Kontinents sehr bedeutende, oft die bedeutendsten Vermittler der abendländischen Kultur waren. Dabei sind aber immer wieder auch Einschränkungen zu machen. Was Russland betrifft, gilt dies gerade für die Zeit der ersten Romanovs. Wie hier nur vereinzelt angedeutet werden konnte, war im 17. Jahrhundert die Vermittlerrolle von Ukrainern und Weißrussen in der Literatur und Musik, in weiteren Bereichen der Kunst, im Bildungswesen und namentlich in der Theologie sehr stark. Auch gab es damals direkte polnische Einflüsse in Russland und nicht

⁴⁷ Orlenko S. P. Vychodcy iz Zapadnoj Evropy v Rossii XVII veka (pravovyj status i real'noe položenie). M., 2004. S. 138–139.

⁴⁸ Angermann N. Johann von Gohren. Ein Lübecker Rußlandkaufmann des 17. Jahrhunderts // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde 1984. Bd. 64. S. 103, 107–108.

⁴⁹ Angermann N. Predprinimateli iz Germanii v Moskve v XVII v. // Nemeckie predprinimateli v Moskve. Sbornik statej. M., 1999. S. 28–43.

⁵⁰ Orlenko S. P. Vychodcy iz Zapadnoj Evropy... S. 44–52.

wenige solche der Niederlande, die im 17. Jahrhundert wirtschaftlich und kulturell führend in Europa waren. In der wissenschaftlichen Literatur wird den Ukrainern und Weißrussen oder den Polen nicht selten sogar eine einzigartige Rolle bei der Kulturvermittlung zugeschrieben. Beispielsweise schrieb Hans-Joachim Torke, der beste deutsche Kenner der russischen Geschichte des 17. Jahrhunderts, dass „die Neuzeit als Zeitalter durch die Ruthenen [Ukrainer und Weißrussen, N. A.] nach Rußland gekommen ist“⁵¹. Wie sich gezeigt hat, waren in dieser Epoche aber auch die Deutschen wichtige Partner der Russen. Auffallend ist die Breite und Vielfalt des in unser Blickfeld gelangten Transfers. Gegenüber den deutsch-russischen Kulturbeziehungen der vorangegangenen Jahrhunderte bedeuteten die des 17. Jahrhunderts eine sehr erhebliche Steigerung. Dabei ist ohne weiteres erkennbar, dass die Initiative für die kulturelle Rezeption sehr weit gehend von der russischen Seite ausging (man denke nur an die Anwerbung vieler Fachleute). Somit bestätigt sich, dass die ersten Zaren aus dem Hause Romanov und die ihnen Nahestehenden zwar keine radikalen Reformer waren, aber die Notwendigkeit von Übernahmen aus dem Westen genau erkannt hatten.

Информация о статье:

Автор: Норберт Ангерманн, почетный профессор (Emeritus) Университета в Гамбурге, NorbertAngermann@T-Online.de.

Заголовок: Русско-немецкая встреча культур при дворе первых Романовых.

Резюме: Статья посвящена различным аспектам культурных связей России и Германии в XVII в. Ключевое внимание уделяется эпохе первых царей из династии Романовых, Михаилу Романову и Алексею Михайловичу. Автор рассматривает все наиболее важные области культурных взаимодействий двух стран, прослеживает взаимовлияние на примере различных отраслей знания (книгопечатание, медицинское знание, театр, музыка, архитектура, переводная деятельность, литература и др.). Главный тезис состоит в том, что в XVII в., в отличие от предшествующих столетий, ведущая роль и инициатива в деле культурного сближения двух стран принадлежали царскому двору — сами Романовы активно выписывали, вербовали и привлекали из-за границы (в основном из немецких земель) различных специалистов. Немецкие лекари, переводчики, художники, архитекторы, музыканты, писатели и другие деятели культуры сыграли немаловажную роль в распространении культурного опыта Западной Европы в России. Исследование автора убедительно показало, что в основном немецкие специалисты оседали и трудились в соответствующих приказах — прообразах будущих коллегий и министерств Российской империи.

Ключевые слова: культура, Германия, Романовы, Приказы, светское знание, иностранные специалисты, царский двор

⁵¹ Torke H.-J. Moskau und sein Westen. Zur “Ruthenisierung” der russischen Kultur // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte 1996. S. 119.

Information about the article:

Author: Norbert Angermann, Professor Emeritus of University of Hamburg, NorbertAngermann@T-Online.de.

Title: Russian-German cultural rapport at the Court of first Romanovs.

Summary: The present paper deals with different aspects of cultural rapports of Russian and German lands in XVII c. The main attention is paid to period of first Romanovs tsars: Mikhail Romanov and Aleksey Mikhaylovich. The author considers all the most important fields of cultural interrelations between two countries, traces the mutual influence through the instances of different branches of knowledge and sciences (book printing, medicine, theatre, music, architecture, translation work, literature etc.). The main idea is that in XVII, in contrast with the previous centuries, the leading role and actual initiative in the matters of cultural links belonged to tsars' court itself — Romanovs intensively levied, ordered and invited from outside lands (mainly from German lands) different specialists. The German doctors, translators, painters, architects, musicians, writers and other actors of cultural development played an no little-important role in spread of Western Europe cultural experience in Russia. The present study clarifies that in general German experts were recruited and worked in relevant so-called *Prikazy* — the prototypes of future Boards and Ministries of Russian Empire.

Key words: culture, Germany, Romanovs dynasty, *Prikazy*, secular knowledge, foreign experts, the Court of Russian Tsars

References:

Angermann, Norbert. Deutsche Künstler im Alten Rußland, in: *Kirche im Osten* 1977. Bd 20. S. 84–85.

Angermann, Norbert. Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Russland, in: Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und Früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Eckhard Hübner, Ekehard Klug und Jan Kusber. Stuttgart: F. Steiner, 1998. S. 221–250.

Angermann, Norbert. Johann von Gohren. Ein Lübecker Rußlandkaufmann des 17. Jahrhunderts, in: *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1984. Bd 64. S. 97–114.

Angermann, Norbert. Predprinimateli iz Germanii v Moskve v XVII v., in: Nemeckie predprinimateli v Moskve. Sbornik statej. M.: Obshchestvennaya Akad. Nauk Rossiiyiskich Nemtsev, 1999. S. 28–43.

Angermann, Norbert. U istokov kul'tury svjazej Moskovskogo gosudarstva i nemeckich zemel' (konec XV– načalo XVI v.), in: Nemcy v obščestvennoj i kul'turnoj žizni Moskvy. XVI– načalo XX veka. Materialy Meždunarodnoj naučnoj konferencii (15–16 fevralja 1999 g.). M.: Gosudarstvenny istoricheskiy Muzej, 1999. S. 10–15.

Angermann, Norbert, Martens, Anke. Gamburg i Moskva v XVII veke: svjazi v oblasti serebrjanogo dela, in: Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Zapadnoj Evropy / Sostavitel' A. G. Kudrjavceva. M.: IPP «Kuna», 2006. S. 70–77.

Antipov, Il'ya Vladimirovich. Novgorodskaja architektura vremeni archiepiskopov Evfimija II i Iony Otenskogo. M.: Indrik, 2009. 368 s.

Antipov, Il'ya Vladimirovich, Jakovlev, D. E. Vladyčnaja palata v Velikom Novgorode — pamjatnik sotrudničestva nemeckich i novgorodskich masterov, in: Russkie i nemcy. 1000 let istorii, iskusstva i kul'tury. Petersberg, 2012. S. 72–79.

Belobrova, Ol'ga Andreevna, Matveeva, E. N. Dorn Ivan, in: Slovař knižníkov i knižnosti Drevnej Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Č. 1. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1992. S. 277–278.

Bondarenko, Anna Fedorovna. Istorija kolokolov Rossii XI–XVII vv. M.: Russkaya Panorama, 2012. 464 s.

Bülck, Rudolf. Hildebrand von Horn. Ein holsteinisches Diplomatenleben. Zugleich ein Beitrag zur Geschichte der dänisch-russischen Beziehungen im letzten Drittelp des 17. Jahrhunderts, in: *Nordelbingen*. 1928. Jg. 7. S. 217–250.

Chudožníci narodov SSSR. Bibliografičeskij slovař. T. 2. M.: Iskusstvo, 1972. 440 s.

Cvetaev, Dmitriy Vladimirovich. Protestanstvo i protestanty v Rossii do épochi preobrazovanij. M.: Universitetskaya Tipografiya, 1890. 784 s.

Dumschat, Sabine. Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland, Stuttgart: F. Steiner Verlag, 2006. 750 s.

Fal'kovskij, Nikolay Ivanovich. Moskva v istorii techniki. M.: Moskovskiy Rabochiy, 1950. 528 s.

Findejzen, Nikolay. Očerki po istorii muzyki v Rossii s drevnejšich vremen do konca XVIII veka. T. 1. S drevnejšich vremen do načala XVIII veka. M.;L: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 103 s.

Gluskina S. M. „Kosmografija“ 1637 goda kak russkaja pererabotka teksta „Atlasa“ Merkatora, in: *Geografičeskij sbornik*. T. 3. M., 1954. S. 79–92.

Günther K. Neue deutsche Quellen zum ersten russischen Theater // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Jg. 8. S. 669–672.

Ikonopiscy i živopiscy Oružejnoj palaty. 1630–1690-e gody: dvorovladenija, sobytija povsednevnoy žizni, rabota po častnym zakazam. Sbornik dokumentov / sostavitel' M. V. Nikolaeva. M.: Drevlekhranilishche, 2012. 462 s.

Jensen, Claudia. Musical Cultures in Seventeenth-Century Russia. Bloomington; Indianapolis, 2009. 376 p.

Jensen, Claudia, Maier, Ingrid. Orpheus and Pickleherring in the Kremlin: The „Ballett“ for the Tsar of February 1672, in: *Scando-Slavica*. 2013. Vol. 59, 2. S. 145–184.

Kudrjavcev, Il'ya Mikhaylovich. „Izdatel'skaja“ dejatel'nost' Posol'skogo prikaza (K istorii russkoj rukopisnoj knigi vo vtoroj polovine XVII veka), in: Kniga. Issledovaniya i materialy 1963. T. 8. S. 179–244.

Kudrjavceva, Anzhella, Markova, Galina. Šedevry nemeckogo serebra v Kreml / Deutsche Silberschätze im Kreml. Katalog vystavki. M.: Khudozhhnik i kniga, 2002. 96 s.

Lavrent'eva A. V., Matveeva E. N. Gross Leontij // Slovař knižníkov i knižnosti Drevnej Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Č. 1. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1992. S. 241–244.

Lo Gatto, Ettore. Gli artisti italiani in Russia. 1. Gli architetti a Mosca e nelle province. Milano: Libri Scheiwiller, 1990. 338 p.

Lobin, Aleksey Nikolaevich. „Voinskie knigi“ 1607–1620 gg.: Opyt zaimstvovaniya evropejskoj voenno-teoretičeskoj nauki, in: Smutnoe vremja v Rossii: Konflikt i dialog kul'tur. Materialy naučnoj konferencii, S.-Peterburg, 12–14 oktjabrja 2012 g. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2012. S. 163–168.

Markova, Galina Anatol'evna. Nemeckoe chudožestvennoe serebro XVI–XVIII vekov v sobranii Gosudarstvennoj Oružejnoj palaty. M.: Iskusstvo, 1975. 199 s.

Moleva, Nina Mikhaylovna. Muzyka i zrelišča v Rossii XVII stoletija, in: *Voprosy istorii*. 1971. No. 11. S. 148–154.

Moskovskij teatr pri carjach Aleksee i Petre. Materialy / Hrsg. von S. K. Bogojavlenskij, in: Čtenija v Imperatorskom Obščestve istorii i drevnostej rossijskich pri Moskovskom universitete 1914. Kn. 2. [Otdel] I. S. 62–63.

Olearius, Adam. Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscowitischen vnd Persischen Reyse. Schleswig: Holwein, 1656. 766 s.

Orlenko, Sergey Pavlovich. Vychodcy iz Zapadnoj Evropy v Rossii XVII veka (pravovyj status i real'noe položenie). M.: Drevlekhranilishche, 2004. 344 s.

Ottomeyer, Hans. Bernstein und Politik — Staatsgeschenke des preußischen Hofes, in: Luxus und Integration. Materielle Hofkultur Westeuropas vom 12. bis zum 18. Jahrhundert / Hrsg. von W. Paravicini. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2010. S. 144–147.

Pervye p'esy russkogo teatra / Red. von A. N. Robinson. M.: Nauka, 1972. 511 s.

Petrovskaja, Irina Fedorovna. Drugoj vzgljad na russkuju kul'turu XVII veka. Ob instrumental'noj muzyke i o skomorochach. Istoricheskij očerk. SPb.: Kompozitor, 2013. 288 s.

Russkaja dramaturgija poslednej četverti XVII i načala XVIII v. / Red. von O. A. Deržavina. M.: Nauka, 1972. 368 s.

Šamin, Stepan Mikhaylovich. Kuranty XVII stoletija. Evropejskaja pressa v Rossii i vozniknovenie russkoj periodičeskoj pečati. SPb.: Al'yans Arkheo, 2011. 352 s.

Sobolevskij, Aleksey Ivanovich. Perevodnaja literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov. Bibliografičeskie materialy. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1903. 944 s.

Troickij, Vasiliy Ivanovich. Slovař moskovskich masterov zolotogo, serebrjanogo i almaznogo dela XVII veka. Vyp. 1–2. L.: Akademiya, 1928–1930.

Učenie i chitrost' ratnogo stroenija pechotnyh ljudej ... Moskva: Pečatnyj dvor, 1647. 287 s.

Unkovskaya M. V. Learning Foreign Mysteries: Russian Pupils of the Aptekarskii Prikaz 1650–1700, in: *Oxford Slavonic Papers*. 1997. N. S. 30. S. 1–20.

Urkunden und Astenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Bd. 19 / Hrsg. von F. Hirsch. Berlin: Georg reimer, 1906. 907 s.

Voronin, Nikolay Nikolaevich. Zodčestvo Severo-Vostočnoj Rusi XII–XV vekov. T. 1. XII stoletie. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 588 s.

Welke, Martin. Russland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts. 1613–1689, in: *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1976. Bd. 23. S. 105–276.

Wickhart, Carl Valerius. Moscowittische Reiß-Beschreibung / Oder Außführliche Relation dessen /Was sich Mit der Röm. Kays. Majestät Leopoldi I. Abgeordneten ... In dem 1675.sten Jahr denckwürdiges zugetragen. Wien: Kurner, [1677]. 262 s.

Zabelin, Ivan. Domašnij byt russkich carej v XVII st. Č. 2. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1915. 900 s.

Zemcov, Stanislav Markovich, Glazyčev, Vyacheslav Leonidovich. Aristotel' Foravanti. M.: Stroyizdat, 1985. 184 s.

УДК 94.(430).027-29; ББК 63.3(0)4 (4Гем)

F. Reichert

GLAUBE, GELD, GEDULD DIE WALLFAHRT NACH JERUSALEM IM SPÄTEN MITTELALTER¹

“Drei Säcke muss jeder Jerusalempilger besitzen, einen gefüllt mit Glauben, einen voll mit Geld, einen dritten gefüllt mit Geduld.” Mit diesen Worten trat ein italienischer Kleriker im Jahre 1494 seine Heiligrandreise an. Er zitierte dabei ein geflügeltes Wort, ein Sprichwort, das sich so oder ähnlich auch anderweitig nachweisen lässt². Mal sind es zwei Säcke, mal sind es drei, aber immer kommt zum Ausdruck, dass man sich gut vorbereiten musste, wenn man die Pilgerfahrt mit Erfolg absolvieren wollte. Offenbar war allen Heiligrandpilgern bewusst, dass ihnen eine große, aufwändige Reise bevorstand, dass erhebliche Schwierigkeiten zu erwarten waren und dass die Glaubensbereitschaft eines jeden Pilgers durch eine Vielzahl von Eindrücken herausgefördert wurde. Man konnte sich darüber informieren, weil eine große Zahl von Pilgern Berichte über ihre Erlebnisse verfassten. Diese Berichte wurden an spätere Pilger weitergegeben, sie wurden ausgiebig konsultiert und zur Vorbereitung benutzt. Außerdem gibt es eine große Zahl von Regimina, also Listen von Vorschlägen und Hinweisen, die man vor der Reise, unterwegs und am Ziel zu beachten hatte, wenn man heil und gesund wieder nach Hause kommen wollte. Vor allem medizinische, logistische und reisetechnische Fragen sind in diesen Texten behandelt³. Seit dem Ausgang des 15. Jahrhunderts liegen einige Pilgerberichte auch in gedruckter

¹ Vortrag in der Staatlichen Universität Sankt Petersburg am 27. Juni 2011 sowie am Deutschen Historischen Institut in Moskau am 28. Juni 2011. Die Vortragsform wurde beibehalten und um die wichtigsten Nachweise ergänzt.

² Viaggio a Gerusalemme di Pietro Casola, a cura di Anna Paoletti (Oltramare 11), Alessandria 2001, S. 171 f.: *Tri sachi bisogna ad ciascuno vadi a questo viagio del Sepulcro Dominico: uno saco di patie[n]tia, uno saco de dinari e uno saco de fede;* Margaret Newett, Canon Pietro Casola's Pilgrimage to Jerusalem in the Year 1494, Manchester 1907, S. 225. Vgl. Ursula Ganz-Blättler, Andacht und Abenteuer. Berichte europäischer Jerusalem- und Santiago-Pilger (Jakobus-Studien 4), Tübingen 1990, S. 253.

³ Vgl. Folker Reichert (Hg.), Quellen zur Geschichte des Reisens im Spätmittelalter (Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe, Bd. 79), Darmstadt 2009, S. 61 ff.
© F. Reichert, 2014

Form vor. Sie wurden offenbar gerne gelesen, waren anderen Pilgern nützlich und machten die Wege zum Heiligen Land weithin bekannt. Ein Buch wie die *Peregrinatio des Mainzer Kanonikers Bernhard von Breydenbach* wurde Jahr für Jahr neu aufgelegt und war auch durch seine eindrucksvollen Illustrationen erfolgreich⁴. Verschiedene Medien trugen also dazu bei, dass jeder Pilger wissen konnte, was auf ihn zukam.

Das alles zeigt, dass die Pilgerfahrt zum Heiligen Land im späten Mittelalter ein weit verbreitetes Phänomen war⁵. Ich spreche nicht von den Anfängen in der Spätantike, als die heilige Helena das Heilige Kreuz in Jerusalem entdeckt haben soll und eine vornehme römische Dame namens Egeria über den Sinai nach Jerusalem zog. Ich spreche auch nicht von der Zeit der Kreuzzüge, als zum Beispiel der Abt Daniil von Černigov ohne besondere Schwierigkeiten zum Heiligen Land reisen konnte⁶. Ich spreche nur vom 14. und 15. Jahrhundert, genauer: von der Zeit zwischen 1335 und 1520. In diesem Zeitraum sorgte eine beispiellose politische und ökonomische Konstellation dafür, dass eine große Zahl von christlichen Pilgern zwar unter Strapazen, aber doch einigermaßen sicher nach Jerusalem reisen und an den heiligen Stätten in und außerhalb der Stadt beten konnte. Alle aber mussten mitbringen, was der oben zitierte italienische Pilger aufgezählt hatte: Glaube, Geld, Geduld.

Glaube

Zunächst also zum Glauben, der geistigen Grundlage jeder Wallfahrt. Wir können sie in jedem Text, in jedem Bild, in jedem materiellen Überrest der Heiliglandfahrten erkennen. Sogar aus einem unscheinbaren Stück wie dem abgebildeten (**Abb. 1**) spricht die intensive Heilserwartung, die mit jedem Aufenthalt in Jerusalem verbunden war. Es handelt sich um einen Brief, den ein Pilger nach seiner Rückkehr vom Heiligen Land seiner Dame, einer Fürstin, zuschickte. Dieser Brief befindet sich heute im Stadtmuseum in Düsseldorf. Als Verfasser gilt der rheinische Ritter und Weltreisende Arnold von Harff. Aber das ist sicher nicht richtig. Der Absender, also der Verfasser, bleibt anonym. Er erklärt, dass er im Heiligen Land war und dort alle heiligen Stätten mit einem

⁴ Frederike Timm, Der Palästina-Pilgerbericht des Bernhard von Breidenbach und die Holzschnitte Erhard Reuwichs. Die *Peregrinatio in terram sanctam* (1486) als Propagandainstrument im Mantel der gelehrten Pilgerschrift, Stuttgart 2006.

⁵ Zur Wallfahrt nach Jerusalem vgl. Folker Reichert, Erfahrung der Welt. Reisen und Kulturgegnung im späten Mittelalter, Stuttgart 2001, S. 137 ff.; ders., Die Reise des Pfalzgrafen Ottheinrich zum Heiligen Land, Regensburg 2005, S. 8 ff.; Nicole Chareyron, Pilgrims to Jerusalem in the Middle Ages, New York 2005; Colin Morris, The Sepulchre of Christ and the Medieval West. From the Beginning to 1600, Oxford 2005; Sabine Penth, Die Reise nach Jerusalem. Pilgerfahrten ins Heilige Land, Darmstadt 2010.

⁶ Itineraria Rossica. Altrussische Reiseliteratur, übersetzt von Klaus Müller, Leipzig 1991, S. 34–99.

kleinen eisernen Ringlein berührt habe. Diesen Ring schenkt er nun seiner Dame. Mit mehreren Fäden hatte er den Ring so gut auf dem Papier befestigt, dass er 500 Jahre an seinem Ort blieb⁷.

Dieses Dokument ist aus zwei Gründen wichtig: 1. Wir wissen, dass solche Ringe in sehr großer Zahl hergestellt wurden. Vor allem in Venedig wurden sie an die Heiliglandpilger verkauft. Ihr Verkauf war ein Teil des Geschäfts mit den Pilgern. In Jerusalem wurden die Ringe über das Heilige Grab und die anderen heiligen Stätten gezogen oder gestrichen — dadurch wurden sie zu sogenannten Kontaktreliquien gemacht. Es war eine veritable, hochheilige Reliquie, die auf diesem Wege nach Europa und irgendwann nach Düsseldorf kam⁸.

Zweitens ist das Stück so wichtig, weil alle diese Ringe irgendwann als wertlos betrachtet wurden. Es muss Unmengen von diesen Ringen gegeben haben. Dieser hier ist der einzige, der erhalten geblieben ist. Arnold Esch hat einmal festgestellt, dass die verschiedenen historischen Quellen und Quellenarten ganz unterschiedliche Überlieferungschancen besaßen⁹. Die kleinen Metallringe, die zu Kontaktreliquien gemacht wurden, hatten eine ganz schlechte Überlieferungschance. Entweder wurde ihre Bedeutung nicht mehr erkannt oder sie wurden in der Reformation wie viele andere Reliquien zerstört. Dieses Ringlein dagegen wurde wahrscheinlich deshalb gerettet, weil es fest an einem Brief hing und seine Bedeutung durch den Text erklärt wurde. Es ist ein Unikum und auch deshalb so wichtig.

Grundsätzlich muss man zwischen verschiedenen Arten von Reliquien unterscheiden: Am wertvollsten waren natürlich die Primärreliquien, also die körperlichen Überreste von Jesus, Maria, den Aposteln oder anderen heiligen Männern und Frauen. Davon aber gab es in Jerusalem und Palästina so gut wie gar nichts¹⁰. Jesus und Maria waren vollständig in den Himmel gefahren. Das Wenige, was sie zurückgelassen hatten (Blut, Haare, Milch etc.) befand sich nicht mehr im Heiligen Land. Die Apostel waren als Missionare in die Welt gegangen,

⁷ Vgl. Folker Reichert, *Ein cleins ringlein, an allen heiligen stetten angerürt*. Zur materiellen Überlieferung der Heiliglandfahrten im 15. Jahrhundert, in: Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters 67 (2011), S. 609–623.

⁸ Zum Reliquienwesen vgl. Anton Legner (Hg.), Reliquien. Verehrung und Verklärung, Köln 1989; ders., Reliquien in Kunst und Kult zwischen Antike und Aufklärung, Darmstadt 1995; Arnold Angenendt, Heilige und Reliquien. Die Geschichte ihres Kultes vom frühen Christentum bis zur Gegenwart München 1994; ders., Geschichte der Religiosität im Mittelalter, Darmstadt 1997, S. 691 ff.; G. J. C. Snoek: Medieval Piety from Relics to the Eucharist. A Process of Mutual Interaction, Leiden 1995; Andreas Tacke (Hg.), „Ich armer sundiger mensch“. Heiligen- und Reliquienkult am Übergang zum konfessionellen Zeitalter, Göttingen 2006.

⁹ Arnold Esch, Überlieferungs-Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers, in: HZ 240 (1985). S. 529–570.

¹⁰ Vgl. Michael Hesemann, Die stummen Zeugen von Golgatha. Die faszinierende Geschichte der Passionsreliquien Christi, Kreuzlingen — München 2000.

Jakobus nach Spanien, Thomas nach Indien, Philippus nach Skythien, Andreas nach Griechenland, Petrus und Paulus nach Rom. Dort musste man ihre Gebeine suchen. Auch Märtyrergräber gab es in Jerusalem viel weniger als in Rom.

Jeder Heiliglandpilger musste deshalb enttäuscht sein. Er konnte sich aber damit trösten, dass die Heilige Stadt Jerusalem eine einzige großartige Kontaktreliquie war. Hier war Jesus Christus gewandelt, hier hatte er gelebt und gelitten. Hier war seine Mutter Maria gestorben, hier hatten die Apostel gewirkt und war die erste Kirche entstanden. Man konnte den Fußabdruck Jesu Christi auf dem Ecce-Homo-Bogen und in der Himmelfahrtskapelle sehen. Ein großes Stück von der Geißelungssäule war übrig geblieben, auf dem Salbungsstein hatte Jesu Christi Leichnam gelegen und die Grabeskirche mit der Heiliggrabkapelle unter der Rotunde war ohnehin das authentischste Zeugnis der Passion. Sand, Steine, Wasser, Bäume und Sträucher — alles war irgendwann irgendwie mit Christus, Maria oder den Jüngern in Berührung gekommen¹¹.

Jeder Pilger hätte gerne davon etwas mitgenommen und nach Hause gebracht. Wasser vom Jordan, Öl vom Ölberg, Erde von Golgatha, Staub von den Straßen Jerusalems — das alles wurde gesammelt, abgepackt und nach Hause transportiert. Pflastersteine wurden herausgebrochen und nicht einmal das Heilige Grab war vor dem Hunger nach Reliquien sicher. Manche Pilger hatten Werkzeug dabei und schlugen kleine Stücke ab, die dann als Reliquien galten. Ein italienischer Pilger beschreibt das Verfahren: Zuerst mussten die Aufseher abgelenkt werden, dann berührte man mit den mitgebrachten Ringen das Heilige Grab und schließlich nahm man mit, was man kriegen konnte; aber — *cum difficultate accepi, quod durus lapis est*: nur mit Schwierigkeiten war das möglich, weil der Stein so hart war¹². Wäre das ungehindert weitergegangen, dann wäre bald nichts mehr übrig geblieben vom Heiligen Grab.

Deshalb wurden zunächst geistliche Strafen angedroht. Später wurden kleine Säckchen mit Steinen an die Pilger verteilt. Man sagte ihnen, dass das Steine vom Heiligen Grab seien. Das war zwar eine Lüge, aber eine fromme Lüge. Denn anders ging es nicht. Zuständig für den Schutz des Heiligen Grabes und der zahlreichen anderen heiligen Stätten waren die Franziskaner vom Berg Zion im Südwesten der Heiligen Stadt, ganz in der Nähe des Coenaculum, wo das Letzte Abendmahl Jesu Christi mit seinen Jüngern stattgefunden hatte. Seit 1335

¹¹ Zur Bedeutung Jerusalems im mittelalterlichen Weltbild zuletzt Folker Reichert, Nabel der Welt, Zentrum Europas und doch nur Peripherie? Jerusalem in Weltbild und Wahrnehmung des späten Mittelalters, in: Zeitschrift für Historische Forschung 38 (2011), S. 559–584; ders., Das Bild der Welt im Mittelalter, Darmstadt 2013, S. 36 ff.

¹² Ursula Ganz-Blättler, „Ich kam, sah und berührte“. Jerusalem als Pilgerziel im ausgehenden Mittelalter, in: Barbara Haupt und Wilhelm G. Busse (Hg.), Pilgerreisen in Mittelalter und Renaissance (Studia humaniora 41), Düsseldorf 2005, S. 15–30, hier S. 22 f.

hatten die Franziskaner hier eine Niederlassung¹³. Sie sahen ihre Aufgabe in der Pflege der heiligen Stätten, in der Propaganda für die Wallfahrt nach Jerusalem und in der Betreuung der Pilger, die ins Heilige Land kamen. Die Pilger wurden persönlich vom Abt, dem Guardian, im Hafen von Jaffa abgeholt und begrüßt. Als erstes erklärte er ihnen, worauf sie zu achten hatten:

- dass sie mit den Einheimischen keinen Streit anfangen sollten,
- dass sie nichts vom Heiligen Grab abschlagen sollten,
- dass sie nicht ihren Namen oder ihr Wappen an die Wände malen sollten,
- dass sie alles glauben sollten, was man ihnen erzählte. Und vieles andere mehr.

In Jerusalem besorgten die Franziskaner die Unterkünfte, luden die Pilger zum Essen ein und nahmen die Fürsten unter ihnen in ihre Gebetsgemeinschaft auf. Vor allem aber boten sie Führungen durch die Heilige Stadt und in die Umgebung an. Manche der heiligen Orte wurden erst durch die Franziskaner festgelegt und definiert. Denn die Wallfahrt nach Jerusalem stand immer in heftiger Konkurrenz zu den beiden anderen großen Pilgerzielen Santiago und Rom. Es kam also darauf an, möglichst viele interessante Plätze auszuwählen und als besonders attraktiv darzustellen.

Die Führungen wurden in mehreren Sprachen angeboten, am häufigsten in Latein, Italienisch und Deutsch. In der Regel gingen sie von der Grabeskirche aus, führten dann über die Via Dolorosa am Felsendom vorbei zum Stephanstor, von da zum Grab Marias im Tal Josaphat, zur Himmelfahrtskapelle auf dem Ölberg. Man passierte den Teich Siloah und den Blutacker Hakeldamah, kam zum Zionskloster der Franziskaner, besuchte die Stätte des Abendmahls und den Ort, wo der Heilige Geist über die Jünger gekommen war. An der Grabeskirche endete der Rundgang. Ausflüge führten nach Bethphage, Bethanien, Bethlehem und zum Jordan. Es war ein enges Besuchsprogramm und alle Pilger hatten mit Gebeten, Andachten und den Erläuterungen der Franziskaner viel zu tun. Wenn man bedenkt, dass die meisten von ihnen nur ein oder zwei Wochen in Jerusalem blieben, dann können wir uns ausmalen, wie anstrengend der Aufenthalt war.

Aber die Reise nach Jerusalem war auch sehr attraktiv, der Aufenthalt in der Heiligen Stadt sehr erfüllend. Fast das ganze Leben Jesu, von der Geburt bis zum Tod, konnte man hier imaginieren. Einmal heißt es, man könne sich ganz genau vorstellen, wie „er im Tempel predigt, auf dem Ölberg die Jünger belehrt, auf dem Berg Zion das Abendmahl zu sich nimmt, die Füße der Jünger wäscht, seinen Leib und sein Blut hingibt, in Gethsemane betet, blutigen Schweiß vergießt, den Verräter küsst, nach der Gefangennahme gezogen, verspottet und bespuckt wird, wie er als Verurteilter das Kreuz trägt, beim Stadttor unter dem

¹³ Lemmens, Leonhard: Die Franziskaner im Heiligen Lande, Bd 1: Die Franziskaner auf dem Berge Sion, 1335–1552 (Franziskanische Studien Beiheft 4), Münster 1925.

Gewicht des Kreuzes zusammenbricht, hinter Simon von Kyrene einhergeht und auf dem Kalvarienberg für uns das Mysterium der Passion vollzieht“¹⁴. Das alles konnte man sich so genau vorstellen, weil man sich an den richtigen Orten wusste und die ganze heilige Geschichte noch einmal erklärt bekam. Manche gingen noch weiter und inszenierten an den heiligen Stätten eine ganz persönliche *imitatio Christi*: Man bestieg in Bethphage einen Esel und ritt wie Jesus am Palmsonntag nach Jerusalem, man wusch sich am Teich Siloah die Augen, weil Christus dort einen Blinden geheilt hatte, und man ließ sich mit dem Wasser des Jordan noch einmal taufen, weil Christus dort getauft worden war. Im Tal Josaphat stellte man sich dann das Jüngste Gericht vor und reservierte mit einem Stein einen Sitzplatz für das Ende der Geschichte¹⁵.

Außerdem gab es an allen heiligen Stätten Ablass, also den Nachlass oder Erlass von geistlichen Strafen, und das in unendlicher Menge. Ein schwäbischer Pilger zog einmal Bilanz: Insgesamt gebe es 121 heilige Stätten in Palästina, an 29 von ihnen erhalte man vollständigen, an allen anderen teilweisen Ablass¹⁶. Und es wurden immer mehr. Die Franziskaner waren in dieser Hinsicht sehr kreativ. Am Zionskloster stand eine Tafel, auf der man lesen konnte, wie viel Ablass es an jedem einzelnen Ort gab. Auch gedruckte Listen waren im Umlauf¹⁷. Wenn es irgendwo keinen Ablass gab, dann waren die Pilger enttäuscht. Arnold Angenendt hat einmal die Frömmigkeit vor der Reformation als „gezählte Frömmigkeit“ bezeichnet¹⁸. Die Heiliglandfahrten des späten Mittelalters sind ein ganz besonders anschauliches Beispiel dafür.

Geld

So viel zum Glauben. Kommen wir nun zum Geld, der weltlichen Seite eines fundamental geistlichen Unternehmens. Schon bei der Wahl der Transportmit-

¹⁴ *Redeat postea in Ierusalem, ut uideat et audiat in templo Ihesum predicanterem, in monte oliueti discipulos instruentem, in monte Sion cenantem, discipulorum pedes lauantem, corpus Suum et sanguinem tradentem, in Gethsemani orantem, sudore sanguineo defluentem, traditorem osculantem, captum trahi, illudi, conspui, iudicatum, crucem baiulanten, sub pondere crucis in porta ciuitatis ... deficientem, Cyreneum Simonem succedentem, in Caluaria pro nobis mysteria passionis celebrantem. Horum omnium locorum et singulorum adhuc ita plena et manifesta exstat memoria, sicut in illo die exstitit, quando presencialiter erant facta* (Burchard von Monte Sion, in: J. C. M. Laurent: *Peregrinatores mediæ aevi quatuor: Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odoricus de Foro Julii, Wilbrandus de Oldenbourg*, Leipzig 1864, S. 19 f.).

¹⁵ Gerhard Faix/Folker Reichert, Eberhard im Bart und die Wallfahrt nach Jerusalem im späten Mittelalter (Lebendige Vergangenheit 20), Stuttgart 1998, S. 38 ff.

¹⁶ Ebd., S. 163.

¹⁷ Vgl. Josephine Brefeld, A Guidebook for the Jerusalem Pilgrimage in the Late Middle Ages. A Case for Computer-Aided Textual Criticism (Middeleeuwse Studies en Bronnen 40), Hilversum 1994; Reichert, Reise, S. 36, 46.

¹⁸ Arnold Angenendt/Thomas Braucks [et al.], Gezählte Frömmigkeit, in: Frühmittelalterliche Studien 29 (1995), S. 1–71.

tel spielte Geld eine Rolle. Eine Illustration zum Pilgerbericht des Konstanzer Patriziers Konrad Grünemberg (1486)¹⁹ zeigt eine der Optionen, die die Heiliglandfahrer besaßen (**Abb. 2**): *Conterinis gallea* — eine Mittelmeergaleere, genauer gesagt: keine dicke, schwerfällige *galea grossa*, sondern eine schlanke, schnelle, wendige *galea subtilis* mit schmalem Rumpf und einer großen Zahl von Rudern. Mehrere Fahnen mit Wappen sind zu erkennen, vor allem das fünffache Jerusalem-Kreuz ganz vorne am Bug, der Markuslöwe der Republik Venedig und das blau-goldene gestreifte Wappen der Familie Contarini. Außerdem sieht man mehrere Matrosen in den Segeln und bei der Arbeit, einen Rammsporn und mehrere Kanonen zu Angriff und Verteidigung, die Pilger in der sogenannten Pupphütte zusammen mit dem Kapitän. Es handelte sich also um ein gut ausgerüstetes Kriegsschiff mit Waffen und Personal. Nicht alle Pilger fuhren mit einer solchen *galea subtilis* nach Palästina. Vor allem den fürstlichen Pilgern wurde sie empfohlen²⁰. Aber ob man eine *galea subtilis* oder eine dicke *galea grossa* auswählte — immer musste man genügend Geld aufbringen, um allein oder zusammen mit anderen ein solches Schiff zu mieten. Im Unterschied zu den Wallfahrten nach Santiago de Compostela und Rom gilt die Reise nach Jerusalem als die Wallfahrt der Reichen und Besserverdienenden unter den Pilgern.

Der Landweg kam schon seit Langem nicht mehr in Frage. Er wäre wohl billiger gewesen, aber spätestens seit der osmanischen Expansion auf dem Balkan waren die Wege nicht mehr sicher. Größere Gruppen von Pilgern hätten sich unkalkulierbaren Risiken ausgesetzt. Der Weg über das Meer wurde deshalb von fast allen vorgezogen. Einige Pilger schifften sich in Marseille oder Genua ein, aber die meisten zogen es vor, nach Venedig zu gehen und dort die Passage über das Mittelmeer zu buchen. Denn in Venedig gab es eine feste Infrastruktur, regelmäßige Reiseangebote und viel Erfahrung im Geschäft mit den Pilgern. Jährlich fuhren zweimal zwei Schiffe nach Palästina. Bedeutende Familien besaßen dafür Lizenzen, zum Beispiel die Familie Contarini. Das Geschäft war lukrativ. Denn jährlich kamen bis zu 800 Kunden nach Venedig, und auf dem Rückweg konnten der Schiffsherr (der Patron) und die Matrosen noch etwas Handel treiben, also einen Nebengewinn erzielen. Die Republik Venedig hatte ein Interesse daran, dass das Geschäft mit den Pilgern auf Dauer gut funktionierte. Die Pilger wurden registriert, vom Doge empfangen, ihre Rechte garantiert. Nach der Reise konnten sie sich bei den venezianischen Behörden beschweren, wenn es Probleme gegeben hatte. Offenbar hat es das öfters gegeben. Man fühlt sich an heutige Verhältnisse erinnert, wo ja auch immer nach

¹⁹ Vgl. Andrea Denke, Konrad Grünembergs Pilgerreise ins Heilige Land 1486. Untersuchung, Editon und Kommentar (Stuttgarter Historische Forschungen 11), Köln 2011.

²⁰ Oswald von Wolkenstein an Pfalzgraf Ludwig III, in: Quellen zur Geschichte des Reisens (wie Anm. 3), S. 69.

der Reise die Reklamationen und Beschwerden vorgebracht werden. Überhaupt ist es nicht falsch, die Heiliglandfahrten des späten Mittelalters mit modernen Gruppen- und Pauschalreisen zu vergleichen. Vielleicht ist das ein wenig anachronistisch. Aber die Ähnlichkeiten sind bemerkenswert und auffällig²¹.

Ganz sicher haben wir es mit Gruppenreisen zu tun. Zwar konnten auch Alleinreisende die Wallfahrt unternehmen. Doch davon wurde ausdrücklich abgeraten; eine so weite Reise sei alleine kaum zu ertragen²². Einzelreisende traten daher in das Gefolge eines Fürsten ein oder sie schlossen sich mit anderen Reisenden zu einer so genannten Gesellschaft zusammen. Mehrere Gesellschaften konnten sich dann zusammentun, um gemeinsam nach einem geeigneten Schiff zu suchen. Die Auswahl war nicht groß, aber immerhin gab es verschiedene Angebote und man konnte mit den Schiffsherren verhandeln. Das Ergebnis der Verhandlungen war immer ein Vertrag, der die Leistungen des Unternehmers und die Rechte der Kunden fest hielt. Mehrere solche Verträge sind erhalten und sie lassen erkennen, wie intensiv um die einzelnen Paragraphen und Artikel gerungen wurde. Diese Verträge wurden immer umfangreicher, und das zeigt, dass es immer neue Schwierigkeiten gab. Die nächste Pilgergruppe versuchte dann, diese Schwierigkeiten von vornherein auszuschließen und einen entsprechenden Passus in ihren Vertrag hineinzuschreiben. So wollte man aus den Erfahrungen der Vorgänger lernen. Aber dann gab es andere Probleme. Und so weiter und so fort²³.

Über vier Punkte wurde vor allem gestritten:

Erstens über die Verpflegung an Bord. Sie war im Preis eingeschlossen, aber sie taugte nicht viel, und zwar in doppelter Hinsicht: zum einen gab der Patron „nach welschen, nach italienischen Sitten“; für die Deutschen war das einfach zu wenig, außerdem schmeckte es ihnen nicht: Zwiebeln und Knoblauch, Schaf fleisch mit Biscotti, hart, schwarz und ohne Salz, „bei uns“ (so heißt es einmal) „bei uns gibt man nur Schweinen und Hunden davon“²⁴. Am besten nahm man die eigenen Lebensmittel mit und, wenn möglich, einen Koch dazu.

Zweitens wurde regelmäßig über die Länge der Aufenthalte auf den griechischen Inseln gestritten, vor allem was die Rückreise anging. Die Passagiere hatten ein Interesse daran, so schnell wie möglich zurück nach Venedig

²¹ Vgl. Folker Reichert, Pilger und Patrone. Aspekte einer gespannten Beziehung, in: Venezia incrocio di culture. Percezioni di viaggiatori europei e non europei a confronto, hg. von Klaus Herbers und Felicitas Schmieder, Rom 2008, S. 21–31.

²² Reichert, Die Reise des Pfalzgrafen Ottheinrich (wie Anm. 5), S. 128 f.

²³ Ebd., S. 24 f.; Reichert, Quellen (wie Anm. 3), S. 80–87.

²⁴ Dietrich von Schachten, Beschreibung der Reise ins heilige landt, welche Herr landgraff Wilhelm, der ältere, anno 1483 (1491) Sontags nach Ostern vorgenommen, in: Deutsche Pilgerreisen nach dem Heiligen Lande, hg. und erläutert von Reinhold Röhricht und Heinrich Meisner, Berlin 1880, S. 162–245, hier S. 188.

zu fahren. Sie hatten genug von der Welt gesehen und wollten nach Hause. Sie hatten Heimweh. Der Schiffsherr und die Matrosen dagegen waren an längeren Aufenthalten interessiert. Sie wollten Handelswaren ins Schiff laden und so noch ein Nebengeschäft betreiben. Besonders an zwei Orten blieb man länger: auf Kreta und auf Zypern; denn auf Zypern gab es Salz und Zucker, auf Kreta Weine. Immer wieder wurde heftig und erbittert diskutiert, wie lange die Einkäufe dauern durften. Es gab aber auch den Fall, dass man Frieden schloss, wenn nämlich die deutschen Pilger merkten, dass es auf Kreta die besten Weine gab, Malvasier und Muskateller. Damit ließ sich die lange Wartezeit leicht verkürzen²⁵.

Ein drittes Problem war die Zahl und auch die Art der Passagiere. 70–80 Passagiere neben den Seeleuten — damit konnte man leben. Doch jeder weitere Mann war zu viel. Gerade das aber war meistens der Fall. Mit 80 Personen war das Schiff nicht wirklich voll. Andere Pilgergruppen kamen dazu, man wartete wie bei einem Sammeltaxi, bis der letzte Platz besetzt war, und manchmal wurden noch Mitreisende eingeladen, die man nicht wollte. „Welsche“, also Italiener, Griechen und sogar Frauen. Am Ende konnte es vorkommen, dass 120, 130 oder sogar über 200 Passagiere zusammen reisten. Dann aber war es wirklich eng auf dem Schiff.

Viertens schließlich ging es immer ums Geld. Die Passagiere hatten einen Pauschalbetrag zu bezahlen, und insofern war ihre Reise eine Pauschalreise. Darin waren in der Regel folgende Teilbeträge enthalten: die Miete für einen Platz im Schiff, die Geleitgelder im Heiligen Land und die Kosten für die Verpflegung an Bord (das sogenannte Fressgeld, wie ein Pilger aus Nürnberg sich ausdrückte)²⁶. Doch wer trug die unerwartet entstandenen Kosten? Wer sollte für Lösegelder oder Trinkgelder aufkommen? Was war mit den Landaufenthalten, die länger als vorgesehen dauern konnten? Was geschah, wenn ein Pilger sich in Jerusalem von der Gruppe trennte und noch zum Sinai weiterreiste? War dann das Geld für die Heimreise komplett verloren? Heute kennen wir den Begriff ‚all inclusive‘, aber wir wissen, dass ‚all inclusive‘ nicht ‚all inclusive‘ bedeutet. Es gibt immer noch zusätzliche Kosten, und über die wird dann gestritten. Im Mittelalter war das nicht anders. Auch hier wird deutlich, dass der Pilgertourismus des 15. Jahrhunderts und der Pauschal tourismus von heute eine gewisse Ähnlichkeit besitzen.

In all dem wird ein ständiger Konflikt sichtbar, und es war nicht ein Konflikt zwischen einem Geschäftsmann und seinen Kunden, sondern ein Konflikt zwischen Deutschen und Italienern. Denn es gab nur Streit zwischen deutschen

²⁵ Casola, Viaggio (wie Anm. 2), S. 252.

²⁶ Randall Herz, Die, Reise ins Gelobte Land Hans Tuchers des Älteren (1479–1480). Untersuchungen zur Überlieferung und kritische Edition eines spätmittelalterlichen Reiseberichts (Wissensliteratur im Mittelalter 38), Wiesbaden 2002, S. 631 Z. 6.

Pilgern und venezianischen Patronen. Italienische Pilger reagierten ganz anders. Die Deutschen dagegen warfen den Italienern böse Absichten, Hinterlist und Betrug vor. Das alte Misstrauen gegenüber den Welschen, den Romanen, kam darin zum Ausdruck. Durch die Pilgerfahrten des späten Mittelalters erhielt das alte Stereotyp neue Nahrung²⁷. Meines Erachtens tat man den venezianischen Schiffsherren, den Patronen, Unrecht. Die venezianischen Patroni stellten eine regelmäßige Verbindung zwischen Europa und Palästina her, und sie sorgten dafür, dass ihre Kunden heil und gesund wieder zurückkehren konnten, dies alles zu einem kalkulierbaren Preis. Ohne sie hätten die Pilger wahrscheinlich noch viel tiefer in ihren Sack mit Geld greifen müssen.

Geduld

So viel zum Geld. Kommen wir also zur *patientia*, zur Geduld, von der die Heiliglandpilger ebenfalls einen vollen Sack mitnehmen mussten! Man kann *patientia* aber auch mit ‚Leidensfähigkeit‘ übersetzen. Denn die Reise war nicht nur eine Geduldsprobe, sondern auch eine Zeit der Leiden, Gefahren und Entbehrungen. Sie dauerte ungefähr ein halbes Jahr und führte quer durch das östliche Mittelmeer, damals ein europäisches Kriegs- und Krisengebiet. Immer musste man auf feindliche türkische Schiffe achten. Und wenn man keinen türkischen Schiffen begegnete, dann traf man auf Piraten. Deshalb war es gut, ein schnelles Schiff, bestückt mit modernen Waffen, zu besitzen. Am besten fuhr man von einem sicheren Hafen zum anderen, von Venedig zu den venezianischen Besitzungen an der dalmatinischen Küste, von Dalmatien nach Kreta, von Kreta nach Rhodos, von Rhodos nach Zypern. Wenn man schließlich in Palästina ankam, war man am Ziel, aber andere Schwierigkeiten begannen. Denn Palästina war Feindesland, und man musste mit täglichen Angriffen und Belästigungen rechnen.

Sogar bedeutende Reichsfürsten gerieten als Pilger in Not. Einer von ihnen war Ottheinrich, Wittelsbacher, Pfalzgraf bei Rhein und regierender Fürst in dem kleinen Fürstentum Pfalz-Neuburg an der Donau. Später sorgte er für die Einführung der Reformation in der Pfalz und war ein großer Mäzen und Förderer der Renaissance in Deutschland. 1521, als er ins Heilige Land reiste, war Ottheinrich aber noch sehr jung, nämlich 19 Jahre alt²⁸. Es war das übliche Alter für adelige Pilger und das beste Alter, um die zahlreichen Strapazen zu

²⁷ Zum deutschen Italienbild vgl. Klaus Voigt, Italienische Berichte aus dem spätmittelalterlichen Deutschland. Von Francesco Petrarca zu Andrea de' Franceschi (1333–1492) (Kieler Historische Studien 17), Stuttgart 1973; Reichert, Erfahrung der Welt, S. 57 ff. Dass die Heiliglandfahrten ‚nationale‘ und Völkerstereotypen nicht abbauten, sondern erneuerten, zeigt Ludwig Schmugge, Über ‚nationale‘ Vorurteile im Mittelalter, in: Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters 38 (1982), S. 439–459.

²⁸ Reichert, Die Reise des Pfalzgrafen Ottheinrich (wie Anm. 5).

überleben. Einige Jahre nach der Rückkehr ließ er einen großen Wandteppich herstellen, auf dem das Abenteuer seiner Heiliglandreise dargestellt ist (Abb. 3). Man sieht das Heilige Land mit einigen heiligen Stätten, zum Beispiel den Mons quarantanae, den Berg der Versuchung, die Geburt Jesu Christi, die Taufe im Jordan, das Martyrium des heiligen Georg und auch die Pilger, die auf Eseln nach Jerusalem reiten — das alles füllt den Hintergrund aus²⁹.

Am wichtigsten aber ist nach meiner Meinung die Szene im Vordergrund. Sie zeigt eine Pilgergaleere im Hafen von Jaffa, daneben ein kleineres Schiff und an Land einige Pilger, die die Galeere erreichen möchten. Doch sie werden durch türkische Soldaten daran gehindert. Sie werden geschlagen und verprügelt. Die Szene hat sich wirklich so abgespielt. Ottheinrich erzählt ausführlich davon. Der Patron hatte ein Problem mit dem muslimischen Herrn am Ort. Daraufhin wurden alle, die Pilger und der Patron, in der Unterkunft fest gehalten. Es kam zu Tumulten und Schlägereien. Ottheinrichs Hofmeister warf einem Türkten einen Stein ins Gesicht, ein anderer Pilger schlug einem Heiden „ins Maul“, angeblich weil er das verdient hatte. Ottheinrich fuhr heimlich vom Hafen zum Schiff, die anderen mussten sich die Fahrt zum Schiff mit Gewalt erzwingen³⁰.

Das war kein seltener Fall. Solche gewalttätigen Auseinandersetzungen kamen immer wieder vor. Leicht lassen sich die Gründe beschreiben. Die christlichen Pilger waren nämlich nur bei den kleinen Geschäftsleuten und den Eseltreibern willkommen. Für sie waren sie Kunden, und entsprechend wurden sie behandelt: begrüßt, umworben, in Geschäfte verwickelt und manchmal betrogen. Auch da gab es Konflikte, aber es konnten auch Freundschaften entstehen. Der Ulmer Dominikaner Felix Fabri zum Beispiel reiste zweimal zum Heiligen Land. Beim zweiten Mal suchte er seinen Eseltreiber von der ersten Reise; denn er hatte ihm eiserne Steigbügel aus Deutschland mitgebracht. Sie begrüßten sich herzlich, der muslimische Eseltreiber und der christliche Pilger verstanden sich prächtig³¹.

Doch die normale Bevölkerung verhielt sich anders. Für sie waren die christlichen Pilger nichts weiter als Fremde und dazu noch im Besitz der falschen Religion. Es gab ein Dorf zwischen Jaffa und Jerusalem, wo die Pilger von den Dorfbewohnern mit Lehm und Steinen beworfen wurden. Offenbar wollte man auf diese Weise das Böse vertreiben. Bei den Christen hieß das Dorf auf Italienisch: *male case*, „böse Häuser“³². In Jerusalem selbst wurde es

²⁹ Zu Ottheinrichs Teppichen ebd., S. 62 ff.

³⁰ Ebd., S. 41.

³¹ Felix Fabri, Evagatorium in Terrae Sanctae, Arabiae et Egypti peregrinationem, ed. Cunradus Dietericus Hassler, Bd 1–3 (Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart 2–4), Stuttgart 1843–1849, Bd 1, S. 208 f.

³² Heinrich Wölflis Reise nach Jerusalem 1520/21, hg. von Hans Bloesch, Bern 1929, S. 44; Casola, Viaggio (wie Anm. 2), S. 182.

nicht besser: Die Pilger wurden beschimpft, geschlagen und verspottet. Steine wurden geworfen, unanständige oder drohende Gesten gemacht, die Messe in der Grabeskirche wurde gestört. Auch schmierte man Dreck und Kot auf die heiligen Stätten, weil man wusste, dass die Pilger die Steine mit Leidenschaft küssten. Aber auch die Pilger beteiligten sich an Streit und Konflikt. Natürlich waren ihre Möglichkeiten begrenzt. Aber man konnte Tische auf den Märkten umstoßen oder auf Schimpfworte mit Schimpfworten reagieren. Manchmal wurden Moscheen absichtlich beschmutzt. Es war ein kleiner Religionskrieg, der auf den Straßen und Gassen Jerusalems stattfand. Die Franziskaner vom Berg Zion rieten den Pilgern, sich nicht provozieren zu lassen, sondern Geduld, *patientia*, zeigen. Denn auch das sei eine Form der *imitatio Christi*. Wo Jesus Christus am Kreuz gelitten hatte und gestorben war, sollten auch die Heilglandpilger ihr Leid ertragen. So mahnten die Franziskaner zur Geduld. Doch nicht jeder Pilger war dazu in der Lage. Einige schlugen zurück³³.

Solche Schwierigkeiten konnte man nur ertragen, wenn man am Ende belohnt wurde. Für die Kleriker unter den Pilgern war der Besuch der heiligen Stätten, vor allem der Grabeskirche in Jerusalem, der höchste Lohn. Auch die adeligen Pilger besuchten in tiefer Frömmigkeit die Orte, an denen Jesus gelebt und gelitten hatte. Aber der Höhepunkt ihrer Wallfahrt war etwas anderes: Der Höhepunkt ihrer Wallfahrt war der Ritterschlag am Heiligen Grab³⁴. Das geschah immer gegen Ende des Aufenthalts in der Heiligen Stadt und war eingebettet in ein merkwürdiges Ritual. Ein Ritter, der früher schon den Ritterschlag am Heiligen Grab erhalten hatte, gab ihn an den ranghöchsten Adligen weiter und dieser gab ihn dann an alle adeligen Mitglieder seines Gefolges. Richtige Massenpromotionen kamen auf diese Weise zustande. Weil es aber manchmal schwierig war, einen Ritter vom Heiligen Grab zu finden, übernahm ein Laienbruder der Franziskaner diese Aufgabe. Jeder neue Ritter wurde dabei mit einem Zeremonialschwert umgürtet, erhielt ein Paar goldene Sporen und eine goldene Kette mit einem Kreuz. Auf diese Weise wurden die adeligen Pilger zu Grabsrittern gemacht. Die ganze Zeremonie war eine hohe Auszeichnung und große Ehre.

Ottheinrich ließ deshalb einen zweiten Teppich anfertigen, auf dem die Szene des Ritterschlags dargestellt ist (Abb. 4). Im Hintergrund sieht man die

³³ Vgl. Folker Reichert, Pilger und Muslime im Heiligen Land. Formen des Kulturkonflikts im späten Mittelalter, in: Kritik und Geschichte der Intoleranz, hg. von Rolf Kloepfer und Burckhard Dücker, Heidelberg 2000, S. 3–21; ders. Erfahrung der Welt (wie Anm. 5).

³⁴ Vgl. Valmar Cramer, Der Ritterschlag am Heiligen Grabe. Zur Entstehung und Frühgeschichte des Ritterordens vom heiligen Grabe, in: Das Heilige Land in Vergangenheit und Gegenwart 2 (1940), S. 137–199; ders., Der Ritterorden vom hl. Grabe von den Kreuzzügen bis zur Gegenwart. Ein geschichtlicher Abriss (Palästinahefte des Deutschen Vereins vom Heiligen Lande 46–48), Köln 1952; Kaspar Elm/Cosimo Damiano Fonseca, Militia Sancti Sepulcri. Idea e istituzioni, Città del Vaticano 1998.

Stadt Jerusalem, die heiligen Stätten, Jesus Christus, der das Kreuz trägt, die Pilger beim Einzug in die Heilige Stadt. Am wichtigsten ist aber wieder die Szene im Vordergrund: Ottheinrich, auch durch seine goldene Rüstung hervorgehoben, erhält als erster den Ritterschlag, dann gibt er ihn an sein ganzes Gefolge weiter. Jeder einzelne ist mit seinem Namen bezeichnet. Insgesamt wurden bei dieser Gelegenheit 23 Adlige zu Rittern geschlagen. Ottheinrich steht übrigens in ideeller und ikonographischer Verbindung mit dem heiligen Georg auf dem anderen Teppich. Kunsthistoriker würden von einem „ikonographischen Echo“ sprechen. Die beiden Teppiche befinden sich heute in verschiedenen Museen, der eine in Neuburg an der Donau, der andere in München. Sie gehören aber zusammen und müssen zusammen interpretiert werden. Sie zeigen, welche Ehre und welches Prestige die Reise nach Jerusalem mit sich brachte. Es war ehrenvoll, die lange Reise auf sich zu nehmen; es war ehrenvoll, so viele Gefahren und Abenteuer zu überstehen; und es war besonders ehrenvoll, die Ritterwürde am Heiligen Grab zu erhalten. Für Ottheinrich war sie so wichtig, dass er noch Jahre später bei festlichen Anlässen eine vergoldete Rüstung mit dem Jerusalemkreuz trug³⁵.

Was wir nicht sehen, sind die Umstände des Ritterschlags. Er fand nämlich nicht im Freien statt, sondern in der Grabeskirche am Heiligen Grab, um Mitternacht und bei verschlossenen Türen. Vor allem die Muslime sollten davon nichts sehen und nichts hören. Denn die neuen Grabsritter mussten sich nicht nur verpflichten, die Witwen und Waisen zu beschützen, sondern sie mussten auch schwören, alles dafür zu tun, das Heilige Land, die Heilige Stadt Jerusalem und das Heilige Grab von den Muslimen zu befreien. Alle verstanden sich als christliche Ritter, als *milites christiani*, und alle sahen sich als Kreuzfahrer. Sie hielten mit dem Zeremoniell des Ritterschlags und mit ihrem Schwur den Kreuzzugsgedanken lebendig und erklärten, bei der nächsten militärischen Aktion mitwirken zu wollen. Deshalb musste der Ritterschlag heimlich geschehen. Trotzdem — die Muslime wussten genau, was hinter den Toren der Grabeskirche gespielt wurde. Sie hatten die Pilger immer im Verdacht, in Wirklichkeit heimliche Kreuzfahrer zu sein. Öfters wurden Vorwürfe laut, sie wollten nur die Heilige Stadt auszuspionieren, wahrscheinlich zu Recht. Immer wieder kam es deshalb zu Verhaftungen, Beschuldigungen, Tätilichkeiten, Konflikten. Überhaupt kann man sich ausmalen, wie gespannt das Verhältnis zwischen Pilgern und Muslimen im Heiligen Land war. Die eine Seite (die Pilger) sah sich durch Behinderungen und Feindseligkeiten belästigt und schikaniert, die andere Seite (die Muslime) fühlte sich durch das mehr oder weniger offene Bekenntnis zum Kreuzzugsgedanken bedroht. Die Spannungen eskalierten regelmäßig am Ende

³⁵ Reichert, Die Reise des Pfalzgrafen Ottheinrich (wie Anm. 5), S. 63.

des Aufenthaltes im Heiligen Land, wenn die Pilger nach Jaffa ritten, um dort ihr Schiff zu besteigen. Dann kam es zu solchen Prügelszenen, wie Ottheinrich sie erlebt hat und auf einem seiner beiden Wandteppiche festhalten ließ.

Die einzigen, die in diesen heftigen Auseinandersetzungen ruhig und gelassen blieben, waren die Mamluken, mamlukische Amtsträger und Militärs. Mamluken sind bekanntlich Militärsklaven, die vornehmlich aus christlichen Regionen wie dem Balkan oder dem Kaukasus stammten, dann zum Islam erzogen wurden und aus der Sklaverei in hohe und höchste Ämter aufsteigen konnten. 250 Jahre lang herrschte das Mamlukensultanat in Kairo über Ägypten, Syrien und Palästina³⁶. Manche Pilger glaubten, mit einzelnen Mamluken fraternisieren zu können, weil sie ursprünglich Christen waren. Aber das war ein Missverständnis. Die Mamluken waren keine Freunde der Christen, doch sie duldeten die Wallfahrten nach Jerusalem, weil sie sich Vorteile davon versprachen. Auch sie nahmen am Pilgergeschäft teil, stellten Schutz- und Geleitstruppen und kassierten dafür Gebühren. Durch die Pilger kam Geld ins Land. Auch insofern erinnern die mittelalterlichen Pilgerreisen an Erscheinungen des heutigen Tourismus. Neben den venezianischen Schiffsherren und den Franziskanern in Jerusalem waren die mamlukischen Amtsträger die dritte Personengruppe, die dafür sorgte, dass die Pilgerfahrten ins Heilige Land über zwei Jahrhunderte hinweg weitgehend störungsfrei funktionieren konnten. Die Mamluken stellten die religiösen Bedenken zurück und gingen mit dem Pilgertourismus pragmatisch um. Sie praktizierten eine Form von Toleranz, von der alle Beteiligten profitierten.

Resümee

Wallfahrten nach Jerusalem gab es auch im 17., 18., 19. und 20. Jahrhundert. Es gibt sie bis heute. Doch die große Zeit der perfekt organisierten Gruppenreisen von Venedig nach Jaffa, von dort nach Jerusalem und zurück nach Venedig endete um 1520. Mehrere Gründe waren dafür verantwortlich: In Europa sorgte die Reformation dafür, dass die Fahrten nach Jerusalem ihre Attraktivität verloren. Marienverehrung, Reliquienkult, Ablasswesen — das alles passte nicht zur reformierten Konfession. Martin Luther meinte einmal, dass Gott nach dem Heiligen Grab in Jerusalem so viel frage „wie nach allen Kühen in der Schweiz“³⁷. Die venezianischen Schiffspatrone bekamen das nachlassende

³⁶ Zum Mamlukensultanat in Ägypten vgl. Ulrich Haarmann (Hg.), Geschichte der arabischen Welt, 2. Aufl., München 1991, S. 236 ff.; Stephan Conermann/Anja Pistor-Hatam (Hgg.), Die Mamluken. Studien zu ihrer Geschichte und Kultur (Asien und Afrika 7), Hamburg 2003.

³⁷ D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe, Bd 8, Weimar 1889, S. 562: *Denn nach dem grab, do der herr ynn gelegen hatt, welchs die Sarracen ynne haben, fragt got gleych so vill, als nach allen kwen von schweytz.*

Interesse zu spüren. Die Kunden blieben weg. Das Geschäft mit den Pilgern kam zum Erliegen.

Auch die Verhältnisse im Nahen Osten waren am Anfang des 16. Jahrhunderts nicht mehr günstig. Dort veränderte sich die politische Landschaft vollständig. Ein Land nach dem anderen wurde von den osmanischen Türken erobert: 1514 Kurdistan und Mesopotamien, 1516 Syrien, Palästina und Jerusalem, im Januar 1517 schließlich ging das Mamlukensultanat in Kairo in einem Rausch von Blut und Gewalt unter. Der letzte Sultan endete am Galgen. An die Stelle der pragmatisch und sogar tolerant agierenden Mamluken traten die Osmanen, die sich in der Tradition des Glaubenskriegertums sahen. Ihr Herrscher, Sultan Selim, galt als der Mahdi, als Heilsbringer am Ende der Geschichte³⁸. Für christliche Pilger wurde die Reise nach Jerusalem noch schwieriger, als sie immer schon war. 1522 fiel die Insel Rhodos in türkische Hand. Eine der wichtigsten Stationen im Pilgerverkehr, ein sicherer Hafen bei der Hinfahrt wie der Rückfahrt, ging damit verloren. Wenig später gerieten die Franziskaner vom Zionsberg in Jerusalem unter Druck. Sie verloren einen Teil ihres Besitzes, wurden von den osmanischen Behörden schikaniert und mussten schließlich in die Altstadt von Jerusalem umziehen. Die Betreuung von Pilgern, wie sie 200 Jahre lang funktioniert hatte, war jetzt nicht mehr möglich.

Glaube, Geld, Geduld: Diese drei Dinge brauchte der Pilger, wenn er erfolgreich nach Jerusalem reisen und gesund wieder nach Hause kommen wollte. Es lohnt sich, den Pilger auf der Reise zu begleiten und seinen Erfahrungen und Erlebnissen nachzugehen. Denn erstens erhalten wir einen Einblick in die Grundlagen und Erscheinungsformen der spätmittelalterlichen Frömmigkeit und Volksreligiosität. Die Heiliglandreisen des 14. und 15. Jahrhunderts sind ein wesentlicher Bestandteil davon. Zweitens sehen wir, wie professionell das Reisen im Mittelalter organisiert sein konnte. Manches davon kommt uns bekannt vor. Die Reisen zum Heiligen Land und nach Jerusalem stehen am Anfang des modernen Tourismus und können als Beispiel für die Mobilität und Modernität des Mittelalters gelten. Drittens schließlich erkennen wir in der Geschichte der Heiliglandreisen den tiefen Konflikt zwischen Christen und Muslimen. Es war ein religiöser und kultureller Konflikt, geprägt von Vorurteilen und Misstrauen. Zwar gab es auch Formen pragmatischer Kooperation und Kommunikation. Aber immer wieder kam es zum Ausbruch von Gewalt und zu heftigen Zusammenstößen, die für die Reisenden nur mit viel Geduld zu ertragen waren.

Glaube, Geld, Geduld: Dahinter verbergen sich auch die Personengruppen, die den lang anhaltenden Erfolg der Heiliglandreisen möglich machten. Für den

³⁸ Natalie Zenon Davis, Leo Africanus. Ein Reisender zwischen Orient und Okzident, Berlin 2008, S. 179 f.

Glauben der Pilger waren die Franziskaner vom Zionsberg in Jerusalem zuständig. Für das Geld der Pilger interessierten sich die venezianischen Schiffsherren. Dass die Geduld der Pilger belohnt wurde, dafür sorgten die Mamluken, indem sie für deren Sicherheit garantierten. Nur das Zusammenspiel dieser drei Gruppen machte die Heiligrandreise für eine so große Menge von Pilgern möglich. Nur zwischen 1335, als das Franziskanerkloster in Jerusalem gegründet wurde, und 1517/1520, dem Ende der mamlukischen Herrschaft in Ägypten und Palästina, konnten die Pilgerfahrten nach Jerusalem auf diese Weise funktionieren. Vorher und nachher herrschten andere Verhältnisse im Heiligen Land.

Информация о статье:

Автор: Фолькер Райхерт, почетный профессор (Emeritus) Университета Штутгартта, ihireich@po.hi.uni-stuttgart.de

Заголовок: Паломничества в Иерусалим в позднем Средневековье.

Резюме: Статья посвящена одному из малоизученных аспектов культурной жизни позднего Средневековья (XIV–XV вв.) — паломничествам европейцев в Святую Землю с целью посещения Гроба Господня и других святых реликвий. Основной интерес автора направлен в область социальных и духовных изменений, которые претерпел феномен паломничества в эту переходную эпоху. Набирающая силу рационализация сознания не обошла стороной и движение пилигримов — автор отмечает, что теперь, в отличие от предшествующих периодов, паломничества представляли собой не что иное, как туристические поездки, целенаправленно организованные специальными торговыми компаниями в Венеции и других городах Северной Италии. Венецианцами двигала жажда наживы, получения прибыли, и коммерческие мотивы все более заслоняли собой идеалы крестоносного движения. Главная мысль статьи состоит в том, что несмотря на искреннюю веру самих паломников в освободительную миссию и воинство Христа, купеческие гильдии, занимавшиеся перевозками, видели в них только клиентов и оценивали с позиций размера их кошелька. Именно поэтому в позднее Средневековье, как полагает автор, паломничество не было массовым — в Святую Землю могли себе позволить отправиться только достаточно обеспеченные люди.

Ключевые слова: паломничества, Святая Земля, крестоносцы, мусульмане, мамлюки, торговля, купечество, перевозки, туризм

Information about the article:

Author: Folker Reichert, PhD, Professor Emeritus of Stuttgart University. ihireich@po.hi.uni-stuttgart.de

Title: The pilgrimages in Jerusalem during Late Middle Ages

Summary: The present paper deals with one of less-studied aspect of cultural life in Late Middle Ages (XIV–XV A.D.) — pilgrimages of Europeans in Holy Land in order to visit the Empty tomb and other holy relics. The main interest is centered on social and spiritual changes, that pilgrimage phenomenon passed in this transitory epoch. The

intensified rationalization of social mind didn't avoid the pilgrimage movement — the author stresses that, in contrast to previous times, pilgrimages represented not other than tourist voyages, thoroughly organized by special trade companies in Venice and other North Italy cities. Venetians were directed only by business motives, they intended on incomes exclusively, and commercial interest prevailed over the Crusaders ideal deeper and deeper. The main point of paper is that despite of true believe of pilgrims itself that they are really the Christ warriors with liberating aims, the merchants saw in them simple clients, who were appreciated in depends of their wealth and money. That's why, as the author supposes, the Late Medieval pilgrimages was not so mass, as earlier — only substantially wealthy people could permit themselves to travel into Holy Land.

Key words: pilgrimages, Holy Land, the Crusaders, Muslims, Mamluks, trade, merchants, transports, tourism.

References:

- Angenendt, Arnold / Braucks, Thomas [et al.]. Gezählte Frömmigkeit, in: *Frühmittelalterliche Studien* 29 (1995), S. 1–71.
- Angenendt, Arnold. Geschichte der Religiosität im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1997. 986 s.
- Angenendt, Arnold. Heilige und Reliquien. Die Geschichte ihres Kultes vom frühen Christentum bis zur Gegenwart. München: C.-H. Beck, 1994. 470 s.
- Brefeld, Josephine. A Guidebook for the Jerusalem Pilgrimage in the Late Middle Ages. A Case for Computer-Aided Textual Criticism (Middeleeuwse Studies en Bronnen 40), Hilversum: Verloren, 1994. 243 p.
- Chareyron, Nicole. Pilgrims to Jerusalem in the Middle Ages. New York: Columbia University Press, 2005. 312 p.
- Conermann, Stephan / Pistor-Hatam, Anja (Hgg.), Die Mamluken. Studien zu ihrer Geschichte und Kultur (Asien und Afrika 7). Hamburg: EB-Verlag, 2003. 413 s.
- Cramer, Valmar. Der Ritterorden vom Hl. Grabe von den Kreuzzügen bis zur Gegenwart. Ein geschichtlicher Abriss (Palästinahefte des Deutschen Vereins vom Heiligen Lande 46–48), Köln: Bacheim, 1952. 127 s.
- Cramer, Valmar. Der Ritterschlag am Heiligen Grabe. Zur Entstehung und Frühgeschichte des Ritterordens vom heiligen Grabe, in: *Das Heilige Land in Vergangenheit und Gegenwart* 2 (1940), S. 137–199.
- D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Bd 8. Weimar: H. Böhlau, 1889. 720 s.
- Denke, Andrea. Konrad Grünenbergs Pilgerreise ins Heilige Land 1486. Untersuchung, Edition und Kommentar (Stuttgarter Historische Forschungen 11). Köln: Böhlau Verlag, 2011. 587 s.
- Elm, Kaspar / Fonseca, Cosimo Damiano. Militia Sancti Sepulcri. Idea e istituzioni. Città del Vaticano: Commissio Scientifica pro Historia Ordinis, 1998. 521 p.
- Esch, Arnold. Überlieferungs-Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers, in: *Historische Zeitschrift* 240 (1985), S. 529–570.

Fabri, Felix. *Evagatorium in Terrae Sanctae, Arabiae et Egypti peregrinationem*, ed. Cunradus Dietericus Hassler, Bd 1–3 (Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart 2–4). Stuttgart: Sumtibus Societatis Literariae Stuttgardiensis, 1843–1849. Bd. 1.

Faix, Gerhard / Reichert, Folker. Eberhard im Bart und die Wallfahrt nach Jerusalem im späten Mittelalter (Lebendige Vergangenheit 20). Stuttgart: W. Kohlhammer, 1998. 258 s.

Ganz-Blättler, Ursula. „Ich kam, sah und berührte“. Jerusalem als Pilgerziel im ausgehenden Mittelalter, in: Barbara Haupt und Wilhelm G. Busse (Hg.), *Pilgerreisen in Mittelalter und Renaissance* (Studia humaniora 41). Düsseldorf: Droste, 2005. S. 15–30.

Ganz-Blättler, Ursula. Andacht und Abenteuer. Berichte europäischer Jerusalem- und Santiago-Pilger (Jakobus-Studien 4). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1990. 425 s.

Haarmann, Ulrich (Hg.). *Geschichte der arabischen Welt*, 2. Aufl. München: C. H. Beck, 1991. 786 s.

Heinrich Wölfis Reise nach Jerusalem 1520/21, hg. von Hans Bloesch, Bern, 1929. 131 s.

Herz, Randall. Die ‚Reise ins Gelobte Land‘ Hans Tuchers des Älteren (1479–1480). Untersuchungen zur Überlieferung und kritische Edition eines spätmittelalterlichen Reiseberichts (Wissensliteratur im Mittelalter 38), Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag, 2002. 792 s.

Hesemann, Michael. Die stummen Zeugen von Golgatha. Die faszinierende Geschichte der Passionsreliquien Christi. Kreuzlingen — München: Hugendubel Heinrich GmbH, 2000. 272 s.

Itineraria Rossica. Altrussische Reiseliteratur, übersetzt von Klaus Müller. Leipzig²: Reclam-Verlag, 1991. 331 s.

Laurent, Johann Christian Moritz. *Peregrinatores mediæ aëvi quatuor*: Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odoricus de Foro Julii, Wilbrandus de Oldenbourg. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1864. 199 s.

Legner, Anton (Hg.). Reliquien. Verehrung und Verklärung. Köln: Greven Verlag, 1989. 506 s.

Legner, Anton. Reliquien in Kunst und Kult zwischen Antike und Aufklärung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. 430 s.

Lemmens, Leonhard. Die Franziskaner im Heiligen Lande, Bd. 1: Die Franziskaner auf dem Berge Sion, 1335–1552 (Franziskanische Studien Beiheft 4), Münster, 1925.

Morris, Colin. *The Sepulchre of Christ and the Medieval West. From the Beginning to 1600*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 427 p.

Newett, Margaret. *Canon Pietro Casola's Pilgrimage to Jerusalem in the Year 1494*. Manchester: At the University Press, 1907. 427 p.

Penth, Sabine. *Die Reise nach Jerusalem. Pilgerfahrten ins Heilige Land*. Darmstadt: Primus Verlag, 2010. 142 s.

Reichert, Folker (Hg.). *Quellen zur Geschichte des Reisens im Spätmittelalter* (Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe, Bd. 79). Darmstadt: Wissenschaftlicher Buchgesellschaft, 2009. 286 s.

Reichert, Folker. *Das Bild der Welt im Mittelalter*. Darmstadt: Primus Verlag, 2013. 160 s.

Reichert, Folker. *Die Reise des Pfalzgrafen Ottheinrich zum Heiligen Land*, Regensburg: Pustet, 2005. 256 s.

Reichert, Folker. *Ein cleins ringlein, an allen heilgen stetten angerürt*. Zur materiellen Überlieferung der Heiliglandfahrten im 15. Jahrhundert, in: *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* 67 (2011), S. 609–623.

Reichert, Folker. Erfahrung der Welt. Reisen und Kulturgeggnung im späten Mittelalter. Stuttgart: W. Kohlhammer, 2001. 314 s.

Reichert, Folker. Nabel der Welt, Zentrum Europas und doch nur Peripherie? Jerusalem in Weltbild und Wahrnehmung des späten Mittelalters, in: *Zeitschrift für Historische Forschung* 38 (2011), S. 559–584.

Reichert, Folker. Pilger und Muslime im Heiligen Land. Formen des Kulturkonflikts im späten Mittelalter, in: *Kritik und Geschichte der Intoleranz*, hg. von Rolf Kloepfer und Burckhard Dücker, Heidelberg: Synchron, 2000. S. 3–21.

Reichert, Folker. Pilger und Patrone. Aspekte einer gespannten Beziehung, in: *Venezia incrocio di culture. Percezioni di viaggiatori europei e non europei a confronto*, hg. von Klaus Herbers und Felicitas Schmieder, Rom: Ed. di Storia e Literatura, 2008. S. 21–31.

Schachten, Dietrich von. Beschreibung der Reise ins heilige landt, welche Herr landgraff Wilhelm, der ältere, anno 1483 (1491) Sontags nach Ostern vorgenommen, in: *Deutsche Pilgerreisen nach dem Heiligen Lande*, hg. und erläutert von Reinhold Röhricht und Heinrich Meisner. Berlin: Weidmann, 1880, S. 162–245

Schmugge, Ludwig. Über ‚nationale‘ Vorurteile im Mittelalter, in: *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* 38 (1982), S. 439–459.

Snoek, Godefridus J.C. *Medieval Piety from Relics to the Eucharist. A Process of Mutual Interaction*. Leiden: Brill, 1995. 465 p.

Tacke, Andreas (Hg.). „Ich armer sundiger mensch“. Heiligen- und Reliquienkult am Übergang zum konfessionellen Zeitalter. Göttingen: Wallstein Verlag, 2006. 542 s.

Timm, Frederike. Der Palästina-Pilgerbericht des Bernhard von Breidenbach und die Holzschnitte Erhard Reuwichs. Die *Peregrinatio in terram sanctam* (1486) als Propagandainstrument im Mantel der gelehrten Pilgerschrift. Stuttgart: Hauswedell, 2006. 621 s.

Viaggio a Gerusalemme di Pietro Casola, a cura di Anna Paoletti (Oltramare 11), Alessandria: Edizioni dell’Orso, 2001. 345 p.

Voigt, Klaus. Italienische Berichte aus dem spätmittelalterlichen Deutschland. Von Francesco Petrarca zu Andrea de’ Franceschi (1333–1492) (Kieler Historische Studien 17), Stuttgart: E. Klett, 1973. 264 s.

Zenon Davis, Natalie. *Leo Africanus. Ein Reisender zwischen Orient und Okzident*. Berlin: Wagenbach, 2008. 397 s.

Die Illustrationen zur Artikel:

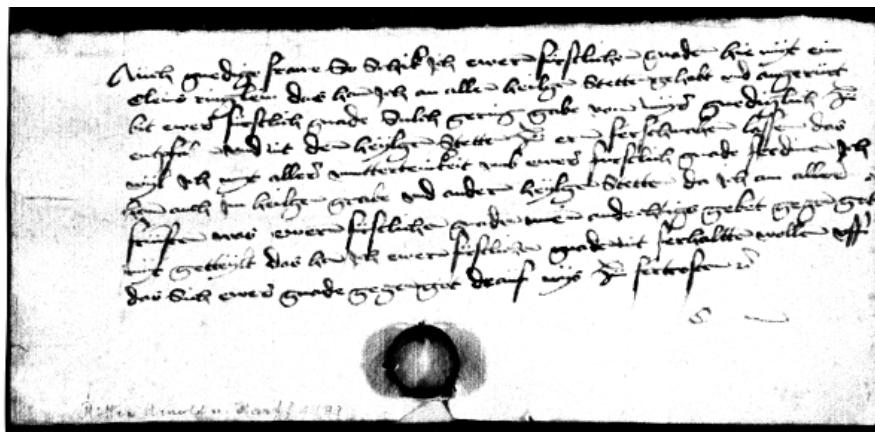

Abb. 1: Brief eines unbekannten Heiligtumspilgers an seine "gnädige Frau"
(Düsseldorf, Stadtmuseum, U 213)

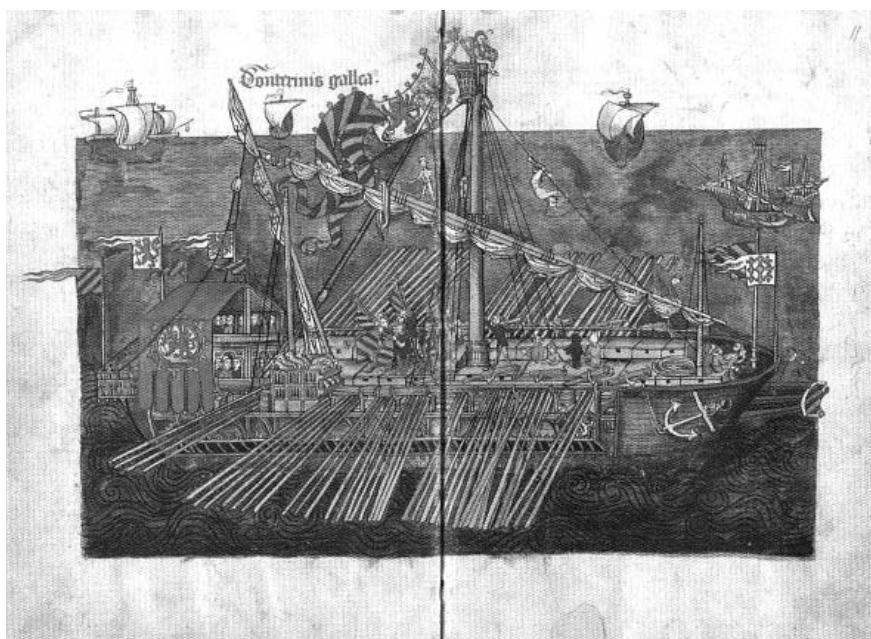

Abb. 2: Pilgergaleere
(Gotha, Forschungsbibliothek, Chart. A541, fol. 10v-11r)

Abb. 3: Die Abreise des Pfalzgrafen Ottheinrich vom Heiligen Land
(Wandteppich, um 1540; Neuburg/Donau, Schlossmuseum)

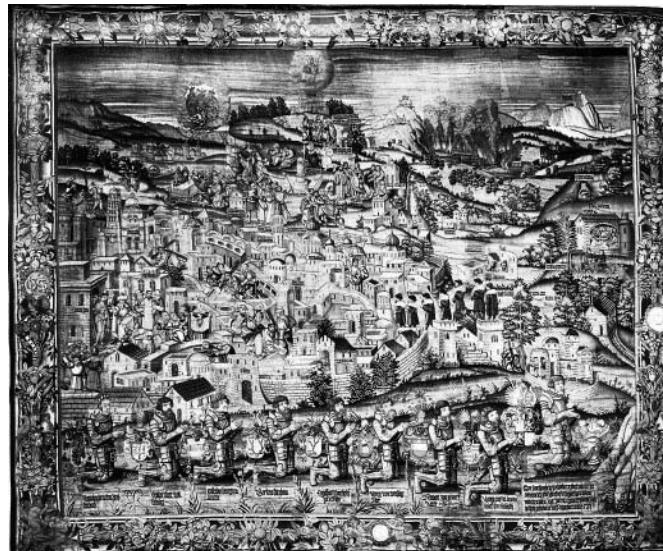

Abb. 4: Ottheinrichs Ritterschlag am Heiligen Grab
(Wandteppich, um 1540; München, Bayerisches Nationalmuseum)

УДК 94(430).055-57; ББК 63.3(0)4 (4Гем)

S. Richter

GERMAN MINOR THINKERS? ÜBER DIE ROLLE DEUTSCHER VERWALTUNGSVORSTELLUNGEN AUF DEM IDEENPARKETT DER EUROPÄISCHEN AUFKLÄRUNG

Einleitung¹

Der Historiker Christoph Meiners (1747–1810) schrieb 1795 im ersten Band seiner *Betrachtungen über die Fruchtbarkeit, oder Unfruchtbarkeit, über den vormaligen und gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Länder in Asien: So wie es reiche Länder gibt, die nicht fruchtbar sind, oder reiche und fruchtbare Länder, die höchst elende und arme Einwohner haben; so gibt es auch wieder Länder, die weder fruchtbar, noch reich sind, und die reichsten und glücklichsten Menschen nähren*. Wem fallen hier nicht die Vereinigten Provinzen [Niederlande], oder mehrere Gegenden des freyen America ein!² Meiners folgte mit dieser Einschätzung der Praxis der deutschen Aufklärung, hinsichtlich der strukturellen Entwicklung von Verwaltung und Administration sowie Wirtschaft den Blick auf andere europäische, zunehmend aber auch auf außereuropäische Staaten zu richten, deren historische Entwicklung und politische Realität in diesen Bereichen für erfolgreich erachtet wurden. Die Auseinandersetzung erfolgte vor allem über die Staats- und wirtschaftstheoretischen Schriften, die von den deutschen Rezipienten entweder im französischen oder englischen Original gelesen³ oder durch die rege Übersetzungstätigkeit von Einzelpersonen — etwa Christian

¹ Das Thema wurde auf der IRSPM-Konferenz in Bern 2010 im Panel zum Thema “Prelude to Public Administration: Essential Early European Authors on Administration” unter der Leitung von Fritz Sager vorgestellt. Ich danke meiner studentischen Hilfskraft Raphael Diggelmann für hilfreiche Recherchen.

² Christoph Meiners: *Betrachtungen über die Fruchtbarkeit, oder Unfruchtbarkeit, über den vormaligen und gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Länder in Asien*. Erster Band. Lübeck und Leipzig 1795. S. 4.

³ Spillner, Bernd: Französischer Fremdsprachenunterricht im 18. Jahrhundert. In: Kimpel 1985, S. 132–155; Palmer, Philipp: The influence of English on the German to 1800. A Supplement. Berkeley/ Los Angelos 1960. Vgl. auch Goetsch, Paul (Hg.): Lesen und Schreiben im 17. und 18. Jahrhundert. Studien zu ihrer Bewertung in Deutschland, England und Frankreich. Tübingen 1994. © S. Richter, 2014

Garves (1742–1798)⁴ — oder aufgrund von Verlagsinitiativen dem interessierten Leser sehr schnell in Deutsch zugänglich gemacht wurden⁵. Während Französisch, das Latein als europäische Wissenschafts-, Verwaltungs- und Diplomaten-sprache und damit als Sprache der internationale Kommunikation im 17. und 18. Jahrhundert abgelöst hatte⁶, kaum ein Problem darstellte, waren englische Sprachkenntnisse unter den deutschen Eliten weit weniger verbreitet. Gerade deshalb waren Übersetzungen für Verlage im Alten Reich ein wichtiges Standbein, gehörten doch im Ausland erfolgreiche Werke zu den leicht vermarktbaren Produkten. Es kam sogar zu einem regelrechten Wettkampf der Verlage, ein im Ausland populäres Werk schnellstmöglich auf den deutschen Markt zu bringen. Christian Garve skizzierte die Konkurrenzsituation der Verlage: *In dem einer von diesen [Verlagen] daran arbeitet, und einer von jenen die Anstalten zum Druck macht, sind beyde in Angst, daß vielleicht in einem Winkel von Deutschland eine andere Feder und eine andere Presse mit derselben Arbeit beschäftigt seyn möge*⁷. Durch die Popularität von Übersetzungen wurden in Deutschland sehr schnell ausländische Ideen und Praktiken verbreitet und bekannt. Michael Maurer geht davon aus, dass sich Deutschland gegenüber Frankreich und England hinsichtlich des kulturellen und intellektuellen Austauschs im 18. Jahrhundert „in der Position eines empfangenden Landes“ befand⁸.

⁴ Christian Garve sind zahlreiche Werk der schottischen Aufklärung zu verdanken. Waszek, Norbert: *The Scottish Enlightenment in Germany, and its translator Christian Garve (1742–98)*. — In: Scotland in Europe. Hrsg. von Tom Hubbard und R.D.S. Jack. Amsterdam & New York 2006 [SCROLL: Scottish Cultural Review of Language and Literature 7]. S. 55–71. (2007). S. 42–64.

⁵ Zwischen 1770 und 1815 konnten 15 936 deutsche Übersetzungen von französischen Schriften ermittelt werden. Vgl. dazu Lüsebrink, Hans-Jürgen/ Reichardt, Rolf (Hg.): Kulturtransfer im Epochenumbruch Frankreich-Deutschland 1770–1815. 2 Bde. Leipzig 1997. Hier Bd. 1, S. 9ff. Vgl. auch grundlegend Freedman, Jeffrey: The Process of Cultural Exchange, Publishing between France and Germany (1769–89). Princeton 1991. Deutschland gehörte nach Carpenter zu den Ländern, in denen am meisten ausländische Literatur übersetzt wurde. Carpenter listet auf, wie groß der Anteil staatswissenschaftlicher, agrarischer oder ökonomischer Bücher war, der im 18. Jahrhundert ins Deutsche übersetzt wurde. Carpenter, Kenneth E.: *Dialoge in Political Economy. Translations from and into German in the 18th century*. Boston MA 1977. S. 7 und 8. Fürsten traten auch, aber weit weniger als Auftraggeber für Übersetzungen in Erscheinung. Ein Beispiel sei mit Karl Friedrich Markgraf von Baden-Durlach genannt, der Schriften von Mirabeau durch seinen Sekretär Vierordt übersetzen ließ und die Publikation finanzierte. Ibd. S. 19.

⁶ Beck-Busse, Gabriele: Grammatik für Damen. Zur Geschichte der französischen und italienischen Grammatik in Deutschland, England, Frankreich und Italien (1605–1850). Habilschrift 1999 (FU Berlin).

⁷ Zit. n. Garve, Christian: Anhang einiger Betrachtung über Johann MacFarlands Untersuchungen, die Anmuth betreffend. Leipzig 1785, S. XIIIf. Vgl. grundlegend Waszek, Norbert: Übersetzungspraxis und Popularphilosophie am Beispiel Christian Garves. In: Das achtzehnte Jahrhundert. 31/1 (2007). S. 42–64. Hier S. 51.

⁸ Maurer, Michael: Europäische Kulturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. In: Das achtzehnte Jahrhundert 15/1 (1991). S. 35–61. Hier S. 37.

Dies impliziert die Annahme, dass deutsche Denker und ihre Werke im europäischen Kontext keine oder keine so große Wahrnehmung wie ihre französischen, englischen oder später auch amerikanischen Kollegen erfuhren. Dieser Sachverhalt soll unter der Berücksichtigung der Frage, ob sich aufgrund der Publikationssprache Deutsch schon im 18. Jahrhundert abzeichnete, dass die Deutschen auf dem europäischen Ideenparkett „minor thinkers“ blieben, geprüft werden.

Moses Mendelssohn (1729–1786) hatte 1760 den Schriften deutscher Autoren wegen ihres gelehrten Stils und der Nutzung der deutschen Sprache kaum Resonanz prophezeite: *Man findet unter der Menge, die allda geschrieben wird, oft sehr gute und zuweilen vortreffliche Sachen. Und gleichwohl wette ich, daß ihre besten Schriften weder von Ausländern, noch von der großen Welt in Deutschland jemals würden gelesen werden. Desto schlimmer für die Ausländer, und für die große deutsche Welt, daß sie dieser schönen Sachen entbehren müssen!*⁹

Gerade die Wahl ihrer Muttersprache als Publikationssprache war aber bewusst getroffen, denn die Inhalte der Werke des Staatsrechtlers und Verwaltungspraktikers Friedrich Carl von Moser (1723–1798) oder des Kameralisten und langjährigen Verwaltungsbeamten Johann Heinrich Gottlob Justi (1717–1771) zielten in erster Linie auf die Territorien des Alten Reiches und somit auf einen deutschsprachigen Leserkreis. Ihre Publikationen richteten sich — wie in diesem Beitrag an Moser und Justi exemplarisch gezeigt werden soll — auf die eigenen politischen und kulturellen Zentren des Reiches und nicht auf Frankreich, England oder die Peripherie des europäischen Auslandes. Darin unterschieden sie sich keinesfalls von Publizisten im Ausland, denn auch ein Voltaire oder Hume schrieben zuerst einmal für Franzosen oder Engländer.

Zudem hatte gerade im deutschen Sprachraum Ende der 1750er Jahre ein langer Prozess der Auseinandersetzung mit der deutschen Sprache durch Gotthold Ephraim Lessing (1729–1781), Johann Jakob Bodmer (1698–1783) und Johann Jakob Breitinger (1701–1776) eine literatursprachliche Wende zum gemeinsamen Hochdeutsch und zur so genannten vernünftigen und gefälligen „Bürgersprache“ bewirkt¹⁰. Deutsch stand auf dem Höhepunkt der Sprachkultivierung und seiner Bedeutung als Wissenschafts-, Kunst- und Literatursprache, die aber auch der nichtakademisch Gebildete und interessierte Laie verstehen sollte. Auf diese Weise wurde Deutsch gegen Ende des 18. Jahrhunderts ein wichtiges und verbindendes

⁹ Mendelssohn, Moses: 1760. Gesammelte Schriften, Bd IV, 2, 59.

¹⁰ Steinmetz, Willibald: Die schwierige Selbstbehauptung des deutschen Bürgertums. Begriffs-geschichtliche Bemerkungen in sozialhistorischer Absicht. In: Wimmer 1991. S. 12–40. Huber, Wolfgang: Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein. Studien zu deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Frankfurt/M. 1984.

Instrument der Kulturnation¹¹. Es ist daher klar, dass gerade Publizisten wie Moser, die ihre Arbeiten als patriotische Pflicht und Leistung verstanden, sich folgerichtig auch der deutschen Sprache bedienten¹². Moser betonte deshalb 1766 in der Einleitung zu seinem Nationalgeist an erster Stelle den Besitz der gemeinsamen Sprache neben dem Namen, dem Oberhaupt, den Gesetzen etc., welche die Einheit eines deutschen Volkes konstituierten¹³.

Deutsch ist im 18. Jahrhundert aber durchaus eine Sprache, die in einigen europäischen Ländern verstanden wurde oder wie in den baltischen Provinzen Russlands gar als erste bzw. in Dänemark und Russland als zweite offizielle Amtssprache galt¹⁴. Somit fanden deutschsprachige Autoren entweder im Original oder in Übersetzungen besondere Aufmerksamkeit. Dennoch wird im Folgenden zu prüfen sein, ob die deutsche Sprache eher ein Hindernis für die Verbreitung der Ideen deutscher Denker auf dem europäischen Ideenparkett darstellte.

Die vorliegende Untersuchung fragt nach der europäischen Wahrnehmung von zwei rein in deutscher Sprache publizierenden Autoren zur Staats- und Verwaltungswissenschaft: Friedrich Carl von Moser und dem Kameralisten Johann Heinrich Gottlob Justi. Mit ihnen werden Zeitgenossen vorgestellt, die beide durch ihre frühen Werke zu namhaften Publizisten in Deutschland avancierten. Es war deshalb angebracht, einen Blick in das *Journal étranger* zu werfen das zwischen 1754 und 1762 in Paris erschien. Dieses Journal wollte das Bedürfnis des französischen Publikums nach kulturellen und intellektuellen Informationen aus aller Welt stillen und wichtige Materialien oder Erkenntnisse im Sinne einer universalen Aufklärung verbreiten

¹¹ Polenz, Peter von: Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. S. 303–326; Redekop, Benjamin W.: Enlightenment and community. Lessing, Abbt and Herder and the quest for a German public. Montreal 2000.

¹² Es gab Ausnahmen unter den deutschen Autoren wie Jacob Friedrich von Bielfeld, der seine *Institutions politiques* gleich auf Französisch verfasste. Jacob Friedrich von Bielfeld: Institutions politiques. 3 Bde. Leiden 1772. Carpenter, Kenneth E.: Dialoge in Political Economy. Translations from and into German in the 18th century. Boston MA 1977. S. 13. Vgl. dazu Häseler, Jens/ Meier, Albert (Hg.): Gallophobie im 18. Jahrhundert. Berlin 2005.

¹³ Moser, Nationalgeist, S. 5. Vgl. zum Patriotismus Mosers Hammerstein, Notker: Das politische Denken Friedrich Carl von Mosers. In: Historische Zeitschrift 212, 1971, S. 316–338. Hier S. 320f. Oder Eckstein, Karlfriedrich: Friedrich Carl von Moser — Rechts- und Staatstheoretisches Denken zwischen Naturrecht und Positivismus. (Diss.) Gießen 1973.

¹⁴ Winge, Vibke: Dänische Deutsche — deutsche Dänen. Geschichte der deutschen Sprache in Dänemark 1300–1800 mit einem Ausblick auf das 19. Jahrhundert. Heidelberg 1992. Reinert, Erik S.: Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): The Life and Times of an Economist Adventurer. In: Backhaus J.G. (ed.): The beginnings of Political Economy. The European Heritage in Economics and the Social Sciences. Heidelberg 2009. p. 11f. Winge: Dänische Deutsche — deutsche Dänen. Geschichte der deutschen Sprache in Dänemark 1300–1800 mit einem Ausblick auf das 19. Jahrhundert. 1992.

helfen¹⁵. In der Realität druckte die Zeitschrift vor allem Ausschnitte aus Neuerscheinungen in England, Frankreich, Spanien und Russland ab. Gerade diese Zeitschrift schien geeignet, nach Rezensionen oder Ankündigungen zu Mosers und Justis neuerschienenen Werken zu suchen. Doch die Suche blieb leider ohne Ergebnis. Offensichtlich erschienen Moser und Justi der Redaktion nicht bedeutend genug. Da weder Rezensionen noch der Übersetzungen ihrer deutschen Werke in anderen ausländischen Journals ermittelt werden konnten und auch der Nachweis der Originale oder Übersetzungen in zeitgenössischen Adels- und Fürstenbibliotheken im In- und Ausland nur sehr vereinzelt erfolgreich war, kann momentan noch kein vollständiges Bild von der Verbreitung der Werke von Moser und Justi außerhalb Deutschlands gezeichnet werden.

Im Mittelpunkt der nachfolgenden Betrachtung stehen vielmehr die Intentionen der Verlage oder Übersetzer, Übersetzungen der betreffenden Werke mit einem kritischen Fokus hinsichtlich Verwaltung, administrativer Organisation und Staatswirtschaft anzufertigen. Dabei wird auch ein Blick auf den Adressatenkreis der Übersetzungen geworfen. Interessant ist dabei die Frage, ob die Übersetzungen im Zusammenhang mit einem im Ausland geführten Reformdiskurs oder gar parallel verlaufenden Reformen standen und ob möglicherweise Reformprozesse durch die Übersetzung der deutschen Denker möglicherweise theoretisch gestützt oder legitimiert wurden. Es stellt sich damit also allgemein die Frage, ob die Übersetzungen von Moser und Justi auch zu einem Transfer von Ideen beigetragen haben. Denn nicht automatisch impliziert eine Übersetzung einen Kulturtransfer¹⁶.

Übersetzungen und Wahrnehmung von Friedrich Carl von Mosers Werken

Der Publizist Friedrich Karl von Moser (1723–1798) verfasste im Jahr 1759 eine seiner ersten größeren politischen Schriften: *Der Herr und der Diener*,

¹⁵Elie Cathérine Fréron entwarf das Konzept der Zeitschrift in der Einleitung der Septemberausgabe 1755: *Ce Journal, s'il était bien fait, me représenterait une de ces grandes villes de commerce, où l'on voit rassemblés tous les peuples de la terre, et toutes les productions de la nature et de l'industrie. Indiens, Chinois, Japonais, Anglais, Hollandais, Espagnols, Italiens, etc. s'y trouvent réunis et semblent ne former qu'un seul peuple, quoiqu'ils soient si différents, par les habits, par le langage, et plus encore par les moeurs.* Zit. n. Abrosimov, Kirill: Französische Aufklärer auf der Suche nach einer "Weltliteratur". Zur Kooperation zwischen dem *Journal étranger* und der *Correspondance littéraire* von Friedrich Melchior Grimm. In: Eibach, Joachim/ Carl, Horst (Hg.): Europäische Wahrnehmungen 1650–1850. Interkulturelle Kommunikation und Medieneignisse. Hannover 2008. S. 207–228. Hier S. 213.

¹⁶Leonhard, Jörn: Von der Wortimitation zur semantischen Integration. Übersetzung als Kulturtransfer. In: Gleixner, Ulrike (Hg.): Über-setzen. Essen 2008. S. 45–63. Burke, Peter. Cultures of Translation in Early Modern Europe. In: *Cultural Translation in Early Modern Europe*, ed. Peter Burke and R. Po-chia Hsia, 7–38. Cambridge 2007.

geschildert mit Patriotischer Freyheit¹⁷. Moser hatte in hessisch-homburgischen Diensten gestanden und war zur Zeit der Veröffentlichung seines Werks Geheimer Legationsrat Hessen-Darmstadts beim Oberrheinischen Kreiskonvent in Frankfurt. Er war somit ein Mann der Praxis, der vor allem aus seiner Tätigkeit heraus die Zustände im Verwaltungswesen genauestens kannte und kritisch beurteilte. In seinem Buch, das er selbst als *ABC-Buch der Staatskunst* bezeichnet hatte, nahm er vor allem Personen als Träger von Macht und Ämtern sowie deren Verhältnis zueinander in den Fokus¹⁸. Für ihn hing der Erfolg von Reformen vorrangig an der Fähigkeit der handelnden Personen, weniger an Strukturen oder Institutionen. Es bedurfte nach Moser eines gebildeten, selbst regierenden, väterlichen Fürsten sowie eines geschulten, funktionstüchtigen, loyalen und patriotischen Beamtentums: *Nächst dem Herrn kommt alles darauf an, was er für Diener hat. Vergebens sind die herrlichsten Gesetze, vergebens sind die besten Gesinnungen eines Herrn, wann die Minister, Räthe und Herrn nichts taugen*¹⁹. In der Kritik Mosers standen vor allem die mangelnde Qualifikation der Amtsanwärter, die Käuflichkeit von Ämtern, moralische und fachliche Komponenten der Amtsführung oder die Gepflogenheiten der fürstlichen Besoldungspraxis. In der Aufdeckung und schonungslosen Benennung misslicher Zustände sah er seinen wichtigsten Beitrag als Patriot, *treuer Bürger und wahrer Menschenfreund*²⁰. Lösungsvorschläge für Verbesserungen bot er in den wenigsten Fällen, sondern sah sich selbst, wie er 1794 in einem seiner *Patriotischen Briefe* schrieb, als einen Mahner, der *nur Materialien beytragen* wolle, damit ein größerer Meister damit den Bau [eines besseren Staates] ausführe²¹. Doch welchen Staat meinte Moser?

Moser zielte mit seiner Schrift vor allem auf die Bedingungen in den kleineren Territorialstaaten des Alten Reiches²². Friedrich Nicolai (1733–1811)

¹⁷Das Werk war in der Verlagsbuchhandlung von Johann August Raspe in Frankfurt am Main erschienen. Vgl. grundlegend zu Moser Stirken, Angela: Der Herr und der Diener. Friedrich Carl von Moser und das Beamtenwesen seiner Zeit. Bonn 1984. Notker Hammerstein: Das politische Denken Friedrich Carl von Mosers. In: Historische Zeitschrift 212, 1971, S. 316–338. Kaufmann, Hans Heinrich: Friedrich Carl von Moser als Politiker und Publizist. Darmstadt 1831. S. 13–29.

¹⁸Stirken, Der Herr und der Diener. Friedrich Carl von Moser und das Beamtenwesen seiner Zeit, S. 45ff.

¹⁹ Moser, *Der Herr und der Diener*, 1759, S. 151.

²⁰ Moser, *Der Herr und der Diener*, 1759. Vorwort.

²¹ Moser, Neues Patriotisches Archiv II. 1794. S. 273.

²²Moser wandte sich in seinem Buch *Der Herr und der Diener* auch gegen französische Einflüsse auf behördliche Strukturen, Amtsführung oder die Anpassung der Bezeichnungen an französische Vorbilder in den deutschen Territorien. So kritisierte er unter anderem die Sitte, den alten deutschen Geheimen Rat neuerdings zum *Ministre* zu machen. Auch die französische *Politesse oder Artigkeit* entlarvte er als für die deutschen Höfe gefährliches devotes und subalternes Verhalten von Hofschanzen. Er sah darin die Pervertierung der politischen Ordnung des Alten Reiches, die den fürstlichen Despotismus auf beflißene Weise unterstützte. Moser, Friedrich Karl

benannte in seiner Rezension auch den auf den ersten Blick sehr beschränkten Leser- und Adressatenkreis des Büchleins, versprach jedoch ein Leservergnügen, das weit darüber hinaus Interessenten finden könnte: *Sie kennen des Hume paradoxe politische Discourse, und haben sie mit grossem Vergnügen gelesen, ohnerachtet Sie das Staatsinteresse von England nicht sehr interessiret. Hier haben sie einen Schriftsteller, der sie dem ersten Anscheine nach, noch weniger interessieren sollte, weil er sein Absehen hauptsächlich auf die kleinen deutschen Höfe gerichtet zu haben scheinet, um welche sie sich wohl noch weniger bekümmern, als um England.* [Dennoch] bin ich gewiß, daß Sie das Werk mit dem größten Vergnügen durchlesen²³. Nicolai sollte Recht behalten. In ganz Deutschland war das Buch so erfolgreich, dass der Verleger Raspe in Frankfurt am Main bereits zwei Jahre später, 1761, eine zweite Auflage herausgab und weitere in Frankfurt (1763, 1766), Berlin (1763) sowie eine ohne Verlagsort im Jahr 1774 folgten²⁴.

Der Erfolg des Buches *Der Herr und der Diener* versetzte seinen Autor Friedrich Carl von Moser unvermittelt in die erste Reihe der zeitgenössischen Publizisten im Alten Reich²⁵. Dies mag nicht unwesentlich auch zu seiner internationalen Bedeutung beigetragen haben. Bereits ein Jahr nach seinem Erscheinen auf dem deutschen Büchermarkt legte der Verlag Knoch & Esslinger in Frankfurt am Main und Leipzig eine französische Ausgabe unter dem Titel *L'idée du Prince et de son Ministre tracéé [!], avec la Liberté d'un Patriote* vor, die von Mosers ursprünglichem Vorwort aus der deutschen Ausgabe vom 15. Oktober 1758 ins Französische übertragen eröffnet wurde. Die Übersetzung hatte Jacques Emmanuel Roques (1727–1805) angefertigt²⁶.

von: Der Herr und der Diener geschildert in Patriotischer Freyheit. Frankfurt/ M. 1766. S. 228 und S. 270. Vgl. dazu auch Friedrich Carl von Moser: Beherzigungen. In: Friedrich Carls von Moser Fürstlich-Hessen-Casselschen Geheimen Raths gesammelte moralische und politische Schriften. 2 Bde., Frankfurt a. M. 1763/64, hier Bd 2, S. 246.

²³Nicolai, Friedrich: Rezension Moser, Friedrich Karl, «Der Herr und der Diener», in: Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. 1759–66. 5. T. Frankfurt/M. 1760. S. 145–160. Hier S. 146.

Auch Johann Heinrich Gottlob Justi besprach Mosers Werk *Der Herr und der Diener*: Es ist dieses eine Schrift, welche sehr viel Lobsprüche verdienet. Sie ist mit richtigen und edlen Grundsätzen und mit vielen sehr nützlichen Betrachtungen erfüllt. Sie ist überhaupt mit einer Freymüdigkeit und einem patriotischen Eyfer geschrieben, welcher dem Herrn von Moser viel Ehre macht. Justi bemängelt jedoch, dass Mosers Kritikfähigkeit nachlässt, je größer die Höfe werden und sich der Autor nicht entschieden genug gegen Ämterpatronage wende. Justi, Johann Heinrich Gottlob: Fortgesetzte Bemühungen, Zweytes Stück, Abhandlung VI. S. 226.

²⁴ Die Ausgaben sind vollständig aufgelistet bei Mälzer, Gottfried: Die Werke der württembergischen Pietisten des 17. und 18. Jahrhunderts. Stuttgart 1971. S. 202f.

²⁵Kaufmann, Hans Heinrich : Friedrich Carl von Moser als Politiker und Publizist. Darmstadt 1831. S. 13–29.

²⁶ Jacques Emmanuel Roques. Vgl zu Roques Andreas Flick, Angelica Hack, Sabine Maehnert (Hg.): Hugenotten in Celle. Katalog zur Ausstellung im Celler Schloß 9. April — 8. Mai 1994, Celle 1994. Alfred Giebel, Pierre de Roques (1685–1748). Stammvater der Familie Roques de

Sehr wahrscheinlich stammte diese Übersetzung von Mosers Werk aus dem engeren Umfeld des Autors. Es ist sogar gut möglich, dass sich Moser und Jacques Emmanuel Roques in Darmstadt begegnet sind: 1748 wurde Jacques Emmanuel Roques Pastor in Friedrichsdorf im Taunus. Zugleich wirkte er als religiöser Erzieher des Erbprinzen Friedrich Ludwig von Hessen-Darmstadt. Moser war 1749 als hessen-homburgischer Hofrat zu Hessen-Darmstadt wegen einer strittigen Vormundschaftsangelegenheit der beiden Höfe in Beziehung getreten und erhielt aufgrund seiner diplomatischen Fähigkeiten und seinem Erfolg bei der Vermittlung zwischen beiden Häusern 1753 den Titel eines Darmstädter Hofrates. 1754 trat er endgültig als Legationsrat und Vertreter Darmstadts in Frankfurt in die Dienste der Darmstädter Landgrafen. Roques wechselte erst 1753 in die Französisch-reformierte Gemeinde in Hameln und übernahm im August 1755 an die Französisch-reformierte Gemeinde in Celle. In diesem Amt übersetzte er zahlreiche Schriften aus dem Französischen ins Deutsche und umgekehrt und verfasste selbst Werke. Moser und Roques könnten sich also in Darmstadt kennen gelernt haben. Möglicherweise begegneten sie sich auch nach dem Erscheinen der Übersetzung noch einmal, als Moser 1762 in der Vermittlung um das Hanauer Erbe für Wochen nach Celle, dem Aufenthaltsort des Kasseler Landgrafen Friedrich II, kam²⁷.

Roques hatte sich mit seiner Übersetzung eindeutig an einen französischen Leserkreis gewandt. Er schrieb in seiner Einleitung vom 26. März 1760: *Si la Nation Allemande a des obligations à Monsieur de Moser de son Ouvrage, la Nation Françoise doit en avoir au Libraire, qui lui en procure la Traduction*²⁸. Dennoch sollte wahrscheinlich weniger der Leser in Frankreich als vielmehr der französischsprachige Leser in den Gebieten der Wetterau, Hanau, Neu-Isenburgs, Offenbachs und Frankfurts mit der Übersetzung angesprochen werden. Gerade die Hugenotten galten als ein großer und wichtiger Teil des Kundenstamms der Verlagsbuchhandlung von Johann Georg Esslinger in Frankfurt am Main, in der die Übersetzung erschien. Esslinger handelte an sich, aber nicht zuletzt auch wegen der hugenottischen Klientel, bevorzugt mit französischer Literatur. Sein Angebot umfasste auch die in Frankreich verbotenen und in Neuchâtel oder anderen Orten erschienenen Werke französischer Autoren. Darüber hinaus gab auch immer wieder Aufträge für Nachdrucke oder finanzierte selbst Übersetzungen ins Französische²⁹.

Maumont. In: Hessische Familienkunde. Juli/Sept. 1968, Bd 9, H. 3, Sp. 157–62.

²⁷ Stirken, Angela: Der Herr und der Diener. Friedrich Carl von Moser und das Beamtenwesen seiner Zeit Bonn 1984. S. 24f.

²⁸ Einleitung des Übersetzers Jacques Emmanuel Roques zu *L'idée du Prince et de son Ministre tracéé, avec la Liberté d'un Patriote*. O. S.

²⁹Vgl. dazu grundlegend Haug, Christine: "Die kleinen französischen Schriften gehen zur Zeit ungleich stärker als andere solide Werke ..." Der Buchhändler Johann Georg Esslinger (1710–1775)

In diesen Kontext ist auch die erste Übersetzung von Mosers *Der Herr und der Diener* einzuordnen.

Im gleichen Jahr, 1760, erschien in Hamburg eine weitere Übersetzung des französischen Historikers und Reisenden Jean de Champigny (1717–1787)³⁰ unter dem Titel *Le maître et le serviteur, ou les devoirs réciproques d'un souverain et de son ministre, trad. Par Champigny* im Verlag von Christian Herold in Hamburg³¹. Ein Jahr später, 1761, folgte noch eine weitere Auflage dieser Ausgabe³². Gerade die Übersetzung Champignys zog einen wahren Siegeszug Mosers in Russland nach sich: 1766 erschien auf Basis von Champignys Vorlage die russische Übersetzung von Mosers Werk durch den ukrainischen Aufklärer, Philosophen und Mathematiker Jakob Pavlovich Kozelsky (1729 – nach 1795)³³ in St. Petersburg.

Die vorliegende Untersuchung fragt nach der europäischen Wahrnehmung von zwei rein in deutscher Sprache publizierenden Autoren zur Staats- und Verwaltungswissenschaft: Friedrich Carl von Moser und dem Kamerälisten

in Frankfurt am Main und sein florierender Handel mit Geheimliteratur im 18. Jahrhundert. In: http://www.goethezeitportal.de/fileadmin/PDF/db/wiss/epocha/haug_esslinger.pdf S. 1–28. Hier S. 5 und S. 11. Vgl.

Erstpublikation in: Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte 4 (2002) S. 104–138. Hinsichtlich der Rolle Frankfurts für die Hugenotten vgl. Magdelaine, Michelle: Frankfurt am Main: Dreh scheibe des Refuge. In: Thadden, Rudolf von/Dies. (Hg.): Die Hugenotten 1685–1985. München 1986. S. 26–37. Hugenotten vollzogen aber gerade im 18. Jahrhundert einen Sprachwechsel vom Französischen zum Deutschen. Glück, Helmut: Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin 2002. S. 179f.

³⁰Chevalier Jean de Champigny begann seine Karriere in der Armee als Colonel. 1763 zog er sich ins Privatleben zurück und bereiste England, Russland und Holland. Von ihm erschienen ein Abriß über Louisiana (Présent de la Louisiane, Hague 1776) und eine Englische Geschichte. Vgl. Knight, L.L. Biographical dictionary of authors. 1910. Hoefer, J. C. F. Nouvelle Biographie générale, etc. 46 tom. 1852. S. 259.

³¹Vgl. zu Christian Herold, der in der französischen Übersetzung Mosers als Chretien Herold fungierte, J. M. Lappenberg: Zur Geschichte der Buchdruckerkunst in Hamburg. Hamburg 1840.

³²Die französische Übersetzung wurde wiederum für eine verkürzte und kommentierte spanische Version herangezogen: *Idea d'un buon governo o traduzione commentata dell'opera: der Herr und der Diener — tradotta da tradizion francese*.

³³Nach einem Studium in St. Petersburg diente Kozelsky als Artilleriehauptmann, unterrichtete Mathematik und wirkte als Übersetzer. Noch während des russisch-osmanischen Krieges zog er sich ins Privatleben zurück und widmete sich nur noch seinen Studien. Vgl. zu Jakob Pavlovich Kozelsky (Яків Павлович КОЗЕЛЬСЬКИЙ): Исторія вітчизняних соціологічних теорій і вчень: навчально-методичний посібник / Укладач Білецький В. В. — Донецьк: ДонДДУ, УКЦентру, НТШ-Донецьк, 2007. — 116 с.; Шевченко Н. В. Общественно-политические взгляды просветителя Я. П. Козельского и социальный идеал крестьянско-казацких масс Украины XVIII в. В кн.: Славяне: единство и многообразие, вып. 3. Минск, 1990; Чабан А. М. Прогрессивная социологическая мысль России и Украины второй половины XVIII – начала XIX в. и французское Просвещение. К., 1979; Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. К., 1958.

Johann Heinrich Gottlob Justi. Mit ihnen werden Zeitgenossen vorgestellt, die beide durch ihre frühen Werke zu namhaften politischen Publizisten in Deutschland avancierten.

Es war deshalb angebracht, für diese Untersuchung einen Blick in das *Journal étranger* zu werfen das zwischen 1754 und 1762 in Paris erschien. Dieses Journal zielte darauf, das Bedürfnis des französischen Publikums nach kulturellen und intellektuellen Informationen aus aller Welt zu stillen und wichtige Materialien oder Erkenntnisse im Sinne einer universalen, Staatsgrenzen übergreifenden Aufklärung verbreiten zu helfen³⁴. In der Realität druckte die Zeitschrift vor allem Ausschnitte aus Neuerscheinungen in England, Frankreich, Spanien und Russland ab. Gerade diese Zeitschrift schien geeignet, nach Rezensionen, Ankündigungen zu oder Teilübersetzungen von Mosers und Justis neuerschienenen Werken zu suchen. Doch die Suche blieb ohne Ergebnis. Offensichtlich erschienen Moser und Justi der Redaktion nicht bedeutend genug. Da weder Rezensionen noch nur eine Teilübersetzung von einem Werk Justis in einem spanischen Journal ermittelt werden konnte, und auch der Nachweis der Originale oder Übersetzungen in zeitgenössischen Adels- und Fürstenbibliotheken im europäischen Ausland nur sehr vereinzelt erfolgreich war, kann momentan noch kein vollständiges Bild von der Verbreitung der Werke von Moser und Justi außerhalb Deutschlands gezeichnet werden.

Im Mittelpunkt dieser Betrachtung stehen — wie bereits gesagt — die Intentionen der Verlage oder Übersetzer, Übersetzungen der betreffenden Werke mit einem kritischen Fokus hinsichtlich Verwaltung, administrativer Organisation und Staatswirtschaft anzufertigen. Dabei wird auch ein Blick auf den Adressatenkreis der Übersetzungen geworfen. Interessant ist dabei die Frage, ob die Übersetzungen im Zusammenhang mit einem im Ausland geführten Reformdiskurs oder gar parallel verlaufenden Reformen standen und ob möglicherweise Reformprozesse durch die Übersetzung der deutschen Denker möglicherweise theoretisch gestützt oder legitimiert wurden. Es stellt sich damit also allgemein die Frage, ob die Übersetzungen von Moser und Justi auch zu einem Transfer von Ideen beigetragen haben. Denn nicht automatisch impliziert eine Übersetzung einen Kulturtransfer. Auffällig ist jedoch, dass gerade in dieser Zeit die

³⁴ Elie Cathérine Fréron entwarf das Konzept der Zeitschrift in der Einleitung der Septemberausgabe 1755: Ce Journal, s'il était bien fait, me représenterait une de ces grandes villes de commerce, où l'on voit rassemblés tous les peuples de la terre, et toutes les productions de la nature et de l'industrie. Indiens, Chinois, Japonais, Anglais, Hollandais, Espagnols, Italiens, etc. s'y trouvent réunis et semblent ne former qu'un seul peuple, quoiqu'ils soient si différents, par les habits, par le langage, et plus encore par les mœurs. Zit. n. Abrosimov, Kirill: Französische Aufklärer auf der Suche nach einer "Weltliteratur". Zur Kooperation zwischen dem *Journal étranger* und der ävon Friedrich Melchior Grimm. In: Eibach, Joachim/ Carl, Horst (Hg.): Europäische Wahrnehmungen 1650–1850. Interkulturelle Kommunikation und Medieneignisse. Hannover 2008. S. 207–228. Hier S. 213.

Übersetzungen aus dem Deutschen rückläufig waren und französische Übersetzungen den Buchmarkt mit 52,5 % dominierten. Auch Kozelsky hat Mosers *Der Herr und der Diener* aus der französischen Übersetzung ins Russische übertragen. Er legte dafür die Übersetzung von Jean de Champigny zugrunde.

Sein Werk brachte Moser in Russland großen Ruhm und sogar eine Audienz bei der Zarin Katharina II. Moser war als Darmstädter Staatskanzler der Großen Landgräfin, Henriette Karoline, und ihrer Tochter Wilhelmine mit besonderen Aufträgen des Landgrafen an die Zarin nach Petersburg nachgereist³⁵. Die Große Landgräfin schrieb Moser im Vorfeld: *J'ai prévenu l'Impératrice sur Votre arrivée ; elle a lu Der Herr und der Diener, et elle est du très petit nombre des souverains qui applaudit à ce livre*³⁶. Nach der Audienz schilderte die Große Landgräfin in einem Brief an ihre Mutter das Ereignis: *Moser a eu, avant-hier, son audience; l'Impératrice lui a parlé de son livre Der Herr und der Diener, elle lui dit l'avoir lu avec plaisir. Il dit que peu de personnes l'avoient approuvé, parceque la vérité displaioit. Wie kann man die Wahrheit nicht lieben ? Il répondit : Es gibt viele kleine Monarchen, die sie hassen. L'Impératrice a ri de sa réponse*³⁷. Die Zarin war wohl sogar bestrebt, Moser als Lehrer für Staatsgeschichte und Völkerrecht beim Großfürsten anzustellen.

Übersetzungen und Wahrnehmung

von Johann Heinrich Gottlob Justis Werken

Der Einfluss der kameralistischen Ideen³⁸ von Johann Heinrich Gottlob Justi³⁹ auf zahlreiche deutsche Autoren der Staatswissenschaft und Staatslehre

³⁵ Die Prinzessin sollte dort mit dem Großfürsten Paul verheiratet werden.

³⁶ In: Ph. A. F. Walther: Briefwechsel der "Großen Landgräfin". Bd II. Wien 1877, S. 414.

³⁷ Brief der Großen Landgräfin an ihre Mutter vom 5. September 1773, in: Ph. A. F. Walther, Briefwechsel der "Großen Landgräfin" Bd I, S. 447. Eine Folge der Audienz war, dass Moser ein Porträt der Zarin im Mai 1776 im *Deutschen Museum* veröffentlichte.

³⁸ Der Kameralismus, oft als deutsche Form des Merkantilismus bezeichnet, entstand im 17. Jahrhundert als eine Idee der Koppelung fürstlicher Finanzen an die Wirtschaft des Territoriums in Abhängigkeit von der Bevölkerung. Diese Finanzwirtschaft zielte auf die Geldvermehrung der fürstlichen Kammer bei gleichzeitiger Förderung der Binnenwirtschaft. Buchholz, Werner: Öffentliche Finanzen und Finanzverwaltung im entwickelten frühmodernen Staat (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Pommern, Bd 25). (Habil.) Köln 1992, S. 38. Einen guten Überblick zu kameralistischen Schriften gibt Sandl, Marcus: Ökonomie des Raumes. Der kameralwissenschaftliche Entwurf der Staatswirtschaft im 18. Jahrhundert (Norm und Struktur, Bd 11). (Diss.) Köln u.a. 1999, S. 471–482.

³⁹ Zu Justi vgl. Reinert, Erik S.: Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): The Life and Times of an Economist Adventurer. In: Backhaus, Jürgen G. (Hg.): The beginnings of Political Economy. The European Heritage in Economics and the Social Sciences (The European Heritage in Economics and the Social Sciences, Bd 7). Heidelberg 2009, S. 33–74. Ahl, Ingmar K.: Justi, Johann Heinrich Gottlob. In: Stolleis, Michael (Hg.): Juristen. Ein biographisches Lexikon von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. München 1995, S. 340–342.

wie Gottfried Achenwall, Josef von Sonnenfels, Johann Friedrich von Pfeiffer, Johann Beckmann oder Karl Anton von Marini dürfen nicht unterschätzt werden⁴⁰. Dies galt jedoch nicht in gleichem Maße für das Ausland. Keith Tribe geht in seinem Aufsatz *Cameralism and the sciences of the state* von 2006 davon aus, dass die Verbreitung des Kameralismus durch Übersetzungen äußerst begrenzt war. Zwischen 1766 und 1800 seien nur 14 Schriften verschiedener deutscher Kameralisten ins Dänische übertragen worden und von Justi sei nur die Übersetzung der *Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten* ins Russische zwischen 1772 und 1778 bekannt⁴¹. Diesem Befund ist grundsätzlich zu widersprechen. Allein von Justis 67 Schriften wurden acht in fünf Sprachen übertragen: Ins Französische, Spanische, Niederländische, Englische und Russische⁴². Eines seiner im In- und Ausland bekanntesten Bücher sind die 1756 in Göttingen erschienenen *Grundsätze der Polizeywissenschaft in einem vernünftigen, auf den Endzweck der Polizey gegründeten Zusammenhange und zum Gebrauch Academischer Vorlesungen abgefasset*⁴³. Justi forderte in diesem Werk die Pflege des Staatsvermögens als wichtigsten Part obrigkeitlichen Handelns und zielte mit diesem Lehrbuch auf die Polizeywissenschaft als universitär-wissenschaftliche Lehre zur Vermittlung der Technik von Regierungshandeln.

Gerade in diesem Kontext einer kameralistischen Ausbildung der Eliten erhielt das Werk als Lehrbuch in Spanien eine große Aufmerksamkeit. Es wurde beispielsweise durch die Mitglieder der baskischen Gesellschaft *Real Sociedad Bascongada de Amigos del País* gelesen⁴⁴. Es handelte sich um eine Gesellschaft

⁴⁰ Stollberg-Rilinger, Barbara: Der Staat als Maschine. (Historische Forschungen, 30) Berlin 1986, S. 79, FN 13 und S. 80. Vgl. ebenfalls Obert, Marcus: Die naturrechtliche "politische Metaphysik" des Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771). Frankfurt/M. 1992, S. 63–73.

⁴¹ Tribe, Keith: Cameralism and the sciences of the state. In: Goldie, Mark/ Wohler, Robert (ed.): The Cambridge History of Eighteenth Century Political Thought. Cambridge 2006, S. 525–546. Hier S. 545. Fußnote 23.

⁴² Reinert, Erik S.: Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): The Life and Times of an Economist Adventurer. In: Backhaus J.G. (ed.): The beginnings of Political Economy. The European Heritage in Economics and the Social Sciences. Heidelberg 2009, S. 11f.; Adam, Ulrich: The Political Economy of J.H.G. Justi. Oxford 2006.; Immer noch beachtenswert auch Small, Albion: The Cameralists: the Pioneers of German Social Polity. New York 1909.

⁴³ Zur Entstehung der Grundsätze der Polizeywissenschaft vgl. Adam, The Political Economy, S. 39. LLuch, Ernest: Der Kameralismus, ein vieldimensionales Lehrgebäude: Seine Rezeption bei Adam Smith und im Spanien des 18. Jahrhunderts. In: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte 2 (2000), S. 133–154.

⁴⁴ Bis 1789 entstanden 89 Sociedades Económicas in Spanien. Vgl. zur oben genannten Gesellschaft und anderen die Dissertation von Astigarraga Goenaga, Jesús: Pensamiento económico y reforma ilustrada de la Real Sociedad Vascongada de los Amigos del País (1760–1793), Universidad de Deusto, San Sebastián, Oktober 1990, S. 406–407, S. 505–506, S. 1319–1338, S. 1618–1620; Ders.: Los ilustrados vascos. Ideas, institutiones y reformas económicas en España. Barcelona 2003. Trojani, Cécile Mary: L'Écriture de L'Amitié dans L'Espagne des Lumières. La Real Sociedad Bascongada de los Amigos del País, d'après la source épistolaire. Toulouse 2005.

baskischer Adeliger und Verwaltungsbeamter, die in der Regel im Ausland studiert hatten und sich in ihrer Gesellschaft zu wissenschaftlichen Veranstaltungen trafen, um innovative Ideen aus dem Ausland zu diskutieren und selbst Konzepte zu Reformen im Bereich der Landwirtschaft und Verwaltung zu entwickeln⁴⁵. Aus dieser Gesellschaft erwuchs 1775 das *Real Seminario* von Bergara, eine neue *Università riservata ai soli nobili*. Justis Grundsätze der Polizeywissenschaft⁴⁶ wurde noch vor dem Vorliegen einer Übersetzung neben Werken vor allem von Jacob Friedrich von Bielfeld (1717–1770)⁴⁷ von den Mitgliedern der Gesellschaft als wichtige Autoren der Polizeywissenschaft für das Lehrprogramm des gleichnamigen neugegründeten Lehrstuhls empfohlen und sollten auch in den Lehrplan aufgenommen werden⁴⁸. Die Fächer, die das Seminar bot, wurden nach den profesiones de utilidad al Estado ausgesucht, tales como el comercio, las ciencias metálicas (química, mineralogia), la agripericia y la política o ciencia del gobierno de pueblos, provincias y reinos⁴⁹.

Justis Werk wurde jedoch erst wesentlich später, dann aber gleich zweifach ins Spanische übersetzt. Der erste Übersetzer war der Catalane Antonio Francisco Puig i Gelabert⁵⁰, der Justis Werk unter dem Titel *Elementos generales de Policía escritos por el señor Juan Henrique Gottlob Justi* übersetzte und im Jahr 1784 c.y. del idioma francés traducidos al Español con varias notas conducentes a España in Barcelona erscheinen ließ⁵¹. In der *Preludio del Traductor*, dem Vor-

⁴⁵ Zwischen 1771 und 1793 hielten die Mitglieder der Gesellschaft alle Pläne und Aktivitäten in Rechenschaftsberichten fest. *Resumen de Actas de la Real Sociedad Bascongada en sus Juntas Generales celebradas en Vergara 1771–1793*.

⁴⁶ Justi, Johann Heinrich Gottlieb von: Grundsätze der Polizeywissenschaft: in einem vernünftigen, auf den Endzweck der Polizey gegründeten, Zusammenhange und zum gebrauch academischer Vorlesungen abgefasset. Göttingen 1759.

⁴⁷ Gerade von Bielfelds *Institutions politiques* hatte sich Justi in späteren Werken deutlich abgegrenzt.

⁴⁸ Zur Educación am neugegründeten Seminar von Bergara vgl. Pacheco Torales, María Christina: Illustrados en la Nueva Espana. Los socios de la Real sociedad Bascongada de los Amigos de País. Mexico D.F. 2001. Insbesondere S. 115–124. Ebenso Lluch Martín, Ernest: El cameralismo más allá del Mundo Germanico. In: Revista de economía aplicada. 4, 10 (1996). S. 163–175.

⁴⁹ Pacheco Torales, Illustrados en la Nueva Espana, S. 120. Auch im Lehrgebiet der Mineralogie wurde wiederum auf ein deutsches Vorbild zurückgegriffen: das *modelo del instituto de Freiberg en Sajonia*. Ibid.

⁵⁰ Omar Guerrero hat Puigs spanische Übersetzung zu Justi 1996 kommentiert herausgegeben und eingeleitet. Justi, Juan Enrique de: Ciencia del Estado. Los Elementos Generales de Policía. Hrsg. von Omar guerrero. Toluca/ Mexico D.F. 1996. Zu Puig vgl. Guerrero, Omar: Estudio Introductorio zu Los Elementos Generales de Policía: <http://biblio.juridicas.unam.mx/libros/4/1814/8.pdf> (gesehen 21.10.2011). S. LXII.

⁵¹ Justi, Johann Heinrich Gottlob von: Elementos Generales de Policía. Barcelona 1784. Der spanischen Übersetzung lag die Französische zugrunde: Éléments généraux de police, démonstés par raisonnemens fondés sur l'objet & la fin qu'elle se propose. Par M. Jean-Henri Gottlobs de Justi, conseiller du Roi d'Angleterre [...] Paris 1769. Übersetzt durch Marc Antoine Eidous. Kur-

wort nennt Antonio Francisco Puig i Gelabert den Anlass seiner Übersetzung: *Apenas la Real Audiencia de este Principado de Cataluña tuvo à bien mandar que todos los Abogados, no solo por conveniencia, si tambien por necesidad debiesen estar instruídos, tanto en la Jurisprudencia Forense, como en la Ciencia del Gobierno, que está dividida en los tres ramos de Policía, Política y Economía, viendome condecorado, y regentando en esta sazon el distinguido empleo de Exáminador de Abogados, considerando quan dificil y costoso habiba de ser à los Pasantes comprar una infinidad de Libros, en que estan dispersas las varias y solidas nociones de que deben estar tinturados los que se sujeten en adelante à exâmenes de Abogado; me habia proyectado el arrojado empeño, para darles algun alivio, de hacer unos Elementos, ó Compendio de Policía, que me persuadí poder entresacar de varias eruditas obras de mis amados Paysanos los Españoles, por hallarse en ellas embebidas sus principales máximas y principios. Solo un efecto natural de mi ciego amor Patriotico, podia empeñarme à la empresa de una obra tan superior à mis alcances. Pero me ha satisfecho bien la fortuna, con haberme puesto à las manos concluída, la obra que yo tenia proyectada. Esta es una Obra Original en su genero. Su Autor es un celebre Estadista Alemán, el Erudito y Noble Señor Juan Henrique Gottlobs [sic!] de Justi, Consejero del Rey de Inglaterra, Comisario General de Policía de los Ducados de Brunswick y de Luneburgo, y Miembro de la Sociedad Real Gottingue*⁵².

ze Erwähnung der Existenz der spanischen Übersetzung bei Scholz, Johannes Michael: Polisia. In: Stolleis, Michael/Härter, Karl/Schilling, Lothar (Hg.): Policey im Europa der Frühen Neuzeit. Frankfurt/M. 1996. S. 212–294. Hier S. 252. Ebenfalls kurz bei Scheffold, Bertram: Cameralism as an intermediary between Mediterranean Scholastic economic thought and classical economics. In: Kurz, Heinz-Dieter/ Nishizawa, Tamotsu/ Tribe, Keith (Hg.): The Dissemination of Economic Ideas. London 2011. S. 13–40. Hier S. 22ff. Adam, Ulrich: The Political Economy of J.H.G. Justi. Oxford 2005. S. 245.

⁵² Puig, Antonio Francisco: Preludio del Traductor. In: Justi, Johann Heinrich Gottlob von. *Elementos Generales de Policía*. Barcelona 1784. S. Vf. Die Übersetzung lautet: *Mit der Übersetzung wurde begonnen, weil der König der Grafschaft Katalonien befahl, dass alle Anwälte, nicht nur aus Zweckmäßigkeit, sondern auch aus Gründen der Notwendigkeit, in der richterlichen Rechtsprechung ebenso, wie in der Staatswissenschaft [sic!], welche in die drei Zweige der Policey, der Politik und der Ökonomie aufgeteilt ist, ausgebildet sein sollten; und so sehe ich mich ausgezeichnet [die Übersetzung zu leisten], da ich zu diesem Zeitpunkt das ehrenvolle Amt des Prüfers der Anwälte inne habe. Wenn man in Betracht zieht, wie schwierig und kostspielig es für die Referendare gewesen ist eine Unmenge an Büchern zu erwerben, in denen die verschiedenen und stichhaltigen Ideen (überall) verstreut sind und über die all diejenigen umfassend informiert sein müssen, die sich zukünftig Anwaltsprüfungen unterwerfen; so hatte ich beabsichtigt, den mutigen Versuch zu unternehmen, ihnen etwas Erleichterung zu verschaffen, einige Grundlagen oder ein Kompendium der Policey zusammenzutragen, von denen ich überzeugt war, diese aus verschiedenen gelehrt Werken meiner geliebten Landsleute, der Spanier, heraussuchen zu können, um ihre wesentlichen Maximen und Grundsätze darin eingebettet zu finden. Lediglich eine natürliche Folge meiner blinden patriotischen Liebe konnte mich auf die Beschäftigung mit einem so viel höher als meine eigenen Unzulänglichkeiten stehenden Werk verpflichten. Doch hat mich die Vorsehung wohl bedacht, indem sie mir*

In einem Königlichen Dekret Karls III. von 1783 war vorgeschrieben worden, dass für die Zulassung als Anwalt neuerdings Kenntnisse in *Polizey-Wissenschaften und Wirtschaft* nachgewiesen werden mussten⁵³. Puig hatte darin den Handlungsbedarf erkannt und die bisherige Lücke auf diesen Gebieten durch Übersetzungen zu schließen versucht. Im Zusammenhang mit seiner Übersetzung von Justis *Grundsätze[n] der Polizeywissenschaft* hatte Puig kritisiert, dass die *Polizey* in Spanien bislang eine so wenig bekannte Wissenschaft sei und mit der Staatskunst verwechselt werde. In der Differenzierung beider Wissenschaften und der Definition folgte er exakt Justis Verständnis aus dessen Vorrede: Puig betonte, dass eine unbeschreibliche Menge an Werken über die Politik und Lehrsätze der Staatskunst vorhanden wären, worunter jedoch die *Polizey* betreffenden Grundsätze gemischt worden seien, ohne die eigenen Dimensionen und Grenzen der jeweiligen Wissenschaft zu beachten. Puig definierte nach Justi die *Polizey* als eine Methode, das Staatswohl durch die Weisheit ihrer Verordnungen zu sichern und dessen Stärke und Macht zu vergrößern. Zu diesem Zwecke widme sich die *Polizey* nach Puig der Kultivierung der Länder, um den Einwohnern diejenigen Möglichkeiten zu verschaffen, die für ihren Fortbestand notwendig seien, und um eine gute Ordnung unter diesen [den Einwohnern] zu erhalten. Somit wirke die *Polizey* auf die innere Sicherheit des Staates hin bzw. trage dazu bei. Jedoch sei sie hierin nichts weiter als ein Werkzeug der Staatskunst. Puig gestand der *Polizey* eine starke Verwandtschaft zur Kameral- bzw. Finanzwissenschaft zu. Die *Polizey* arbeite daran, die Einnahmen des Staates durch die Weisheit ihrer Vorschriften zu erhalten und zu vergrößern. Derjenige, der mit der Finanzwissenschaft betraut sei, beschäftige sich damit, diese auf die vorteilhafteste Weise anzuwenden, um in Zeiten der Not zu den Ausgaben beitragen zu können, die der Staat zu leisten verpflichtet ist⁵⁴.

Zur umfassenden Weiterbildung der spanischen Juristen übersetzte Puig deshalb auch im gleichen Jahr noch das Werk *Le Droit public* des französischen

(bereits) das abgeschlossene Werk in die Hände gespielt hat, das ich (selbst) geplant hatte. In seiner Gattung ist dies ein originelles Werk. Sein Autor ist ein berühmter deutscher Staatstheoretiker, der gelehrt und edle Herr Johann Heinrich Gottlob[s] [sic!] von Justi, Ratgeber des Königs von England, Generalkommissar der Policey der Herzogtümer von Braunschweig und Lüneburg, und Mitglied der königlichen Akademie zu Göttingen.

⁵³ Zum Stand der katalanischen Juristen im 18. Jahrhundert vgl.: Jacobson, Stephen: Catalonia's Advocates: Lawyers, Society, and Politics in Barcelona, 1759–1900. Chapel Hill, 2009. S. 28ff. Zum Einfluss deutscher ökonomischer Ideen auf die spanische Aufklärung, aber auch auf die Ökonomisierung spanischer Städte und städtischer Eliten vgl. Fraile, Pedro: Putting order into the cities: The evolution of 'policy science' in eighteenth-century Spain. In: Urban History 25,1 (1998). S. 22–35. Zum Einfluss der deutschen Polizey-Vorstellungen auf die Herausbildung eines spanischen Policía-Verständnisses vgl. Lluch, Ernest: La 'Idea General de la Policía' de Tomás Valeriola. Recerques. In: Historia, Economía, Cultura 10 (1980). S. 125–135.

⁵⁴ Puig, Preludio del Traductor, S. 11–13.

Juristen Jean Domat (1625–1696), das posthum im Jahr 1697 erschienen war und das er zusammen mit Justis *Polizeywissenschaft* der *Cámera de Castilia* und damit einer Teilbehörde des Justizministeriums zur Prüfung für die Nutzung als Lehrkanon vorlegte⁵⁵.

Die Forderung nach einer besseren Ausbildung der Staatsbeamten und damit nach einer Reform der Universitäten hatte sich schon Ende der 1760er Jahre in Gregorio Mayans und Pablo de Olavides allerdings sehr unterschiedlichen Vorschlägen manifestiert. Inwieweit dabei von Mayan auch Justis Werk als Lehrbuch herangezogen werden sollte, konnte im Kontext dieser Untersuchung nicht geklärt werden. Aufschlüsse müsste die von Mayan gegenüber einem holländischen Korrespondenzpartner in Auftrag gegebene Liste für Buchempfehlungen geben⁵⁶. Olavide empfahl hingegen den Studenten der Juristischen Fakultät der Universität Sevilla das Werk von Justis Gegenspieler, Jacob Friedrich von Bielfelds (1717–1770) *Institutions politiques* aus dem Jahr 1760, dessen Übersetzung angekündigt wurde, um die Nutzung zu vereinfachen⁵⁷.

Noch 1801 wurde in einer Königlichen Verordnung eine Bibliographie deutscher Werke zur Landwirtschaft und zur Wirtschaft in Auftrag gegeben. Die Preußische Botschaft in Berlin, die eine Anfrage aus Spanien erhielt, empfahl 38 Bücher. Darunter befanden sich auch Werke von Johann Heinrich Gottlob Justi⁵⁸.

Während Justis Werk in Spanien zum einen als Lehrbuch zur Ausbildung künftiger juristischer Eliten herangezogen werden sollte, fokussierte die zweite

⁵⁵ Gittermann, Alexandra: Die Ökonomisierung des politischen Denkens: Neapel und Spanien im Zeichen der Reformbewegungen des 18. Jahrhunderts unter der Herrschaft Karls III. Wiesbaden 2008. (Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte, 113).

⁵⁶ Den Hinweis auf die Reformpläne zu verschiedenen Universitäten sowie die die angeforderte Bücherliste Mayans gibt Gittermann, Die Ökonomisierung des politischen Denkens, S. 274f. Es könnte sich um den Rotterdamer Juristen und Konkursverwalter Gerard Meermann gehandelt haben, der enge Beziehungen zu Mayan hielt und gleichzeitig eng mit der intellektuellen Welt des Alten Reiches verbunden war. Er erteilte nach regelmäßig Auskünfte zu deutschen Universitäten, ihren Professoren und neu erschienenen Werken. Vgl. Antonio Mestre: Mayáns, die spanische Kultur und Deutschland im 18. Jahrhundert. In: Mittler, Elmar/ Mücke, Ulrich (Hg.): Die spanische Aufklärung in Deutschland. Eine Ausstellung aus den Beständen der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Göttingen 2005. S. 55–66. Hier S. 59. Zu Korrespondenzen und Briefkultur spanischer Aufklärer, insbesondere Mayans mit Gelehrten, Publizisten und Verlegern aus ganz Europa vgl. Hasse, Elisabeth: Die Briefliteratur als Verbreitungsmittel aufgeklärtes Gedankengutes in Spanien. In: Müller, Christoph (Hg.): Der Klassizismus auf der Iberischen Halbinsel. Ibero-Online-Heft 7 (2008). S. 26–36. Hier S. 31.

http://www.iai.spk-berlin.de/fileadmin/dokumentenbibliothek/Ibero-Online/Heft_7.pdf

⁵⁷ Domingo de la Torre übersetzte Bielfeld's *Institutions Politiques*. Die sechs Bände erschienen zwischen 1767 und 1801 in Madrid. Torre betonte die Bedeutung der deutschen Verwaltungorganisation zur Unterstützung und Stabilisierung der Monarchie. Lluch, Der Kameralismus, ein yieldimensionales Lehrgebäude. S. 148.

⁵⁸ Lluch, Der Kameralismus, ein yieldimensionales Lehrgebäude, S. 151, FN 69.

Übersetzung der *Grundsätze der Polizeywissenschaft* durch den Königlichen Archivrat, Handelsbeauftragten und Leiter der Königlichen Seidenmanufakturen Gerónimo Suárez y Núñez (?–1792)⁵⁹ in seiner Zeitschrift *Memorias Instructivas y Curiosas sobre Agricultura, Comercio, Industria, Economia &c.* Bd XII, im Jahr 1791⁶⁰ eindeutig auf eine allgemeine Wahrnehmung, auf die breitere Aufklärung von interessierten Laien mit wirtschaftlichen, technischen und politischen Neuerungen. Die *Memorias Instructivas* und andere reformorientierte Zeitschriften Spaniens richteten ihren Blick zumeist auf das Ausland, nicht zuletzt, um sich mit der ausländischen Kritik am Rückstand von Künsten, Wissenschaft und Wirtschaft in Spanien auseinanderzusetzen und zugleich kritisch nach Vorbildern und Lösungen außerhalb der eigenen Grenzen zu suchen bzw. den Spaniern auch Selbstbewusstsein zu vermitteln⁶¹. Suarez übersetzte für seine Zeitschrift in der Regel aus dem Französischen. Fünf der zahlreichen französischen Texte, die Suárez ins Spanische übertrug, waren deutschen Ursprungs. Einer davon waren Justis *Grundsätze der Polizeywissenschaft* in Auszügen⁶². So ist diese Zeitschrift vor allem ein Spiegel der Belesenheit und vielfältigen Interessen ihres Herausgebers⁶³. In den Texten, die Suárez aussuchte, dominieren zwar die Bezüge zu französischen Autoren, aber die Anknüpfung an aktuelles ökonomisches und Verwaltungswissen aus dem Alten Reich bzw. seiner Territorien oder Bezüge zu deutschen Autoren stehen an zweiter Stelle noch vor der Auseinandersetzung mit intellektuellen Diskursen in England oder Amerika⁶⁴.

Auch in Russland war das Interesse an Justis Werken groß. Justis *Die Natur und das Wesen der Staaten*, 1760 erschienen, wurde im Jahr 1770 von Avraam Volkov (1730–1803) aus dem Deutschen ins Russische übersetzt: *s. nemeck na ross. Jazyk perev. Avraam Volkov*⁶⁵. Sein Werk muss aber schon zuvor in

⁵⁹ Zur Person von Núñez vgl. Rox, Thorsten: Das intellektuelle Profil eines Volksaufklärers, dargestellt anhand seiner journalistischen Tätigkeit: Miguel Gerónimo Suárez y Núñez. Text unter (creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/2.0/) Gesehen am 16.02.2011.

⁶⁰ Dort S. 377–496. Es handelt sich um den letzten Band der unregelmäßig erscheinenden Zeitschrift. Carpenter war in seinen Untersuchungen noch davon ausgegangen, dass die Übersetzung von Suárez die einzige spanischsprachige von Justi sei. Carpenter, Dialoge in Political Economy, S. 65.

⁶¹ Withaus, Jan-Hendrik: Zum Klassizismusproblem in der spanischen Presse der Aufklärung. In: Ibero-online 7 (2008), S. 65–79. Hier S. 68f und S. 77.

⁶² Rox, Das intellektuelle Profil eines Volksaufklärers, S. 7.

⁶³ Rox, Das intellektuelle Profil eines Volksaufklärers, S. 6.

⁶⁴ Rox, Das intellektuelle Profil eines Volksaufklärers, S. 8. Allerdings muss darauf hingewiesen werden, dass England als Erzfeind Spaniens galt.

⁶⁵ Justi, Heinrich Gottlob von: Die Natur und das Wesen der Staaten, als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizey und aller Regierungswissenschaften, desgleichen als die Quelle aller Gesetze abgehendt. Berlin/Stettin 1760. Die zweite Auflage erschien bereits 1771. Im Jahr 1773 wurde davon eine niederländische Übersetzung unter dem Titel *De aart der wten afgelied uit de natuur en het weezen der staaten* angefertigt. Zu russischen Übersetzungen deutscher

deutscher Sprache in Russland bekannt gewesen sein, denn Katharina II. griff offenbar 1766 während ihrer Vorarbeiten zur so genannten „Großen Instruktion“ (Nakaz) zur Etablierung einer Kommission für ein neues Gesetzbuch unter anderem auf Justi zurück. Rebejkow schreibt in seiner Untersuchung: *Dans le manifeste du 14 Décembre 1766, Catherine II avait proclamé son intention de donner une instruction aux députés. Elle travailla à cette instruction dès le début de l'année 1765 compilant, principalement avec l'aide de son secrétaire, Gregorius Kositzki, L'Esprit des Lois de Montesquieu, le Traité des délits et des peines de Cesare Beccaria, et des ouvrages de juristes allemands tel que Bielefeld et Justi*⁶⁶. Auf die Verwendung der genannten Autoren hatte Katharina sogar selbst in dem Brief vom 17. Oktober 1767 an König Friedrich II. von Preußen verwiesen, dem sie zugleich eine deutsche Übersetzung ihres Nakaz mitschickte⁶⁷. Die Auseinandersetzung mit Montesquieu und Justi erschien für Katharina sinnvoll, lag doch mit Justis Werk der Versuch vor, die von Montesquieu entwickelten Maximen auf die Verhältnisse in den deutschen Territorien zu beziehen bzw. mögliche Bezüge kritisch zu diskutieren. An seiner Schrift ließen sich die Schwierigkeiten und die Frage nach dem Sinn der Anwendbarkeit ablesen. Zudem bemühte sich Katharina II. darum, den Vorwurf der Willkürherrschaft in Russland durch Selbstbindung des Herrschers an Recht und politische Moral die Herrschaft zu einer aufgeklärten Monarchie zu verändern. Damit folgte sie einer Position, wie sie in der Folge der starken Auseinandersetzung mit Montesquieu besonders stark in den deutschen Fürstentümern im 18. Jahrhundert vertreten wurde⁶⁸.

Zusammenfassung

Der Blick auf die Übersetzungen von Moser und Justi haben gezeigt, dass das Interesse an den beiden deutschen Autoren in Spanien und Russland beson-

ökonomischer Literatur vgl. Clendenning, Philip: Eighteenth-Century Russian Translations of Western Economic Works. In: Journal of European Economic History 1 (1972). S. 745–753. Zu Volkov vgl. Kittel, Harald: Übersetzung. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. Bd 3. Berlin 2011. S. 2059. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 26,3). Denise Ivanovich Fonvizin übersetzte zudem Justis „Der Grundriss einer Guten Regierung in fünf Büchern verfasset. Frankfurt/Leipzig 1759.“ ins Russische. Vgl. Kantor, Marvin: Dramatic Works of D. I. Fonvizin. Frankfurt/M. 1974. Introduction. S. 16.

⁶⁶ Rebejkow, Jean Christophe: Denis Diderot — Observations sur le Nakaz. Thèse 3ième cycle, Université de Lille 1986. S. 4.

⁶⁷ Schierle, Ingrid: Der Bürgerbegriff im Zeitalter Katharina II. Zur politisch-sozialen Begriffsprache des Aufgeklärten Absolutismus in Rußland. In: Das achtzehnte Jahrhundert 19/1 (1995). Aufklärungen im Osten. S. 68–80. Hier S. 69, FN 6.

⁶⁸ Scharf, Claus: Strukturbedingungen politischer Freiheit. Ein Forschungsbericht zum Geist der Gesetze in Deutschland im 18. Jahrhundert. In: Duchhardt/Scharf (Hg.): Interdisziplinarität und Internationalität. S. 105–145. Raeff, Marc: The well-ordered police state: Social and institutional change through law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven 1983.

ders groß war. Hingegen konnte in Frankreich oder England keine gesteigerte Wahrnehmung der Schriften nachgewiesen werden, obwohl beide untersuchten Werke zuerst ins Französische übertragen worden waren. Die französische Ausgabe bewirkte höchstens die Eingliederung in britische Adelsbibliotheken. An dieser Stelle zeigt sich, dass die deutsche Sprache zumindest für die Verbreitung von deutschen Werken zur Staats- und Verwaltungswissenschaft auf der britischen Insel ein Hindernis darstellte. Die Britische Akademie der Wissenschaften hatte beispielsweise Mosers französische Übersetzung von Roques aus dem Jahr 1760 angeschafft, während die deutsche Originalausgabe in ihrer Bibliothek fehlt. Justis *Grundsätze der Polizeywissenschaft* fehlen ebenso, hingegen wurde *Die Natur und das Wesen der Staaten* aus dem gleichen Jahr in der deutschen Ausgabe in die Bibliothek eingegliedert⁶⁹.

Interessant ist das Ergebnis, dass Justis Schriften offensichtlich in Frankreich selbst auf größeres Interesse stießen und dort auch übersetzt wurden. Mosers Buch wurde hingegen auf deutsche Initiative hin übersetzt und nur dadurch für eine internationale Wahrnehmung vorbereitet.

⁶⁹ Higgs, Henry: British Academy, Bibliography of economics 1751–1775. London 1930. Eintrag unter dem Jahr 1760, Miscellaneous Nr. 2413, S. 241. Justi steht unter der Nummer 2415. Interessant ist, dass neben den deutschen auch die französischen Ausgaben in deutschen Adelsbibliotheken nachgewiesen werden können, wie etwa in der Fürstenbibliothek Hohenlohe, Schloss Neuenstein. Dort befindet sich neben Friedrich Karl Mosers *Der Herr und der Diener, geschildert mit patriotischer Freyheit* (1759) auch die Übersetzung von Jacques Emmanuel Roques *Le maître et le serviteur, ou les devoirs réciproques d'un souverain et de son ministère* (1760). Bernhard Fabian (Hg.): Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Digitalisiert von Günter Kükenhöner. Hildesheim 2003.

Folgende Übersetzungen von Mosers "Der Herr und der Diener" waren Bestandteil der Münchner Hofbibliothek. 1. L'Idée du Prince et de son Ministre. Frankfurt u.a., 1760, Signatur: Pol.g. 437. Auf dem vorderen und dem hinteren Einbanddeckel befindet sich ein Supralibris der bayerischen Hofbibliothek.

2. Idée D'Un Bon Gouvernement. Politicopolis, 1(1761), 2(1761), 3(1762). Signatur: Pol.g. 671-1.2.3. Es gibt in den 3 Bänden zwar kein Besitzerkennzeichen der bayerischen Hofbibliothek, aber ein R auf dem Titelblatt als Zeichen dafür, dass das Werk einen Nachweis in unserem alten Realkatalog (von Schrettinger) bekommen hat. Dieser Katalog wurde bis 1856 geführt und somit war das Werk ebenfalls im Besitz der bayerischen Hofbibliothek.

3. Idée D'un Bon Gouvernement. Politicopolis, 1(1761), 2(1761), 3(1762). Abweichende Ausgabe. Signatur: Pol.g. 671 d-1/3. Auf dem Titelblatt findet sich ein R (s.2.) 4. Der Herr und der Diener. Frankfurt u.a., 1759. Signatur: Pol.g. 671 o-1. Auf dem Titelblatt findet sich ein R (s.2.) 5. Der Herr und der Diener. Franckfurt 1759. Signatur: Pol.g. 671 n. Auf dem Titelblatt findet sich ein R (s.2.) 6. Der Herr und der Diener. Franckfurt, 1761. Signatur: Pol.g. 671 p. Auf dem vorderen und dem hinteren Einbanddeckel befindet sich ein Supralibris der bayerischen Hofbibliothek.

7. 2. Exemplar zu obigem: Pol.g. 671 pa. Auf dem vorderen Innendeckel ist ein Exlibris der bayerischen Hofbibliothek eingeklebt.

8. Ueber Regenten, Regierung und Ministers. Frankfurt am Main, 1784. Signatur: Pol.g. 671 u. Auf dem vorderen und dem hinteren Einbanddeckel befindet sich ein Supralibris der bayerischen Hofbibliothek.

Die französischen Übersetzungen waren bei beiden Werken die Voraussetzung für die nachfolgende Übertragung ins Russische oder Spanische und somit für eine größere Verbreitung in den beiden Ländern⁷⁰. Die Übersetzungen ergaben sich offensichtlich als Folge von ganz spezifischen Interessen der ausführenden Übersetzer an dem jeweiligen Werk, mit dem ganz konkret entweder auf einen Leserkreis (Moser in hugenottischen Kreisen oder Justi als Lehrbuch in Bergara bzw. dem Leserkreis der ökonomischen Zeitschrift *Memorias Instructivas*) und/oder auf entsprechende Reformsituationen bzw. Bedürfnisse der Krone in Spanien oder Russland Bezug genommen werden sollte. Die Übersetzungen von Moser und Justi fielen damit eher nicht in einen Rahmen allgemeiner und breiter Übersetzungstätigkeit von Konvoluten deutscher Literatur, wie sie umgekehrt die französische Literatur in Deutschland erfuhr.

Dazu kam in Russland mit eigener starker deutscher Verwaltungs- und Sprachtradition ein logischerweise gesteigertes Interesse an deutschen Autoren, während in Spanien eher durch die bourbonischen Könige eine starke Hinwendung zur französischen Aufklärung und ihren Werken festzustellen ist. Auffällig ist dennoch, dass sich Spanien im 18. Jahrhundert recht schnell von den Physiokraten abwandte und die deutschen Kameralisten zunehmend stärkeres Interesse erlangten. Dies führt Lluch nicht zuletzt auf Karls III. Regierungszeit in Neapel und Sizilien zurück, wo der König und sein Verwaltungspersonal durch die Nähe zu den habsburgisch-österreichischen Besitzungen in Italien — etwa im Großherzogtum Toskana — und die dortigen ökonomischen und landwirtschaftlichen Entwicklungen und den Verwaltungsreformen in Anlehnung an kameralistische Theorien beeinflusst worden war⁷¹. Gerade auf die Verbindung von Verwaltung und Ökonomie richtete der König sein verstärktes Interesse und initiierte in Spanien entsprechende Reformen. Nicht unbedeutend — zumindest für die Übersetzungen Justis — war sicher auch die Tatsache, dass einige deutsche Territorien wie etwa Göttingen als erste in Europa Ökonomie als Lehr- und Ausbildungsfach für die staatlichen Führungsélites an Universitäten etablierten oder eigens dafür neue Hochschulen wie die Hohe Kameralschule

⁷⁰ Das kann beispielsweise auch für Hirzel, der erst nach der Übersetzung seines Werkes ins Französische ins Russische übersetzt wurde. Carpenter, Kenneth E.: Dialoge in Political Economy. Translations from and into German in the 18th century. Boston MA 1977. S. 64. Das Vorliegen einer französischen Übersetzung deutscher Literatur führte auch in Polen zu einer Rezeption deutscher Autoren. Zur Vorherrschaft französischer Kultur in Polen vgl. Witczakowa, Olga Dobijanka: Bericht über die Aufnahme der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts in Polen. In: (Aufklärungen im Osten) Das Achtzehnte Jahrhundert 19/1 (1995), S. 81–91. Hier S. 81.

⁷¹ Lluch, Ernest/Argemí, Luís: Physiocracy in Spain. In: History of Political Economy 26/4 (1994). S. 613–627. S. 615. Zu den spanischen Übersetzungen von Quesnay und Mirabeau im 18. Jahrhundert und ihrer erst späten Wahrnehmung ab 1820 ibd. S. 616f.

in Kaiserslautern⁷² in der Kurpfalz gründeten⁷³. Dies stieß in vielen Ländern, nicht zuletzt eben auch in Spanien und Russland auf Beachtung und rückte neben den Institutionen natürlich auch die Lehrpläne und Lehrbücher in den Fokus des Auslandes.

Die Übersetzungen dienten in zwei Ländern als Anregung, die selbst aufgrund religiöser Einschränkungen⁷⁴, massiver Zensur⁷⁵ und daraus folgender eingeschränkter Buchproduktion⁷⁶ (Spanien) oder mangels eigener Eliten (Russland)⁷⁷ bis in die 1760er Jahre eine eher geringe eigenständige, einheimische aufgeklärte literarische Produktion aufzuweisen hatten⁷⁸. Russland und Spanien hatten beide bei ihren Reformbestrebungen sehr stark auf die Auseinandersetzung mit und Rezeption von ausländischen Aufklärungsideen gesetzt. Sie zielten darauf, auf dem vorhandenen ökonomischen und dem Verwaltungswissen anderer Staaten aufzubauen und gleichzeitig an den Neuerungen zu partizipieren.

Im Alten Reich ergab sich aus der Struktur des Reiches erwachsend eine Uneinheitlichkeit bzw. Diffusion aufklärerischer Ideen. Zugleich zielten die Schriften aber gerade auch auf diese inhomogene politische und wirtschaftliche und zergliederte Situation der Territorien. Damit schien die Attraktivität oder gar die Übertragbarkeit von Ideen bzw. Lösungen aus Sicht der zentralistisch regieren europäischen Staaten wahrscheinlich eher eingeschränkt. Da Spanien

⁷² Webler, Heinrich: Die Kameral Hohe Schule zu Lautern. Speyer, 1927.

⁷³ Carpenter, Dialogue in Political Economy. S. 3. Gittermann, Die Ökonomisierung des politischen Denkens, S. ??? Vgl. ebenfalls in einem groben Überblick zum deutschen, englischen und französischen Einfluss in Russland Kingston-Mann, Esther: In Search of the True West. Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton NJ 1999, S. 30ff.

⁷⁴ Richard Twiss hatte in seinem Reisebericht *Travels through Portugal and Spain* aus dem Jahr 1776 kritisiert, dass die Literatur in Spanien und Portugal nie blühend werden kann, bevor nicht die Inquisition ganz abgeschafft ist. Zit. n. Musser, Ricarda: Die spanische und portugiesische Literatur in Reisebeschreibungen. In: Ibero-online 7 (2008), S. 80–92. Hier. S. 87.

⁷⁵ Gerade 1791, dem Jahr des Erscheinen der zweiten Übersetzung Justis in der Zeitschrift *Memorias* kam es zu einem einschneidenden Verbot von periodisch erscheinenden Periodika. Vgl. Witthaus, Zum Klassizismusproblem, S. 73.

⁷⁶ Der Orientalist Thomas Christian Tychsen schrieb 1789: *Die Unvollkommenheit des Buchhandels ist kein geringes Hinderniß der Literatur.* Zit. n. Musser, Die spanische und portugiesische Literatur in Reisebeschreibungen, S. 87.

⁷⁷ Für die Aufklärung in Russland sind maßgeblich vor Ort deutsche Gelehrte der Petersburger Akademie und Moskauer Universität sowie die Buchhändler verantwortlich. Scharf, Claus: Aufklärung „von oben“. Das russische Reich. In: Hardtwig, Wolfgang (Hg.): Die Aufklärung und ihre Weltwirkung. Göttingen 2010, S. 169–204. Hier. S. 188.

⁷⁸ Noch Nicolai Michailovich Karamzin beklagte sich *The Book Trade and the Love of Reading in Russia* aus dem Jahr 1802: *Our book trade cannot compare to the German, French, or English trade. [...] There are in our country many more translations than original works.* Zit. n. Ders.: *The Book Trade and the Love of Reading in Russia.* In: Raeff, Marc (ed.): Russian Intellectual History. An Anthology. New York 1999, S. 113–116. Hier 114.

und Russland dabei selbst stark suchten und sich nicht einheitlich einer Richtung verschrieben, war das sicher kein Problem, sondern eher Anregung für sie. Dadurch waren Moser und Justi aber wiederum auch nicht „die“ richtungsweisenden Denker, sondern jeweils einer unter vielen anderen Ausländern, die gelesen wurden.

Was die Schriften der deutschen Autoren der Verwaltungs- und Kameralwissenschaft neben ihren fachlichen Inhalten für Spanien und Russland ebenso interessant gemacht haben mag, sind insbesondere die patriotischen Ambitionen ihrer Autoren für diese Werke. Moser und Justi entwickelten durch ihr Wirken einen aus der zergliederten Situation des Reiches neuen Patriotismusbegriff⁷⁹, der für ähnliche uneinheitliche oder zusammengesetzte Gemeinwesen wie das *Imperium Rossija* mit seinen unterworfenen oder angegliederten Gebieten in Sibirien⁸⁰ und Spanien bzw. den Königreichen innerhalb Spaniens⁸¹ mit eigenen Institutionen, Gesetzen, Eliten mit eigenen Privilegien sowie den Kolonien in Amerika von Bedeutung sein musste. Moser und seinen Kollegen ging es um ein reformerisches Bürgertum, getragen von Nationalgeist, antidespotisch und empfindsam. Eben jene Verbindung von der Nützlichkeit des (eigenen russischen oder spanischen) Bürgers (gegenüber den fremden etwa nomadisierenden Bewohnern oder den indigenen Minderheiten der Kolonien) im Sinne seiner Fähigkeiten, seinem Patriotismus und sanftem Reformwillen gegenüber dem etablierten autokratischen monarchischen System war für Russland und Spanien als polyethnischen und multireligiösen Ländern von

⁷⁹ Vgl. Zum regionalen Patriotismus Friedeburg, Robert: Introduction. In: Ders. (Hg.): „Patria“ und „Patrioten“. Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im 17. Jahrhundert. Wiesbaden 2005, S. 7–54; Ders.: In Defense of Patria. Resiting Magistrates and the Duties of patriotic in the Empire 1530s–1640s. In: Sixteenth Century Journal 32 (2001), S. 357–82. Vazsinyi, Nicholas: Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the “National Spirit Debate” in Germany 1765–1767. In: German Studies Review 22/2 (1999), S. 225–246. Hier S. 231ff.

⁸⁰ Zur so genannten russischen Zivilisierungsmission in Sibirien vgl. Dahlmann, Dittmar: Die russische Zivilisierungsmission in Sibirien. In: Barth, Boris/ Osterhammel, Jürgen (Hg.): Zivilisierungsmissionen. Imperiale Weltverbesserung seit dem 18. Jahrhundert. Konstanz 2005, S. 55–72. Hier S. 57.

⁸¹ Spanien wurde von allen Teilkönigreichen als *patria communis* angesehen. Im 17. Jahrhundert musste sich Spanien mit Rebellionen in Katalonien und Neapel auseinandersetzen. Gerade unter den Katalanen entwickelte sich eine Verständnis besonderer Rechte und Privilegien der Eliten sowie ein eigenes Vaterlandsgefühl. Zum Patriotismus in Spanien unter den Habsburgern vgl. Gil, Xavier: One King, One Faith, Many Nations: Patria and nation in Spain, 16th–17th Centuries. In: Friedeburg, Robert von (Hg.): „Patria“ und „Patrioten“ vor dem Patriotismus. Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im 17. Jahrhundert. Wiesbaden 2005, S. 105–137. Hier S. 119ff. Ebenfalls Torres, Xavier: Making and Remaking Patriotism: The Catalan Revolt against the Spanish Monarchy (1640–1659). In: Ibd. S. 139–191.

großer Bedeutung⁸². Dies zeigte sich in der Wahl des Namens der baskischen Gesellschaft *Amigos del País und in ihrem Plan zu einer Universität als Escuela Patriótica*. Für Russland zeigte sich der Gedanke des Patriotismus insbesondere in dem von Katharina II. erarbeiteten Nakaz, in dem sie sich auch für Russland eifrige, gut wirtschaftende, nützliche Bürger und treue Söhne des Vaterlandes wünschte, die durch Erziehung geprägt werden sollten. Sie gedachte, die Eliten in die Überwindung der Rückständigkeit Russlands aktiv einzubinden, denn die gebildeten und zum Patriotismus erzogenen Untertanen sollten die Ziele des Staates verinnerlichen und umsetzen helfen⁸³. Die von Montesquieu geforderte bürgerliche Gleichheit oder die Freiheit und Gewaltenteilung fanden in ihrem Entwurf keine Berücksichtigung. Statt Emanzipation der Eliten forderte sie vielmehr die Identifikation mit den Zielen der Kaiserin zum Wohl des Vaterlandes und der Etablierung eines patriotischen Bürgertums nach deutschem Vorbild⁸⁴. Schließlich musste Johann Gottfried Herders ernüchternde Feststellung entkräftet werden. Er hatte in seinem Reisbericht 1769 geschrieben: *Die Ehre will, daß man sich von Mitbürgern unterscheide, schöne, große, außerordentliche Handlungen thue: ein Ruf kann nicht diese Triebfeder haben, denn er hat keine Mitbürger: er hat kein Wort für Bürger in seiner Sprache*⁸⁵. Neue Begriffe wie der gute Bürger (*dobrij grazdanin*) oder *syn otecestva*, der Sohn des Vaterlandes, entstanden im Zuge dieser Bemühungen. In Deutschland hatten Moser, Justi und andere ihre Werke als Wahrnehmung ihrer Pflicht gegenüber dem Vaterland, also dem Heiligen Römischen Reich und dem einzelnen Territorium, dem sie dienten, verstanden. Zugleich handelte es sich bei den deutschen Autoren um einen starken, an der fürstlichen Herrschaft orientierten Patriotismus. Sie dienten mit ihren Schriften den Fürsten als *patres patriae* und stärkten damit deren absolute Herrschaft, denn sowohl Justi als auch Moser sahen in der Monarchie

⁸² Scharf, Aufklärung “von oben”, S. 191.

⁸³ Schierle, Der Bürgerbegriff, S. 72 und 73. Zum Aufschwung des Patriotismus und die gleichzeitige Prägung der russischen Intellektuellen mit westlichen Ideen vgl. Berkencopf, Galina: Welterlösung. Ein geschichtlicher Traum Rußlands. Darstellung und Dokumentation. München 1962. S. 72–78; Scharf, Aufklärung “von oben”, S. 197f.

⁸⁴ Scharf, Aufklärung “von oben”, S. 199. Doch auch Justi war stark von Montesquieu beeinflusst worden. Vgl. Obert, Die naturrechtliche “politische Metaphysik”, S. 16. Herdmann, Frank: Montesquieu-Rezeption in Deutschland im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert (Philosophische Texte und Studien, Bd 25). (Diss.) Hildesheim/Olms 1990. Michael Maurer geht davon aus, dass sich Deutschland gegenüber Frankreich und England hinsichtlich des kulturellen und intellektuellen Austauschs im 18. Jahrhundert “in der Position eines empfangenden Landes befindet.” Maurer, Michael: Europäische Kulturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. In: Das achtzehnte Jahrhundert 15/1 (1991). S. 35–61. Hier S. 37.

⁸⁵ Zit. n. Schierle, Der Bürgerbegriff, S. 68. Das Zitat basiert auf Johann Gottfried Herder: Journal meiner Reise im Jahr 1769. Hrsg. von Katharina Mommsen. Stuttgart 1976. S. 101.

die beste Regierungsform, die das Mögliche (Freiheit der Bürger) mit dem Notwendigen (Sorge für das öffentliche Wohl) verband⁸⁶.

In den deutschen Staaten finden wir in den 1750ern und den folgenden Jahren eine interessante Kooperation zwischen dem Staat, dem Monarchen und einer gutausgebildeten und zunehmend professioneller arbeitenden Amtselite, die sich als engagierte Bürger verstanden. Die Werke von Moser und Justi vermittelten nicht nur die hilfreiche Kritik an den deutschen Zuständen in den Verwaltungen und modernen Kameral-Verwaltungswissen, sondern auch eine Identifikation mit dem jeweiligen kleinen Staat und dem Reich sowie den Behörden. Auf diese Weise halfen aktive und zugleich theoretisch reflektierende Vertreter der Verwaltung die Idee von guter Herrschaft zu konkretisieren und zu verwirklichen. Diese Form von Patriotismus musste bei ausländischen Monarchen auf Interesse stoßen.

Deutsche Staatsdenker und Praktiker entwarfen seit dem 17. Jahrhundert ein detailliertes Denkmodell oder Konzept eines funktionierenden Staates aus der Vernunft, dem Naturrecht, der Erkenntnis des *mos geometricos*, der Idee des Gemeinwohls in Abhängigkeit zu wirtschaftlichen Voraussetzungen und Entwicklungen mit Institutionen und klaren Verteilungen von Pflichten und Rechten in der Gesellschaft. Dieses Modell entwickelte sich zu einem gewissen Wissens- “Exportschlager” für Herrscher oder patriotisch gesinnte Beamte an der Peripherie Europas.

Информация о статье:

Автор: Сьюзен Рихтер, профессор кафедры истории раннего Нового времени Исторического семинара Университета Гейдельберга, e-mail: richter@asia-europe.uni-heidelberg.de

Заголовок: Второстепенные немецкие мыслители? О роли немецких представлений об управлении в идейном орнаменте европейского Просвещения.

Резюме: Статья представляет собой подробный обзор творчества и основных идей двух немецких мыслителей, живших во второй половине XVIII в. — Фридриха Карла фон Мозера и Иоганна Генриха Готтиляба Юсти. Оба автора относились к кругу государственных чиновников (Мозер был тайным советником княжества Гессен-Дармштадт во Франкфурте, а Юсти в 50–60-х гг. занимал должности советника по горнорудной промышленности и возглавлял полицейский департамент в Геттингене и Пруссии), и именно поэтому их идеи отразили реальную практику государственного управления. Теоретическим обобщением накопленного ими опыта явились политico-экономические трактаты «Господин и слуга» (Мозер) и «Основы науки о государственной политике» (досл. — «о полицейской

⁸⁶ Diese These vertritt Horst Zilleßen: Volk, Nation und Vaterland — Die Bedeutungsinhalte und ihre Wandlungen. In: Ders. (Hg.): Der deutsche Protestantismus und der Nationalismus. Gütersloh 1970. S. 13–48.

науке», главный труд Юсти). Автор рассмотрел традицию переводов этих книг на другие языки и раскрыл сам механизм распространения идей немецкого Просвещения — применительно к каждому из названных трудов определены контекст, условия и цели перевода. Главный вывод состоит в том, что наибольшую популярность идеи Мозера и Юсти получили в России и Испании, в то время как в Англии они совершенно не были известны по причине языковых барьеров, а французские переводы ориентировались на франковоряющее население германских земель (в основном общины беглых гугенотов). Автор находит множество параллелей и созвучий между учениями Мозера и Юсти и содержанием внутренней политики испанской и русской монархии: оба автора настаивали на идеале просвещенного монарха, который подчиняется законам и прежде всего думает о благе подданных, т. е. всего государства. Мозер и Юсти, т. о., предлагали проект патерналистского государства, где подданные (граждане) обладали в первую очередь обязанностями, но не правами, их основная функция — выполнение долга и ревностная служба на благо государства.

Ключевые слова: Просвещение, немецкие княжества, абсолютизм, государство, переводы, «полицейская наука», управление.

Список литературы:

Козельский, Яків Павлович. Історія вітчизняних соціологічних теорій і вчень: навчально-методичний посібник / Укладач Білецький В. В. Донецьк: ДонДДУ, УКЦентр, НТШ-Донецьк, 2007. 116 с.

Коган, Юрий Яковлевич. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. К.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 186 с.

Чабан, Анна Михайловна. Прогрессивная социологическая мысль России и Украины второй половины XVIII века — начала XIX в. и французское Просвещение. К.: Наук. думка, 1979. 120 с.

Шевченко, Н.В. Общественно-политические взгляды просветителя Я. П. Козельского и социальный идеал крестьянско-казацких масс Украины XVIII в. В кн.: Славяне: единство и многообразие, вып. 3. Минск, 1990.

Abrosimov, Kirill. Französische Aufklärer auf der Suche nach einer „Weltliteratur“. Zur Kooperation zwischen dem *Journal étranger* und der *Correspondance littéraire* von Friedrich Melchior Grimm, in: Eibach, Joachim / Carl, Horst (Hg.): Europäische Wahrnehmungen 1650–1850. Interkulturelle Kommunikation und Medienereignisse. Hannover: Wehrhahn Verlag, 2008. S. 207–228.

Adam, Ulrich. The Political Economy of J.H.G. Justi. Oxford: Peter Lang, 2005. 317 p.

Ahl, Ingmar K. Justi, Johann Heinrich Gottlob, in: Stolleis, Michael (Hg.): Juristen. Ein biographisches Lexikon von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. München: C.-H. Beck 1995. S. 340–342.

Alfred, Giebel. Pierre de Roques (1685–1748). Stammvater der Familie Roques de Maumont, in: *Hessische Familienkunde*. Juli/Sept. 1968, Bd 9, H. 3, Sp. 157–62.

Andreas Flick, Angelica Hack, Sabine Maehnert (Hg.): Hugenotten in Celle. Katalog zur Ausstellung im Celler Schloß 9. April — 8. Mai 1994, Celle: Stadt Celle, 1994. 156 s.

Antonio, Mestre. Mayáns, die spanische Kultur und Deutschland im 18. Jahrhundert, in: Mittler, Elmar/ Mücke, Ulrich (Hg.): Die spanische Aufklärung in Deutschland. Eine Ausstellung aus den Beständen der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Göttingen: Göttingen Niedersächsische Staats Universitätsbibliothek, 2005. S. 55–66.

Astigarraga Goenaga, Jesús. Pensamiento económico y reforma ilustrada de la Real Sociedad Vascongada de los Amigos del País (1760–1793). Universidad de Deusto, San Sebastián, Oktober 1990.

Beck-Busse, Gabriele. Grammatik für Damen. Zur Geschichte der französischen und italienischen Grammatik in Deutschland, England, Frankreich und Italien (1605–1850). Habilchrift 1999 (FU Berlin).

Berkenkopf, Galina. Welterlösung. Ein geschichtlicher Traum Russlands. Darstellung und Dokumentation. München: A. Pustet, 1962. 266 s.

Bernhard, Fabian (Hg.): Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Digitalisiert von Günter Kükenshöner. Hildesheim: Olms Neue Medien, 2003 (Elektronische Ressource, 1 CD-ROM).

Buchholz, Werner. Öffentliche Finanzen und Finanzverwaltung im entwickelten frühmodernen Staat (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Pommern, Bd 25). (Habil.) Köln: Böhlau-Verlag GmbH, 1992. 643 s.

Burke, Peter. Cultures of Translation in Early Modern Europe, in: *Cultural Translation in Early Modern Europe*, ed. Peter Burke and R. Po-chia Hsia, 7–38. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 264 p.

Carpenter, Kenneth E. Dialoge in Political Economy. Translations from and into German in the 18th century. Boston MA: Baker Library, Graduate School of Business Administration, Harvard University, 1977.

Christoph, Meiners. Betrachtungen über die Fruchtbarkeit, oder Unfruchtbarkeit, über den vormalhigen und gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Länder in Asien. Erster Band. Lübeck und Leipzig: Bohn, 1795. 492 s.

Clendenning, Philip. Eighteenth-Century Russian Translations of Western Economic Works, in: *Journal of European Economic History*. 1 (1972). S. 745–753.

Dahlmann, Dittmar. Die russische Zivilisierungsmission in Sibirien, in: Barth, Boris/ Osterhammel, Jürgen (Hg.): Zivilisierungsmissionen. Imperiale Weltverbesserung seit dem 18. Jahrhundert. Konstanz: Universitätsverlag konstanz, 2005. S. 55–72.

Eckstein, Karlfriedrich. Friedrich Carl von Moser — Rechts- und Staatstheoretisches Denken zwischen Naturrecht und Positivismus. (Diss.) Gießen 1973. 150 s.

Élémens généraux de police, démonstés par raisonnemens fondés sur l'objet & la fin qu'elle se propose. Par M. Jean-Henri Gottlobs de Justi, conseiller du Roi d'Angleterre [...] Paris 1769.

Fraile, Pedro. Putting order into the cities: The evolution of ‘policy science’ in eighteenth-century Spain, in: *Urban History*. 25,1 (1998). S. 22–35.

Friedeburg, Robert. Introduction, In: Ders. (Hg.): “Patria” und “Patrioten”. Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im 17. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2005. S. 7–54.

Friedeburg, Robert V. In Defense of Patria. Resiting Magistrates and the Duties of patriote in the Empire 1530s–1640s, in: *Sixteenth Century Journal*. 32 (2001), S. 357–82.

Garve, Christian. Anhang einiger Betrachtung über Johann MacFarlands Untersuchungen, die Anmuth betreffend. Leipzig: Bey Weidmanns Erben und Reich, 1785. 214 s.

Gil, Xavier: One King, One Faith, Many Nations: Patria and nation in Spain, 16th-17th Centuries, in: Friedeburg, Robert von (Hg.): "Patria" und "Patrioten" vor dem Patriotismus. Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im 17. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrasovitz Verlag, 2005. S. 105–137.

Gittermann, Alexandra. Die Ökonomisierung des politischen Denkens: Neapel und Spanien im Zeichen der Reformbewegungen des 18. Jahrhunderts unter der Herrschaft Karls III. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2008. 412 s.

Glück, Helmut: Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin 2002.

Goetsch, Paul (Hg.): Lesen und Schreiben im 17. und 18. Jahrhundert. Studien zu ihrer Bewertung in Deutschland, England und Frankreich. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1994. 298 s.

Hammerstein, Notker: Das politische Denken Friedrich Carl von Mosers, in: *Historische Zeitschrift*. 212, 1971, S. 316–338.

Häseler, Jens/ Meier, Albert (Hg.): Gallophobie im 18. Jahrhundert. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2005. 237 s.

Higgs, Henry. British Academy, Bibliography of economics 1751–1775. London: University Press, 1930. 742 p.

Hoefer, J. C. F. Nouvelle Biographie générale, etc. 46 tom. 1852.

Horst, Zilleßen: Volk, Nation und Vaterland — Die Bedeutungsinhalte und ihre Wandlungen. In: Ders. (Hg.): Der deutsche Protestantismus und der Nationalismus. Gütersloh: G. Mohn, 1970. S. 13–48.

Huber, Wolfgang. Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein. Studien zu deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Frankfurt/M.: Peter Lang, 1984. 318 s.

Jacobson, Stephen: Catalonia's Advocates: Lawyers, Society, and Politics in Barcelona, 1759–1900. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2009. 352 p.

Lappenberg, Johann Martin. Zur Geschichte der Buchdruckerkunst in Hamburg. Hamburg: Druck und Verlag von Johann August Meissner, 1840. 123 s.

Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): The Life and Times of an Economist Adventurer, in: Backhaus, Jürgen G. (Hg.): The beginnings of Political Economy. The European Heritage in Economics and the Social Sciences (The European Heritage in Economics and the Social Sciences, Bd 7). Heidelberg: Springer, 2009. S. 33–74.

Justi, Heinrich Gottlob von. Die Natur und das Wesen der Staaten, als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizey und aller Regierungswissenschaften, desgleichen als die Quelle aller Gesetze abgehandelt. Berlin/Stettin: J. H. Rüdiger, 1760. 488 s.

Justi, Johann Heinrich Gottlieb von. Grundsätze der Polizeywissenschaft: in einem vernünftigen, auf den Endzweck der Polizey gegründeten, Zusammenhange und zum gebrauch academischer Vorlesungen abgefasset. Göttingen²: Vandenhoeck, 1759. 348 s.

Justi, Johann Heinrich Gottlob von. Elementos Generales de Policía. Barcelona: po Eulalia Piferrer viuda, 1784. 182 p.

Kantor, Marvin. Dramatic Works of D. I. Fonvizin. Frankfurt/M.: Peter Lang, 1974. 150 s.

Karamzin, Nicolai Michailovich. *The Book Trade and the Love of Reading in Russia*, in: Raeff, Marc (ed.): Russian Intellectual History. An Anthology. New York: Humanity Books, 1999. S. 113–116.

Kaufmann, Hans Heinrich. Friedrich Carl von Moser als Politiker und Publizist. Darmstadt: Hessischer staatsverlag, 1831. 199 s.

Kingston-Mann, Esther. In Search of the True West. Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton: Princeton University Press, NJ 1999. 301 p.

Kittel, Harald. Übersetzung. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. Bd 3. Berlin: W. de Gruyter, 2011. 1061 s.

Knight, Lucian Lamar. Biographical dictionary of Southern authors. London: Martin and Hoyt Company, 1910. 487 p.

Leonhard, Jörn. Von der Wortimitation zur semantischen Integration. Übersetzung als Kulturtransfer, in: Gleixner, Ulrike (Hg.): Übersetzen. Essen 2008. S. 45–63.

Lluch Martín, Ernest. El cameralismo más allá del Mundo Germanico, in: *Revista de economía aplicada*. 4, 10 (1996). S. 163–175.

Lluch, Ernest/Argemí, Luís. Physiocracy in Spain, in: *History of Political Economy*. 26/4 (1994). S. 613–627.

Lluch, Ernest. Der Kameralismus, ein yieldimensionales Lehrgebäude: Seine Rezeption bei Adam Smith und im Spanien des 18. Jahrhunderts, in: *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 2 (2000), S. 133–154.

Lluch, Ernest. La 'Idea General de la Policia' de Tomas Valeriola. Recerques, in: *Historia, Economia, Cultura*. 10 (1980). S. 125–135.

Los ilustrados vascos. Ideas, instituciones y reformas económicas en España. Barcelona: Crítica, 2003. 279 p.

Lüsebrink, Hans-Jürgen/ Reichardt, Rolf (Hg.): Kulturtransfer im Epochenumbruch Frankreich-Deutschland 1770–1815. 2 Bde. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1997. 1001 s.

Magdalaine, Michelle. Frankfurt am Main: Drehscheibe des Refuge. In: Thadden, Rudolf von/Dies. (Hg.): Die Hugenotten 1685–1985. München: Buchclub Ex Libris, 1986. S. 26–37.

Mälzer, Gottfried. Die Werke der württembergischen Pietisten des 17. und 18. Jahrhunderts. Stuttgart: Walter de Gruyter, 1971. 415 s.

Maurer, Michael. Europäische Kulturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung, in: *Das achtzehnte Jahrhundert*. 15/1 (1991). S. 35–61.

Mendelssohn, Moses. Gesammelte Schriften. Bd IV, 2. 1760.

Moser, Friedrich Karl von. Der Herr und der Diener geschildert in Patriotischer Freyheit. Frankfurt/ M.: Raspe, 1766. 422 s.

- Moser, Friedrich Carl von. Beherzigungen, in: Friedrich Carls von Moser Fürstlich-Hessen-Casselschen Geheimen Raths gesammelte moralische und politische Schriften. Bd 2, Frankfurt a. M.: Gebhard, 1764. 536 s.
- Müller, Christoph. Der Klassizismus auf der Iberischen Halbinsel, in: *Ibero-Online*-Heft 7 (2008). S. 26–36.
- Musser, Ricarda. Die spanische und portugiesische Literatur in Reisebeschreibungen, in: *Ibero-online* 7 (2008), S. 80–92.
- Nicolai, Friedrich. Rezension Moser, Friedrich Karl, «Der Herr und der Diener», in: Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. 1759–66. 5. T. Frankfurt/M. 1760. S. 145–160.
- Obert, Marcus. Die naturrechtliche „politische Metaphysik“ des Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771). Frankfurt/M.: Peter Lang 1992. 312 s.
- Palmer, Philipp. The influence of English on the German to 1800. A Supplement. Berkeley/ Los Angelos: University of California Press, 1960.
- Ph. A. F. Walther: Briefwechsel der „Großen Landgräfin“. Bd II. Wien 1877.
- Polenz, Peter von. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Berlin: Walter de Gruyter, 1999
- Puig, Antonio Francisco. Preludio del Traductor, in: Justi, Johann Heinrich Gottlob von. *Elementos Generales de Policía*. Barcelona: po Eulalia Piferrer viuda, 1784. 182 p.
- Raeff, Marc. The well-ordered police state: Social and institutional change through law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983. 284 p.
- Rebjekow, Jean Christophe. Denis Diderot — Observations sur le Nakaz. Thèse 3ieme cycle, Université de Lille, 1986.
- Redekop, Benjamin W. Enlightenment and community. Lessing, Abbt and Herder and the quest for a German public. Montreal: McGill-Queen's Press, 2000. 263 p.
- Reinert, Erik S. Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): The Life and Times of an Economist Adventurer, in: Backhaus J.G. (ed.): The beginnings of Political Economy. The European Heritage in Economics and the Social Sciences. Heidelberg: Springer 2009. 208 p.
- Rox, Thorsten. Das intellektuelle Profil eines Volksaufklärers, dargestellt anhand seiner journalistischen Tätigkeit: Miguel Gerónimo Suárez y Núñez. Text unter (creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/2.0/) Gesehen am 16.02.2011.
- Sandl, Marcus. Ökonomie des Raumes. Der kameralwissenschaftliche Entwurf der Staatswirtschaft im 18. Jahrhundert (Norm und Struktur, Bd 11). (Diss.) Köln u.a., 1999.
- Scharf, Claus. Aufklärung „von oben“. Das russische Reich. In: Hardtwig, Wolfgang (Hg.): Die Aufklärung und ihre Weltwirkung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 169–204.
- Scharf, Claus. Strukturbedingungen politischer Freiheit. Ein Forschungsbericht zum Geist der Gesetze in Deutschland im 18. Jahrhundert, in: Duchhardt/Scharf (Hg.): Interdisziplinarität und Internationalität. S. 105–145.
- Schefold, Bertram. Cameralism as an intermediary between Mediterranean Scholastic economic thought and classical economics, in: Kurz, Heinz-Dieter/ Nishizawa,

- Tamotsu/ Tribe, Keith (Hg.): The Dissemination of Economic Ideas. London: Edward Elgar, 2011. S. 13–40.
- Schierle, Ingrid. Der Bürgerbegriff im Zeitalter Katharina II. Zur politisch-sozialen Begriffssprache des Aufgeklärten Absolutismus in Rußland, in: *Das achtzehnte Jahrhundert*. 19/1 (1995). Aufklärungen im Osten. S. 68–80.
- Scholz, Johannes Michael: Polisia, in: Stolleis, Michael/Härter, Karl/Schilling, Lothar (Hg.): Policey im Europa der Frühen Neuzeit. Frankfurt/M.: V. Klostermann, 1996. S. 212–294.
- Small, Albion. The Cameralists: the Pioneers of German Social Polity. New York: University of Chicago Press, 1909. 606 p.
- Spillner, Bernd. Französischer Fremdsprachenunterricht im 18. Jahrhundert. In: Kimpel. 1985, S. 132–155.
- Steinmetz, Willibald: Die schwierige Selbstbehauptung des deutschen Bürgertums. Begriffsgeschichtliche Bemerkungen in sozialhistorischer Absicht. In: Wimmer 1991. S. 12–40.
- Stirken, Angela. Der Herr und der Diener. Friedrich Carl von Moser und das Beamtenwesen seiner Zeit. Bonn: L. Röhrscheid, 1984. 191 s.
- Stollberg-Rilinger, Barbara. Der Staat als Maschine. (Historische Forschungen, 30) Berlin: Duncker und Humblot, 1986. 308 s.
- Torres, Xavier. Making and Remaking Patriotism: The Catalan Revolt against the Spanish Monarchy (1640–1659), in: „Patria“ und „Patrioten“ vor dem Patriotismus: Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im 17. Jahrhundert/ Hrsg.von Robert von Frideburg. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. S. 139–191.
- Tribe, Keith. Cameralism and the sciences of the state, in: Goldie, Mark/ Wohler, Robert (ed.): The Cambridge History of Eighteenth Century Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. S. 525–546.
- Trojani, Cécile Mary. L'Écriture de l'Amitié dans l'Espagne des Lumières. La Real Sociedad Bascongada de los Amigos del País, d'après la source épistolaire. Toulouse: Presses Univ. du Mirail, 2005. 345 p.
- Vaszinyi, Nicholas. Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the „National Spirit Debate“ in Germany 1765–1767, in: *German Studies Review*. 22/2 (1999). S. 225–246.
- Waszek, Norbert: *The Scottish Enlightenment in Germany, and its translator Christian Garve (1742–98)*, in: Scotland in Europe. Hrsg. von Tom Hubbard und R.D.S. Jack. Amsterdam & New York 2006. S. 55–71. (2007). S. 42–64.
- Waszek, Norbert: Übersetzungspraxis und Populärphilosophie am Beispiel Christian Garves, in: *Das achtzehnte Jahrhundert*. 31/1 (2007). S. 42–64.
- Webler, Heinrich. Die Kameral Hohe Schule zu Lautern. Speyer: Historisches Museum der Pfalz, 1927. 167 s.
- Winge, Vibke. Dänische Deutsche — deutsche Dänen. Geschichte der deutschen Sprache in Dänemark 1300–1800 mit einem Ausblick auf das 19. Jahrhundert. Heidelberg: C. Winter, 1992. 394 s.

Witczakowa, Olga Dobijanka. Bericht über die Aufnahme der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts in Polen, in: (Aufklärungen im Osten) Das Achtzehnte Jahrhundert 19/1 (1995), S. 81–91.

Witthaus, Jan-Hendrik. Zum Klassizismusproblem in der spanischen Presse der Aufklärung, in: Ibero-online 7 (2008), S. 65–79.

Information about the article:

Author: Susan Richter, PhD, Professor of the Chair of early Modern Times at the History Department of Heidelberg University, e-mail: richter@asia-europe.uni-heidelberg.de

Title: German minor thinkers? On the role of German Government-theories within the ideas parquet of European Enlightenment.

Summary: This article considers in detail the lives and main ideas of two German thinkers, lived in second half of XVIII c. — Friedrich Carl von Moser and Johann Heinrich Gottlob Justi, lived in the second half of XVIII c. Both authors belonged to the circle of state officials (Moser was a secret advisor and ambassador of Gessen-Darmstadt principedom at city of Frankfurt, while Justi hold a post of Mines management advisor and headed an Police department in Gottingen and Prussia), so that's why their concepts reflected a real practice of state government. The theoretical summary of experience, acquired by them, was politico-economic treatises «Master and servant» (by Moser) and «The bases of Public policy' science» (verbatim — «of Police science», the main work of Justi). The author regarded the history of Justi and Moser papers' translation and discovered the mechanism of German Enlightenment ideas' spread itself — as to each of the named works the background, setting and aims of translation were defined. The main statement is that the Moser and Justi's ideas became a most popular in Russia and Spain, while in England they were almost unknown because of language borders, and the French translations intended only on French-speaking populace of German lands (the communities of Huguenots-emigrants, fled from native France). The author findes many parallels and coincidences between Moser and Justi's teachings and the essence of internal policy of Russian and Spain monarchies: the both authors insisted on enlightened ruler, which obeys himself the law and cares primarily on the good of his subjects, i.e. of all the State. Thereby, Moser and Justi proposed the project of paternalistic State with citizens, concerning first of all about their obligations to the State, but not the rights, and their main aim is the fulfillment of duties and zealous service for the State's good.

Key words: Enlightenment, German princedoms, Absolutism, the State, translations, «Police science», government.

References:

Kozelsky, Jakob Pavlovich. Istorya vitchiznyanikh sotsiologichnikh teoriy i vchen: navchalno-metodichiy posibnik. / Ukladach Biletskiy V. V. Donetsk: DonDDU, UKT-sentr, NTSh-Donetsk, 2007. 116 s.

Kogan, Yuriy Yakovlevich. Prosvetitel XVIII veka Ya.P. Kozelskiy. K.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958. 186 s.

Chaban, Anna Mikhaylovna. Progressivnaya sotsiologicheskaya mysyl Rossii I Ukrainy vtoroy poloviny XVIII veka — nachala XIX v. i frantsuzskoe Prosveshchenie. K., Nauk. dumka, 1979. 120 s.

Shevchenko, N.V. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady prosvetitelya Ya.P. Kozelskogo i sotsialnyy ideal krest'yansko-kazatskikh mass Ukrainy XVIII v., in: Slavyane: edinstvo i mnogoobrazie. Vyp. 3. Minsk, 1990.

Abrosimov, Kirill. Französische Aufklärer auf der Suche nach einer "Weltliteratur". Zur Kooperation zwischen dem *Journal étranger* und der *Correspondance littéraire* von Friedrich Melchior Grimm, in: Eibach, Joachim/ Carl, Horst (Hg.): Europäische Wahrnehmungen 1650–1850. Interkulturelle Kommunikation und Medieneignisse. Hannover: Wehrhahn Verlag, 2008. S. 207–228.

Adam, Ulrich. The Political Economy of J.H.G. Justi. Oxford: Peter Lang, 2005. 317 p.

Ahl, Ingmar K. Justi, Johann Heinrich Gottlob, in: Stolleis, Michael (Hg.): Juristen. Ein biographisches Lexikon von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. München: C.-H. Beck 1995. S. 340–342.

Alfred, Giebel. Pierre de Roques (1685–1748). Stammvater der Familie Roques de Maumont, in: *Hessische Familienkunde*. Juli/Sept. 1968, Bd 9, H. 3, Sp. 157–62.

Andreas Flick, Angelica Hack, Sabine Maehnert (Hg.): Hugenotten in Celle. Katalog zur Ausstellung im Celler Schloß 9. April — 8. Mai 1994, Celle: Stadt Celle, 1994. 156 s.

Antonio, Mestre. Mayáns, die spanische Kultur und Deutschland im 18. Jahrhundert, in: Mittler, Elmar/ Mücke, Ulrich (Hg.): Die spanische Aufklärung in Deutschland. Eine Ausstellung aus den Beständen der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Göttingen: Göttingen Niedersächsische Staats Universitätsbibliothek, 2005. S. 55–66.

Astigarraga Goenaga, Jesús. Pensamiento económico y reforma ilustrada de la Real Sociedad Vascongada de los Amigos del País (1760–1793). Universidad de Deusto, San Sebastián, Oktober 1990.

Beck-Busse, Gabriele. Grammatik für Damen. Zur Geschichte der französischen und italienischen Grammatik in Deutschland, England, Frankreich und Italien (1605–1850). Habschrift 1999 (FU Berlin).

Berkenkopf, Galina. Welterlösung. Ein geschichtlicher Traum Russlands. Darstellung und Dokumentation. München: A. Pustet, 1962. 266 s.

Bernhard, Fabian (Hg.): Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Digitalisiert von Günter Kükenshöner. Hildesheim: Olms Neue Medien, 2003 (Elektronische Ressource, 1 CD-ROM).

Buchholz, Werner. Öffentliche Finanzen und Finanzverwaltung im entwickelten frühmodernen Staat (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Pommern, Bd 25). (Habil.) Köln: Böhlau-Verlag GmbH, 1992. 643 s.

Burke, Peter. Cultures of Translation in Early Modern Europe, in: *Cultural Translation in Early Modern Europe*, ed. Peter Burke and R. Po-chia Hsia, 7-38. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 264 p.

Carpenter, Kenneth E. Dialoge in Political Economy. Translations from and into German in the 18th century. Boston MA: Baker Library, Graduate School of Business Administration, Harvard University, 1977.

Christoph, Meiners. Betrachtungen über die Fruchtbarkeit, oder Unfruchtbarkeit, über den vormaligen und gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Länder in Asien. Erster Band. Lübeck und Leipzig: Bohn, 1795. 492 s.

Clendenning, Philip. Eighteenth-Century Russian Translations of Western Economic Works, in: *Journal of European Economic History*. 1 (1972). S. 745–753.

Dahlmann, Dittmar. Die russische Zivilisierungsmission in Sibirien, in: Barth, Boris/Osterhammel, Jürgen (Hg.): Zivilisierungsmissionen. Imperiale Weltverbesserung seit dem 18. Jahrhundert. Konstanz: Universitätsverlag konstanz, 2005. S. 55–72.

Eckstein, Karlfriedrich. Friedrich Carl von Moser — Rechts- und Staatstheoretisches Denken zwischen Natiurecht und Positivismus. (Diss.) Gießen 1973. 150 s.

Élémens généraux de police, démonstés par raisonnemens fondés sur l'objet & la fin qu'elle se propose. Par M. Jean-Henri Gottlobs de Justi, conseiller du Roi d'Angleterre [...] Paris 1769.

Fraile, Pedro. Putting order into the cities: The evolution of 'policy science' in eighteenth-century Spain, in: *Urban History*. 25,1 (1998). S. 22–35.

Friedeburg, Robert. Introduction, In: Ders. (Hg.): „Patria“ und „Patrioten“. Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im 17. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrasovitz Verlag, 2005. S. 7–54.

Friedeburg, Robert V. In Defense of Patria. Resiting Magistrates and the Duties of patriot in the Empire 1530s-1640s, in: *Sixteenth Century Journal*. 32 (2001), S. 357–82.

Garve, Christian. Anhang einiger Betrachtung über Johann MacFarlands Untersuchungen, die Anmuth betreffend. Leipzig: Bey Weidmanns Erben und Reich, 1785. 214 s.

Gil, Xavier: One King, One Faith, Many Nations: Patria and nation in Spain, 16th-17th Centuries, in: Friedeburg, Robert von (Hg.): „Patria“ und „Patrioten“ vor dem Patriotismus. Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im 17. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrasovitz Verlag, 2005. S. 105–137.

Gittermann, Alexandra. Die Ökonomisierung des politischen Denkens: Neapel und Spanien im Zeichen der Reformbewegungen des 18. Jahrhunderts unter der Herrschaft Karls III. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2008. 412 s.

Glück, Helmut: Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin 2002.

Goetsch, Paul (Hg.): Lesen und Schreiben im 17. und 18. Jahrhundert. Studien zu ihrer Bewertung in Deutschland, England und Frankreich. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1994. 298 s.

Hammerstein, Notker: Das politische Denken Friedrich Carl von Mosers, in: *Historische Zeitschrift*. 212, 1971, S. 316–338.

Häseler, Jens/ *Meier*, Albert (Hg.): Gallophobie im 18. Jahrhundert. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2005. 237 s.

Higgs, Henry. British Academy, Bibliography of economics 1751–1775. London: University Press, 1930. 742 p.

Hoefer, J. C. F. Nouvelle Biographie générale, etc. 46 tom. 1852.

Horst, Zilleßen: Volk, Nation und Vaterland — Die Bedeutungsinhalte und ihre Wandlungen. In: Ders. (Hg.): Der deutsche Protestantismus und der Nationalismus. Gütersloh: G. Mohn, 1970. S. 13–48.

Huber, Wolfgang. Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein. Studien zu deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Frankfurt/M.: Peter Lang, 1984. 318 s.

Jacobson, Stephen: Catalonia's Advocates: Lawyers, Society, and Politics in Barcelona, 1759–1900. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2009. 352 p.

Lappenberg, Johann Martin. Zur Geschichte der Buchdruckerkunst in Hamburg. Hamburg: Druck und Verlag von Johann August Meissner, 1840. 123 s.

Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): The Life and Times of an Economist Adventurer, in: Backhaus, Jürgen G. (Hg.): The beginnings of Political Economy. The European Heritage in Economics and the Social Sciences (The European Heritage in Economics and the Social Sciences, Bd 7). Heidelberg: Springer, 2009. S. 33–74.

Justi, Heinrich Gottlob von. Die Natur und das Wesen der Staaten, als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizey und aller Regierungswissenschaften, desgleichen als die Quelle aller Gesetze abgehandelt. Berlin/Stettin: J.H. Rüdiger, 1760. 488 s.

Justi, Johann Heinrich Gottlieb von. Grundsätze der Polizeywissenschaft: in einem vernünftigen, auf den Endzweck der Polizey gegründeten, Zusammenhange und zum gebrauch academischer Vorlesungen abgefasset. Göttingen²: Vandenhoeck, 1759. 348 s.

Justi, Johann Heinrich Gottlob von. Elementos Generales de Policía. Barcelona: po Eulalia Piferrer viuda, 1784. 182 p.

Kantor, Marvin. Dramatic Works of D. I. Fonvizin. Frankfurt/M.: Peter Lang, 1974. 150 s.

Karamzin, Nicolai Michailovich. *The Book Trade and the Love of Reading in Russia*, in: Raeff, Marc (ed.): Russian Intellectual History. An Anthology. New York: Humanity Books, 1999. S. 113–116.

Kaufmann, Hans Heinrich. Friedrich Carl von Moser als Politiker und Publizist. Darmstadt: Hessischer staatsverlag, 1831. 199 s.

Kingston-Mann, Esther. In Search of the True West. Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton: Princeton University Press, NJ 1999. 301 p.

Kittel, Harald. Übersetzung. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. Bd 3. Berlin: W. de Gruyter, 2011. 1061 s.

Knight, Lucian Lamar. Biographical dictionary of Southern authors. London: Martin and Hoyt Company, 1910. 487 p.

Leonhard, Jörn. Von der Wortimitation zur semantischen Integration. Übersetzung als Kulturtransfer, in: Gleixner, Ulrike (Hg.): Übersetzen. Essen 2008. S. 45–63.

Lluch Martín, Ernest. El cameralismo más allá del Mundo Germanico, in: *Revista de economía aplicada*. 4, 10 (1996). S. 163–175.

Lluch, Ernest/Argemí, Luís. Physiocracy in Spain, in: *History of Political Economy*. 26/4 (1994). S. 613–627.

- Lluch*, Ernest. Der Kameralismus, ein vieldimensionales Lehrgebäude: Seine Rezeption bei Adam Smith und im Spanien des 18. Jahrhunderts, in: *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 2 (2000). S. 133–154.
- Lluch*, Ernest. La ‘Idea General de la Policia’ de Tomas Valeriola. Recerques, in: *Historia, Economia, Cultura*. 10 (1980). S. 125–135.
- Los ilustrados vascos. Ideas, instituciones y reformas económicas en España. Barcelona: Crítica, 2003. 279 p.
- Lüsebrink*, Hans-Jürgen/ *Reichardt*, Rolf (Hg.): Kulturtransfer im Epochenumbruch Frankreich-Deutschland 1770–1815. 2 Bde. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1997. 1001 s.
- Magdelaine*, Michelle. Frankfurt am Main: Drehscheibe des Refuge. In: Thadden, Rudolf von/Dies. (Hg.): Die Hugenotten 1685–1985. München: Buchclub Ex Libris, 1986. S. 26–37.
- Mälzer*, Gottfried. Die Werke der württembergischen Pietisten des 17. und 18. Jahrhunderts. Stuttgart: Walter de Gruyter, 1971. 415 s.
- Maurer*, Michael. Europäische Kulturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung, in: *Das achtzehnte Jahrhundert*. 15/1 (1991). S. 35–61.
- Mendelssohn*, Moses. Gesammelte Schriften. Bd IV, 2. 1760.
- Moser*, Friedrich Karl von. Der Herr und der Diener geschildert in Patriotischer Freyheit. Frankfurt/ M.: Raspe, 1766. 422 s.
- Moser*, Friedrich Carl von. Beherzigungen, in: Friedrich Carls von Moser Fürstlich-Hessen-Casselschen Geheimen Raths gesammelte moralische und politische Schriften. Bd 2, Frankfurt a. M.: Gebhard, 1764. 536 s.
- Müller*, Christoph. Der Klassizismus auf der Iberischen Halbinsel, in: *Ibero-Online*-Heft 7 (2008). S. 26–36.
- Musser*, Ricarda. Die spanische und portugiesische Literatur in Reisebeschreibungen, in: *Ibero-online* 7 (2008). S. 80–92.
- Nicolai*, Friedrich. Rezension Moser, Friedrich Karl, «Der Herr und der Diener», in: Briefe, die Neueste Litteratur betreffend. 1759–66. 5. T. Frankfurt/M. 1760. S. 145–160.
- Obert*, Marcus. Die naturrechtliche “politische Metaphysik” des Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771). Frankfurt/M.: Peter Lang 1992. 312 s.
- Palmer*, Philipp. The influence of English on the German to 1800. A Supplement. Berkeley/ Los Angelos: University of California Press, 1960.
- Ph. A. F. Walther: Briefwechsel der “Großen Landgräfin”. Bd II. Wien 1877.
- Polenz*, Peter von. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Berlin: Walter de Gruyter, 1999.
- Puig*, Antonio Francisco. Preludio del Traductor, in: Justi, Johann Heinrich Gottlob von. *Elementos Generales de Policía*. Barcelona: po Eulalia Piferrer viuda, 1784. 182 p.
- Raeff*, Marc. The well-ordered police state: Social and institutional change through law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983. 284 p.

- Rebekjow*, Jean Christophe. Denis Diderot — Observations sur le Nakaz. Thèse 3ieme cycle, Université de Lille, 1986.
- Redekop*, Benjamin W. Enlightenment and community. Lessing, Abbt and Herder and the quest for a German public. Montreal: McGill-Queen’s Press, 2000. 263 p.
- Reinert*, Erik S. Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): The Life and Times of an Economist Adventurer, in: Backhaus J.G. (ed.): The beginnings of Political Economy. The European Heritage in Economics and the Social Sciences. Heidelberg: Springer 2009. 208 p.
- Rox*, Thorsten. Das intellektuelle Profil eines Volksaufklärers, dargestellt anhand seiner journalistischen Tätigkeit: Miguel Gerónimo Suárez y Núñez. Text unter (creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/2.0/) Gesehen am 16.02.2011.
- Sandl*, Marcus. Ökonomie des Raumes. Der kameralwissenschaftliche Entwurf der Staatswirtschaft im 18. Jahrhundert (Norm und Struktur, Bd 11). (Diss.) Köln u.a., 1999.
- Scharf*, Claus. Aufklärung “von oben”. Das russische Reich. In: Hardtwig, Wolfgang (Hg.): Die Aufklärung und ihre Weltwirkung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 169–204.
- Scharf*, Claus. Strukturbedingungen politischer Freiheit. Ein Forschungsbericht zum Geist der Gesetze in Deutschland im 18. Jahrhundert, in: Duchhardt/Scharf (Hg.): Interdisziplinarität und Internationalität. S. 105–145.
- Schefold*, Bertram. Cameralism as an intermediary between Mediterranean Scholastic economic thought and classical economics, in: Kurz, Heinz-Dieter/ Nishizawa, Tamotsu/ Tribe, Keith (Hg.): The Dissemination of Economic Ideas. London: Edward Elgar, 2011. S. 13–40.
- Schierle*, Ingrid. Der Bürgerbegriff im Zeitalter Katharina II. Zur politisch-sozialen Begriffssprache des Aufgeklärten Absolutismus in Rußland, in: *Das achtzehnte Jahrhundert*. 19/1 (1995). Aufklärungen im Osten. S. 68–80.
- Scholz*, Johannes Michael: Polisia, in: Stolleis, Michael/Härter, Karl/Schilling, Lothar (Hg.): Policey im Europa der Frühen Neuzeit. Frankfurt/M.: V. Klostermann, 1996. S. 212–294.
- Small*, Albion. The Cameralists: the Pioneers of German Social Polity. New York: University of Chicago Press, 1909. 606 p.
- Spillner*, Bernd. Französischer Fremdsprachenunterricht im 18. Jahrhundert. In: *Kimpel*. 1985, S. 132–155.
- Steinmetz*, Willibald: Die schwierige Selbstbehauptung des deutschen Bürgertums. Begriffsgeschichtliche Bemerkungen in sozialhistorischer Absicht. In: *Wimmer* 1991. S. 12–40.
- Stirken*, Angela. Der Herr und der Diener. Friedrich Carl von Moser und das Beamtenwesen seiner Zeit. Bonn: L. Röhrscheid, 1984. 191 s.
- Stollberg-Rilinger*, Barbara. Der Staat als Maschine. (Historische Forschungen, 30) Berlin: Duncker und Humblot, 1986. 308 s.
- Torres*, Xavier. Making and Remaking Patriotism: The Catalan Revolt against the Spanish Monarchy (1640–1659), in: “Patria” und “Patrioten” vor dem Patriotismus: Pflichten, Rechte, Glauben und die Rekonfigurierung europäischer Gemeinwesen im

17. Jahrhundert/ Hrsg. von Robert von Frideburg. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. S. 139–191.

Tribe, Keith. Cameralism and the sciences of the state, in: Goldie, Mark/ Wohler, Robert (ed.): *The Cambridge History of Eighteenth Century Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. S. 525–546.

Trojani, Cécile Mary. L'Écriture de l'Amitié dans l'Espagne des Lumières. La Real Sociedad Bascongada de los Amigos del País, d'après la source épistolaire. Toulouse: Presses Univ. du Mirail, 2005. 345 p.

Vazsinyi, Nicholas. Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the “National Spirit Debate” in Germany 1765–1767, in: *German Studies Review*. 22/2 (1999). S. 225–246.

Waszek, Norbert: *The Scottish Enlightenment in Germany, and its translator Christian Garve (1742–98)*, in: *Scotland in Europe*. Hrsg. von Tom Hubbard und R.D.S. Jack. Amsterdam & New York 2006. S. 55–71. (2007). S. 42–64.

Waszek, Norbert: Übersetzungspraxis und Popularphilosophie am Beispiel Christian Garves, in: *Das achtzehnte Jahrhundert*. 31/1 (2007). S. 42–64.

Webler, Heinrich. Die Kameral Hohe Schule zu Lautern. Speyer: Historisches Museum der Pfalz, 1927. 167 s.

Winge, Vibke. Dänische Deutsche — deutsche Dänen. Geschichte der deutschen Sprache in Dänemark 1300–1800 mit einem Ausblick auf das 19. Jahrhundert. Heidelberg: C. Winter, 1992. 394 s.

Witczakowa, Olga Dobijanka, Bericht über die Aufnahme der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts in Polen, in: (Aufklärungen im Osten) Das Achtzehnte Jahrhundert 19/1 (1995). S. 81–91.

Withaus, Jan-Hendrik. Zum Klassizismusproblem in der spanischen Presse der Aufklärung, in: Ibero-online 7 (2008). S. 65–79.

СОДЕРЖАНИЕ

Прокопьев А. Ю. Как сохранить единство?	
О возможностях интеграции в век религиозного раскола.	5
Лурье З. А. Конфессиональные аспекты гуманизма в 1520–1530-е гг.	42
Бережная Н. А. Власть и конфессия в Пфальце в середине XVI в.: спор о евхаристии в корреспонденции Фридриха III	66
Дмитриева М. И. «Эпоха бедствий»: Сиена во второй половине XIV века.	90
Игина Ю. Ф. Шлем Ивана Грозного: к вопросу о владельческой надписи.	104
Киселева Л. И. Незавершенная рукописная книга. К 250-летию Государственного Эрмитажа	130
Черняк И. Х. Речь М. А. Гуковского при вручении диплома лауреата университетской премии.....	142
Angermann N. Die russisch-deutsche kulturelle Begegnung am Hofe der ersten Romanovs	152
Reichert F. Glaube, Geld, Geduld. Die Wallfahrt nach Jerusalem im späten Mittelalter.....	171
Richter S. German minor thinkers? Über die Rolle deutscher Verwaltungsvorstellungen auf dem Ideenparkett der europäischen Aufklärung.....	192

Данное издание вышло при финансовой поддержки Фонда научных исследований истории и культуры стран Европы «Европейское наследие»

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы «Европейское наследие» создан в 2011 г. по инициативе группы петербургских историков. Целью Фонда является разработка и поддержка научно-исследовательских проектов самого широкого профиля по изучению истории и культуры стран европейского региона.

Широта диапазона позволяет формировать программы разнообразных, как индивидуальных, так и коллективных исследований. В число задач Фонда входят в этой связи разработка и финансирование научно-исследовательских проектов, призванных координировать усилия ученых как в области отдельных направлений, так и междисциплинарных исследований, связанных с историей.

Фонд поддерживает не только научную работу отдельных специалистов, но и различные формы международного сотрудничества. Особое внимание уделяется организации и проведению как международных, так и отечественных семинаров, коллоквиумов, круглых столов, конференций, презентаций. Кроме того, Фонд финансирует различного рода издательские проекты, включая публикации монографий, коллективных трудов, материалов круглых столов и конференций. Особое значение придается переводу и изданию документального материала, а также наиболее важных трудов зарубежных авторов.

Среди крупных мероприятий, поддержанных и проведенных Фондом в 2012 г.: международная российско-немецкая научная конференция «Война в зеркале историко-культурной традиции:

от античности до нового времени» (март 2012 г.) и международная научная конференция, приуроченная к 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. «1812 г. в истории России и Европы» (декабрь 2012 г.). В декабре 2013 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Фонда состоялась международная конференция, посвященная юбилею начала правления Дома Романовых: «К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России». В ней приняли участие историки Санкт-Петербурга, специалисты из ведущих исследовательских учреждений нашей страны, ученые из Германии, Чехии, Польши, Южной Кореи. В числе ближайших планов: подготовка и проведение цикла научных встреч и конференций, связанных со столетием начала Первой мировой войны.

Фонд открыт для сотрудничества не только с отечественными, но и с зарубежными учебными и научно-исследовательскими учреждениями. Лишь в единстве усилий Фонд полагает возможным успешное достижение поставленных целей. В рамках его деятельности смогут найти коллегиальный приют специалисты, на первый взгляд, совершенно разных эпох и направлений. Учредители Фонда уверены: координация работы и систематическая поддержка отдельных ученых и исследовательских групп способна поставить отечественную историческую науку на качественно новый уровень своего развития.

Фонд готов рассматривать и поддерживать проекты как отдельных исследователей, так и научных коллективов и организаций, направленных на решение актуальных научных проблем.

Подробная информация о деятельности Фонда содержится на сайте: www.diskmaster.ru/.../fond-europejskoe-nasledie.html

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Выпуск 11
Межвузовский сборник
Под редакцией Г. Е. Лебедевой

Корректор Л. В. Орлова
Верстка Л. А. Шитовой
Обложка С. В. Янин

Подписано в печать с готового оригинал-макета 28.03.2014
Формат 60×90/16. 14,5 п. л.
Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного историческим факультетом СПбГУ,
в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел./факс: (812) 552-75-26.